

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Республика Беларусь)
д. филол. н., проф. С.В. Кезина
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. О.Ю. Осмухина
(г. Саранск, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. И.М. Попова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рабибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. н. Цзянь Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Л.Е. Хворова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Чжан Цзе
(г. Нанкин, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953

© ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина», 2020
© Журнал «Неофилология», 2020

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

НЕОФИЛОЛОГИЯ

**2020
Т. 6, № 24**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**ИЗДАЁТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД**

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 643

РУССКИЙ ЯЗЫК

- Темиргазина З.К.** Вспышка, всплеск или волна: как и что мы говорим о коронавирусе 645
Волотов Д.А. Судьба заимствований в русском языке (к истории слова партизан) 653
Недоступова Л.В. Русско-украинский говор Воронежской области сквозь призму словообразования 660
Лунькова Е.С. К вопросу о взаимодействии смоленских говоров и белорусского языка 669

ОНОМАСТИКА

- Дамбуев И.А.** Тенденции нормализации топонимов на -ова/-ово, -ева/-ево, -ина/-ино 686

Адрес редакции:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (на русском языке); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Ответственный секретарь

И.В. Ильина

Редакторы:

М.А. Сенина, М.И. Филова

Редактор английских текстов

В.В. Клочихин

Компьютерное макетирование

Т.Ю. Молчановой

Дизайн обложки

Т.О. Прокофьевой

Администратор сайта М.И. Филова

Подписано в печать 02.10.2020

Выход в свет

Формат А4 (60×84 1/8)

Гарнитура «Times New Roman»

Печать на ризографе

Печ. л. 26,0

Усл. печ. л. 25,2

Тираж 1000 экз.

Заказ № 20169

Цена свободная

Адрес издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Оригинал-макет подготовлен

в объединённой редакции
научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета

в отделе оперативной печати

Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина».

392008, Тамбовская обл.,

г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Мнение редакции может не совпадать
с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования:

Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. 208 с.

ISSN 2587-6953

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Кезина С.В.** Межъязыковая омонимия как проявление формально-содержательной языковой асимметрии 699
- Солодовникова Н.Г.** Эмотивные границы экологичности 709
- Самедова К.И.** Общие фонетические особенности говоров северного диалекта азербайджанского языка в контексте влияния кыпчакской и огузской языковых групп 722
- Е Линь.** Интерлингвистическая функция неологизмов 730
- Яо Жун.** Концепты СКУКА, ТОСКА, ГРУСТЬ и ПЕЧАЛЬ в языковом сознании современной молодёжи 737
- Юе Сюе.** Исследования в области политической лингвистики (по материалам журнала «Политическая лингвистика» за 2006–2017 гг.) 746

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Чжан Цзе, Линь Вэньсинь.** Исторические факты литературы и личность в исследовании – о составлении книги «История русской и советской литературной критики XX века» 755
- Минчик С.С.** Рецепция А.С. Грибоедова в Интернете: на примере блога о связях писательского имени с Крымом 765

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Сосницкая М.С.** Тема Галлиполи в русской литературе 776
- Лян Вэйци.** Оппозиция «дом – мир» в драматургии М.А. Булгакова 1920-х гг. («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег») 783
- Крохина Н.П.** Карнавальная мифопоэтика романа В. Аксёнова «Москва Ква-Ква» 794
- Агаярова А.Э.** Деятельность Гаджи Ибрагима Гасымова в газете «Игбал» 801

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Никольская Т.М.** Тамбовское иконописное направление как способ сохранения и приумножения традиций уставного иконописания 807
- Терских М.В.** Представления о России и русском национальном характере в современном рекламном дискурсе: лингвокогнитивный анализ 819

РЕЦЕНЗИЯ

- Супрун В.И.** Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (размышления по поводу книги: Донецкий региолект: монография / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Фолиант, 2018. – 265 с.) 836

ХРОНИКА

- Щербак А.С.** XVIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» в Костроме 846

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Derzhavin Tambov State
University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov
392000, Tambov Region, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak
(Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Editorial Board:

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt
(Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Philology, Professor
M.V. Gorbanevskiy
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya
(Minsk, Republic of Belarus)
Doctor of Philology, Professor S.V. Kezina
(Penza, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Associate Professor
J. Curtis (Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Associate Professor
O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor O.Y. Osmukhina
(Saransk, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor I.M. Popova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg
(Penza, Russian Federation)
Candidate of Philology Jiawen Sun
(Tianjin, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun
(Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina
(Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Associate Professor
A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor L.E. Khvorova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Zhang Jie
(Nanjing, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin
(Tambov, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Media (Roskomnadzor).
The mass media registration certificate
ПН no. ФC 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov
State University", 2020
© The journal "Neophilology", 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2020

Vol. 6, No. 24

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia of February 12, 2019, no. 21-p), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (cultural studies)

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

- Temirgazina Z.K.** Outbreak, surge or wave: how and what we say about the coronavirus 645
Volotov D.A. The fate of borrowings in Russian language (to the history of the word partisan) 653
Nedostupova L.V. Russian-Ukrainian patois of the Voronezh region through the prism of word-formation 660
Lunkova E.S. The issue of interaction of Smolensk patois and the Belarusian language 669

ONOMASTICS

- Dambuev I.A.** Trends in standardization of toponyms ending with -ova/-ovo, -eva/-evo, -ina/-ino 686

Subscription index in the catalogue
 "Newspapers. Journals" of the Stock company
 Agency "Rospechat" is 80303

Distribution territory: Russian Federation,
 foreign countries

Editors address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
 Tambov Region, Russian Federation
 Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
 E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
 Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (In Russian); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (In English)

Executive Editor

I.V. Ilyina

Editors:

M.A. Senina, M.I. Filatova

English texts editor

V.V. Klochikhin

Computer layout

T.Y. Molchanova

Cover design

T.O. Prokofeva

Web-site administrator M.I. Filatova

Podpisano v pechat' 02.10.2020

Vykhod v svet

Format A4 (60×84 1/8)

Garnitura «Times New Roman»

Pechat' na rizografe

Pech. l. 26,0

Usl. pech. l. 25,2

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 20169

Tsena svobodnaya

Publisher's address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
 Tambov Region, Russian Federation, FSBEI
 of HE "Derzhavin Tambov State University"

Original-maket podgotovlen

v ob'yedinennoy redaktsii

nauchnykh zhurnalov

Published basing on ready-to-print file
 in Instant Print Department of Publishing House
 "Derzhavinskiy" of FSBEI of HE
 "Derzhavin Tambov State University".
 190g Sovetskaya St., Tambov 392008,
 Tambov Region, Russian Federation
 E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

The opinions expressed by the publications
 authors may not coincide with those of the
 editorial

For citation:

Neophilology. 2020. Vol. 6, no. 24. 208 p.
 ISSN 2587-6953
 DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24

STUDY OF LANGUAGE

- Kezina S.V.** Interlingual homonymy as a way of expressing formal content asymmetry 699
Solodovnikova N.G. Emotive boundaries of ecology 709
Samedova K.I. General phonetic features of speaking the northern patois of the Azerbaijani language in the context of influence of Kipchak and Oguz language groups 722
Ye Lin. Interlinguistic function of neologisms 730
Yao Rong. Concepts of BOREDOM, ANGUISH, SADNESS and SORROW in the language consciousness of modern youth 737
Yue Xue. Research in the field of political linguistics (based on the materials of the journal "Political linguistics" for 2006–2017) 746

STUDY OF LITERATURE

- Zhang Jie, Lin Wenxin.** Historical facts of literature and personality in research – about the compilation of the book "History of Russian and Soviet literary criticism of the XX century" 755
Minchik S.S. Reception of A.S. Griboyedov on the Internet: based on the blog example about the connections of the writer's name with the Crimea 765

RUSSIAN LITERATURE

- Sosnizkaja M.S.** Gallipoli theme in Russian literature 776
Liang Weiqi. The opposition "home – world" in the drama of M.A. Bulgakov of the 1920s ("The Days of the Turbins", "Zoyka's apartment", "Flight") 783
Krokhina N.P. Carnival mythopoetics of V. Aksenov's novel "Moscow ow ow" 794
Agayarova A.E. Activities of Haji Ibrahim Gasimov in the "Igbal" newspaper 801

CULTUROLOGY

- Nikolskaia T.M.** Tambov icon painting direction as a way to preserve and enhance the traditions of statutory icon painting 807
Terskikh M.V. Representations of Russia and the Russian national character in the modern advertising discourse: linguistic and cognitive analysis 819

REVIEW

- Suprun V.I.** Regiolect vs dialect: new searches of ethnolinguists (reflections on the book: Donetsk Regiolect: monograph / edited by V.I. Terkulov. – Donetsk: Folio, 2018. – 265 p.) 836

CHRONICLE

- Shcherbak A.S.** The 18th International Research Conference "Onomastics of the Volga Region" in Kostroma 846

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-645-652
УДК 811.161

Вспышка, всплеск или волна: как и что мы говорим о коронавирусе

Зифа Какбаевна ТЕМИРГАЗИНА

Высшая школа гуманитарных наук, Павлодарский государственный педагогический университет
140005, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, 60
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>, e-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Outbreak, surge or wave: how and what we say about the coronavirus

Zifa K. TEMIRGAZINA

Higher School of Humanities, Pavlodar State Pedagogical University
60 Mir St., Pavlodar 140002, Republic of Kazakhstan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>, e-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Аннотация. В языке новостей как особом медийном жанре очень быстро проявляются изменения в лексико-семантической системе языка, отражающие динамику социальной, политической, экономической жизни. Исследование новостных текстов в переломные эпохи представляется очень актуальным в плане выявления тенденций функционирования новой лексики. Пандемия породила «пандемический» дискурс, в котором новые слова являются важной частью лексико-семантического уровня дискурса. Изучение неологизмов в активной фазе, то есть в самый пик функционирования позволяет осмыслить лингвистический механизм образования новых слов, внешним фактором порождения которых выступает экстралингвистическая действительность. Установлено, что новые слова в дискурсе пандемии появляются несколькими путями: внутриязыковым заимствованием из узкоспециальной терминологии (*коллективный иммунитет*, «*цитокиновый шторм*»), внешним заимствованием из других языков (*коронавирус*), в результате метафоризации (*волна*, *накрыть*, *коронованный*) и словообразовательных процессов (*корона*, *коронакризис*). Коронавирус олицетворяется, он представляется как зло глобального, планетарного масштаба, как угроза человечеству. Также выявлено, что общая эмоционально-экспрессивная негативизация дискурса определяет выбор носителями языка из потенциально возможных расширений семантики слова значений с негативно-оценочными коннотациями (*коронованный*, *взрыв*). В синонимах, описывающих распространение коронавируса, преобладают семы внезапности, интенсивности. Метафора *волна* содержит компонент предсказуемости, который порождает в дискурсе множество прогнозов, предсказаний о возможности наступления очередной волны коронавируса, её сроках, степени опасности для людей. Специфической тенденцией «пандемического» дискурса можно назвать пополнение общеупотребительной лексики узкоспециальными медицинскими терминами.

Ключевые слова: «пандемический» дискурс; неологизм; заимствование; коронавирус; волна; вспышка

Для цитирования: *Темиргазина З.К.* Вспышка, всплеск или волна: как и что мы говорим о коронавирусе // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 645-652. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-645-652

Abstract. In the news language as a special media genre, changes in the lexical and semantic system of the language are very quickly manifested, reflecting the dynamics of social, political, and economic life. The research of news texts in critical eras is very relevant in terms of identifying trends in new vocabulary functioning. The pandemic is created a “pandemic” discourse in which new words are an important part of the lexical and semantic level of discourse. The study of neologisms in the active phase, at the very peak of functioning, allows us to comprehend the linguistic

mechanism of new words formation, the external generation factor of which is extralinguistic reality. We establish that new words in the pandemic discourse appear in several ways: intralingual borrowing from highly specialized terminology (*herd immunity*, “*cytokine storm*”), foreign borrowing (*coronavirus*), as a result of metaphORIZATION (*wave*, *cover*, *crowned*) and word-formation processes (*corona*, *coronacrisis*). Coronavirus is personified, it is presented as the evil of global and planet dimension, as a threat to humanity. We also reveal that the general emotional-expressive negativization of discourse determines the choice of native speakers from potentially possible extensions of the word semantics of meanings with negative evaluative connotations (*crowned*, *burst*). Semes of suddenness and intensity dominate in synonyms describing the coronavirus spread. The metaphor of *wave* contains a predictability component, which predicts the possibility of the next coronavirus wave, its timing, and the degree of danger to people. The enrichment of common words with highly specialized medical terms can be named as a specific tendency of the “pandemic” discourse.

Keywords: “pandemic” discourse; neologism; borrowing; coronavirus; wave; outbreak

For citation: Temirgazina Z.K. Vspyshka, vsplesk ili volna: kak i chto my govorem o koronavirusе [Outbreak, surge or wave: how and what we say about the coronavirus]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 645-652. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-645-652 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Сегодняшняя действительность, определяемая пандемией, оказывает сильное влияние на все стороны жизни человеческой цивилизации, кардинально меняется образ жизни человека, идёт смена приоритетов, модифицируется экономика, политика, подстраиваясь под новые стандарты. Язык также вовлечён в орбиту изменений. Речь идёт и о новых словах, и об общих стилистических тенденциях, создающих «новояз» эпохи пандемии, или «пандемический» дискурс. Производство в языке новых слов, новых значений является перманентным свойством языковой системы, детерминированным непрерывностью человеческого познания, совершенствованием производительной и социальной деятельности человека. В период социальных потрясений, резких изменений в жизни общества активность и интенсивность номинативных процессов, стилистических трансформаций в языке увеличивается, приводя к созданию «новояза» той или иной эпохи. Языковые изменения и неологизация, обусловленные экстраординарными событиями политического, социального, экономического характера, рассматривались Д.Н. Шмелевым [1; 2], Е.В. Гулыга, Е.В. Розен [3], Н.З. Котеловой [4–6], С.С. Волковым, Е.В. Сенько [7], Н.В. Черниковой [8], М. Кронгаузом [9], а также в сборнике под ред. Л.П. Крысина «Современный русский язык. Активные процессы на рубеже веков XX–XXI веков» [10].

Эпидемия коронавируса, из-за своих огромных масштабов распространения объявленная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) пандемией и угрозой человечеству, также нашла отражение в русском языке. Целью работы является изучение лексики «пандемического» дискурса: новых значений старых слов, новых слов, рождённых новой реальностью, стилистических тенденций в лексике русского языка. «Новояз» эпохи пандемии фиксируется в первую очередь в новостях, так как основной целью жанра новостей является доведение до массового адресата информации о новых явлениях, событиях и реалиях окружающей действительности. Предлагаемая работа является частью исследования обширного «пандемического» дискурса, которое проводится нами с различных точек зрения¹.

В основе возникновения неологизмов лежат тенденция регулярности и тенденция экспрессивности [2; 7]. В соответствии с первой из них, каждому членению картины реального мира соответствует языковая номинация, которая образуется в процессе собственных языку словообразовательных процедур или семантических изменений. Вторая тенденция в некоторой степени оппозиционна первой, поскольку в основе её лежит стремление носителей языка преодолеть ав-

¹ См., например, статью: Темиргазина З.К. Семиотика «пандемического» дискурса: «новояз» эпохи карантина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 6. (В печати.)

томатизм языка и принцип «одна номинация – одно значение», что приводит к созданию новых слов, синонимичных уже имеющимся в лексической системе нейтральным номинациям, но обладающих экспрессивностью.

В этой статье мы опираемся на широкое понимание термина «неологизм» [4; 6; 11], при котором новое слово трактуется как единица эволюции языка, касающейся либо означающего языкового знака, то есть формы, либо его означаемого, то есть значения слова, либо сразу обеих сторон знака, когда происходит порождение нового слова с новым значением.

К языковым механизмам образования неологизмов относятся словообразовательный механизм языка, механизм расширения значения имеющихся в языке слов (семантическая деривация) и заимствование из других языков, а также внутриязыковое заимствование (из диалектов, жаргонов и т. п.). Инновации, созданные первыми двумя способами, Н.З. Котелова причисляет к неологизмам-новообразованиям, они подразделяются на неологизмы-слова, образованные морфологическим или синтаксико-морфологическим способами, и на неологизмы-значения, или семантические неологизмы, возникающие как результат семантической деривации, то есть внутрисловной трансформации семантики уже существующих в языке слов [5]. Неологизмы-вхождения, в отличие от неологизмов-новообразований, появляются в результате заимствования – внешнеязыкового или внутриязыкового.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В экстраординарных условиях пандемии и карантина носители языка создают специфическую лексику, используют слова в новых значениях, порождённых языковым механизмом расширения значения бытующих в лексиконе языка единиц. Материал для анализа извлечён из текстов новостей российских и казахстанских интернет-ресурсов: <https://news.mail.ru>, <https://www.m24.ru>, <https://sputnik-georgia.ru>, <https://lenta.ru>, <https://www.gazeta.ru>, <https://47news.ru>, <https://gtrk-kostroma.ru>, <https://vlast.kz>, <https://kazvedomosti.kz>, <https://365info.kz>, <https://tengrinews.kz>, <https://informburo.kz>, <https://rus.azattyq.org>.

Для исследования фактического материала использованы семантический анализ слов, словообразовательный анализ, контекстуальный анализ, ориентированный на экстралингвистические факторы (см. об этом: [12]). Для выявления когнитивных оснований семантических неологизмов-метафор используется построение метафорических моделей с исходным и целевым доменом [13; 14].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Отличительной особенностью «пандемического» дискурса является насыщение в нём общеупотребительной лексики специальными терминами из области медицины, вирусологии, иммунологии, что связано со стратегией оповещения населения об опасности коронавируса, стратегией ознакомления простого населения с особенностями данного вируса, с его отличием от других вирусов, со спецификой воздействия на организм. В «пандемическом» дискурсе функционирует множество текстов, авторами которых выступают специалисты, учёные, эксперты в области медицины, иммунологии, вирусологии. Они обогащают население специальными знаниями узкой профессиональной направленности, так как у людей существует огромный спрос на подобные знания. Так, в общий обиход вошло употребление таких узкоспециальных медицинских терминов, как *цитокиновый шторм*, *сатурация*, *коллективный иммунитет*, *гуморальный иммунитет*, *оксигенация крови*, *антитела* и т. п.: «Умирают на глазах»: как **цитокиновый шторм** губит COVID-больных²; Пациент может сидеть и разговаривать, а у него **сатурация** кислорода (насыщение крови кислородом, – «Газета.Ру») 46 %³; Человечество не скоро выработает **коллективный иммунитет** к COVID-19⁴; И здесь главенствующую роль играет не **гуморальный иммунитет**, то есть иммунитет, ответственный за выработку **антител**⁵. Их в определённой степени можно причислить к внутри-

² URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 04.08.2020).

³ Там же.

⁴ URL: <https://tengrinews.kz> (дата обращения: 05.08.2020).

⁵ URL: <https://rus.azattyq.org> (дата обращения: 06.08.2020).

языковым новообразованиям-вхождениям, перемещенным из узко специальной терминологии в общеупотребительный пласт лексики. Нередко употребление таких терминов сопровождается пояснительными замечаниями, толкующими их значение. Пояснения выделяются пунктуационно, например, помещаются в скобки (см. пример выше) или оформляются пояснительной конструкцией (с пояснительными союзами *то есть*, *или* либо без союзов) (см. также пример выше).

Распространение эпидемии описывается в новостях с помощью синонимичного ряда частотных метафор: *вспышка*, *всплеск*, *взрыв*, *волна*. Например: *Однако вслед за снятием режима ЧП в мае и ослаблением карантинных мер увеличился приток больных, а в начале лета произошёл **всплеск заболеваемости** пневмонией⁶; **Вспышку** коронавируса зафиксировали на турецких курортах⁷; Вице-министр рассказала **о вспышках** коронавируса в Минздраве⁸; В Шымкенте горздрав готовится **к новому взрыву** заражений коронавирусом, сообщает Tengrinews.kz со ссылкой на Otyrar.kz⁹; Масштабной второй **волны пандемии** не предвидится, считает академик Китайской академии инженерных наук, один из ведущих эпидемиологов Китая Чжун Наньшань¹⁰.*

Метафора *вспышка* заимствуется из исходного домена «огонь», *взрыв* – из источника «война». Источником метафор *всплеск*, *волна* является домен «море». В словах *вспышка*, *взрыв*, *всплеск* говорящим актуализируются дифференциальные семы 'неожиданность', 'кратковременность', 'интенсивность', 'небольшая локализация'. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой зафиксированы значения слова *вспышка*:

1. Внезапное и быстрое воспламенение чего-л.
2. Непродолжительный яркий свет, сопровождающий такое воспламенение.

⁶ URL: <https://rus.azattyq.org> (дата обращения: 06.08.2020).

⁷ URL: <https://www.m24.ru> (дата обращения: 02.08.2020).

⁸ URL: <https://tengrinews.kz> (дата обращения: 05.08.2020).

⁹ Там же.

¹⁰ URL: <https://sputnik-georgia.ru> (дата обращения: 08.08.2020).

3. перен. Внезапное, бурное возникновение чего-л.

4. перен. Внезапное, сильное (обычно кратковременное) проявление какого-л. чувства, настроения и т. п. [15].

Слово *взрыв* имеет в словаре следующие значения:

1. Освобождение большого количества энергии в ограниченном объёме за короткий промежуток времени.

2. Разрушение чего-л. в результате разрыва взрывчатого вещества, взрывного устройства.

3. Грохот, треск, сопровождающие такое разрушение.

4. Мгновенный выход струи воздуха при размыкании органов речи в момент произнесения звука (в лингвистике) [15].

Значения лексемы *всплеск*:

1. Волнообразный кратковременный подъём воды или какой-л. другой жидкости, расплавленной массы, образуемый её движением или падением в неё каких-л. предметов.

2. Выброс вверх, на поверхность чего-л. рыхлого, сыпучего и т. п.

3. Звуки, шум, производимые плещущейся, всплескиваемой водой или какой-л. другой жидкостью.

4. перен. Бурное, быстро проходящее проявление какого-л. состояния, настроения [15].

Как мы видим, лишь в слове *вспышка* лексикографически зафиксировано переносное метафорическое значение 'внезапное, бурное возникновение чего-л.', то есть оно вошло в узус языка, закрепилось в языковом сознании говорящих и зафиксировано в толковых словарях. У слов *взрыв*, *всплеск* метафорическое значение 'внезапное, бурное, кратковременное возникновение чего-л.' не узואльно, представляется относительно новым расширением семантики в «пандемическом» дискурсе, репрезентированным в синтагматических связях *всплеск (взрыв) эпидемии/коронавирусной инфекции/заболевания*. Оно вызвано к активной жизни необходимостью характеризовать проявления эпидемии, отличающиеся краткостью, неожиданностью, интенсивностью, относительно небольшой локализацией. М.М. Маковский говорил о том, что язык есть «своеобразное кладбище метафор: слово, некогда бывшее метафорой,

со временем может утратить свои явно метафорические свойства, но затем снова подвергнуться метафорическим преобразованиям, которые нередко сходны с первоначальными [16, с. 110]. Новая лексическая сочетаемость, новые синтагматические отношения на структурно-функциональном уровне говорят о семантическом изменении в лексическом значении языковых единиц: *вспышка коронавируса в Минздраве, взрыв заражений в Шымкенте*. В словосочетаниях актуализируется сема локальной ограниченности эпидемии.

В синонимическом ряду *всплеск* – *вспышка* – *взрыв* слова дифференцируются семантически: синонимы *вспышка*, *взрыв* отличаются дифференциальной семой большей интенсивности, по сравнению со словом *всплеск*; в значении слова *взрыв* присутствует сема ‘деструктивность’, обусловленная ассоциативно-смысловыми связями в языковом сознании носителей.

Метафорическое значение слова *волна* (*пандемии/эпидемии/заболеваний*) ‘надвигающееся массовое широкое распространение чего-либо’ не зафиксировано в толковом словаре русского языка:

1) Вал, образуемый колебательными движениями водной поверхности.

2) а) Что-л., напоминающее такой вал своей формой, видом. б) Выющаяся или завитая прядь волос.

3) Движение, распространение масс воздуха, тумана, дыма и т. п.

4) перен. Масса, поток людей, движущихся, следующих друг за другом на некотором расстоянии.

5) перен. Внезапно возникающее сильное чувство, переживание и т. п. [15].

Метафора *волна* отличается от названных выше метафор *вспышка*, *всплеск*, *взрыв*, характеризующих распространение пандемии, дифференциальными семантическими признаками массовости, локальной неограниченности, динамичности, поступательности и, что очень важно, ожидаемости и прогнозируемости. Именно поэтому медиаскурс изобилует предсказаниями, прогнозами и пророчествами учёных-вирусологов, иммунологов, медиков, экспертов, политологов о том, когда наступит вторая, третья волна эпидемии, как к ней готовиться, анализи-

руются причины её наступления и т. п.: *Вирусолог предсказал сроки второй волны коронавируса в России*¹¹; *В России предрекли вторую волну коронавируса из-за начала учебного года*¹²; *На этом фоне возобновились разговоры о вероятности второй волны коронавируса*¹³; *Мы готовимся ко второй волне пневмонии и коронавируса, которая ожидается, по прогнозам, осенью этого года*¹⁴; *Мы прогнозируем, что рост заболеваемости ещё будет, и мы должны быть готовы к этому*¹⁵; *Вирусолог назвал сроки наступления второй волны COVID-19 в России*¹⁶; *Это самое срочное, что нужно делать акиматам, готовясь к осенней волне. Я уверен, сейчас у нас ещё цветочки, ягодки будут впереди*¹⁷.

Семы динамичности, поступательности и очерёдности волны как природного явления, имеющиеся в первичном значении, сохранились и в метафорическом употреблении, проявляясь в синтагматике метафоры – сочетании с порядковыми числительными *первый, второй, третий* и т. п., прилагательными *повторный, новый, очередной*, с глаголом *накрыть*: *В первом случае первая, самая крупная волна пандемии пройдёт весной 2020 года, а за ней последуют волны поменьше*¹⁸; *Страны официально объявляют о новых волнах, возвращаются ограничения, тревожности добавляют и высказывания представителей ВОЗ*¹⁹; *«СК-Фармация» формирует запас лекарств на 24 млрд тенге на случай повторной волны COVID-19 в Казахстане*²⁰; *И это с карантином, до второй волны, которая скоро накроет страну после полного открытия штатов и снятия ограничений*²¹; *Казахстан сдерживает волну*

¹¹ URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 04.08.2020).

¹² URL: <https://lenta.ru> (дата обращения: 11.08.2020).

¹³ URL: <https://vlast.kz> (дата обращения: 12.08.2020).

¹⁴ URL: <https://tengrinews.kz> (дата обращения: 05.08.2020).

¹⁵ Там же.

¹⁶ URL: <https://47news.ru> (дата обращения: 11.08.2020).

¹⁷ URL: <https://365info.kz> (дата обращения: 03.07.2020).

¹⁸ URL: <https://vlast.kz> (дата обращения: 12.08.2020).

¹⁹ URL: <https://lenta.ru> (дата обращения: 11.08.2020).

²⁰ URL: <https://kazvedomosti.kz> (дата обращения: 07.08.2020).

²¹ URL: <https://rus.azattyq.org> (дата обращения: 06.08.2020).

пандемии, чтобы не «накрыло» как в Италии²².

Синтагматическая связь в сочетании волна накрыла характерна и для существительного в его прямом значении. Нередко одинаковые синтаксические конструкции свойственны лексическим единицам как в новом, так и в исторически предшествующем значении [8]. Но метафоризация существительного волна, сохранив синтагматику, изменила семантику глагола накрыть, придав всему выражению негативно-оценочный экспрессивный метафорический смысл – ‘эпидемия полностью охватила регион/страну/мир’. Необычность метафорического употребления подчёркивается метаграфемикой – кавычками в оформлении слова.

Негативная эмоционально-экспрессивная коннотация метафоры волна в «пандемическом» дискурсе, оказывающая сильное негативное психологическое воздействие на читателей и вызывающая у них панику и страх, заставляет говорящих выбирать эвфемистическое употребление для обозначения резкого интенсивного роста заболеваний, см., например: *А вот это – совместное наступление вирусов короны и гриппа – всерьёз пугает эпидемиологов и врачей. Они, однако, не хотят говорить о второй волне, чтобы не пугать население. Предпочитают выражения типа «рост числа инфицированных» или «ситуация, вызывающая беспокойство»*²³.

Носители языка воспринимают коронавирус как общемировое зло, очеловечивая его, приписывая ему чисто человеческие качества (коварство) и поведение (хозяин в доме, угомонится, поднимет голову): *А коварное зло под названием Covid-19 неожиданно пришло в этом году*²⁴; *Поражает то, как за несколько месяцев коронавирус показал, кто в доме хозяин*²⁵; *Надежда на то, что коронавирус «угомонится» в жаркий период, не оправдалась*²⁶; *«Но судя по всему, в октябре–ноябре, когда станет прохладно и*

сыро, коронавирус поднимет голову», – добавил Альтиштейн²⁷; *По правилам вирусологии «корона» всё равно будет жить три–четыре месяца среди людей и 70 % населения захватит*²⁸.

Заимствование коронавируса сокращается в русском языке до слова корона путём усечения второй основы, и в таком виде оно становится производной основой новых слов: *Россия на фоне коронакризиса снова стала чистым должником*²⁹. В значении неологизма-новообразования корона содержится ассоциативная отсылка к первоначальной семантике слова, заложенной в номинации коронавируса, и в конечном счете оно приобретает вторичную метафоризацию, становясь основой для словопроизводства новых слов и метафор: *«Коронованные вирусом»: костромской футбол ушёл в онлайн*³⁰; *«Коронованные» коронавирусом – санврачи «празднуют» День медика на работе*³¹. Неологизм коронованные в первом примере имеет значение ‘заболевшие коронавирусом’, во втором примере – ‘борющиеся с коронавирусом’, приобретая в контексте ярко выраженную образно-ассоциативную экспрессивность с некоторым ироническим подтекстом, подчёркнутую графически кавычками.

Внешние лингвистические факторы – пандемия, карантин, напряжённое психологическое состояние общества обуславливают преимущественный выбор носителями русского языка негативно-оценочных экспрессивных приращений смысла среди скрытых возможностей расширения значения слов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новости как специфический речевой жанр выступает зеркалом, отражающим все изменения в социально-политическом, экономическом состоянии общества практически сразу. Поэтому изучение новостных текстов с точки зрения функционирования но-

²² URL: <https://kazvedomosti.kz> (дата обращения: 07.08.2020).

²³ URL: <https://news.mail.ru> (дата обращения: 12.08.2020).

²⁴ URL: <https://informburo.kz> (дата обращения: 10.08.2020).

²⁵ Там же.

²⁶ URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 04.08.2020).

²⁷ Там же.

²⁸ URL: <https://www.business-gazeta.ru> (дата обращения: 07.08.2020).

²⁹ URL: <https://news.mail.ru> (дата обращения: 12.08.2020).

³⁰ URL: <https://gtrk-kostroma.ru> (дата обращения: 10.08.2020).

³¹ URL: <https://aqmolanews.kz> (дата обращения: 10.08.2020).

вой лексики в период кардинальных общественно значимых процессов и явлений представляется очень важным и актуальным для лексикологии, семантики и неологии.

Рассмотрев некоторые лексические особенности «пандемического» дискурса, можно отметить, что новые слова появляются в нём различными путями: внутриязыковым заимствованием из узкоспециальной терминологии (*гуморальный иммунитет, сатурация, «цитокиновый шторм»*), заимствованием из

других языков (*коронавирус*), в процессе метафоризации (*волна, накрыть, взрыв, всплеск, коронованный*), словообразования (*корона, коронакризис*). Носители языка нередко подчёркивают новизну слова метаграфическими показателями. Пополнение общепотребительной лексики узкоспециальными медицинскими терминами относится к специфическим стилистическим тенденциям «пандемического» дискурса.

Список литературы

1. Шмелёв Д.Н. О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 4-17.
2. Шмелёв Д.Н. О некоторых тенденциях развития современной русской лексики // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 5-16.
3. Гулыга Е.В., Розен Е.В. Новое и старое в лексике и грамматике немецкого языка. Л.: Просвещение, 1977. 160 с.
4. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 6-13.
5. Котелова Н.З. Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 331.
6. Котелова Н.З. Введение // Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов). СПб., 1995. С. 4-11.
7. Волков С.С., Сенько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1983. С. 43-58.
8. Черникова Н.В. Семантические неологизмы в современном русском языке, 80-е – 90-е годы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 26 с.
9. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак. Языки славянских культур, 2007. 232 с.
10. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже веков XX–XXI веков: сб. / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
11. Гак В.Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 37-52.
12. Темиргазина З.К. Намеренные недомолвки в устной речи: прагматический аспект // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2013. № 1. С. 33-40.
13. Родина Н.А. Метафора как средство создания нового значения (на материале прозвищ российских военнослужащих) // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 456-462. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-456-462
14. Темиргазина З.К. Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3. № 1 (9). С. 5-9.
15. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1. 1209 с. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 02.08.2020).
16. Маковский М.М. Языковая сущность современного английского сленга // Иностранные языки в школе. 1962. № 4. С. 102-112.

References

1. Shmelev D.N. O semanticheskikh izmeneniyakh v sovremennom russkom yazyke [About semantic changes in modern Russian]. *Razvitiye grammatiki i leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Development of Grammar and Vocabulary of Modern Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 4-17. (In Russian).
2. Shmelev D.N. O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya sovremennoy russkoy leksiki [Some trends in the development of modern Russian vocabulary]. *Razvitiye leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Development of the Vocabulary of Modern Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 5-16. (In Russian).

3. Gulyga E.V., Rozen E.V. *Novoye i staroye v leksike i grammatike nemetskogo yazyka* [New and Old in German Vocabulary and Grammar]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1977, 160 p. (In Russian).
4. Kotelova N.Z. Pervyy opyt leksikograficheskogo opisaniya russkikh neologizmov [The first experience of lexicographical description of Russian neologisms]. *Novyye slova i slovari novykh slov* [New Words and the Dictionaries of New Words]. Leningrad, 1978, pp. 6-13. (In Russian).
5. Kotelova N.Z. Neologizmy [Neologisms]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1990, pp. 331. (In Russian).
6. Kotelova N.Z. Vvedeniye [Introduction]. *Slovar' novykh slov russkogo yazyka (seredina 50-kh – seredina 80-kh godov)* [Dictionary of New Words of the Russian Language (mid 50s – mid. 80s)]. St. Petersburg, 1995, pp. 4-11. (In Russian).
7. Volkov S.S., Senko E.V. Neologizmy i vnutrenniye stimuly yazykovogo razvitiya [Neologisms and internal incentives of language development]. *Novyye slova i slovari novykh slov* [New Words and the Dictionaries of New Words]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 43-58. (In Russian).
8. Chernikova N.V. *Semanticheskiye neologizmy v sovremennom russkom yazyke, 80-e – 90-e gody XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic Neologisms in Modern Russian Language, 80s – 90s of the XX century. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1997, 26 p. (In Russian).
9. Krongauz M. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian Language on the Verge of Nervous Collapse]. Moscow, Znak Publ., Languages of the Russian Culture Publ., 2007, 232 p. (In Russian).
10. Krysin L.P. (executive ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk. Aktivnyye protsessy na rubezhe vekov XX–XXI vekov* [Modern Russian Language. Active Processes at the turn of the 20–21 Centuries]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 2008, 712 p. (In Russian).
11. Gak V.G. O sovremennoy frantsuzskoy neologii [About modern French neology]. *Novyye slova i slovari novykh slov* [New Words and the Dictionaries of New Words]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 37-52. (In Russian).
12. Temirgazina Z.K. Namerennyye nedomolvki v ustnoy rechi: pragmaticheskiy aspekt [Intended omissions in oral speech: pragmatic aspect]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2013, no. 1, pp. 33-40. (In Russian).
13. Rodina N.A. Metafora kak sredstvo sozdaniya novogo znacheniya (na material prozvizhch rossiyskikh voyennosluzhashchikh) [Metaphor as a means of creating a new meaning (based on the nicknames of Russian military personnel)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 456-462. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-456-462 (In Russian).
14. Temirgazina Z.K. Zoomorfnnaya model' metafizatsii v russkoy i kazakhskoy zoologicheskoy terminologii [Zoomorphic model of metaphization in Russian and Kazakh zoological terminology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 5-9. (In Russian).
15. Efremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation: in 2 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 2000, vol. 1, 1209 p. (In Russian). Available at: <https://www.efremova.info> (accessed 02.08.2020).
16. Makovskiy M.M. Yazykovaya sushchnost' sovremennogo angliyskogo slenga [The linguistic essence of modern English slang]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 1962, no. 4, pp. 102-112. (In Russian).

Информация об авторе

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор. Высшая школа гуманитарных наук, Павлодарский государственный педагогический университет, г. Павлодар, Республика Казахстан. E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Вклад в статью: разработка концепции, идея, систематизация материала, анализ литературы, написание и редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Поступила в редакцию 29.08.2020 г.

Поступила после рецензирования 22.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Zifa K. Temirgazina, Doctor of Philology, Professor. Higher School of Humanities, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Contribution: study conception, idea, material systematization, literature analysis, manuscript drafting and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Received 29 August 2020

Reviewed 22 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-653-659
УДК 882.09

Судьба заимствований в русском языке (к истории слова *партизан*)

Дмитрий Андреевич ВОЛОТОВ

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»
125993, Российская Федерация, ГСП-3, А-80, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0665-1555>, e-mail: vadmit87@mail.ru

The fate of borrowings in Russian language (to the history of the word *partisan*)

Dmitry A. VOLOTOV

Moscow Aviation Institute (National Research University)
4 Volokolamskoe Highway, GSP-3, A-80, Moscow 125993, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0665-1555>, e-mail: vadmit87@mail.ru

Аннотация. Проанализирована семантика и употребление французского заимствования военной тематики *партизан* с момента его вхождения в русский на рубеже XVII–XVIII веков и до настоящего времени. Дан этимологический и исторический анализ слова, рассмотрена эволюция его семантики в русском языке вследствие функционального многообразия его употребления как в языке-доноре, так и языке-реципиенте. Изучение истории лексемы в культурно-историческом плане помогает проследить становление формы и значения слова *партизан* и его производных, особенности функционирования его как представителя сферы батальной лексики в русском языке. Сделан вывод о полном заимствовании семемы из французского языка в русский литературный язык со стороны его формы (фонетика, грамматика, особенности словоупотребления) и значения. Указаны и детально проанализированы источники изучения слова в синхронно-диахронном аспекте, лексикографические, документально-исторические и художественно-текстовые как на материале современного русского литературного языка, так и в предшествующие периоды его становления, выявлена трансформация его семантической структуры. Внимание уделено раскрытию объёмного вальёра значения слова в тексте романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», который является ценнейшим источником изучения лексико-семантической системы русского языка предпушкинской эпохи. На ряде примеров разных сфер современного узуса русского языка показано изменение функционально-стилистической окраски слова и приобретение словом черт энантиосемичности и других дополнительных оттенков. Сделан вывод о степени адаптации слова *партизан* как элемента батальной терминосистемы русского языка и неизбежного угасания активности его употребления в современных условиях ведения боевых операций, превращение его в историзм.

Ключевые слова: галлицизм; батальный; заимствование; семантика; ассимиляция

Для цитирования: Волотов Д.А. Судьба заимствований в русском языке (к истории слова партизан) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 653–659. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-653-659

Abstract. We analyze the semantics and usage of French borrowing of military *partisan* themes from the moment it entered Russian at the turn of the XVII–XVIII centuries to the present time. We give an etymological and historical analysis of the word, and consider the evolution of its semantics in Russian language due to the functional diversity of its use both in the donor language and in the recipient language. The study of lexeme history in cultural and historical terms helps to trace the development of the form and meaning of the word *partisans* and its derivatives, the peculiarities of its functioning as a representative of battle vocabulary sphere in Russian language. We

conclude that the sememe is completely borrowed from the French language into the Russian literary language in terms of its form (phonetics, grammar, peculiarities of word usage) and meaning. We indicate and analyze in detail the sources of word study in the synchronous-diachronic aspect, lexicographic, documentary-historical, and artistic-textual sources both on the material of the modern Russian literary language and in the previous periods of its development, and we identify the transformation of its semantic structure. We pay attention to the disclosure of the extensional value of the word in the text of Leo Tolstoy's epic novel "War and Peace", which is the most valuable source for studying the lexical and semantic system of Russian language of the pre-Pushkin era. A number of examples from different spheres of the modern usus of Russian language show changes in the functional and stylistic coloration of the word and the acquisition of enantiosemiticity features and other additional shades by the word. We conclude that the word *partisan* is adapted as an element of the battle term system of Russian language and that its use in modern conditions of conducting combat operations is inevitably fading away, turning it into historicism.

Keywords: gallicism; battle; borrowing; semantics; assimilation

For citation: Volotov D.A. Sud'ba zaимstvovaniy v russkom yazyke (k istorii slova partizan) [The fate of borrowings in Russian language (to the history of the word *partisan*)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 653-659. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-653-659 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Лексические заимствования из иностранных языков – нормальный путь развития любого языка, тезаурус которого обогащается новыми смыслами и новыми особенностями развития грамматико-деривационных структур. Русский литературный язык в своей истории претерпел, как известно, не одну волну мощных заимствований как на заре своего возникновения (церковнославянизмы древнеболгарского происхождения, основной и самый мощный пласт заимствований в русском языке), так и в более позднее время второго южнославянского влияния славянизмов и грецизмов, затем в петровскую эпоху в виде шквала воздействия западноевропейских языков, неодинаковых по своей силе, но имевших большие последствия в русском языке, среди которых выделяются по объёму и значительности степени усвоения, устного и книжного, немецкий и французский языки. Как замечает Л.А. Булаховский о последнем: «Французское влияние в русской лексике неуклонно крепнет до самого конца XVIII и заходит как одна из самых влиятельных струй в первые десятилетия XIX века... Как почти монополярный проводник этого влияния до второй четверти XIX века выступает дворянская верхушка...» ([1, с. 14]; см. также: [2]). Именно к французским заимствованиям ранней поры относится и предмет нашего рассмотрения в настоящей статье – слово *партизан*, о чём речь пойдёт ниже.

В настоящее время, в эпоху глобализации, в русском языке вновь наблюдается бум заимствований, главным образом, из английского языка. Новая лексика, как известно, употребляется в основном для обозначения новых понятий в прогрессивной области знаний, какой сейчас является сфера информационных технологий и инновационных изобретений, но не только. Е Линь в своём исследовании показывает разные сферы употребления новых заимствований, бесписьменных и книжных, жаргонных и официальных (в области моды, спорта, одежды, развлечений и др.), основания их появления, экстралингвистические и собственно лингвистические и т. д. Грозит ли экспликация многих новых слов, таких, какие приводит Е Линь: «сайт, ноутбук, юзер, онлайн, гаджет, файл, блог, драйвер, процессор (сфера информатики), маркетинг, бартер, менеджер (сфера экономики); импичмент, брифинг, омбудсмен, конгрессмен, парламент (сфера политики) <...> бутик, гламур, дедлайн, имидж, инновации, пиар, портал, тинэйджер, ток-шоу, лизинг, мерчендайзинг, маркетинг, нанотехнология, юзер, хакер и др. <...> в области культуры (сингл, сиквел, саспенс, трибьют, флешмоб и др.), в области социальной сферы (профессии – мерчендайзер, пиццмейкер, сомелье, фумелье)» кардинальному изменению облика русского языка и его долгосрочной варваризации, или же она развеется, как дым? [3, с. 40]. Есть ли шанс у таких слов «обрусеть», закрепиться в обще-

употребительном языке, то есть стать вровень с русскими словами по правилам и законам их изменения и употребления как те тысячи заимствованных слов, которые, как говорит Е Линь, включены в лексическую базу семнадцатитомного «Словаря русского литературного языка» АН СССР? [3, с. 40].

Полная ассимиляция иноязычных слов зависит от многих внешних условий их функционирования, в частности, в области политических и культурно-социальных отношений, но главным образом от созидательных сил национальной системы русского литературного языка, созданного в органическом единстве книжной церковнославянской базы и строительных средств народно-разговорного русского языка начиная со времён А.С. Пушкина и других классиков русской литературы. Безусловно, из всего многообразия современных неозаимствований останется какая-то часть, но, думается, она не будет относиться к ядру литературного языка, а сместится на его периферию.

Что обеспечивает долгую жизнь инкорпорированной в русский язык иностранной лексики, и может ли она быть вечной? На этот вопрос попытаемся ответить, анализируя встроенность в лексическую систему русского языка французского слова *партизан*, знакомого всем и имеющего давнюю историю, употребление которого активизировалось в связи с празднованием в России и за рубежом Дня Победы над фашистской Германией во Второй мировой войне. Здесь вспоминали подвиги партизан, народных мстителей захватчикам, запечатленные в рассказах очевидцев событий, их письменных воспоминаниях, песнях и художественных произведениях на эту тему.

Партизан – это слово, пришедшее в русский язык на рубеже XVII–XVIII веков из французского языка, где, как констатировал Л.А. Булаховский, «среди галлицизмов... наряду с немецким языком было много заимствований из сферы военного дела: *гарнизон, маневры, манеж, сапёр, партизан, фураж, флеш, траншея, батарея, атака, блиндаж, брешь, авангард, арьергард, кокарда, команда* и др.» [1, с. 14]. Влияние французской заимствованной лексики было долговременным, значительным по мощи, тематическому разнообразию и степени усвоения прини-

мающим языком. Это относится и к французским батальным галлицизмам.

Как мы уже упоминали, новая лексика заимствуется и затем осваивается в основном для обозначения новых понятий в прогрессивных областях знаний. В начале XVIII века в России развивающейся являлась область военного дела. Перенималась батальная лексика из многих европейских языков – немецкого, голландского, английского, итальянского, но в раннюю эпоху формирования нового русского литературного языка (конец XVIII – начало XIX века) преобладали заимствования всякого рода из французского языка [4, с. 54]. Именно к этой волне заимствований относится слово *партизан*, которое до сих пор находится в центре внимания русской общественности. Вызывает интерес, как складывалась судьба слова в русском языке в плане соотношения его формы, семантической структуры и роли (особенностей функционирования) в обществе в разные периоды его истории, каковы перспективы его дальнейшего развития в различных сферах русского языка, прежде всего в литературном языке. Во многом это зависело от языкодонора.

В самом популярном, но авторитетном толковом словаре современного русского литературного языка – словаре С.И. Ожегова – мы видим, что слово *партизан* представлено, как обозначение члена народного вооружённого отряда, самостоятельно действующего в тылу врага, народного мстителя и имеет словообразовательное гнездо: существительное женского рода *партизанка* и относительное прилагательное *партизанский* [5, с. 284]. В словарях современного русского литературного языка, Большом и Малом академических, Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова также даётся примерно такое же толкование и приводятся однокоренные ему слова *партизанисть, партизанство, партизанищина, по-партизански*. Этот факт словообразования уже говорит об адаптации слова русским литературным языком¹ [6, т. 3, с. 26; 7, с. 783]. Военный энциклопедический словарь даёт примерно такие же характеристики слова, как и в указанных

¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Москва; Ленинград: АН СССР, 1959. Т. 9. С. 225.

выше словарях². Несмотря на то, что партизаном называли человека, невоенного по профессии, эта номинация включена в глоссарий военного энциклопедического словаря, что позволяет считать слово элементом военной терминосистемы (как и квалифицировал его Л.А. Булаховский, см. выше).

Семантика слова *партизан* к настоящему времени по данным словарей не совсем ясна и требует дополнительных исследований. При этом надо отметить, что история партизан в России была предметом анализа в трудах многих военных деятелей. Один из наиболее серьёзных военных аналитиков XIX века генерал-лейтенант Ф.К. Гершельман в своём труде «Партизанская война» писал о том, что Пётр I осознал значимость партизанской войны и сумел с большим успехом её применить раньше, чем это было сделано на Западе. В 1701 г. Петром был создан специальный корпус, предназначенный для действий в тылу противника – корволант (от франц. *corps volant* – летучий корпус), который представлял собой войсковое соединение из лёгкой кавалерии и пехоты, перевозимой на лошадях.

Скрытные и неожиданные приёмы ведения боя, называемые партизанскими, использовались на протяжении всей истории войн на разных территориях, а лица, их применяющие, обозначались различными номинациями. Так, франтирёрами (от франц. *francs-tireurs* – вольные стрелки) называли французских партизан-диверсантов во время франко-прусской войны 1870–1871-х гг., нападавших на тыловые силы противника. В Словаре русских синонимов к слову *партизан* в военном значении, кроме названных выше, дополнительно в качестве синонимичных приводятся слова *маки* и *гверильяс*³. Однако на русской почве из этого кореферентного списка лексема *партизан* оказалась единственно употребительной: она шире и точнее отражает военную тематику слова.

М. Фасмер также считает, что слово *партизан* проникло в русский язык в петровскую эпоху и первоначально имело значение ‘приверженец’, ‘сторонник’ [8, т. 3, с. 209].

Показательно, что в современном французском языке лексема *partisan* полисемантична. В энциклопедическом словаре Larousse приведены толкования трёх значений слова⁴. В словаре Le Petit Robert находим ещё одно значение, отсутствующее в Larousse: «**PARTISAN** N.m. (1560) Vx. Fermier, financier. (1678) Mod. Soldat de troupes irrégulières faisant une guerre d'avant-postes. V. **Franc-tireur**. *Guerre de partisans*. V. **Guérilla**. *Le Chant des partisans*.» [9, p. 1673]. Значение ‘фермер, финансист’ дано с пометой «устаревшее» и обозначает человека, который заключил с государством договор (‘*traité*’ или ‘*parti*’), дающий право вместо фиксированной суммы платить налог с дохода. Слово с этой семой в русский язык не заимствовалось. В другой дефиниции ‘солдат нерегулярных войск, ведущий войну на передовой’, отмечено время появления этого значения – 1678 г. Этот временной указатель свидетельствует о том, что слово *partisan* приобрело новую, дополнительную семантику во французском языке во второй половине XVII века, и позже это новое значение было также перенесено в русский язык. Определение лексемы сопровождается словами *franc-tireur* и *guérilla*, приведёнными здесь в качестве синонимов, а также пометой «*moderne*», которая указывает на то, что слово *partisan* является употребительным в современном французском языке.

Обратимся к анализу истории формирования семантической структуры слова *партизан* в русском языке. Если лексема в значении ‘приверженец’, ‘сторонник’ в русский язык заимствуется в эпоху Петра I, то появление слова с военной семой точно неизвестно, но встречается уже в петровском Артикуле воинском 1715 г.: «*Артикул 111. ...случится, что Пётр с помянутым неприятельским партизаном бой учинит...*»⁵.

Одним из надёжных и развёрнутых источников описания партизанской войны и семантизации слова *партизан* является роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир», где автор убедительно характеризует предна-

² Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986. С. 539.

³ Словарь русских синонимов. URL: <https://synonymonline.ru/П/партизан> (дата обращения: 30.07.2020).

⁴ Petit Larousse illustré – dictionnaire encyclopédique pour tous, 1976. P. 681.

⁵ Артикул воинский 26 апреля 1715 г. URL: http://militera.lib.ru/regulations/russr/1715_artikul/01.html (дата обращения: 27.07.2020).

значение партизанского движения в войне: «Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, оставление и пожар Москвы, ловля мародёров, переимка транспортов, **партизанская** война... Это делали **гверильясы** в Испании; это делали горцы на Кавказе; это делали русские в 1812-м году. Войну такого рода называли **партизанскою**...» [10, кн. 2, с. 515-519]. Здесь Л.Н. Толстой подробно раскрывает приёмы партизанской войны, которые применялись как армией, так и самим народом для борьбы с врагом. Писатель употребляет слово *гверильясы* (от франц. *guérillas* – партизаны), которое во французском словаре Le Petit Robert указано в качестве синонима к лексеме *partisan*. Гверильясами называли испанских народных партизан, использовавших вышеуказанные способы борьбы [11, т. 7, с. 206]. Факт упоминания в тексте романа автором реально существовавшего человека – Дениса Давыдова, первого русского партизана и основателя этого движения, указывает на достоверность описания действий партизанских отрядов.

Количество употреблений в романе-эпопее, являющемся по жанру не только художественным, но и документально-историческим произведением, слова *партизан*, а также многочисленных членов его словообразовательного гнезда, обеспечивают фреквенцию, достаточную, чтобы составить целостный семантический облик этой лексемы в ту эпоху. Благодаря толстовским контекстам выразительно и с достаточной полнотой выявляется семантическая структура и, следовательно, смысловой объём этого полисеманта (см. об этом в: [12, с. 89-90]).

Партизанские отряды (характерно, что их Л.Н. Толстой называет партиями) были разными как по численности, так и по составу: «...этих партий различных величин и характеров были сотни. Были партии, перенимавшие все приёмы армии, с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; были одни казахи, кавалерийские; были мелкие, сборные, пешие и конные, были мужицкие и помещичьи, никому не известные. Был дьячок начальником партии, взявший в месяц

несколько сот пленных» [10, кн. 2, с. 519]. Партизаны оказывали значительную помощь в войне против наполеоновских войск, они взаимодействовали с командованием русской армии, доводя ценные и важные сведения о неприятеле: «Теперь, по присылкам Лористона и Бертелеми и по донесениям **партизанов**, Кутузов почти знал, что он ранен смертельно» [10, кн. 2, с. 506]. В романе лексема употребляется также и в другом значении: «Приехавший был Бицкий... страстный поклонник новых идей и Сперанского... один из тех людей, которые выбирают направление как платье – по моде, но которые поэтому-то кажутся самыми горячими **партизанами** направлений» [10, кн. 1, с. 565]. В этом контексте партизаном автор называет Бицкого, который не имеет отношения к вооружённой народной борьбе и не был никогда членом партизанских отрядов. Толстой употребляет слово в значении ‘поклонник’, ‘последователь’, ‘сторонник’. Впоследствии эти синонимы вытеснили из русского языка слово партизан в его невоенном значении, на что в словарях русского языка указывают пометы устар.

В романе лексема употребляется в форме Род. п. мн. ч. и имеет форму – *партизанов* («известия от партизанов»; «по донесениям партизанов»; «Денисов, бывший одним из партизанов»; «известия о победах над французами мужиков и партизанов»). Сейчас эта форма считается народно-разговорной аналогично формам *грузинов*, *сапогов*, *яблоков*. До настоящего времени продуктивное окончание Род. п. мн. числа существительных муж. рода 2-го скл. твёрдого варианта на -ов (*домов*, *столов*) не вытеснило в русском литературном языке архаическое нулевое окончание в некоторых группах существительных, например, у некоторых военных агентивных номинаций (*гусар*, *улан*, *солдат*, *драгун*). Однако словарь под ред. Д.Н. Ушакова свидетельствует, что оба варианта формы Р. п. мн. ч. возможны. Показательно, что становление грамматической формы иноязычного слова шло в русле развития основных тенденций морфологической системы русского языка. Это говорит о прочной встроенности слова в актуальный лексический корпус русского языка. Попутно отметим, что в этой статье второе и третье

значения слова даны с пометой *перен.*, указывая на то, что ядерным становится первое значение ‘участник партизанской войны’, а значение ‘сторонник, приверженец’, в XVIII веке также являвшееся ядерным, одним из основных, устаревает, становится периферийным и приобретает переносный смысл. Слово получает новое, ранее отсутствовавшее значение ‘человек, работающий по-партизански’, то есть действующий на свой страх и риск, по собственной инициативе, в этом переносном значении приобретая негативный оттенок. Скрытного, замкнутого человека, действующего втайне от всех, в разговорной речи иногда описывают фразеологизмом *молчит, как партизан*. Данное устойчивое выражение энантисемично, в диахронном аспекте его можно понимать двояко. Если во времена Великой Отечественной войны партизаны считались образцом выдержки и отваги, и выражение трактовалось как ‘молчит по-геройски’, невзирая на давление, принуждение, так как настоящий партизан не выдаст тайну, то в бытовом контексте фразеологизм имеет ярко выраженный негативный оттенок.

Изучение истории появления партизан как явления помогает проследить генез этого

понятия в диахронном аспекте. В настоящее время необходимость использования партизанских действий в широком масштабе исчезла, более эффективными специальными методами ведения войны, вытеснившими прежние приёмы, стали диверсионные действия в локальных боях, разведывательные операции и информационное воздействие. Отметим также, что слово *партизан* отсутствует в современном словаре военных терминов А.М. Плехова [13].

За три столетия с момента заимствования лексема *партизан* претерпела различные лексико-семантические, фонетические и морфологические изменения в русском языке и была полностью усвоена языковой системой. Однако несмотря на то, что этот батальный термин в настоящее время не отражает реальное положение вещей и явлений военной жизни, он надолго останется понятным в русском языке хотя бы благодаря важнейшим событиям истории – Отечественной войне 1812 г. и Второй мировой войне, – сохранённых в народной памяти и отображённых в разножанровых произведениях этого и других периодов не только русской, но и мировой истории.

Список литературы

1. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Харьков: Радянська школа, 1937. 328 с.
2. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
3. Е Линь. Новая заимствованная лексика в русском языке как фактор динамики языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2018.
4. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
7. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986.
9. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Dictionnaires le Robert, 1984. 2172 p.
10. Толстой Л.Н. Война и мир: в 2 кн. М., 2010. Кн. 1, 2.
11. Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.: Т-во И.В. Сытина, 1911–1915.
12. Волотов Д.А. Батальная лексика французского происхождения в русском языке первой половины XIX века (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»): дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2014.
13. Словарь военных терминов / сост. А.М. Плехов. М.: Воениздат, 1988. 335 с.

References

1. Bulakhovskiy L.A. *Kurs russkogo literaturnogo yazyka* [Course of the Russian Literary Language]. Khar'kov, Radyansk school Publ., 1937, 328 p. (In Russian).
2. Uspenskiy B.A. *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A Short Essay on the History of the Russian Literary Language (XI–XIX centuries)]. Moscow, Gnosis Publ., 1994, 240 p. (In Russian).
3. E Lin. *Novaya zaimstvovannaya leksika v russkom yazyke kak faktor dinamiki yazykovoy kartiny mira: dis. ... kand. filol. nauk* [New Borrowed Vocabulary in Russian as a Factor in the Dynamic of the Language Picture of the World. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2018. (In Russian).
4. Birzhakova E.E., Voynova L.A., Kutina L.L. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on the Historical Lexicology of the Russian Language of the 18th century. Language Contacts and Borrowing]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, 431 p. (In Russian).
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, ITI Technology, 2006, 944 p. (In Russian).
6. Evgenyevoy A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1985–1988. (In Russian).
7. Kuznetsov S.A. (compiler and ed.-in-chief). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000, 1536 p. (In Russian).
8. Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986. (In Russian).
9. Le Petit Robert. *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Paris, Dictionnaires le Robert Publ., 1984, 2172 p. (In French).
10. Tolstoy L.N. *Voyna i mir: v 2 kn.* [War and Peace: in 2 bks]. Moscow, 2010, bk 1, 2. (In Russian).
11. Novitskogo V.F. and others (eds.). *Voyennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. St. Petersburg, Ivan Sytin's Printing House, 1911–1915. (In Russian).
12. Volotov D.A. *Batal'naya leksika frantsuzskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke pervoy poloviny XIX veka (na materiale romana-epopei L.N. Tolstogo «Voyna i mir»): dis. ... kand. filol. nauk* [Battle Vocabulary of French Origin in Russian in the First Half of the 19th century (based on the Epic Novel by Leo Tolstoy "War And Peace"). Cand. philol. sci. diss.]. Yaroslavl, 2014. (In Russian).
13. Plekhov A.M. (compiler). *Slovar' voyennykh terminov* [Dictionary of Military Terms]. Moscow, Voenizdat Publ., 1988, 335 p. (In Russian).

Информация об авторе

Волотов Дмитрий Андреевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для физико-математических и инженерных специальностей. Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация. E-mail: vadmit87@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, обзор научной литературы и словарей, анализ данных, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0665-1555>

Поступила в редакцию 28.08.2020 г.

Поступила после рецензирования 20.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Dmitry A. Volotov, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Foreign Languages for Physics, Mathematics and Engineering Department. Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation. E-mail: vadmit87@mail.ru

Contribution: study conception, scientific literature and dictionaries review, data analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0665-1555>

Received 28 August 2020

Reviewed 20 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-660-668
УДК 81.282.2

Русско-украинский говор Воронежской области сквозь призму словообразования

Любовь Внинаминовна НЕДОСТУПОВА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр., 14
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1978-4725>, e-mail: nedospowa2009@yandex.ru

Russian-Ukrainian patois of the Voronezh region through the prism of word-formation

Lubov V. NEDOSTUPOVA

Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1978-4725>, e-mail: nedospowa2009@yandex.ru

Аннотация. Актуальность обращения к изучению русских народных говоров обусловлена стремительным проникновением литературного языка во все сферы жизнедеятельности человека и процесса урбанизации. На этом фоне в XXI веке существует необходимость фиксации сохранившейся у жителей отдалённых от мегаполисов населённых пунктов диалектной речи. Последующий анализ важен для понимания происходящих в ней языковых процессов, любопытных для учёных-диалектологов. Целью настоящей статьи является описание интересных словообразовательных особенностей русско-украинского говора села Щучье Лискинского района Воронежской области в его современном состоянии. Для осуществления цели применены методы: интервьюирования, описания, сравнения и анализа. Объектами пристального внимания исследователя стали лексемы, образованные разными способами. В ходе их рассмотрения очевидным стало то, что словообразовательные единицы представляют собой богатый в языковом плане лингвистический материал. Наиболее яркие диалектные черты служат свидетельством того, что в речи коренных жителей наблюдаются свойства говоров украинского языка и южнорусских говоров. Она репрезентирует достаточно любопытную сложившуюся во времени систему с определёнными отношениями. В заключении отмечено, что местный диалект оказывается украинским по происхождению, испытывающим влияние со стороны русских говоров и литературного языка. Сделан вывод о том, что звучный язык респондентов содержит информацию о результатах взаимодействия и взаимопроникновения двух близкородственных языков и культур. Знакомясь с языковой картиной мира диалектоносителей Центрального Черноземья, мы получаем понятие о современном состоянии одного ценного в лингвистическом плане народного говора.

Ключевые слова: литературный язык; словообразовательные особенности; черты русского и украинского языка; языковая картина мира

Для цитирования: Недоступова Л.В. Русско-украинский говор Воронежской области сквозь призму словообразования // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 660-668. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-660-668

Abstract. The relevance of the study of Russian folk patois is due to the rapid penetration of the literary language into all spheres of human life and the process of urbanization. In this context, in the 21st century, there is a need to fix the dialectal speech that is preserved among residents of settlements remote from metropolises. The subsequent analysis is important for understanding the language processes occurring in it, which are interesting for dialectologists. The goal of this work is to describe the interesting word-formation features of the Russian-Ukrainian patois of Shchuchye village, Liskinsky district, Voronezh region in its current state. To achieve the goal, the following methods are used: interviewing, description, comparison and analysis. The objects of the

researcher's close attention are lexemes formed in different ways. In the course of its consideration, it became obvious that word-forming units represent a rich linguistic material in terms of language. The most striking dialect features serve as evidence that the speech of indigenous people has the properties of patois of the Ukrainian language and southern Russian patois. It represents a rather curious system that has developed over time with certain relationships. To sum up, it is noted that the local dialect is Ukrainian in origin, influenced by Russian patois and literary language. It is concluded that the sonorous language of the respondents contains information about the results of interaction and interpenetration of two closely related languages and cultures. Getting acquainted with the linguistic world view of the dialect speakers of the Central Black Earth Region, we get an idea of the current state of one linguistically valuable folk patois.

Keywords: literary language; word-formation features; features of the Russian and Ukrainian languages; linguistic world view

For citation: Nedostupova L.V. Russko-ukrainskiy govor Voronezhskoy oblasti skvoz' prizmu slovoobrazovaniya [Russian-Ukrainian patois of the Voronezh region through the prism of word-formation]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 660-668. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-660-668 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В настоящее время происходит глобальное проникновение литературного языка во все сферы деятельности человека. Ведущая роль в этом принадлежит средствам массовой информации, в том числе телевидению, радио, интернет-ресурсам. Однако так было не всегда. В начале прошлого века речь жителей небольших населённых пунктов – посёлков, сёл, хуторов, станиц и т. п. – отличалась особым звучанием и содержанием, потому что имела чётко выраженные диалектные черты.

В XXI веке мы невольно становимся свидетелями того, как «вымирают» целые российские сёла, как город стремительно «наступает» на деревню, расширяя свои пространства, маня к себе её жителей комфортными условиями проживания и работой. Исследователи народной речи – диалектологи – пытаются зафиксировать ещё сохранившиеся в разных регионах нашей великой страны «россыпи» местных слов из уст старожилов. Они представляют интерес, потому что несут информацию о жизни многих поколений, передающуюся из уст в уста, содержат ценные сведения о развитии языка сельских жителей.

Большая работа по изучению диалектов ведётся во всём мире. Среди европейских и американских учёных выделяются имена Майкла Линна, Гарольда Б. Аллена [1], Уильяма Морфилла [2] и других учёных. Целые коллективы отечественных диалектологов создавали базы данных русских говоров и занимались перспективами диалектометрических исследований. Следует назвать И.И. Исаева, В.Д. Соловьёва, Ф.И. Салимова,

А.Г. Пилюгина, В.Р. Байрашеву [3]. Огромная работа в этом направлении проведена Институтом русского языка им. В.В. Виноградова и Институтом лингвистических исследований (Санкт-Петербург).

Воронежские учёные не стали исключением. Известны изыскания Н.П. Гринковой [4], Ю.Т. Листровой [5], Н.К. Соколовой [6], В.И. Собинниковой [7], Л.К. Лыжовой [8], Г.Ф. Ковалёва [9; 10], А.Д. Черенковой [11–14], М.Т. Авдеевой [15] и других по изучению и типизации местных говоров. Однако масса диалектов всё ещё ждут своих изыскателей.

Настоящее исследование посвящено одному народному говору Воронежской области.

Село Щучье располагается примерно в 129 километрах от областного центра – Воронежа и в 25 километрах от районного центра – города Лиски¹.

Небезынтересна история его возникновения. В 1704 г. вольные казаки (украинцы) основали селение Перезжее на некотором удалении от Дона. Приходили они сюда на землю, которой владели помещики Тевяшовы. В середине XVIII века стали переезжать на берег Дона и строить дома у так называемого Щучьего затона. Если верить легендам, здесь водилось много шук. Отсюда и название села. В 1818 г. помещик И.С. Тевяшов продал Щучье с землёй поручику царской армии В.И. Станкевичу, который отдал купленное владение в приданое своей дочери

¹ Щучинское сельское поселение (Лискинский район). URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/\(Воронежская_область\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/(Воронежская_область)) (дата обращения: 01.06.2020).

Надежде. В 1835 г. она вышла замуж за полковника Карла Вульфберта, немца по национальности. Один из следов «немецкого» влияния на село – планировка сельских улиц, даже похожих на которую нет больше ни в одном селе Лискинского района. Это сегодня тоже достопримечательность Щучьего, которая «рождена» Карлом Вульфбертом, собственноручно начертившим план села, согласно которому ему надлежало преобразоваться на немецкий манер – всё должно быть параллельно и перпендикулярно.

И доведшим начатое до логического завершения – в «архитектуру» помещика были заложены такие мощные принципы, что и до сих пор никто не смог нарушить задуманную гармонию – главные щученские улицы широкие, как Невский проспект, ровные, светлые...

Многоквартирных жилых домов не имеется, частных домовладений в Щучьем – 500. Численность населения по состоянию на 1 января 2018 г. – 1241 человек². Интересен тот факт, что жители этого села именуют себя щучанами.

На территории поселения работают: МКОУ «Щученская СОШ», МКДОУ «Щучинский детский сад», 2 ФАП, МКУК «Щученский СДК», сельский клуб, библиотека, отделение сбербанка, отделение почтовой связи, 5 магазинов, молокоперерабатывающий завод и др. Сельскохозяйственные предприятия специализируются на производстве зерна, мяса и молока.

В 2016 г. поселение стало финалистом в ежегодном открытом публичном конкурсе «Самое красивое село Воронежской области»³.

Целью данной работы является описание интересных словообразовательных особенностей говора села Щучье в его современном состоянии. Объектами пристального внимания стали языковые единицы, образованные разными способами.

В качестве материала выступила устная речь коренных жительниц села – Власенковой Анны Тимофеевны (1932 г. р.) и Рыбенко Марии Степановны (1939 г. р.). Записи произведены в полевых условиях в ходе непринуждённого общения. В исследовании при-

менены методы: интервьюирования, описания, сравнения и анализа.

В процессе анализа языкового материала обнаружены интересные свойства, характерные для щучинского говора. Используя в качестве основного элемента общерусские и украинские словообразовательные модели, респонденты образуют новые слова, имеющие своеобразные диалектные черты («диалект» мы употребляем как синоним к термину «говор»).

Отметим наиболее яркие особенности щучинского говора. Так, нами зафиксированы лексические единицы *приставочного (префиксального) способа (метода)* образования: с помощью приставки *по-* на месте *о-*: [*покончають школу, а тоді будуть голову ломать*], с помощью приставки *по-* на месте *с-*: [*надо ж и сапогы пошити, и кожух же ж пошити нвести*], с помощью приставки *про-* на месте *по-*: [*жэных и нвэста проспят ночь*] и др.

Приставочно-суффиксальный (префиксально-суффиксальный) способ считается самым сложным.

Мы выявили следующие лексемы, образованные приставочно-суффиксальным (префиксально-суффиксальным) способом: с помощью приставки *вы-* на месте *по-* и суффикса *-ва-* и *-я-*: [*когда она выспевая*], с помощью приставки *на-* и суффикса *-а-*: [*литом намочаем*], с помощью приставки *по-* на месте *с-* и суффикса *-л-*: [*матэ из мадърской шинэли пошила*], с помощью приставки *с-* и суффикса *-ва-* и *-л-*: [*пэсны спивалы*].

Широко распространённым способом образования в щучинском диалекте, как и в русском литературном языке, выступает *суффиксальный*. Для говора характерны лексические единицы – глаголы прошедшего времени, образованные с помощью суффикса *-в-* на месте *-л-*: [*оста́вся дом*], [*художнык бы́в*], [*инфа́рк хваті́в*], [*бы́в склад во́енный*], [*там бы́в дя́дка*], [*вин як ко́нчи в школу*], [*и бы́в у наз тут ды́рэктор Прыгуно́в*], [*у институт нэ зда́ в вин*], [*вэрну́вся и о́пять по́еха́в тудá ж*], [*и нашего забра́ в вин*], [*прийи́зжа́в до мэ́нэ*], [*покра́сив, ра́ншэ вин покле́ив*], [*и вин у наз без весты пропа́ в*], [*тро́шкы по́жив и зимо́ю ўме́р*], [*главо́й сэ́ла бы́в о́дын ста́рый -прэста́рый*], [*нэгра́мотный бы́в Васи́лый Игна́тыч*], [*а черны́ла нэ*

² Наше поселение. URL: <http://www.shuchin.ru/information/our-settlement/> (дата обращения: 01.06.2020).

³ Там же.

був], [уже богато жи в], [там запали вся] и др.

Эта украинская черта обусловлена фонетической причиной: характером произношения альвеолярного [л] в конце слова [16, с. 325].

Необходимо отметить, что формы був, була, було, були являются формами глагола бути в украинском языке [17, с. 114].

Представлены некоторые глаголы множественного числа с суффиксом -л: [если борщ илы окрошку постав лють], [смена в мишок всыпляют], [у класи чуть потолок нэ взлетая, оны ж гремять], [рыбу ловлють, варють] и др.

Зафиксированы лексемы с -о- перед -ся: [мы тоді складаємося], [мы его ложкой делили на кучки и стараем ося всим], [ну а мы прокупаємося] и др. Данное языковое явление свойственно украинскому языку.

Широко используются разнообразные лексические единицы, образованные при помощи суффиксов (некоторые из них встречаются только в народных говорах): -эчка-: [потомэчка начали яшики], [нам нэмножко даёть там эчка], [тогда там эчка старэнькы гуляють], [на Дон илы, тамэчка полоскалы], [тамэчка с сёбэ тэлогрейку сымии], [у школу там эчка ходылы], [тамэчка и скажем цэловаца], [шоб оны там выдушилися там эчко], [тамэчка поють таки божественны пэсны]; -ичк-: [свадьбы были так ичко], [такичко зложилось]; -ычк-: [ну пошито такычкэ]; -ык-: [ходылы за чебр ыком тоді], -ость-: [грязность була]; -очк-: [туточки иуки вэлысь], [туточка комуна була]; -инк-: [так лэхчинко житы], -юк-: [камэнюку туда кыне], [туда эту каменюку]; -от-: [сироп купышь вкуснота]; -н-: [дом щаз ничейный у наз], [з их нэй матрэй мы двоюрны]; -нэбудь-: [занавэскы яки нэбудь]; -ива-: [родытэли умаливають] и др.

Одной из важнейших особенностей говора представляется частотное функционирование постфикса -ся на месте -сь после гласного в возвратных глаголах: [хотэлося пятёрку получить], [осталася я одна], [у кого оццы осталы ся живы], [мы на бабушкином помэстии осталы ся], [болтаюся, купаюся у водэ], [сэло раньшэ на брыгады дэлило ся], [посуда дэлакала ся з глины], [я всигда оставала ся у обще-

житии], [тоді начало ся], [вин так мы и строилися], [оно так и называло ся Щучье], [погрузочная называло ся], [работа попалосся], [до пэнсии йиму два года осталосся], [вы учитэ ся], [тоді учили ся после войны], [и унукам закажи шоб на учитэля нэ училися], [с намы и двацать сэдьмыв училися], [Оля она училася у Москве], [я так дывылася], [мы у чужих хатах училися], [на речкы купалы ся мы], [уже мы як поженылыся], [шоб ужэ ж мы найил ыся], [вы и осталыся Машечкыны], [обизательно с ными опцалыся].

Подобные примеры свидетельствуют: наличие форм с постфиксом -ся после гласных связано с сохранением его в первозданном виде в украинском языке.

В речи информаторов реже отмечены замены постфикса -ся на -си в возвратных глаголах: [а до войны чэпэц называв си], [мы на бэрэгу понамажем си], [вин вэрнулси лётчиком], [он удэржив си], [и так он и оставси] и др.

Примечательно то обстоятельство, что в говоре достаточно широкое распространение получило языковое явление – развитие й (j) в диалектных формах слов, за счёт чего увеличивается основа слова: [мы йили], [прийдут нас смэна миняты], [а на выходны йиздили], [хто как мы йидым у госты обизательно], [прийдиши до дому], [каждый пид своим двором], [одбулы вэчер и пойихалы], [ну йих туда], [оны пойихалы з дэрвэньскый школы у город], [йих прировняли к учасникам войны], [армяны йих подняли], [он прийизжав до мэнэ], [ужэ прийижжають за нэвэстой], [матэ йида на р о боту], [раньше йиздылы по Дону], [мы йих жэвалы], [йист жэ хочица], [ни за што йих было купыты], [хочеца ж йиё взять з богатой сэмыйи] и др.

Небезынтересным качеством речи респондентов, на наш взгляд, представляется употребление форм слов, в которых отсутствует конечный гласный: [на холодноу зэмлю], [а жэлэзны таки булы], [это ж нам надо на жэлэзну дорогу], [стыральну машину далы], [подруги хороши были], [палка така], [была она чэсн а илы нэт], [если нечэсн а она позор], [а мы бидны булы], [мать дэревянн у кадку внэсэть], [ложки были деревянн ы], [мать ужэ послэдня], [зымы были холодны],

[снега́ былы большу́ш **и**], [эта́ там послэ́дн **я** улыца], [там збо́ку ма́ленька хатка], [Саши́н отец и я мы двою́рн **ы**], [наши́ отцы́ ро́дн **ы**], [Матю́ша быв голо́ва́ст **ы**], [таки́ тю́бики], [у наз та́ка жы́зн бу́ла], [копа́лы мы вру́чн **у** огоро́ды], [в голо́дн **ы** го́да], [и хто ста́рш **и**, вси за мно́й], [я са́ма ме́ньша], [я та́ка боя́злива́ бу́ла], [бу́ла ба́ба ста́р **а**], [она́ та́ка раско́са], [та́кэ у наз гада́нье бу́ло], [у вас у Красно́м До́ны люди́ стра́шн **ы**], [мы ж таки́ слухмя́ныи], [у наз усе́ так **и** ба́бки], [нам дома́шне за́дание], [вода́ то́ди бу́ла у До́ни чи́ста], [там о́бщ **а** кúхня бу́ла], [до́мики по́слэ вой́ны у усэ́х ма́леньки бу́лы], [щаз ужэ́ боли́ш поста́вили], [питхо́дя Октя́брьск **а**] и др.

Стяженные формы прилагательных, образованные в результате утраты (j) в интервокальной позиции, являются отличительной особенностью украинского языка [18, с. 533], а глагола и прилагательных отмечают и в среднерусских говорах [19, с. 69].

Зафиксированный нами языковой материал свидетельствует о том, что в глаголах 3 лица единственного числа отсутствует конечный согласный -т: [на пра́знык мо́жэ э́ кúрочку], [туда́ кын **е**], [по́ка оно́ жэ вы́мэрзня́], [туда́ зала́з **я**], [та́к по́мажэ́ э́], [ма́тэ́ потолч **е́**], [полотэ́нцэм на́крэ́ **я**], [мо́жа вы ко́лы хо́дылы], [у наз у́жэ за́ед **я** чило́вэ́к], [та́м бу́дэ́ проу́лок, по́е́дя, на́йды́я], [и та́к вин и жи́вэ у́ Питэ́ре], [на́вэрна́ ска́жэ́], [ма́тэ́ са́ма там до́кле́ **я**], [з де́тьмы на́рвы́ бу́дэ́ тра́тыты́], [у́ кла́си чу́ть пот о́лок нэ́ взле́та **я**], [ма́тэ́ ска́жа **я**], [на ко́го́ б у́ты́лка упа́д э́], [ма́ть возмэ́ ло́жкой], [нам по́дэ́ля], [ны́хто́ ны до́ ко́го ны хо́дя́].

Рассматриваемая черта сближает исследуемый диалект с южнорусскими говорами. Кроме того, имеет место интересный факт, когда у слов появляется окончание: [и та́ку в ме́тру́ я́мок на́ры́ла], [мы́ йи́лы та́к э́], [бу́ла кри́зисэ́], [та́мэ́ мы́ жи́лы], [ва́рылы́ та́м э́], [та́ма зро́быв], [на́ свэ́клу хо́дым **о**], [щаз у́жэ́ нэ́ту], [ту́та ни́чэ́го нэ́ бу́ло] и др.

Укажем, что нами зафиксирована форма существительного в родительном падеже множественного числа, оканчивающаяся на -ев: [бы́лы биз ро́дите́лев].

При этом необходимо отметить, что в щучинском говоре активно функционируют слова на -ив: [художны́к та́ки́в бы́в], [тогда́

вси на та́ки́в план], [му́жик **и́в** нэ́ма́, мы́ бэ́з му́жик **и́в**], [нэ́ бу́ло ни́ шта́ни **и́в**], [сы́тчику́ по́пять ру́бли **и́в**], [сэ́мнэ́цати го́ди **и́в** нэ́ бу́ло], [на́ вэ́чэ́рн **и́в** зда́в], [у́ наз жэ́ мя́чи **и́в** нэ́ бу́ло], [сту́кныш, оно́ и по́лэ́ти **и́в**] и на -ыв: [с на́мы и де́вэ́цэ́ты сэ́дьм **и́в** у́чи́лыся, и де́вэ́цэ́ты во́сьм **и́в**, и де́вэ́цэ́ты де́вэ́ты **и́в**, хто́ по́па́ло].

Такое окончание -ив (-ыв) характерно для существительных второго склонения мужского рода с нулевым окончанием в украинском языке [20, с. 103] и его говорах [21, с. 121].

Заметим, что в речи диалектоносителей функционируют слова, оканчивающиеся на -ою (вместо -ой): [а́ то́ди хатки́ со́ло́м **ою** кры́ты бу́лы], [пы́рогы́ с ка́ртошк **ою** напе́чуть] и др. Здесь наблюдается сохранение древнерусского окончания, что, собственно, свойственно воронежским говорам в целом.

В ходе исследования обнаружены слова с окончанием -ах (вместо -ам): [до́ до́му и́лы по́ са́дах], [мы́ вси́ по́ разн **ых** мэ́стах] и -ят (вместо -ов): [арбу́зят вы́сышуть].

Зафиксированы лексемы с окончанием -ий (на месте -ой): [бра́т дру́гий, до́м та́кий], однако они немногочисленны.

Представляется целесообразным отметить тот факт, что в говоре достаточно распространённое употребление имеет -о на конце глаголов 1 лица множественного числа. Оно свидетельствует о его принадлежности к украинскому языку: [йи́х посу́шим **о**], [мы́ вам нэ́весту́ нэ́ одда́мо], [нэ́ вы́ходим **о**, наз сýдо́уть], [я́ичко́ к Па́ски по́де́лим **о**], [усё́ броса́ймо], [са́маго́ну́ я́кого́ мы́ вы́гоним **о**], [о́ды́н до́ одно́го́ хо́дым **о**], [мы́ пий́дым **о**], [э́то́ ж мы́ по́де́лим **о**], [на́ Но́вый го́д мы́ жэ́ ста́ра́емо, зна́емо], [а́ мы́ разгру́жа́йм **о**], [мы́ вэ́дро́ во́ду вы́пий́м **о**], [по́ тра́вки́ ра́ ссти́ла́емо], [э́слы́ нэ́ вы́ходим **о**], [та́к жэ́ посу́шим **о**], [но́га́мы вы́мнэм **о**], [цвэ́ты́ усё́ броса́ймо], [до́ йи́х мы́ пий́ды́мо] и др.

Путём анализа установлено наличие лексем, оканчивающихся на -э в речи долгожителей Щучьего: [на́з раски́далэ́ жы́знэ́], [у́ а́рмыю́ забра́лэ́] и -уть (-ють): [ку́пю́ть пра́вэ́зю́ть я́кого́-то́], [мы́не́ по́дым **у́ть**], [арбу́зят вы́сыш **у́ть**], [е́ду́ть го́сты], [иду́ть по́смотре́ть], [та́м привя́ж **у́ть** и нэ́су́, **ть**], [ку́рочку́ за́душ **у́ть**], [бэ́ру́ть у́бра́ня], [ла́пши́ на́мэс **ю́ть**], [всэ́ пирпра́вля **ю́ть** в Лы́скы], [вэ́дро́ во́ды ста́но́в **ю́ть**], [забы́-

ра́ють у а́рмью], [оста́нки открыва́ють], [як в́ечер прийи́жа ю́ть, по́ють], [уже́ начи́нають йиха́ть], [там ска́ч у́ть, танцю́ють, ви́бирають], [когда́ наз пойма́ють], [прийи́жжають за нэ́вёстой, открыва́ють, чэпэ́ц сныма́ють, плато́к одева́ють], [в́ечером отгу́ляють], [рыбу ва́р ю́ть], [гвоздо́к заб ы́вають], [о́ны выхо́д ю́ть ка́жныи и ко́п а́ють] и др.

Следует отметить, что для украинского языка окончания глаголов третьего лица единственного числа на -э, множественного числа на -уть, -ють являются характерными особенностями [20, с. 103]. В то же время необходимо уточнить, что в глаголах 3 лица единственного числа отсутствует -т (об этом сказано выше), во множественном, наоборот, – глаголы заканчиваются на -ть. Эта черта выражена в щучинском говоре непоследовательно, что и сближает его с говорами южнорусского наречия.

Обратим внимание, что в речи респондентов найдено много примеров, в которых налицо случаи упрощения групп согласных или отдельных гласных: *[ниче́ нэ мо́гли спа́сты его́], [нас нэ ви́дно ни́че́], [тоди́ жы́лы в земля́нах], [я бы́ла ма́ла] [у соси́д бы́в скла́д], [тоди́ нэ све́ту бы́ло], [а тоди́ пое́дуть роды́тэли], [тоди́ даже на у́лицу выхо́дила вода́], [да я́кі у наз та́да обря́ды], [тоди́ пры́дуть], [тоди́ же все́ вру́чну], [то́ди мя́со ны у ко́го нэ бу́ло], [у тех́ник посту́пы́в], [мы́ и нэ зна́йим ны́гдэ ны́шо], [бу́ма́жка трэ́ба], [бра́т то́ж во́енный], [ся́ст-ра́ то́ж умэ́рла], [че́ дэ́латъ], [нэ бу́ло ны́чэ́в], [э́т ужэ́ туда́ нача́лы] и др.*

Названное языковое явление свойственно и говорам украинского языка, и южнорусским говорам.

Таким образом, перечисленные факты значатся свидетельством многообразия в местной речи лексических единиц с различными префиксами и суффиксами, благодаря которым язык селян становится особенно звучным и неповторимым. Представленные автором материал и анализ живой народной речи дают право полагать, что к щучинскому говору имеется научное любопытство, поскольку в нём достаточно хорошо сохранены диалектные черты, совмещающие элементы говоров русского и украинского языков. На основании полученных в ходе работы дан-

ных исследуемый диалект можно считать оригинальным переходным русско-украинским говором. Более того, как представляется, украинское наследие сильно по причине того, что большинство старожилы села никуда не выезжали на продолжительное время. А значит, черты, передающиеся от поколения к поколению, сохраняются в материнской основе, хотя, конечно же, испытывают определённое влияние со стороны литературного языка, проникающего через различные средства массовой информации в век информационных технологий. К тому же, многие долгожители Щучьего либо малограмотные, либо имеют неполное среднее образование. Однако их речь достаточно красива, пестра и разнообразна.

Несомненно, в коммуникативной сфере местный язык лискинского села жив и неповторим, и, по нашему мнению, он будет существовать столько, сколько будут жить его носители.

Безусловно, в XXI веке для учёных важно помнить о том, что народная речь не просто хранит информацию о развитии языка, но и считается ценным свидетелем взаимодействия и взаимопроникновения двух близкородственных языков и культур. Они происходили в течение длительного времени и оттачивались целыми поколениями. В них содержатся интереснейшие факты истории взаимоотношений людей на определённой территории проживания.

Итак, считаем, что наше изыскание вносит свой вклад в изучение диалектов, пополняет сведения о существовании русско-украинских говоров на территории Российской Федерации в XXI веке новыми данными. Актуальность данной работы бесспорна и не подлежит сомнению, потому что она идентифицируется источником определённых знаний, свидетельством функционирования живого народного языка на отдалённой от городской суеты местности. Проведённое исследование даёт своеобразное представление об оригинальной картине мира его носителей и позволяет увидеть говор в его современном состоянии.

Примечание: в статье используется русская упрощённая транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный.

Список литературы

1. Allen G.B. *Dialectal and Linguistic Variability* / M. Linn (ed.). Academic Press, 1986. 616 p. URL: <https://www.elsevier.com/books/dialect-and-language-variation/linn/978-0-12-05111-да> (accessed 01.06.2020).
2. Morfill W.R. X.–The Russian language and its dialects // *Transactions of the Philological Society*. 2008. № 16 (1). P. 503-533.
3. Isaev I.I., Solovev V.D., Salimov F.I., Pilyugin A.G., Bairasheva V.R. Creating a database of Russian dialects and prospects for dialectometric studies // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2016. Vol. 86. P. 448-453.
4. Гринкова Н.П. Воронежские диалекты: дис. ... д-ра филол. наук (Печатается в сокращении). Л., 1947. 300 с.
5. Листрова Ю.Т. Говор села Отскочного Дмитришевского района Воронежской области (фонетическая система и морфологический строй): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1953.
6. Соколова Н.К. Обиходно-бытовая лексика в языке воронежских грамот XVII в.: дис. ... канд. филол. наук: в 2 ч. Воронеж, 1966.
7. Собинникова В.И., Фетисова К.М. Наблюдения над лексикой воронежских говоров в связи с работой над областным словарем // Сборник материалов 2 научной сессии вузов Центрально-Черноземной зоны. Лингвистические науки. Воронеж, 1967.
8. Лыжова Л.К. Лексическая синонимия в диалекте (на материале говора села Хренового Новоусманского района Воронежской области): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1973.
9. Ковалёв Г.Ф. Воронежское лингвокраеведение. Воронеж: ВГУ, 2005. Вып. 1. 303 с.
10. Ковалёв Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь. Воронеж: Артефакт, 2007. 408 с.
11. Черенкова А.Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Воронеж: Полиграф, 2009. 328 с.
12. Черенкова А.Д. Синтаксические конструкции с глаголами речевого взаимодействия в говорах Воронежской области // Воронежское лингвокраеведение: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 400-406.
13. Черенкова А.Д. Множественное число имён существительных в талагайских говорах курско-орловского типа на территории Воронежской области // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы Междунар. конф. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 267-269.
14. Черенкова А.Д. Диалектное многообразие Воронежской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы 10 Междунар. науч. конф. Воронеж: ВГПУ, 2019. С. 176-184.
15. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. Воронеж, 2008. Т. 1.
16. Недоступова Л.В. Современное состояние одного воронежского говора (морфологический аспект) // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2017. С. 322-327.
17. Лесная Г.М. Учебник украинского языка. Уровень А1. М.: МГИМО-Университет, 2010.
18. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. (репр.). М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 682 с.
19. Бромлей С.В., Булатова Л.Н., Захарова К.Ф. и др. Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1989. 223 с.
20. Ющук І.П. Практикум з правопису української мови. К.: Освіта, 2000.
21. Матвіяс І.Г. Українська мова і її говори / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. К.: Наук. думка, 1990.

References

1. Allen G.B. *Dialectal and Linguistic Variability*. Academic Press Publ., 1986, 616 p. Available at: <https://www.elsevier.com/books/dialect-and-language-variation/linn/978-0-12-05111-да> (accessed 01.06.2020).
2. Morfill W.R. X.–The Russian language and its dialects. *Transactions of the Philological Society*, 2008, no. 16 (1), pp. 503-533.
3. Isaev I.I., Solovev V.D., Salimov F.I., Pilyugin A.G., Bairasheva V.R. Creating a database of Russian dialects and prospects for dialectometric. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2016, vol. 86, pp. 448-453.

4. Grinkova N.P. *Voronezhskkiye dialekty: dis. ... d-ra filol. nauk (Pechatayetsya v sokrashchenii)* [Voronezh Dialects. Dr. philol. sci. diss. (Printed in abbreviation)]. Leningrad, 1947, 300 p. (In Russian).
5. Listrova Y.T. *Govor sela Otskochnogo Dmitryashevskogo rayona Voronezhskoy oblasti (foneticheskaya sistema i morfologicheskii stroy): dis. ... kand. filol. nauk* [Dialect of the Village of Otskochny Dmitryashevsky District of the Voronezh Region (Phonetic System and Morphological Structure). Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 1953. (In Russian).
6. Sokolova N.K. *Obikhodno-bytovaya leksika v yazyke voronezhskikh gramot XVII v.: dis. ... kand. filol. nauk: v 2 ch* [Household Lexicon in the Language of Voronezh Letters of the 17th century. Cand. philol. sci. diss.: in 2 pts.]. Voronezh, 1966. (In Russian).
7. Sobinnikova V.I., Fetisova K.M. *Nablyudeniya nad leksikoy voronezhskikh govorov v svyazi s rabotoy nad oblastnym slovarom* [Observations on the vocabulary of Voronezh dialects in connection with the work on the regional dictionary]. *Sbornik materialov 2 nauchnoy sessii vuzov tsentral'no-chernozemnoy zony. Lingvisticheskiye nauki* [Proceedings of the 2nd Research Session of Universities of the Central Black Earth Zone. Linguistic Sciences.]. Voronezh, 1967. (In Russian).
8. Lyzhova L.K. *Leksicheskaya sinonimiya v dialekte (na materiale govora sela Khrenovogo Novousmanskogo rayona Voronezhskoy oblasti): dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical Synonymy in the Dialect (based on the Dialect of the Khrenovoye Village, Novousmansk District, Voronezh Region). Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 1973.
9. Kovalev G.F. *Voronezhskoye lingvokrayevedeniye* [Voronezh Linguo-Regional Studies]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2005, Issue 1, 303 p. (In Russian).
10. Kovalev G.F. *Mikrotoponimiya Voronezhskoy oblasti. Slovar'* [Microtoponymy of the Voronezh region. Dictionary]. Voronezh, Artifact Publ., 2007, 408 p. (In Russian).
11. Cherenkova A.D. *Voronezhskkiye dialektnyye teksty kak istochnik dlya izucheniya russkogo natsional'nogo yazyka, istorii i kul'tury naroda* [Voronezh Dialect Texts as a Source for Studying the Russian National Language, History and culture of People]. Voronezh, Poligraf Publ., 2009, 328 p. (In Russian).
12. Cherenkova A.D. *Sintaksicheskiye konstruktii s glagolami rechevogo vzaimodeystviya v govorakh Voronezhskoy oblasti* [Syntactic constructions with verbs of speech interaction in the Voronezh region dialects]. *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov «Voronezhskoye lingvokrayevedeniye». Vyp. 3* [Interuniversity Collected Scientific Works "Voronezh Linguo-Regional Studies". Issue 3]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2016, pp. 400-406. (In Russian).
13. Cherenkova A.D. *Mnozhestvennoye chislo imen sushchestvitel'nykh v talagayskikh govorakh kursko-orlovskogo tipa na territorii Voronezhskoy oblasti* [Plural of nouns in Talagai dialects of the Kursk-Oryol type on the territory of the Voronezh region]. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Aktual'nyye problemy russkoy dialektologii»* [Proceedings of the International Conference "Current Issues of Russian Defecology"]. Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS Publ., 2018, pp. 267-269. (In Russian).
14. Cherenkova A.D. *Dialektoye mnogoobraziye Voronezhskoy oblasti* [Dialectal diversity of the Voronezh region]. *Materialy 10 mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletiy»* [Proceedings of the 10th International Research Conference "Problems of Studying the Living Russian Word at the Turn of the Millennium"]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 176-184. (In Russian).
15. Avdeyeva M.T. *Slovar' ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region: in 2 vols.]. Voronezh, 2008, vol. 1. (In Russian).
16. Nedostupova L.V. *Sovremennoye sostoyaniye odnogo voronezhskogo govora (morfologicheskii aspekt)* [The current state of one Voronezh dialect (morphological aspect)]. *Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «I.I. Sreznevskiy i russkoye istoricheskoye yazykoznanie: opyt i perspektivy. 205-letiyu so dnya rozhdeniya I.I. Sreznevskogo»* [Collected Works of International Research and Practice Conference "I.I. Sreznevsky and Russian Historical Linguistics: Experience and Prospects. To the 205th anniversary of the birth of I.I. Sreznevsky"]. Ryazan, Ryazan State University named for S. Yesenin, 2017, pp. 322-327. (In Russian).
17. Lesnaya G.M. *Uchebnik ukrainskogo yazyka. Uroven' A1* [Ukrainian Language Textbook. Level 1]. Moscow, MGIMO University Publ., 2010. (In Russian).
18. Yartseva V.N. (ed.-in-chief). *Yazykoznanie: Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Big Encyclopaedical Dictionary]. 2nd ed. (reprint), Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1998, 682 p. (In Russian).
19. Bromley S.V., Bulatova L.N., Zakharova K.F. and others. *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, 223 p. (In Russian).

20. Yushchuk I.P. *Praktikum z pravopisu ukrains'koi movi*. Kiev, Osvita Publ., 2000. (In Ukrainian).
21. Matviyas I.G. *Ukrains'ka mova i ii govori*. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1990. (In Ukrainian).

Информация об авторах

Недоступова Любовь Винаминовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Вклад в статью: идея, цель, сбор первичного материала, анализ данных, обработка полученных результатов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1978-4725>

Поступила в редакцию 23.07.2020 г.

Поступила после рецензирования 14.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the authors

Lubov V. Nedostupova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Crosscultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Contribution: idea, purpose, source material acquisition, data analysis, research results processing, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1978-4725>

Received 23 July 2020

Reviewed 14 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-669-685
УДК 811.161.1'282

К вопросу о взаимодействии смоленских говоров и белорусского языка

Екатерина Сергеевна ЛУНЬКОВА

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2536-9886>, e-mail: ttf32lunkova@mail.ru

The issue of interaction of Smolensk patois and the Belarusian language

Ekaterina S. LUNKOVA

Smolensk State University
4 Przheval'skogo St., Smolensk 214000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2536-9886>, e-mail: ttf32lunkova@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования являются лексические параллели смоленских говоров, белорусского языка и пограничных витебских и могилёвских говоров. Актуальность исследования объясняется общей историей региона, близостью, а в отдельных случаях и тождественностью материальной и духовной культуры русско-белорусского пограничья. На всём протяжении российско-белорусской границы сложился языковой континуум, который представляет большой интерес для исследователей, поскольку демонстрирует с позиции синхронии параллельное существование целого ряда лексических образований, которые некогда были частью одного языкового идиома. Известен факт, что современный белорусский язык сложился на основе белорусских говоров. Некоторые из слов смоленских говоров обнаруживаются не только в пограничных со Смоленщиной белорусских говорах, но и в современном белорусском языке. В результате проведённого исследования были определены более 100 непроизводных диалектных конкретно-предметных существительных, которые находят соответствие в смоленских говорах и в белорусском языке и наряду с этим обнаруживаются в соседних со смоленскими витебских и могилевских говорах. Сделан вывод о лексических особенностях смоленских говоров в контексте их взаимодействия с белорусским языком и белорусскими говорами.

Ключевые слова: диалект; непроизводные существительные; лексические параллели

Для цитирования: Лунькова Е.С. К вопросу о взаимодействии смоленских говоров и белорусского языка // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 669-685. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-669-685

Abstract. The subject of the study is the lexical parallels of the Smolensk patois, the Belarusian language, and the borderline Vitebsk and Mogilev patois. The relevance of the study is explained by the general history of the region, the proximity, and sometimes identity of the material and spiritual culture of the Russian-Belarusian border area. A language continuum is developed along the Russian-Belarusian border, which is of great interest to researchers, since it demonstrates the parallel existence of a number of lexical entities that were once part of a single language idiom from the point of view of synchrony. It is known that the modern Belarusian language is formed based on Belarusian patois. Some of the words of the Smolensk patois are found not only in the Belarusian patois bordering the Smolensk Region, but also in the modern Belarusian language. As a result of the research, the article identified more than 100 non-derivative dialect concrete-subject nouns that find a match in the Smolensk patois and in the Belarusian language and along with this are found in the neighboring Smolensk Vitebsk and Mogilev patois. We conclude that the lexical features of Smolensk patois in the context of their interaction with the Belarusian language and Belarusian patois.

Keywords: dialect; non-derivative nouns; lexical parallels

For citation: Lunkova E.S. K voprosu o vzaimodeystvii smolenskikh govorov i belorusskogo yazyka [The issue of interaction of Smolensk patois and the Belarusian language (part 1)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 669-685. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-669-685 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Целью данного исследования было рассмотреть соотношение смоленской непроизводной диалектной лексики, обладающей конкретно-предметным значением, с аналогичными лексическими единицами белорусского языка и белорусских говоров, пограничных со смоленскими, – витебскими и могилёвскими. Вся обнаруженная лексика с синхронной точки зрения может быть представлена как лексические параллели, поскольку очевидно, что описываемые слова в какое-то время в прошлом принадлежали единому диалектному континууму, но сейчас входят в самостоятельные, хотя и достаточно близкие, языковые образования (идиомы) и являются важными структурными элементами каждого. Вопросы об этимологии непроизводных диалектных конкретно-предметных существительных, путях распространения этой лексики, лингвогеографической дистрибуции (изоглоссах) отдельных лексем в статье не рассматриваются и могут быть предметом дальнейшего изучения.

Описываемая в статье смоленская диалектная лексика, извлечённая из «Словаря смоленских говоров», обнаруживает лексические параллели в современном белорусском языке, она зафиксирована в «Толковом словаре белорусского языка» («Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» [ТСБМ]). В смоленских говорах слова по определению не могут иметь никаких совпадений с русским литературным языком – дифференцирующий принцип является основополагающим при выделении диалектизмов, но в отношении белорусского языка складывается иная ситуация. Смоленские диалектные слова можно найти в белорусском языке, и это связано со сложной историей его формирования: в основу белорусского языка были положены среднебелорусские говоры, являющиеся переходными между юго-западной и северо-восточной диалектными группировками. Другой особенностью белорусского языка является сложное взаимодействие с русским языком и русскими народными говорами и

наличие большого количества форм речи на их основе. Кроме русского языка, белорусский язык испытывал значительное влияние польского и, в меньшей мере, литовского языков, с этим связан тот факт, что в настоящее время в смоленских говорах можно обнаружить достаточно большое количество полонизмов, пришедших на территорию Смоленщины, скорее всего, через белорусский язык и белорусские говоры; некоторая часть этой лексики также рассматривается в данной работе без дополнительного указания на этимологию.

В данной статье рассматриваются не только пары лексических совпадений смоленских говоров и белорусского языка, но и диалектная лексика русско-белорусского пограничья, то есть витебских и могилёвских говоров (исследование в этой части проводилось по «Региональному словарю Витебщины» («Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны») и по «Материалам для областного словаря Могилёвщины» («Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны»)), то есть были установлены факты лексических параллелей в трёх относительно самостоятельных языковых образованиях: смоленских говорах, белорусских говорах и белорусском языке. Этот критерий является определяющим для установления характера лексической системы смоленских говоров и отвечает на вопрос, правомерно ли рассматривать их как переходные русско-белорусские говоры на современном этапе развития диалектных идиомов. Ответ на этот вопрос попробуем дать после описания исследуемого диалектного материала.

Весь объём описываемой лексики белорусского языка, совпадающей со смоленскими диалектизмами, с учётом лексикографических характеристик лексем может быть поделён на две группы: общеупотребительные белорусские слова, лишённые каких-либо помет, и слова, сфера употребления которых ограничена, то есть они сопровождаются пометами. В ходе исследования были обна-

ружены лексические параллели белорусского языка с пометами «областное», «разговорное», «историческое», «специальное». Первая группа включает 60, вторая – 54 единицы.

Слова первой группы полностью совпадают или достаточно близко сходятся в лексическом значении одновременно и в смоленских, и в пограничных белорусских говорах, и в белорусском языке, следовательно, принадлежат к одному пласту устойчивого диалектного континуума, который, по всей видимости, сложился до середины XIX века и вошёл позднее в языковое образование, легшее в основу современного белорусского языка.

Принято считать, что современный белорусский язык включает в себя литературный белорусский язык и белорусские говоры, поэтому каждый случай лексической параллели из белорусского языка будем снабжать в настоящем исследовании пометой «лит. белор.» – литературный белорусский язык. Случаи диалектизмов в ТБСМ отмечены пометой «областное», в нашей работе речь о них будет вестись ниже, но в целях сохранения единообразного порядка описания для каждого обнаруженного «областного» слова будем давать ту же помету «лит. белор.».

Рассмотрим подробнее лексическое наполнение первой группы, которую составляют следующие подгруппы.

1.1. Подгруппа полных соответствий с белорусским языком и пограничными белорусскими говорами.

В «Толковом словаре белорусского языка» нет никаких специальных помет для этих существительных, то есть они осознаются как общеупотребительные в белорусском языке и не являются диалектными, в отличие от смоленских говоров. Каждое из описываемых слов в несколько изменённом виде, чаще всего фонетического диалектизма, встречается в пограничных белорусских говорах, сохраняя в полном объёме своё лексическое значение. Всего в этой группе 36 слов, каждое слово иллюстрируется как минимум тремя лексическими единицами:

андарак '1. Сарафан из домотканого сукна. 2. Юбка из домотканого сукна или льняного полотна: ета юпка ткая с сьмь-

тканьва сукна, бабы насили. 3. Вид верхней крестьянской одежды из сукна' (смол.)

андрак 'андарак: які ш красівы андрак' (могил.)

андарак 'саматканая паласатая або клятчастая спадніца: доўгі андарак цягнуўся краем па падлозе' (лит. белор.)

балька '1. Строевое бревно: зимой усё болей бальки вазили на рюм, анну ти две бальки; 2. Длинное ровное бревно, укрепённое концами в противоположные стены, служащее для поддержания крыши, пола, потолка и т. д.; балка: плыхая хата, бальки пыталок ня держуть' (смол.)

балька, банька '1. Бэлка: на бальку ў хаце вешалі люлюку. 2. Любое бевьяно; калода, прызначаная для распілоўвання на дошкі: тапор ляжыць там, на балькі' (витеб.)

бэлка 'драўляны, жалезны або жалезабетонны брус, які ўмацаваны канцамі ў дзве процілеглыя сцяны або ўстоі і служыць падтрымкай насцілу (падлогі, столі і інш.): першыя бэлки працягнуліся над адным паверхам' (лит. белор.)

беклага 'деревянный или глиняный сосуд (ведро, бочонок) для хозяйственных нужд: кадушка кругля с дасок, точна вядро, но вядро кнizu вузы, а биклага визде роуныя' (смол.)

біклага 'маленькая бочка: ў біклагу ячмень, жыта сыпле, капусту квасім' (витеб.)

біклага 'невялікая драўляная ці металічная пасудзіна для вады: круглая дубовая біклага' (лит. белор.)

брыжы 'оборки, пришитые по краям одежды: яна ідэць па вулицы, а у няе уся юпка в брыжах' (смол.)

брынджы 'брыжы ў адзенні: я хвартук пашыла з моднымі брынджымі' (могил.)

брыжы 'вузкая палоска тканіны, сабраная ў зборачкі, якой аздабляюць адзенне і інш.: тут ёсць абрус з брыжамі' (лит. белор.)

брыль 'шляпа мужская, женская или детская, с полями или без них: раньшы брыль гъварили, а цяпер гаворюць кепка' (смол.)

брыль 'капялюш' (могил.)

брыль 'капялюш: самадзельныя саламяныя брылі' (лит. белор.)

ганки, ганок ‘крыльцо с навесом или без него вместе со ступеньками: диривянныя крыльцо, с приступками, ета и есь ганки’ (смол.)

ганачкі ‘сходкі, сходы: каждый год раўняем ганачкі ў паграбню’ (могил.)

ганак ‘прыбудова перад уваходам у дом у выглядзе пляцоўкі з прыступкамі: ганак зроблен з дошак у тры прыступкі’ (лит. белор.)

гарец ‘гарнец: гарцы дельти с липы’ (смол.)

гарнік, гарніца ‘гарнец, мера сыпкіх цел: хацелася бліноў паесці, а ў гарніку саўсім пуста’ (витеб.)

гарнец ‘1. Мера сыпкіх і вадкіх цел, роўная 3,28 літра, якой карысталіся да ўвядзення метрычнай сістэмы мер: гарнец жыта, гарнец гарэлкі. 2. Пасудзіна такой ёмістасці: селянін з гарцам ішоў у пуставаты свіран’ (лит. белор.)

гэбель ‘рубанок: хырашо стругаить гебиль’ (смол.)

габэлік, габэльчык, габлюшок ‘памяньш. геблік: ‘вот парабатаю габэлікам трохі, і даска да столі будзіць як завадская’ (витеб.)

гэбель ‘сталярны інструмент у выглядзе калодкі з клінам і шырокім лязом для стругання дрэва: інструменты – гэблі, пілкі, дрэль, долаты ўсіх калібраў; гэблік памяншальная форма да гэбель; невялікі гэбель’ (лит. белор.)

дерюга ‘покрывало из грубого домотканого холста: дярюги мы сами ткали, патом нъкрывалісь йими’ (смол.)

дзяру́га ‘коўдра’ (могил.)

дзяруга ‘тоўстая грубая тканіна: ткаць дзяругу’ (лит. белор.)

засёк ‘1. Закром, сусек: зярно усигда хранили у засекъх. 2. Отгороженное место в сарае: иди паспи у засики. 3. Углубление спереди печи, куда ставятся сковороды’ (смол.)

засек ‘абгароджанае месца для свойскай жывёлы: вутак нада ў засек загнаць’ (витеб.)

засек ‘адгароджанае месца ў свірне, клеці для захавання збожжжа, мукі: высокія засекі напоўнены збожжжам’ (лит. белор.)

кадуба ‘небольшая долблёная кадка, предназначенная для хранения соли: соль ляжыць у кадубі у нас’ (смол.)

кадуба ‘кадаўб, бочка, выдзеўбаная з суцэльнага кавалка дрэва: была і ў нас кадуба, а цяпер яе на дровы пусцілі’ (витеб.)

кадаўб ‘драўляная пасудзіна, выдзеўбаная з суцэльнага кавалка драўніны: кадаўб – ета тоўстая калода, выдзеўбаная ўнутры, з дзіркай убакў’ (лит. белор.)

канапа ‘небольшой деревянный диван: нейди спать – лажысь нъ кынапў’ (смол.)

канапа ‘канапа; лава, ці змацаваныя дошкі для сядзення, сьпаньня: пысыцалі мне ны канапі’ (могил.)

канапа ‘прадмет мяккай мэблі для сядзення і ляжання, са спінкай і падлакотнікамі: пры сцяне стаяла масіўная канапа’ (лит. белор.)

капелюха ‘мужской головной убор (фуражка, шапка и под.): кыпялюха, шапка с вушами, зимня’ (смол.)

капялюха ‘капелюш: надзеў сабе капялюху, дай думаець, што паў’ (могил.)

капялюш ‘галаўны ўбор, мужчынскі – з палямі, жаночы – розных фасонаў: саламяны капялюш’ (лит. белор.)

кварт ‘кружка: раньшы пайдеш жать жыта, возьмеш в вядре кваску и кварту с сабой’ (смол.)

кварт ‘кубак, конаўка: поўную кварту малака наліла’ (витеб.)

кварта ‘даўнейшая мера вадкіх і сыпкіх рэчываў, роўная чацвёртай частцы гарца, або 0,70577 літра: кварта жыта’ (лит. белор.)

клумка ‘холщовая или клеенчатая сумка, котомка: увизала клумку и уехля’ (смол.)

клумак ‘клунак, хотуль: ‘уперад сумак не вялося, дык завяжыш у клумак і за плечы’ (витеб.)

клумка ‘клунак: зьнялі гэту клумку’ (могил.)

клунак, клумак ‘дробныя рэчы, пажыткі, звязаныя хусткай, кавалкам матэрыі або складзеныя ў торбу: спакаваў ўсю дробязь у клункі’ (лит. белор.)

коловрат ‘1. Коловорот. 2. Колодезный вал: нъ струби калоцца – кылаврат. 3. Ворота: кыльураты тясавы дельілі’ (смол.)

кловарат *‘вароты: кловарат ужо не зачыняецца, скоро разваліцца (могил.)*

калаўрот *‘1. Прыстасаванне для ручнога прадзення кудзелі, якое прыводзіцца ў рух панажом: у левым куце на лаве стаіць калаўрот. 2. Прыстасаванне для падымання грузаў, вал з ручкай, на які намотваецца канат, ланцуг: размотваць на калаўроце ланцугі (лит. белор.)*

котух *‘помещение для домашних животных; хлев; отгороженное в хлеву место для мелко́го скота: зъдельй катух для авеі (смол.)*

котух *‘катух, невялікі хлёў або адгароджаная ў ім месца: у котуху на бульбе стаіць кошык (витеб.)*

катух *‘хлёўчык (лит. белор.)*

кош *‘1. Долблёный улей для ловли пчелиного роя: я у кош два роя пыймаў летысь. 2. Рыболовный снаряд в виде корзины, сплетённой из прутьев, суживающейся кверху: кош шыры и карочи вершый. 3. Деревянный бункер на мельнице, в который засыпается зерно: зярно у кош сыпць будим’ (смол.)*

куша *‘прылада для збору пчалінага рою, зробленая з кары дуба: добрая куша атрымалася’ (витеб.)*

кош *‘1. Плецёная з лазы, карэння і інш. круглая пасудзіна для складання і пераноскі чаго-н.: плесці кош, кош бульбы. 2. Сплечёная з лазы скрыня, якая ўстанаўліваецца на возе для перавозкі бульбы, мякіны ці іншых сыпкіх рэчываў. 3. Скрынка ў млыне над жорнамі, у якую засыпаюць збожжжа для памолу: засыпаць збажыну ў коіш(лит. белор.)*

крёква *‘стропило: у избе крёквы пыставили’ (смол.)*

крокла, крыквіна *‘кроква: наша крокла на хаце дужа падгніла’ (витеб.)*

кроква *‘два брусy, верхнімі канцамі злучэння пад вуглом, а ніжнімі прымацаваныя да бэлек або да верхняга вянца падоўжных сцен; аснова для страхі, утвораная з раду злучаных такім чынам брусоў: зруб пакрыўся сеткай крокваў і лаі (лит. белор.)*

ліштвa *‘узорное тканье, вышивка (часто в виде нашивок) на концах полотенец для*

икон, на наволочках, рубахах: усякья вышывка — ета ліштвa (смол.)

ліштвы *‘ліштвa; карункі: я ліштвы сама рабіла на рушнікі (могил.)*

ліштвa *‘1. Накладная, звычайна фігурная планка вакол дзвярнога ці аконнага праёма: дом быў невялікі, з узорыстымі ліштвaмі. 2. Падгорнутая або нашытая палоска матэрыі для аддзелкі, падрубкі: пачаў абмацаваць ліштвu, па якой зашпільвалася кашуля (лит. белор.)*

луста *‘еда, которую берут с собой, отправляясь на работу на целый день: у яго сянні харошыя луста: і яйцы, і сала, і гуркі’ (смол.)*

луста *‘ежа, якую бралі з сабою ў поле, у дарогу: гатуй мне ў торбу лусту: хлеб, сала, яшчэ што-небудзь’ (витеб.)*

луста *‘адрэзаны вялікі плоскі кавалак (хлеба, сала і г. д.): маці памазала маслам лусту хлеба (лит. белор.)*

нит *‘часть ткацкого станка, которая состоит из двух параллельных деревянных реек, между которыми особым способом натянуты нитки: нитки с кросин пьдывались у нит, а с нита у бёрда; кыда ткуть, два нита ходють’ (смол.)*

ніты *‘ніт, злучэнне ніцяных петляў у ткацкім станку для падымання нітак асновы: у ніты нітачкі паўцягваеім і ткаць пачынаеім’ (витеб.)*

ніт *‘злучэнне ніцяных петляў у ткацкім стаяку для падымання нітак асновы: укідаць аснову ў ніты (лит. белор.)*

но́жни *‘ножницы: ножни ён вазьмёт и усех астригёт’ (смол.)*

но́жні *‘нажніцы: ножні зязлезныя паклала, не ведаю куды’ (витеб.)*

ножны *‘вялікія нажніцы: садовыя ножны (лит. белор.)*

но́рот *‘приспособление для ловли рыбы, сделанное из прутьев и крепких ниток: рыбу хьрашо норьтём лавить (смол.)*

наро́т *‘нерат: усякая рыбы ў нароты залазіла: рак, курмялькі, ясь, клейка (витеб.)*

нерат *‘рыбалоўная снась, сплечёная з лазовых дубцоў, у выглядзе доўгага конуса з кароткім конусападобным уваходам; верша:*

хляпчукі кошыкамі і нератамі лавілі ўюноў і карасёў (лит. белор.)

абічка *‘обод решета*: абичку деляли с кары липывый (смол.)

абечка *‘вобад рэшата, сіта і інш.*: абыдраў старую ліпіну і здзелаў абечку ў рэшата (витеб.)

абечак *‘лубяны абадок у рэшаце, сіце і пад.*: знізу калодка, потым абечак (лит. белор.)

абр’отъ *‘1. Конская узда без удил, недоуздок*: нада абр’отъ каню адеть. *2. Верёвка*: вазьмі абр’отъ , саломки нямнога прынясі (смол.)

абраця, абрыця, абр’отка *‘аброць*: абраця і дуга новыя (витеб.)

аброць *‘прадмет вупражы, які надзяецца каню на галаву*: трымай каня за аброць (лит. белор.)

’очеп *‘колодезный журавль*: жардина тыкая былшая – эта нызываецца вочіі (смол.)

ачыпак *‘вочап*: ваду нечым набраць – ачыпак зламалі (витеб.)

вочап *‘шост, да якога прымацоўваецца калодзежнае вядро*: зарыпаў над студняю вочаі (лит. белор.)

пантофля *‘баишмак*: какии красивыи пантохли купиў (смол.)

антофлі, антоплі, пантоплі *‘дамашнія туфлі, пантофлі*: на падарак пантоплі купілі (витеб.)

пантофлі *‘дамашнія туфлі, звычайна без заднікаў*: пакоі ў мяккіх пантофлях (лит. белор.)

парк’ан *‘изгородь, частокол*: какей пыркан харошый , пькрашын, достки новыі (смол.)

парк’аннік, парг’ан *‘паркан*: паставілі новы паргаі (витеб.)

паркан *‘агароджа з бяровёнаў, шыкецін або мураваная*: будынкі новыя, агароджаныя парканам з бяровёнаў (лит. белор.)

паст’атъ *‘полоса ржи, льна и под., отве-д’енная одному работнику*: мяя пьстатъ скоро кончицца (смол.)

пастадзь *‘паласа збажыны, якую займае адна жняў у час жніва, постаць*: раней нам давалі пастадзі, і кажная гнала сваю (витеб.)

паст’аць *‘постаць, палоска збажыны, занятая адной жняў у час жніва*: скончу сваю пыстаць і пайдз двару (могил.)

постаць *‘палоска жыта або іншай збажыны, занятая адной жняў у час жніва*: мы стаім пры доўгай постаці (лит. белор.)

рэзвы, рэзвыны *‘приспособление для переноски сена, соломы скоту*: рэзвы – эта сплятёны с тонких вярёвычых, как сети, и пу быкам загнуты диривянныи калечкы (смол.)

рэзбіны, рэзвіны, рэзгіны: бацька прынёс на сабе рэзвіны саломы на патэці (могил.)

рэзгіны *‘прыстасаванне насіць сена, салому, зробленае з вярочнай сеткі, нацягнутай на сагнутыя пруткі, лужкі*: рэзгіны з сенам (лит. белор.)

свёрдел *‘сверло*: свердилъм дыр’чку здельнюць, выда и ллещ’а (смол.)

свардзёл *‘свердел; инструмент для ручного свідравання*: бяры свардзёл і начынай работу (витеб.)

свердел *‘инструмент для свідравання дзірак у дрэве, метале і інш.*: свердел упіўся ў жалеза (лит. белор.)

скрыль, скрыля *‘ломоть*: скрыль хлеба с соллю , крушка квасу – во табе и вужыі (смол.)

скрыі *‘скрыль* (витеб.)

скрыль *‘адрэзаны вялікі кусок чаго-н. для яды*: вялікая міска з буйнымі скрылямі сала (лит. белор.)

соша *‘шоссе*: як выйдзіць м’ладёш , уся съша гряміть (смол.)

соша *‘шаша*: астарожна едзьця, як выберацця на сош (витеб.)

шаша *‘дарога, мошчаная шчэбенем, накрытая асфальтам або іншым цвёрдым накрыццём, прызначаная для руху бязрэйкавага транспарту*: з шашы даносіўся грукат (лит. белор.)

чэрэп’ок *‘глиняная посуда*: чыряпок м’лыка наллю – усё съідають (смол.)

чар’яп’ок, чар’опка, чар’ёпка *‘1. Глыбокая жалезная міска: пріясі са двара сабаччу чар’ёпку. 2. Разбітая пасудзіна, бляшанка*: чар’япок не вык ідавай: у хазяйстве пр ігадзіцца, сабаку можна даваць (витеб.)

чарапок ¹. *Абломак, асколак разбітага глінянага, чыгуннага або фарфоравага вырабу: на падлозе валяліся чарапкі разбітага посуду. 2. Невялікі гаршчок, міска або кубак: пойдзем шукаць гліны, можа злепім які чарапок* (лит. белор.)

шўфля *‘совковая лопата: шухлий зярно зыгрібають* (смол.)

шүфаль, шүхаль, шүхля *‘шүфель: найдзі шүфаль і павыкідай адсюль пясок* (витеб.)

шүфель *‘шырокая, глыбокая лапата, прызначаная, галоўным чынам, для перасыпання сыпучых рэчываў: набраў шүфель жыта* (лит. белор.)

В рамках первой группы можно отдельно отметить слова (всего семь единиц), у которых обнаруживается общая сема, но частные значения начинают расходиться и постепенно меняться в говорах и в белорусском языке, что в перспективе может привести к существенным изменениям в объёме лексического значения диалектизмов. Рассмотрим эти слова подробнее:

балёя *‘деревянное или железное корыто (ванна, ушат) для стирки белья: бяллё стіралі у баленх, балей дельлысь с жести*’ (смол.)

балейка *‘драўлянае вядро: цэлую балейку вішань набірала*’ (витеб.)

балёя *‘вялікая нізкая пасудзіна з драўляных клёпак або металічная, у якой звычайна мыюць бялізну: цётка адхінулася ад балей*’ (лит. белор.)

буда *‘строение, постройка: якую эта ён сабе буду выстрыну*’ (смол.)

буда *‘будан; памяшканне для дроў: тапор у будзе ляжыць*’ (витеб.)

буда ¹. *Верх, накрыццё воза, брычкі, карэты і пад.: закладалі фазтон і ставілі буду. Самулёнак. 2. Крыты дарожны воз: балаголаўская буда. 3. Шалаш, будан: стаўлялі ў лесе свае буды цыганы* (лит. белор.)

жерелó *‘отверстие в чём-либо или куда-либо: ссыпали прямиа у жырыяло картошку*’ (смол.)

жаралó *‘лаз у пограб, а таксама дзірка, у якую сыплюць бульбу: жырыяло закрываць нада на ныч*’ (могил.)

жарало *‘глыбокая адтуліна ў чым-н.: жарало вулкана*’ (лит. белор.)

капшук *‘кожаный мешочек, привешиваемый к поясу // мешочек, сумочка для хранения документов: у кажныга вучиника раньшы был капшук*’ (смол.)

капшук *‘гаспадарчая сумка, торба: вылажы хлеб з капшука*’ (витеб.)

капшук *‘мяшочак для тытуню, махоркі, які сцягваецца шнурком; кісет: дастаў капшук з самасада*’ (лит. белор.)

кубел *‘кадка или ушат с крышкой для хранения сала и других мясных продуктов: поўный кубил сала наложын*’ (смол.)

кубал *‘кошык: поўныя кубалы бульбы прынеслі*’ (витеб.)

кубел *‘дзежка з вушкамі і векам, звычайна для захоўвання прадуктаў і рэчаў: ён адчыніў кубел выняў кавалак сала*’ (лит. белор.)

кухоль *‘горшок: прйдеш дамой і тама целый кухыль мылыка выпьіш*’ (смол.)

кухлік *‘кубак, конаўка: прынясі мне вады кухлік*’ (витеб.)

куфель, кухаль *‘бакал для піва: па шкле куфля плыла белая пенá*’ (лит. белор.)

осмóлок *‘крупная лучина: асмольк – ета пакольтэя крупнэя лучина*’ (смол.)

асмалак *‘смаляк, смалісты кавалак дрэва: прынесі асмалак печ падтапіць*’ (витеб.)

асмалак *‘кавалак абвугленага дрэва, галавешка: яловы асмалак*’ (лит. белор.)

1.2. Во вторую подгруппу входят 11 слов, частично совпадающих по лексическому значению в смоленских говорах и пограничных белорусских говорах и полностью – в смоленских говорах и в белорусском языке (в последнем без всяких дополнительных помет):

гарс *‘гарус: гарс – чыстыя шерсь, с яе платкі бальшы дельлі*’ (смол.)

гарус ¹. *Кручаная мяккая каляровая шарсцяная пражэ: вязаць з гарусу. 2. Баваўняная тканіна, падобная на шарсцяную* (лит. белор.)

гурусок ‘невялікая летняя хустка: зывяжы новы́й гурусок’ (могил.)

камлёт ‘1. Шерстяная ткань: раньшы мы и камлёты сами ткалі. 2. Сарафан, юбка из камлотовой ткани: цяпер камлёты няносяць’ (смаг.)

камлот ‘тоўстая баваўняная або шарсцяная тканіна з чорных і карычневых нітак’ (літ. белар.)

каллёт ‘верхняя спадніца: каллёт так ткуць – бяруць дзье партныя і адну суконную нітку і піраплітаюць’ (могил.)

комель ‘нижняя часть снопа; нижний конец венка: у снапа тоустый камель’ (смаг.)

камель ‘перавязаны канец снапа, венка і пад.: мацалі снапы, прабіваючы іхнія камлі і затыкаючы глыбока руку, каб знайсці, ці няма дзе мокрага ці гнілога’ (літ. белар.)

камлюшок ‘сцёрты венок: мост націраць будзяце камлюшком во етым’ (могил.)

комин ‘1. Передняя часть русской печи над устьем: нада комин пубяліць, зыкаптеу весь. 2. Горизонтальная часть дымохода, соединяющая печь с трубой: пьлажи спички на комин. 3. Печная труба, дымоход: мы и комин рана зыкрываем, а у нас халонна’ (смаг.)

комін ‘труба для адрову дыму з печы: над комінам ўзнямаўся празрысты дымок’ (літ. белар.)

камянок ‘выступ у печы: на камянку ляжаць рукавіцы’ (могил.)

копыл ‘1. Колодка для плетения лаптей: капыл к мыску шыры, у пятку вужы. 2. Мотыга: ані кыпылюць кыпылом картохлю’ (смаг.)

капыл ‘1. Кавалак дрэва ў форме ступні, на якім шавец робіць абутак: каб абутак шыць па мерцы, капылы падбіраеш. 2. Адзін з драўляных брускоў, якія ўстаўляюцца ў палазы і служаць апорай для кузава саней: з якога дрэва лепш зрабіць капыл’ (літ. белар.)

капыл ‘прылада, якой робяць карыта: папрасі капыла ды карыта здзелый’ (могил.)

кулеш ‘жидкая каша, похлёбка из крупы или муки с добавлением мяса или сала: ти на-да здельть вам куляшу’ (смаг.)

кулеш ‘рэдка мучная каша з салам: ў пузатым чыгуну булькатаў кулеші’ (літ. белар.)

кулеш ‘куліч, выпечка з мукі: кулешы я печ пяку: салодкія, укусныя палучаюцца’ (могил.)

лайба ‘большая лодка, баржа: лайбу у стьрину тигали двинаццць мужыкоу съ Смагенску дь Дьрґабужа’ (смаг.)

лайба ‘вялікая парусная лодка, звычайна з дзвюма мачтамі і косымі парусамі (на Балтыйскім і Белым морах, на Дняпры і Днястры): плылі па рацэ баржы, баркі, лайбы’ (літ. белар.)

лайба ‘вялікі воз для перавозкі сена: у дварэ стаіць лайба, поўная сена’ (витеб.)

лямец ‘войлочная прокладка, покрывающая внутреннюю сторону хомута, седла, седёлки: дельицца ляміц из воуны, штоба ня тёрли кожу’ (смаг.)

лямец ‘тоўсты, шчыльны матэрыял, звалены з шэрсці, воўны: абабіць дзверы лямцам, падшыць валёнкі лямцам’ (літ. белар.)

лямцы ‘лейцы: вядзі каня за лямцы’ (витеб.)

пак ‘большой пакет, тюк, связка, кипа чего-либо: бяры етът пак, ён лехчи’ (смаг.)

пак ‘стос або вязка пэўных прадметаў: пак газет’ (літ. белар.)

пак ‘куфар: раней, калі маладая замуж ішла, то брала з сабой пак’ (витеб.)

скіба ‘ломоть, кусок (чаще о хлебе): раньшы скибу атрежуть, вазьмеш яе у поля, і цэлы дзень етим сыт’ (смаг.)

скіба ‘1. Луста (звычайна хлеба): дзядзька рэжа таўшчэзнымі скібамі хлеб. 2. Пласт узаранай зямлі: скібы цёплай зямлі’ (літ. белар.)

скіба ‘пласт узаранай зямлі: садзім буракі на скібе’ (витеб.)

тарка ‘тёрка: хрену ныкыпала дь ны тарку патёрла’ (смаг.)

тарка ‘прадмет кухоннага ўжытку – металічная пласцінка з дзіркамі, якая служыць для раздрання, расцірання чаго-н:

ён, рукавы закасаўшы, па тарцы шоргаў (лит. белор.)

тарка ‘дошка для мыцця бялізны: на тарку лягчэй плацце памыць’ (витеб.)

1.3. В третью подгруппу можно объединить шесть слов, которые сохраняют одинаковое лексическое значение в смоленских, витебских и могилёвских говорах, но при этом в белорусском языке имеют новые оттенки значения или даже новые значения, метафорически связанные с диалектными. Можно предположить, что слова этой группы входили в достаточно устойчивое ядро лексики в говорах русско-белорусского пограничья, а в белорусский язык эти же слова пришли из других групп белорусских говоров. Примечателен тот факт, что слов в данной подгруппе почти в два раза меньше, чем в предыдущей, где собраны смоленские диалектизмы, совпадающие с белорусским языком и различающиеся по семантике с похожими единицами белорусских говоров, – логично было бы предположить обратное соотношение, если взять в учёт территориальную близость диалектизмов; диалектный язык, однако, живёт по собственным законам, не всегда объяснимым пространственной сопряжённостью.

запон ‘фартук с нагрудником: матка сашьёт мне сатиньвый запън’ (смол.)

запан, запінак, зупанок ‘фартух: я заўсігда за мацін запан трымалася’ (витеб.)

запона ‘накрывала для ног у брычцы: сядок прыкрыў ногі запонай’ (лит. белор.)

казуятка ‘тёплая женская безрукавка, жилетка: пызави дачку, ей матка кузуютку нясець’ (смол.)

казыятка ‘безрукаўка: ну ў цябе ж казыятка, кароценькая дужа’ (витеб.)

казінет ‘від (даўнейшай) тоўстай баваўнянай або паўшарсцяной тканіны для верхняга адзення’ (лит. белор.)

латка ‘миска глиняная, алюминиевая, деревянная: налей супу у латку ды еш’ (смол.)

латка, ладка ‘глиняная або драўляная миска: ўчора смітаны цэлая латка вышла’ (витеб.)

латка ‘глиняная або драўляная миска: нашчыпі цыбулі, нытаўкі ў латкі, будзім абедыць’ (могил.)

латка ‘пра што-н. невялікага памеру: ці ж гэта аўчына, што з яе каўнер выкраіш, латка адна’ (лит. белор.)

ості ‘орудие для ловли рыбы в виде железной вилки с зубцами, острога: бацька у рыбу пашоу, узяў асти’ (смол.)

осць, осці ‘прылада з вострымі жалезнымі прутамі для лоўлі рыбы: у яго осці, таптун, удачка, сеткі, ён кожны дзень ходзіць на рыбу’ (витеб.)

асцё ‘тонкія, доўгія асцюкі на каласах некаторых злакаў (ячменю, жыта, пшаніцы)’ (лит. белор.)

асушкі ‘домашнее сдобное печенье: асушкі нў дарогу спикла’ (смол.)

асушкі ‘самаробнае пячэнне: маці напекла смачных асушак’ (могил.)

асушак ‘край булкі свежага хлеба; сухі кавалак хлеба: дзядзька адламаў кавалачак асушка’ (лит. белор.)

пруг ‘приспособление в ткацком стане для натягивания полотна: прух – ета две даски, збитыи хрест-нахрест, бяруць яго, кыда тонкий лён ткуць’ (смол.)

пругі ‘прыстасаванне для нацягвання краёў палатна ў кроснах: у палатно ўтыкаліся пругі, каб не сцягвалася тканіна пры тканні’ (витеб.)

пруг ‘падоўжная палоска па краі тканіны’ (лит. белор.)

2. Вторую большую группу смоленской непроизводной лексики, находящей отражение в белорусском языке, составляют слова, снабжённые в ТСБМ разными пометами: обласное, разговорное, историческое, специальное. Характерная особенность этих слов заключается в том, что они функционируют и в смоленских говорах, и в пограничных белорусских говорах, и в белорусском литературном языке, при этом в белорусском языке они снабжены указанными выше пометами, то есть характеризуются не как общеупотребительные, а как слова с ограниченной сферой употребления. Рассмотрим каждую подгруппу этих слов подробнее.

2.1. С пометой «областное слово» в ТСБМ было обнаружено 26 диалектных слов; ещё раз нужно отметить, что эти слова также обнаруживаются в витебских и могилевских говорах, то есть подтверждают региональный статус единиц в белорусском языке:

апликі ‘крючки, которые вишиваются в торбу’ (смол.)

аплік ‘гаплік: зашпілі кофту на аплік’ (витеб.)

аплік ‘металічны кручок для зашпільвання адзення: аплікі дамаатканай жакеткі (лит. белор.)

болона ‘рама’ (смол.)

балона ‘балонка; аконнае шкло, шыба: я жа табе дзесяць раз казалася, каб ты вымыл балоны’ (витеб.)

балонка ‘аконнае шкло, шыба: балонка акна (лит. белор.)

берно ‘бревно: пьдгнило еть нижняя бярно у хати, нада яго змянить’ (смол.)

бярно ‘бервяно: тое бярно пойдзе на дошкі’ (витеб.)

бярно ‘бервяно: бярно сцяны (лит. белор.)

верёнька ‘верёвочная плетёнка для сена в дорогу: сена налош поуныю вярёньку’ (смол.)

вярэнька ‘сплечены з бяросты кошык з накрыўкай: вазьмем вярэнькі і пойдзем у магазін’ (витеб.)

вярэнька ‘сплечены з бяросты кошык з накрыўкай: ускінуць на плечы вярэньку (лит. белор.)

гаплюк ‘крючок у верхняй одежды: гаплюк ёсь на кохты, а пятелькі нікак ня зделью’ (смол.)

гаплюк ‘гузік: трэба гаплюкі ў кашулі перашыць’ (витеб.)

гаплік ‘аплік: расшпіліць гаплікі шыняля (лит. белор.)

груба ‘небольшая печь с лежанкой при общем дымоходе с русской печью: малинькыя тыкая печка – груба ти групка’ (смол.)

груба ‘грубка: у грубе вытапілі, цяпер цёпла’ (витеб.)

груба ‘грубка: сяджу каля цёплай грубы (лит. белор.)

грюца ‘кушанье из гречневой крупы: аббивали у ступи шылуху, с етый крупы, с целых зёрин дельили грюцу’ (смол.)

грюца ‘1. Ячменныя крупы: груца ляжыць у нас у пуні. 2. Каша з ячменных круп, з сумесі круп з фасоллю: я груцу зварыла’ (витеб.)

грюца ‘ячменныя крупы, а таксама каша з гэтых круп: пудзік хлеба груцы (лит. белор.)

жычка ‘тканая узорчатая ленточка для чепца, украшенная бисером: жычку прышывали нь шапку, чапец’ (смол.)

жычка ‘стужка, якой раней расшывалі падол спадніцы: жычык січас мала прышываюць’ (могил.)

жычка ‘чырвоная істужка: чырвоную жычку прыладзіў да каўняра сарочки’ (лит. белор.)

клец ‘1. Зуб бороны, грабель или вил: я рас паехыу скырадить, а камней на поли многа було, так я многа кляцоу пулумау. 2. Деревянный гвоздь: мы на кляцы нитки мытали. 3. Кол, колышек в клетке, изгороди: павесь тряпку на вулицу, на клец’ (смол.)

клец ‘зуб у баране: нада было б у баране клец зрабіць’ (витеб.)

клёц ‘зуб бараны: стальны клёц паламаўся, калі я бараніў першы раз бульбу’ (могил.)

клец ‘зуб у баране: кляцы у баране трэба было нанава ўмацаваць (лит. белор.)

клуня ‘сарай для хранения сена, корма для скота: сена кладуть у клуню (смол.)

клуня ‘пуня, адрына, пабудова для захоўвання сена: схадзіў бы ты сам у клуню ды паглядзеў’ (витеб.)

клуня ‘гаспадарчы будынак для складвання снапоў, сена; пуня: мой даўно пайшоў у клуню малаціць грэчку’ (лит. белор.)

комы ‘картофельное пюре, чем-либо одобренное: бульбу пытауки сы смитаны і а хыць с салым жарыным – во табе і камы’ (смол.)

камы, комы, камяк, камякі ‘бульбяная каша, запраўленая салам, бобам ці гарохам:

сёння камы не ўдаліся, бульба не зварылася’ (витеб.)

камы ‘бульбяная каша: яна таўкла бацьку камы’ (лит. белор.)

коптур ‘печной выступ: у кажный печи есь каптур, туды спички клалі’ (смол.)

каптур, ко́птур, куптур ‘верх печи ў выглядзе двюх сценак, якія ўзвышаюцца над лежкам: вазьмі спічкі на куптуре’ (витеб.)

каптур ‘верх печи ў выглядзе двюх сценак, якія ўзвышаюцца над ляжанкай: з-за каптура пазіраў у акно’ (лит. белор.)

коромысел ‘1. Коромысло. 2. Часть бороны или плуга в виде валька, к которому привязываются гужи: если каромысил дужа кароткий, пыхать плох’ (смол.)

каромисел ‘каромысел: палымаўся мой каромисел’ (могил.)

каромысел, каромысла ‘1. Драўляная дуга з выемкамі або кручкамі на капцах для пераносу на плячах вёдзер і інш. грузаў. 2. Ворчык: зняць з каромысла пастронкі і пусціць каня’ (лит. белор.)

кука ‘деревянная опора для полатей, нар, которую вбивают в стену: кука – ета пьтстаука: дли пьлатий – високья, дли крвати – нискья’ (смол.)

кука ‘вялікі драўляны малаток: кука трэснула пасярэдзіне’ (витеб.)

кука ‘вялікі драўляны малаток рознай формы і рознага прызначэння: кукай крышыў груды на раллі’ (лит. белор.)

мажара ‘телега с решётчатыми стенками для перевозки сена и снопов: мажары были с леснищами, вазили сена на их’ (смол.)

мажы ‘вялікія калёсы для гаспадарчых патрэб (перавозкі сена, дроў і інш.): бяры мае мажы, яны за хатай стаяць’ (витеб.)

мажара ‘вялікія калёсы з высокімі драбінамі: мы прывязьлі поўную мажару саломы’ (могил.)

мажары ‘вялікія сялянскія калёсы з высокімі драбінамі; кары: сялянскія мажары’ (лит. белор.)

пехтёр ‘1. Плетёная из лыка или верёвки (чаще) редкая сетка, в которую накладывали сено для корма лошади в дороге: пях-

тёр как сетка, только с крупными дирками. 2. Глиняный сосуд, в котором брали или носили еду в поле: яны ішли далека касіць, яду клалі у пяхтёр’ (смол.)

пяхцёр ‘кашэль, вялікая кашолка, звычайна з лучыны: сена для каня ў пяхцёр клалі’ (витеб.)

пяхцёр ‘сятчатый мяшок: хлопец прінёс пяхцёр аўсянай саломы’ (могил.)

пяхцёр ‘кашэль, торба: прывесіў да аглоблі пяхцёр’ (лит. белор.)

пўтра ‘суп с мучной приправой: путра как кисель, но уместа крухмалу дьбыуляють муку’ (смол.)

пўтра ‘каша: зрабі агонь меншы, а то путра збяжыць’ (витеб.)

путра ‘кіслая мучная страва тыпу саладухі: я чэрпаў путру, нёс яе да рота над праснаком’ (лит. белор.)

рулі ‘кушанье из хлеба или сухарей, которые покрошены в подсоленную воду: кыда рулі сдэлыиш, накрышыш хлеп кусочками ды размочиш у ваде’ (смол.)

рулі, руль ‘1. Малако з накрышаным хлебам: помню, як прыедзіш да бабушкі, то первае, што ела, – гэта рулі. 2. Страва, прыгатаваная з вады, хлеба і цыбулі: ў пост толькі рулі елі, самая смаката для нас была’ (витеб.)

рулі ‘страва, прыгатаваная з накрышанага хлеба ў падсоленую (з алеем і цыбуляй) ваду: рулёў надзелалі і наеліся да горла’ (могил.)

рулі ‘страва, прыгатаваная з накрышанага хлеба ў малако ці ў падсоленую (з алеем) або падсалоджаную ваду: ў міску хлеба нарэж цыбулі, гуркоў, налі расолу, вось будучь рулі’ (лит. белор.)

рыно ‘желоб из досок, по которому вода стекает на мельницу: па етыму рыну выда ідет на мельницу’ (смол.)

рына ‘труба для сцёку вады: тую гнілую рыну ўжо год замяніць ні можыць’ (витеб.)

рына ‘металічная труба для сцёку дажджавой ці снегавой вады з даху; вадасцёк: рына на доме вісіць’ (лит. белор.)

саган ‘большая чашка: на стыле стыять два сыгана’ (смол.)

саган ‘чыгун або гліняны гаршчок, у якім вараць ежу: бульба ў сагане стаіць у печы’ (витеб.)

саган ‘чыгунны кацёл для стравы: маці высыпала на стол бульбу з сагана (лит. белор.)

сопеха ‘тонкий шест перед печкой для хозяйственных нужд: сопиха – тонкая жордычка, каторую вешають над печкой’ (смол.)

сопуха ‘отдушина в печи: павесь пиряд сопухый плеток сушыцца (смол.)

сопуха ‘жэрдка каля печы для прасушвання бялізны: у мяне трапкі на сопухі вісяць’ (витеб.)

сопуха ‘вусце печы: сопуха печы (лит. белор.)

сочень ‘ржаная пресная лепёшка: теста атстался, дэвай сачень спяку’ (смол.)

сачэнь ‘1. Праснак, выпечаны з аржаной мукі, на які зверху клалі тоўчаную вараную бульбу і зноў запякалі: яны называліся сачні з таго, што такія сочныя, пышныя былі. 2. Тоўсты блін з драмай бульбы, мукі і сала або малака і яек, цыбулі і морквы: на свята напекла смачных сачнёў, бо ўнукі прыедуць’ (витеб.)

сачні ‘бліны з бульбы: цэлую раніцу дзерла бульбу, каб зрабіць дзецям сачні’ (могил.)

сачэнь ‘выраб з кіслага або прэснага цеста ў выглядзе тоўстага бліна без начынкi: на патэльні пячэцца тоўсты сачэнь (лит. белор.)

чунь ‘лёгкая обувь наподобие тапок, связанная из ниток: чуни ны тапки пахожы, толькі с нитк’ (смол.)

чуні ‘тапачкі з тоўстых ільняных нiтак: трэба надзець чуні на ногі’ (могил.)

чуні ‘гумавы ці скураны абутак у выглядзе галёшаў, які надзяваецца пры рабоце ў шахтах, рудніках і пад., самаробныя галеты; бахілы: стылыя чуні’ (лит. белор.)

шамоны ‘картофель, перезимовавший в поле (смол.)

шайморы ‘перамерзлая бульба, якая праляжала ў зямлі ўсю зіму: вясной шайморы па полі іскалі’ (витеб.)

шайморы ‘перамёрзлая бульба, якая праляжала ў зямлі ўсю зіму: мы з братам усю весну шайморы збіралі (лит. белор.)

шворка ‘верёвка: принеси мне шворку’ (смол.)

шворка ‘1. Вяровачка: падперажыся шворкай – ямчэй будзець. 2. Павадок: сабаку на шворку прывяжы, а тады вадзі па сяле’ (витеб.)

шворка, шморка ‘1. Мотуз ці стужка, якой зацягваецца каўнер у кашулі. 2. Повад: карову вялі на шворцы. 3. Тонкая вяроўка: найдзі мне шморку пірвізаць чымыдан’ (могил.)

шворка ‘вяровачка, павадок: ключ навязан на канапляную шворку (лит. белор.)

шора ‘постройка для хозяйственного инвентаря (смол.)

шопа, шопка ‘навець, пляцоўка пад дахам на слупах: шопу сёлета перакрыць над’ (витеб.)

шопа ‘навець: забрацца пад тую шопу (лит. белор.)

2.1.1. Отдельную группу составляют 14 слов, которые не встречаются ни в могилёвских, ни в витебских говорах, представлены лишь в «Словаре смоленских говоров» и в «Толковом словаре белорусского языка», в последнем с пометой «областное слово». При отсутствии указанного ареала распространения их статус существования в качестве диалектизма в белорусском языке косвенно подтверждается при помощи смоленских говоров.

віши ‘берёзовые ветки для веников: паедим за вишыми для венику’ (смол.)

віша ‘трава, якая асталася на зіму не скошанай: пастух хадзіў паглядзець, можа дзе вішы асталося накасіць (лит. белор.)

гаплик ‘крючок у верхней одежде: гаплик атырваўся у шубі (смол.)

гаплица ‘крючок и петелька в удочке: гаплица нада на вудьчку, штоп лавіць рыбу’ (смол.)

гаплік ‘аплік: зашпіліць гаплікі (лит. белор.)

драба ‘боковая стенка повозки в виде решётки, лестницы: драбы ставюцца п’ б’кам цялеги, штоп сена ні р’стрисальс’ (смол.)

драбы ‘рэбры: з з імы каровы як адны драбы выйшлі (лит. белор.)

заку́т ¹. *Хлев для скота*: ета тыкая пристройка, хлеу ти закут длі скыта. 2. *Отгороженный угол в избе между печью и стеной*: авечик у закути диржали у хьлыда, прысят, курей. 3. *Чулан, кладовая*: закут и у синях дельыли, зькрывали закут нъ замо́к (смол.)

заку́т *адгароджанае ў хляве месца для жывёлы (звычайна дробнай)*: парасё рохкала ў закуце (лит. белор.)

каліта́ *кожаный мешочек для денег, привешиваемый к поясу*: у кълитах деньги хранили (смол.)

калі́та *паходная торба, сумка*: дзед дастае тоўстую кнігу з вялікай каліты (лит. белор.)

колкову́ха *яичница с салом*: прinyaси-ка сала и яйц с чулану, кълкавуху сделью (смол.), при учете чередования к//ц можно соотнести данное слово со следующим:

палкі́ *яечня, у якой жаўткі не змешваюцца з бялкамі*: яна падала яешню з цалкоў (лит. белор.)

коло́к ¹. *Деревянный гвоздь*: прочный был калок, ня хужы гваздей диржау. 2. *Изгородь*: калок ставють возли кажынный хаты (смол.)

калок *драўляны цвік, замацаваны ў чым-н. для таго, каб вешаць на ім што-н.*: павесь кажух на калок (лит. белор.)

ку́рeнь *сарай*: курeнь йидва стаить (смол.)

курeнь *будан*: курані ў лесе пабудавалі (лит. белор.)

макі́тра *большой глиняный горшок для опары, масла, топленого сала и под.*: масла у макитру събирали (смол.)

макі́тра *макацёр*: на столе макітра тварагу са смятанай (лит. белор.)

ры́нка *цветочный горшок*: на вокных рынкі стыяли с цвитами (смол.)

ры́нка *кухонная чыгунная пасудзіна на ножках і з доўгай ручкай*: у рынцы дыміцца бульба (лит. белор.)

ты́рла, ты́рло *огороженный загон для скота*: летым зьгыняють ни у хлев, а у тырлў (смол.)

ты́рла *месца на пашы, дзе стаіць жывёла (авечкі, каровы, коні) у час гарачыні або ноччу*: валкі ўсё вакол каровінага тырла кружылі (лит. белор.)

тюля́к *деревянная колодка*: штоб ня сеу валинык, нъ тюляк яво нъдивають (смол.)

цюльпак *тоўсты абрубак бярвяна*: яму нязручна было сядзець на нізкім сасновым цюльпакў (лит. белор.)

чу́ня ¹. *Лапоть верёвочный или берестяной*: чуни пляли с вярёвк. 2. *Лёгкая обувь типа тапок, связанная из ниток*: а каторыи люди чуни насили, связынныи с суконных нитьк (смол.)

чу́ні *пяньковыя, вярочныя і пад. лапці*: зноў падышоў ён у шэрай дамацканай світцы, у чуных (лит. белор.)

ярь *яровое поле*: ярь нада зысивать (смол.)

яр *ярына*: паветра пахла спелаю яр ю (лит. белор.)

2.2. С пометой «разговорное слово» в ТСБМ, в смоленских и пограничных им белорусских говорах было обнаружено 10 слов; для белорусского языка они общеупотребительны, но, в соответствии с пометой, являются носителями несколько сниженной коннотации; в смоленских говорах они, по всей видимости, нейтральны:

барéток *женская обувь (туфли, ботинки)*: купили новыи баретки для дочки (смол.)

барéткі, барэ́ты *туфлі з нізкім абацсам, чаравікі, тапкі*: у школу дзецям заўсёды куплялі новыя барэтки (витеб.)

барэ́ткі *жаночыя туфлі са шнуркамі або на гузіках; закрытыя туфлі* (лит. белор.)

дры́ок *палка, жердь*: нада карову дрыо́к атхадить, штоп съ стада ня бегла (смол.)

дру́кі *прыстасаванне з сукаватых маладых ялінак для сушкі льну, гароху і інш.*: канюшыну падсушылі і склалі на друкі (витеб.)

дру́ча ‘палка: а дручы не баісся’ (витеб.)
друк ‘сукаватая палка; тоўсты кій: беглі мужчыны з друкамі (лит. белор.)

жерав ‘колодезны журавль: жорыу у калодизи спортиуся, вады нільзя дьстать’ (смол.)

жораў ‘журавель, прыстасаванне пры калодзежы для даставання вады: калодзеж з жоравам’ (витеб.)

жораў, журавель ‘прыстасаванне пры калодзежы для даставання вады, якое складаецца са стойкі, рычага-вагі і вочапа: журавель падаўся вочапам уніз да вады (лит. белор.)

канта́рь ‘ручные весы, безмен: прinyaси кантырь, сала нада узвесить (смол.)

кантыр ‘бязмэн з двума рычагамі: сена ў нас кантарам вешаюць (могил.)

кантар ‘род бязмен’ (лит. белор.)

ко́пани ‘сани, полозья у которых изготавлялись из ствола с продолжающейся загнутой частью корня: гатовыи загнутыи корни найдуть, раздужжи приделывают – во табе и копыни’ (смол.)

ко́панкі ‘сані з бярозы, выкапанай з коранем: зыпрагай копанкі, дроў нада назапасіць’ (могил.)

копанік ‘полаз з дрэва, выкананага з коранем: з якога дрэва лепш зрабіць копанік (лит. белор.)

можжёр ‘глиняный горшок для жидкостей: мажжеры были с анной ручкый и с двумя’ (смол.)

мажджёр ‘маленькая ступка: дай мне мажджэра’ (могил.)

мажджёр ‘металічны таўкач’ (лит. белор.)

моту́з ‘1. Плетёный из ниток шнур, вдеваемый в юбку, брюки: мы пляли с нитык разныя мьтузы. 2. Шнурок, завязка, бечёвка: прышыють матус к хвартуку ти к сумке какей, штоб завязывать’ (смол.)

мату́з ‘1. Завязка ў фартуху: унучачка, прышый ты мне матузы к фартузу. 2. Шнурок: малыя дзеці не ўмеюць завязваць матузы на абутку. 3. Завязка, вяровачка: сена можна перавязваць матузом. 4. Повад: бяры матуз і ідзі за каровай’ (витеб.)

мату́з ‘стужка’ (могил.)

матуз ‘1. Скрученная вузкая палоска тканіны, шнурочак для завязкі: суконным матузом завязалі кусты. 2. Завязкі ў фартуху, шапцы-вушанцы і пад.: завязваць матузы халата (лит. белор.)

тюпка ‘кушанье из хлеба, крошенного в квас, подсоленную или подслащённую воду или молоко; тюря: летым тюпку люблю йис’ (смол.)

цюпка, цюпкі, цюпанка ‘ежа з вады або малака, накрышаных кавалачкаў хлеба (булкі) і цукру: цюпку елі – за вушы не адцягнуць (витеб.)

цюпка ‘ежа з квасу або малака і накрышаных кусочкаў хлеба, скарынак’ (лит. белор.)

хоту́ль ‘сумка, узел с вещами: хатуль ни в руках нясеш, а зь спиной (смол.)

хату́ль ‘1. Клунак. 2. Рэчавы мяшок: хатуль на плечы й пашоў (могил.)

хату́ль ‘вялікі клунак’ (витеб.)

хатуль ‘вялікі клунак рэчаў, звязаных у хустку, поцілку і пад., які звычайна носяць за спінай: пайшлі з хатулямі, кошыкамі, скрынкамі (лит. белор.)

чэрэпка ‘глиняная посуда: ели мы с глиняных чирёпык’ (смол.)

чаро́пка, чарэ́пка, чаряпо́к ‘глыбокая жалезная міска: прinyaси са двара сабаччую чарэпку’ (витеб.)

чаропка ‘невялікі гаршчок, міска або кубак: можа злепім які чарапок’ (лит. белор.)

2.3. С пометой «специальный термин» в ТСБМ удалось обнаружить лишь пять лексических параллелей, из них некоторые (шпур, шыбер) являются заимствованиями из немецкого языка. В белорусских говорах эти слова являются фонетическими или грамматическими диалектизмами, смоленские слова ближе по оформлению к соседним белорусским диалектизмам, чем к белорусскому языку:

бадня́ ‘металлическое или окованное деревянное ведро: бядня для вады, ана з баднёй пышла зь вадой’ (смол.)

бодня, бадня ‘драўлянае ці металічнае вядро для вады: мне адной бадні вады хватае на нядзелю’ (витеб.)

бодня ‘шырокае металічнае вядро для падняцця пароды ў шахтах: бодня з калійнай соллю’ (лит. белор.)

визіра ‘просека: лес наскрось прырубил и визиры пынаделали’ (смол.)

візірка ‘вузкая прасека праз лес: пашлі дажджы, будуць у візірцы грыбы’ (витеб.)

візір ‘1. Відашукальнік. 2. Частка прыцэльнага прыстасавання з вузкай шчылінай’ (лит. белор.)

коко́ра ‘1. Столб около колодца с развилкой наверху и прикрепленным шестом: кыла калоцца стаіць какора. 2. Оладья из мёрзлого картофеля: мамка спякёть латки такія, какоры мы йіх звалі’ (смол.)

какора, какорка, какорына ‘тоўсты блін з бульбы ці мукі: баба, спякі какору’ (витеб.)

какора ‘ніжняя частка камля хвойнага дрэва разам з перпендыкулярным да яго вялікім каранем, якая выкарыстоўваецца для будаўніцтва барака’ (лит. белор.)

шпар ‘паз в доске: адынакьва, што шпар, што паз’ (смол.)

шпар ‘паз: шпары я добрыя падзелы ў дзвёрах’ (могил.)

шпур ‘1. Прасвідраваны ў горным масіве цыліндрычны канал, у які закладаецца зарад выбуховага рэчыва для ўзрыву горнай пароды. 2. У металургіі – адтуліна ў горне шахтавай печы, праз якую выпускаюць прадукты плаўлення’ (лит. белор.)

щі́бер ‘труба в печи: кыда вытыпицца печка, шшыбир закрыіі’ (смол.)

шыбар ‘засланка ў коміне, юшка: перад тым, як дровы запаліць, нада шыбар адсу-нуць, а то поўная хата дыму будзець’ (витеб.)

шыбер ‘засаўка, засланка ў дымаходах заводскіх пяхэй, нацельных установак, у газавых заводах’ (лит. белор.)

2.4. Последнюю, и самую малочисленную, группу составляют четыре слова с пометой «устарелое» в ТСБМ:

кабат ‘1. Верхняя часть сарафана, лиф, к которому прикреплялась юбка: пришыт кыбат с пыткадычкый к сыяну. 2. Жилет: надену кыбат, и тятлей станеть’ (смол.)

кабат ‘род жаночай цёплай камізэльку, безрукаўка: кабаты былі зашнураваны ззад’ (лит. белор.)

курчы́на ‘1. Длинная полка под потолком от печи до стены, на которую клали шапки, рукавицы, выпеченный хлеб и под.: ны курчыну клали хлеб, а ны другом канце адёжа лижала. 2. Брус, с помощью которого укреплены палаты: павесь на курчыну шынік’ (смол.)

курчы́на ‘шост каля печы: уськінь гэта лахадыр’ на курчыну’ (могил.)

курці́на ‘1. устарэлае слова Града для кветак або іншых раслін; клумба. 2. Участак, заладжаны адной пародай дрэў, а таксама група дрэў адной пароды. 3. устарэлае слова Частка крапаснога вала паміж двума бастыёнамі’ (лит. белор.)

ложа ‘место для сна, постель: с бани придеш – и на ложу ляжыш скарей’ (смол.)

ло́жа, ло́жка ‘ложак: ляжу ў сваю ложу’ (витеб.)

ложа ‘1. Паглыбленне ў грунце, на якім цячэ водны патак; рэчышча: вузенькае ложка крынічкі. 2. Устарэлае слова, паэтычнае слова пасцель’ (лит. белор.)

рыдван ‘длинная телега для перевозки снопов, сена: вочинь удобныя была тилега ета, рыдван; сена у ей вазили’ (смол.)

рыдван ‘калёсы: запраглі мы каня ў рыдван і паехалі да бабулі’ (витеб.)

рыдван ‘вялікая дарожная карэта’ (лит. белор.)

Особую, немногочисленную, группу составляют диалектные слова, которые выступают как непроизводные лексические параллели в смоленских, витебских и могилёвских говорах, но при этом соотносятся с теми белорусскими глаголами, прилагательными или существительными, которые, по-видимому, раньше существовали в говорах пограничья и фактически являлись производными по отношению к ныне непроизводным существительным. Другими словами, маленькая груп-

па из пяти существительных наглядно демонстрирует процесс опрощения в говорах.

борсні ‘лапти, подшитые кожей: кожу для барсней выбирали луччию’ (смол.)

боршни ‘обувь, сплетённая из лыка, верёвок: боршни сплетины с лык; стьрики ноги с печки – и в йих’ (смол.)

барсні ‘лапці: даўней у барснях хадзілі’ (витеб.)

барсаць ‘уцягваць абору ў вушкі лапця: барсаць лапаць (лит. белор.)

плехотка ‘пелёнка: зь дятём нада дэглядаць и пляхотки уси нада выстирьць’ (смол.)

пляхотка ‘пелёнка: збегай на речку, пляхоткі памый’ (могил.)

плёхаць, плёхнуць ‘плюхнуць (лит. белор.), можно предположить, что название было обусловлено процессом стирки пелёнок;

падвой ‘вторые рамы, поставленные на зиму: нужна пѣуоставить падвой’ (смол.)

падвойнікі ‘падвойныя вокны; дубэльты: на зіму мы ставім падвойнікі’ (могил.)

падвойны ‘які складаецца з дзвюх аднолькавых, аднародных частак; дваіны: падвойныя вокны’ (лит. белор.)

пукля ‘1. Тесёмка, украшение на верхней одежде: раньшы у жупьнах хадили, их пуклими укрышали. 2. Пуговица: к шуби прышывали пукли, каторыи были тряпшныи. 3. О чём-либо выпуклом, округлом’ (смол.)

пуклі ‘галушкі, камякі, шарыкі з ворсу на адзенні: уся кофта ў пуклях сталà (витеб.)

пукаты ‘з круглява выгнутымі, выпучанымі бакамі, паверхняй; выпуклы: пукатая бочка, пукатая бутэлька (лит. белор.)

чемергес ‘самогон: нѣ свадьбу чимиргес гнали’ (смол.)

чамяргес, чымергес ‘саморобныя гарэлка ці віно: выпіў учора нейкага чамяргесу, дык сёння дрэнна нешта’ (витеб.)

чэмер, чамярыца ‘травяністая ядавітая лугавая расліна сямейства лілейных, якая выкарыстоўваецца ў медыцыне: пахне горкім чэмера́м (лит. белор.)

Таким образом, рассмотренный диалектный лексический материал представлен следующими группами.

Подгруппа полных соответствий с белорусским языком и пограничными белорусскими говорами включает 36 слов; там же отмечено 7 слов с общей семой, но расходящимися оттенками значений; совокупно – 43 слова.

Во вторую подгруппу входят 11 слов, частично совпадающих по лексическому значению в смоленских говорах и пограничных белорусских говорах, но при этом полностью совпадающих в смоленских говорах и в белорусском языке.

В третью подгруппу входят лишь шесть слов, которые сохраняют одинаковое лексическое значение в смоленских, витебских и могилёвских говорах, но при этом в белорусском языке имеют новые оттенки значения или даже новые значения, метафорически связанные с диалектными.

С пометой «областное слово» в ТСБМ было обнаружено 26 единиц, которые существуют параллельно в смоленских и пограничных им белорусских говорах.

Отдельную подгруппу составляют 14 слов, которые не встречаются ни в могилёвских, ни в витебских говорах, представлены лишь в «Словаре смоленских говоров» и в ТСБМ, в последнем с пометой «областное слово».

Помета «разговорное слово» в ТСБМ сопровождает 10 слов, ставших лексическими параллелями в смоленских говорах.

Последнюю, и самую малочисленную, подгруппу составляют четыре слова с пометой «устарелое» в ТСБМ.

Опрощению, обусловленному потерей производящего из белорусского языка, подверглись пять непроезженных смоленских существительных.

В смоленских говорах существует около 1200 непроезженных диалектизмов с конкретно-предметной семантикой. На долю смоленских диалектных слов, имеющих одновременно лексические параллели в белорусском языке и в пограничных белорусских говорах, приходится 119 единиц, или около 10 % общего фонда. В данной статье не рассматривались группы лексических параллелей только с белорусскими говорами или

только с белорусским языком, но даже с их учётом количество лексических параллелей среди непроизводной смоленской лексики доходит лишь до 30 %, причём для многих случаев совпадений, имеющих место только в смоленских и в пограничных белорусских говорах, можно предположить направление

заимствования с востока на запад, то есть из русских говоров в белорусские, а не наоборот. Эти факты говорят в пользу самостоятельного характера лексической системы смоленских говоров на современном этапе развития.

Список литературы

1. Словарь смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.
2. Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мн.: Навука і тэхніка, 1981. 121 с.
3. Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Вып. 2. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2005. 88 с.
4. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Частка 1. Віцебск: УА «ВДУ імя П.А. Машэрава», 2012. 304 с.
5. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Частка 2. УА «ВДУ імя П.А. Машэрава». Віцебск, 2014. 358 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. У 5 т. Менск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984.

References

1. Ivanovoy A.I., Boyarinovoy L.Z. (eds.). *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk Dialects]. Issue 1-11. Smolensk, 1974–2005. (In Russian).
2. *Materyyaly da ablasnoga sloynika Magileyshchyny*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1981, 121 p. (In Belarusian).
3. *Materyyaly da ablasnoga sloynika Magileyshchyny. Issue 2*. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2005, 88 p. (In Belarusian).
4. *Regiyanal'ny sloynik Vitsebskshchyny. Pt. 1*. Vitebsk, Vitebsk State University named after P.M. Masharov Publ., 2012, 304 p. (In Belarusian).
5. *Regiyanal'ny sloynik Vitsebskshchyny. Pt. 2*. Vitebsk, Vitebsk State University named after P.M. Masharov Publ., 2014, 358 p. (In Belarusian).
6. *Thumachal'ny sloynik belaruskay movy. In 5 vols*. Minsk, Byelorussian Soviet Encyclopedia Publ., 1977–1984. (In Belarusian).

Информация об авторе

Луныкова Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация. E-mail: ttf32lunkova@mail.ru

Вклад в статью: Концепция исследования: в статье впервые в истории изучения смоленских говоров был поставлен вопрос об их взаимодействии с белорусским языком и параллельно с белорусскими говорами с позиции синхронии. Подбор первичного материала/сбор данных: впервые установлены лексические параллели непроизводных существительных в смоленских говорах, пограничных им витебских и могилёвских говорах, и в белорусском литературном языке. Произведен анализ полученных результатов по материалам трёх языковых источников (русских говоров, белорусских говоров, белорусского литературного языка).

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2536-9886>

Поступила в редакцию 10.01.2020 г.

Поступила после рецензирования 27.02.2020 г.

Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Ekaterina S. Lunkova, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department. Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation. E-mail: ttf32lunkova@mail.ru

Contribution: Study conception: for the first time in Smolensk patois study history, the issue of its interaction with the Belarusian language and in parallel with the Belarusian patois from the position of synchrony is raised. Source material acquisition/data acquisition: for the first time, lexical parallels of non-derivative nouns are established in Smolensk patois, bordering Vitebsk and Mogilev patois, and in the Belarusian literary language. The obtained results analysis is carried out on the basis of materials from three linguistic sources (Russian patois, Belarusian patois, and Belarusian literary language).

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2536-9886>

Received 10 January 2020

Reviewed 27 February 2020

Accepted for press 3 March 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-686-698
УДК 81'373.211.1

Тенденции нормализации топонимов на *-ова/-ово, -ева/-ево, -ина/-ино*

Игорь Александрович ДАМБУЕВ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН)
670047, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6551-6217>, e-mail: igor_dambuev@mail.ru

Trends in standardization of toponyms ending with *-ova/-ovo, -eva/-evo, -ina/-ino*

Igor A. DAMBUEV

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (IMBTS SB RAS)
6 Sakhianova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6551-6217>, e-mail: igor_dambuev@mail.ru

Аннотация. Исследованы особенности нормализации вариативных названий деревень с исходами *-ова/-ово, -ева/-ево, -ина/-ино*. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования нормализации наименований географических объектов с целью их единообразного и устойчивого употребления. Новизна работы заключается в использовании количественных методов исследования по отношению к топонимии разных временных срезов, охватывающих последние полтора века. В качестве источника вариативных и нормализованных названий деревень использованы Государственный каталог географических названий, нормативно-правовые акты, справочники административно-территориального деления, списки населённых мест Российской империи, топографические карты. Количественному анализу подвергнута топонимия территорий современных Московской, Брянской, Вологодской, Калужской, Курганской и Свердловской областей. Установлено, что во второй половине XIX века названия деревень на *-ова, -ева, -ина* преобладали в количественном отношении над названиями деревень на *-ово, -ево, -ино*. В последующие полтора столетия доля названий на *-ова, -ева, -ина* во всех проанализированных регионах последовательно уменьшалась, а доля названий на *-ово, -ево, -ино* росла. Если в настоящее время в одних регионах названия деревень на *-ова, -ева, -ина* практически отсутствуют, то в других могут всё ещё преобладать над названиями с исходами *-ово, -ево, -ино*. Этот факт необходимо учитывать при нормализации вариативных топонимов.

Ключевые слова: русская топонимия; нормализация; топонимическое варьирование; названия деревень на *-ова/-ово, -ева/-ево, -ина/-ино*

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.193.1.5. Ментальность монгольских народов в зеркале языка, № AAAA-A17-117021310266-8).

Для цитирования: Дамбуев И.А. Тенденции нормализации топонимов на *-ова/-ово, -ева/-ево, -ина/-ино* // Нефилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 686-698. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-686-698

Abstract. We investigate the features of variable names standardization of villages ending with *-ova/-ovo, -eva/-evo, -ina/-ino*. The relevance of the study is to improve the standardization of geographical names in order to ensure their unified and consistent use. The novelty of the study consists in the use of quantitative research methods towards the toponymy of different time samples covering the last century and a half. As a source of variable and standardized names of villages, the State catalog of geographical names, normative legal acts, reference books of administrative divisions, lists of localities of the Russian Empire, and topographic maps are used. The topo-

nymy of the territories of the modern Moscow, Bryansk, Vologda, Kaluga, Kurgan and Sverdlovsk regions is subjected to quantitative analysis. We establish that in the second half of the 19th century the names of villages ending with *-ova*, *-eva*, *-ina* prevailed in a quantitative sense over the names of villages ending with *-ovo*, *-evo*, *-ino*. Over the next century and a half, the proportion of names ending with *-ova*, *-eva*, *-ina* in all the analyzed regions consistently decreased, while the proportion of names with *-ovo*, *-evo*, *-ino* grew. If currently in some regions the names of villages with *-ova*, *-eva*, *-ina* are practically absent, in others they may still prevail over names with *-ovo*, *-evo*, *-ino*. This fact should be considered when standardizing variable toponyms.

Keywords: Russian toponymy; standardization; toponymic variability; names of villages ending with *-ova/-ovo*, *-eva/-evo*, *-ina/-ino*

Acknowledgment: The research is carried out within the state assignment (project XII.193.1.5. The mentality of the Mongolian peoples in the mirror of language, no. AAAA-A17-117021310266-8).

For citation: Dambuev I.A. Tendencies of normalization of toponyms ending with *-ova/-ovo*, *-eva/-evo*, *-ina/-ino* [Trends in standardization of toponyms ending with *-ova/-ovo*, *-eva/-evo*, *-ina/-ino*]. *Neophilology* – *Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 686-698. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-686-698 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Результаты нормализации наименований географических объектов, или топонимов, на материале Государственного каталога географических названий (ГКГН) позволяют выделить один из любопытных видов морфологического варьирования топонимов – варьирование названий деревень на *-ова/-ово*, *-ева/-ево*, *-ина/-ино*. Анализ реестров наименований географических объектов субъектов Российской Федерации по состоянию на конец 2019 г. и начало 2020 г., представленных на сайте Росреестра, выявил следующие топонимы, имеющие расхождения в форме написания: д. *Сидорова/Сидорово* (Вытегорский р-н, Вологодская обл.), д. *Девочкино/Девочкина* (Мещовский р-н, Калужская обл.), д. *Скилягина/Скилягино* (Катайский р-н, Курганская обл.), д. *Чесноково/Чеснокова* (Шумихинский р-н, Курганская обл.). В последние два десятилетия было нормализовано написание следующих топонимов: д. *Лепешкино/Лепешкина* → *Лепешкина* (Севский р-н, Брянская обл.), д. *Гаганова/Гаганово* → *Гаганово* (Мишкинский р-н, Курганская обл.), д. *Максимово/Максимова* → *Максимова* (Шадринский р-н, Курганская обл.), д. *Рытиково/Рытикова* → *Рытикова* (Мишкинский р-н, Курганская обл.), д. *Сартасова/Сартасово* → *Сартасово* (Мишкинский р-н, Курганская обл.), д. *Шахматово/Шахматова* → *Шахматово* (Шадринский р-н, Курганская обл.), д. *Артемейкова/Артемейково* → *Артемейкова* (Ачитский р-н, Свердловская обл.), д. *Глухарёво/Глухарёва* → *Глухарёво* (Режевский р-н, Свердловская обл.), д. *Жуково/Жукова* → *Жуково* (Режевский р-н,

Свердловская обл.), д. *Златогорова/Златогорово* → *Златогорова* (Белоярский р-н, Свердловская обл.), д. *Токарево/Токарева* → *Токарево* (Сысертский р-н, Свердловская обл.) и др.

Излишне говорить, что варьирование названий деревень на *-ова/-ово*, *-ева/-ево*, *-ина/-ино* представляет значительные неудобства при их использовании в письменной и устной речи. Варьирование ослабляет идентифицирующую функцию топонима в ситуации наличия омонимичных названий в одной административно-территориальной единице. Согласно Федеральному закону № 152 «О наименованиях географических объектов» «произвольная замена одних наименований географических объектов другими, употребление искажённых наименований географических объектов не допускаются»¹. В целях обеспечения единообразного и устойчивого употребления наименований географических объектов в России создан Государственный каталог географических названий. Названия населённых пунктов регистрируются в нём в таком написании, которое должно отражать действительное употребление топонима в письменной речи, совпадать с написанием в нормативно-правовых актах (региональных законах, постановлениях, уставах муниципальных образований), справочниках административно-территориального деления, на топографических картах и т. д. В действи-

¹ О наименованиях географических объектов: Федеральный закон Российской Федерации от 18.12.1997 № 152-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9054747> (дата обращения: 09.08.2020).

тельности же часто встречаются случаи, когда название населённого пункта в силу тех или иных обстоятельств имеет варианты при употреблении в устной и письменной речи, и эти варианты закреплёны в перечисленных выше источниках. Необходимость обоснования выбора того или иного варианта в такой ситуации обуславливает актуальность данного исследования. Целью статьи является выявление тенденций нормализации названий деревень на *-ова/-ово*, *-ева/-ево*, *-ина/-ино* на материале разных регионов России со второй половины XIX века по настоящее время. Новизна исследования заключается в применении количественных методов по отношению к единицам счёта разных временных срезов.

Нельзя сказать, что поднимаемая в статье проблема является новой. Многие исследователи отмечали тот факт, что названия деревень, образованные от антропонимов, могут оканчиваться как на *-ово*, *-ево*, *-ино*, так и на *-ова*, *-ева*, *-ина*. Но только в статье Г.В. Глинских рассматривается проблема варьирования подобных названий деревень в прикладном аспекте. Как отмечает автор, «при работе над «Справочником административно-территориального деления» наиболее многочисленную группу уточняемых названий составили топонимы с исходом *-ова*, *-ева*, *-ина*: д. *Малая Трифонова* (уточнённая форма – *Малое Трифоново*), д. *Налимова* (*Налимово*), с. *Сарафанова* (*Сарафаново*), д. *Санаева* (*Санаево*), д. *Шигаева* (*Шигаево*), д. *Биткина* (*Биткино*), д. *Бучина* (*Бучино*), д. *Волокушина* (*Волокушино*) и др.» [1, с. 21]. В указанной статье Г.В. Глинских осуществляет теоретическое обобщение практической работы по установлению наименований населённых пунктов Свердловской области для составления справочника административно-территориального деления и приходит к следующим выводам: «среди уточнявшихся названий не встретилось ни одного случая, где бы окончание *-о* менялось на *-а*. Однако не следует из этого делать преждевременных выводов и спешить перестраивать всю топонимическую систему. Несмотря на то, что у ряда названий населённых пунктов окончание *-а* сменилось на *-о*, многие ойконимы его сохранили. Поскольку местное население продолжает употреблять эти названия в прежней форме с конечным *-а*, нет никаких

оснований уточнять их» [1, с. 21]. Опираясь на полученные результаты Г.В. Глинских по Свердловской области, мы несколько расширяем исследовательское поле во времени и пространстве, пытаемся выявить наиболее общие особенности нормализации указанного типа варьирования.

Прежде всего, необходимо уточнить некоторые термины, которые мы будем использовать в статье. Наименования географических объектов, допустим, *Сидорово* и *Сидорова*, могут быть разными топонимами, если обозначают разные географические объекты, и вариантами одного топонима, если называют один и тот же географический объект. Под вариантом имени собственного в отечественной ономастике понимается «видоизменение имени или любого элемента его структуры (фонемы, морфемы, лексемы) в различных языковых ситуациях» [2, с. 43]. Л.И. Маршева предлагает следующее определение термина вариант географического названия – «видоизменение его фонетической, морфемной, морфологической, синтаксической и лексической структуры при сохранении денотативной тождественности» [3, с. 28]. Как видно из определений, варианты могут возникать на разных языковых уровнях в зависимости от того, какого уровня элемент подвергается варьированию. А.В. Суперанская выделяет орфографические, фонетические, фонологические, морфологические, синтаксические и лексические варианты имён собственных [4, с. 172]. Рассматриваемый нами случай является, таким образом, примером морфологического варьирования.

И.А. Воробьёва морфологические варианты подразделяет на варианты грамматические и словообразовательные. Если грамматические варианты отличаются друг от друга окончаниями: *Иджет* – *Иджета*, *Глухариный* – *Глухариное*, *Осинник* – *Осинники* и др., то словообразовательные варианты отличаются варьированием суффиксов: *Аксеново* – *Аксеновское*, *Валуево* – *Валуевское*, *Чарыжное* – *Чарыжское* и др. [5, с. 208-209]. Вслед за И.А. Воробьёвой Г.В. Глинских варианты топонимов, возникающие в результате варьирования родовых окончаний и форм единственного и множественного числа, называет морфологическими вариантами, а варианты,

отличающиеся словообразовательным суффиксом, – словообразовательными [1, с. 21-23]. Варьирование окончаний в топонимах З.В. Рубцова называет флексийным типом топонимических вариантов [6, с. 103]. Л.И. Маршева выделяет морфемно-derivационные варианты (*Варваринка/Варваровка*, *Концевские Хутора/Концевы Хутора*, *Матрёнка/Матрёна*), морфолого-derivационные (*Кулига/Кулиги*, *Хомуты/Хомут*, *Шишка/Шишки*) и морфологические (*Боровое/Боровая*, *Вертячье/Вертячий*) [3, с. 28-29]. Таким образом, варьирование типа *Сидорова/Сидорово* в научной литературе может обозначаться как морфологическое, грамматическое или флексийное варьирование. Всё же более употребительным термином является морфологическое варьирование, и мы вслед за А.В. Суперанской, Г.В. Глинских, Л.И. Маршевой варианты *Сидорово* и *Сидорова*, различающиеся родовыми окончаниями, будем называть морфологическими вариантами.

Изучая названия деревень на *-ова/-ово*, *-ева/-ево*, *-ина/-ино* следует определиться с тем, как называть эти сущности. Г.В. Глинских находит компромиссное решение, называя их исходом топонима [1, с. 21]. Каждый из этих исходов состоит из суффикса (*-ов-*, *-ев-*, *-ин-*) и родового окончания (*-а*, *-о*). В современной топонимической литературе *-ов-*, *-ев-*, *-ин-* в составе топонимов могут называться как суффиксом [7, с. 225], так и формантом или топоформантом [8, с. 27]. Хотя в «Словаре русской ономастической терминологии» термин топонимный суффикс определяется через термин топонимный формант [2, с. 137], последний наиболее удобен для описания топонимного словообразования и структуры топонимов, в частности, он широко употребляется Н.В. Подольской при описании проблем ономастического словообразования [9]. В топонимии топоформант не всегда совпадает с суффиксом (например, формант *-овка* [10, с. 102; 8, с. 27]) и может представлять собой часто повторяющуюся топооснову (например, *-град*, *-горск* [2, с. 137]). Можно ли рассматривать исходы топонимов *-ово*, *-ино* и т. д. в качестве топоформантов – вопрос дискуссионный. В ряде работ они приравнены к формантам (например, формант *-ино* в [8, с. 64]). В зависимости от поставленных задач исследователи упот-

ребляют подходящий инструментарий. В нашем же случае при исследовании варьирования мы сталкиваемся с необходимостью выделять родовые окончания и рассматривать исходы *-ово* и *-ова* как совокупность топоформанта, или суффикса, и окончания.

В отечественной топонимической литературе часто высказывалось мнение о том, что род топонима тесно связан с родом сопровождающего его номенклатурного термина: «существует неписаное мнение, что в зависимости от статуса объекта, то есть от того, город это, посёлок, село или деревня, его название должно быть по-разному оформлено» [4, с. 190], «изменение окончаний зависит от рода географического термина, имеющегося в названии или подразумеваемого» [5, с. 208], «грамматическая оформленность рода топонима совпадает с грамматическим родом существительного-апеллятива» [8, с. 27]. Опираясь на данное мнение, логично предположить, что названия деревень должны быть женского рода: *Сидорова*, *Жукова*, *Девочкина* и т. д. Однословные топонимы с формантами *-ов-*, *-ев-*, *-ин-* будучи, как правило, отантропонимического происхождения, часто являлись определительным компонентом топонима-словосочетания: «*Жукова Деревня*... с течением времени слово, обозначавшее тип объекта, могло исчезнуть. Тогда определение превращалось в самостоятельное название: *Жукова*...» [10, с. 65]. В результате топонимизации притяжательное прилагательное субстантивируется и становится существительным женского рода. Однако, как показывают результаты проведённого исследования, в процессе становления и функционирования региональных топонимических систем названия деревень с исходом на *-ова*, *-ева*, *-ина* могут изменить родовое окончание.

Понимание топонимической системы как «определённым образом внутренне организованной совокупности онимических моделей, морфем и формантов» [2, с. 93] не обладает достаточной объяснительной силой при интерпретации фактов варьирования и изменений в топонимической системе. Л.И. Дмитриева справедливо отмечает, что «онтологическое бытие топонимической системы неизбежно смыкается с её ментальным существованием» [11, с. 8] и предлагает сле-

дующее понимание топонимической системы: «совокупность представлений носителей языка об окружающем географическом пространстве, представленная в виде сети (комплекса) ментально-топонимических стереотипов и индивидуальных пересекающихся субансамблей и выраженная материально определёнными структурно-словообразовательными либо семантическими моделями» [11, с. 21]. Такое понимание топонимической системы позволяет связать явление топонимического варьирования и материально выраженные изменения в топонимии с изменениями ментально-топонимических стереотипов в сознании топонимической личности, которое является одним из внутренних факторов эволюции топонимической системы. Если ранее термин топонимический стереотип рассматривался в структурном плане, например, у Л.В. Горожанкиной: «стандартизированная модель, обладающая высокой стабильностью»², то предложенное Л.И. Дмитриевой определение выводит его на когнитивный уровень.

Термин стереотип является фундаментальным понятием в социологии и психологии и получает примерно одинаковые определения: «упрощённый, схематизированный образ социальных объектов или событий, обладающий значительной устойчивостью; в более широком смысле – традиционный, привычный канон мысли, восприятия и поведения» [12, с. 332], «устойчивое, категоричное и крайне упрощённое представление (мнение, суждение) о каком-либо явлении, группе, исторической личности, распространённое в данной социальной среде» [13, с. 473]. В лингвистических концепциях термин стереотип не получил общепризнанного определения и «трактруется как форма обработки информации и состояния знаний» [14, с. 177]. Не углубляясь в дискуссию о природе стереотипа, что выходит за рамки данной статьи, мы признаём очевидным существование топонимических стереотипов и явления стереотипизации в топонимии. В качестве примеров проявления стереотипизации можно отнести сформулированный В.А. Ни-

коновым закон ряда, отмеченное выше «неписаное мнение» о зависимости рода топонима от номенклатурного термина и многие другие явления. Примечательно наблюдение И.Г. Гмелина, сделанное во время его исследования Восточной Сибири во второй четверти XVIII в.: «Здесь существует обычай, заслуживающий упоминания: большинство местных деревень имеют много названий, так как после смерти крестьянина, именем которого она называлась, она получает имя другого крестьянина» [15, с. 293]. Отмеченный «обычай» также есть результат стереотипизации, чуждый восприятию иностранца и заслуживший его внимания. Таким образом, стереотипизация в топонимии является инструментом организации топонимической системы, а представленное стереотипом знание – достоянием каждого члена определённой группы людей. Изменения в топонимии, носящие системный характер, свидетельствуют и об изменении топонимических стереотипов в сознании топонимической личности.

Под топонимической личностью мы вслед за Н.Д. Голевым понимаем «личность, ориентирующуюся в географическом пространстве с помощью знаков-ориентиров (суть топонимов)» [16, с. 10], при этом под ориентацией понимается «и создание топонимов, и их использование в «готовом виде» при передаче пространственной информации адресату в любой его ипостаси, и их восприятие, понимание и интерпретация в позиции адресата» [16, с. 10].

Для выявления тенденций нормализации вариативных названий деревень на *-ова/-ово*, *-ева/-ево*, *-ина/-ино* был проведён эксперимент по подсчёту доли названий женского и среднего рода на разных временных срезах. В качестве материала исследования выступила топонимия тех регионов, где по данным ГКГН в настоящее время наблюдается этот тип варьирования, и в последние несколько лет происходила нормализация подобных топонимов. Такими регионами в данном исследовании стали Брянская, Вологодская, Калужская, Курганская, Свердловская области. Случайным образом оказалось, что перечисленные регионы представляют отдалённые друг от друга территории страны, топонимия которых формировалась в разных исторических условиях и отличается своими

² Цитата по: Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая): дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2002. С. 134.

особенностями. Этот факт только придаёт значимости полученным результатам. Для анализа была также привлечена топонимия Московской области как центрального региона страны со сложившейся на протяжении многих веков сельской топонимией, формирующей в определённой степени ментально-топонимические стереотипы в сознании русскоязычной топонимической личности.

Источниками нормализованных названий деревень Московской области послужили Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населённых пунктов Московской области на 24 декабря 2019 г., Справочник по административно-территориальному устройству Московской области 1999 г. издания³, Справочник по населённым местам Московской губернии по материалам всесоюзной переписи 1926 г.⁴, Список населённых мест Московской губернии по сведениям 1859 г.⁵ Перечисленные источники охватывают примерно сопоставимую территорию, но различаются в количестве названий и их составе. Мы не ставим задачу проследить формы каждого топонима на протяжении указанного периода времени, так как многие названия деревень исчезали, появлялись, подвергались переименованиям, а сами деревни меняли свой статус. Поскольку нас в большей степени интересует соотношение названий деревень женского и среднего рода на конкретной территории в разные периоды времени, выбранные источники можно считать релевантными. В табл. 1 представлены количественные данные по Московской области/губернии четырёх временных срезов. В перечисленных выше источниках были подсчитаны все названия деревень с интересующими нас исходами, а также сёл и селёк для уточнения мнения о зависимости рода топонима от его номенклатурного термина. Единицами счёта стали однословные топонимы (*Корочарово*, *Максимково*, *Чагина* и др.) и двухсловные топонимы с определи-

тельным компонентом (*Большое Голубино*, *Сьяново старое*, *Тетерино верхнее* и др.).

Таблица 1

Количество и доля названий деревень и сёл Московской области/губернии среднего рода (исходы -ово, -ево, -ино) и женского рода (исходы -ова, -ева, -ина)

Год	Исходы			
	-ово, -ево, -ино		-ова, -ева, -ина	
	деревня	село	деревня	село
1859	1720 (66 %)	1094 (95,9 %)	886 (34 %)	47 (4,1 %)
1926	3991 (99,8 %)	674 (99,4 %)	6 (0,2 %)	4 (0,6 %)
1999	3571 (99,9 %)	242 (99,6 %)	3 (0,1 %)	1 (0,4 %)
2019	3313 (99,9 %)	265 (99,6 %)	2 (0,1 %)	1 (0,4 %)

Как видно из табл. 1, в Московской губернии по состоянию на 1859 г. названия деревень среднего рода с исходами -ово, -ево, -ино составляли 66 %, а названия деревень женского рода с исходами -ова, -ева, -ина – 34 %. Некоторые сложности в подсчёте названий представили вариативные названия деревень, которые в справочном издании были записаны следующим образом: *Пенягино* (*Пинягина*), *Терихово* (*Терехова*), *Бывалино* (*Бывалина*), *Печатникова* (*Печатниково*), *Батюнина* (*Батюнино*), *Кишкина* (*Кишкино*) и т. д. Такие названия были подсчитаны по первому варианту. Если исключить вариативные названия из подсчёта, то конечные цифры изменятся лишь на 1,6 % в пользу названий деревень среднего рода. Спустя почти 70 лет соотношение названий деревень заметно меняется в пользу названий среднего рода и в дальнейшем не изменяется. Что касается названий сёл, то на данных временных срезах преобладают названия среднего рода.

Источниками топонимов по территории современной Брянской области послужили Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населённых пунктов Брянской области на 24 января 2020 г., Список населённых мест Брянской губернии 1928 г. издания⁶, Список населённых мест

³ Справочник по административно-территориальному устройству Московской области. М., 1999. 334 с.

⁴ Справочник по населённым местам Московской губернии. М., 1929. 613 с.

⁵ Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 24: Московская губерния. Спб., 1862. 264 с.

⁶ Список населённых мест Брянской губернии. Брянск: Издание Брянского Губернского Статистического Отдела, 1928. 383 с.

Орловской губернии по сведениям 1866 г.⁷ (взяты только Брянский, Карачевский, Севский и Трубчевский уезды), Список населённых мест Калужской губернии по сведениям 1859 г.⁸ (взяты только Жиздринский уезд). В табл. 2 представлены количественные данные, отражающие состояние топонимии на территории современной Брянской области трёх временных срезов. Здесь, как и в случае с Московской областью/губернией, были подсчитаны все названия деревень и сёл с интересующими нас исходами.

Таблица 2

Количество и доля названий деревень и сёл территории современной Брянской области среднего рода (исходы *-ово, -ево, -ино*) и женского рода (исходы *-ова, -ева, -ина*)

Год	Исходы			
	<i>-ово, -ево, -ино</i>		<i>-ова, -ева, -ина</i>	
	деревня	село	деревня	село
1866	84 (35,3 %)	113 (87,6 %)	154 (64,7 %)	16 (12,4 %)
1928	234 (78,8 %)	144 (98,6 %)	63 (21,2 %)	2 (1,4 %)
2020	194 (81,2 %)	119 (92,2 %)	45 (18,8 %)	10 (7,8 %)

На территории современной Брянской области по состоянию на 1866 г. названия деревень женского рода с исходами *-ова, -ева, -ина* преобладали и составляли 64,7 %. Однако к 1928 г. их доля уменьшилась втрое и в дальнейшем сохраняет тенденцию к уменьшению. Среди названий сёл на всех временных срезах преобладают названия среднего рода. Вариативное по данным ГКГН за 2019 г. название деревни *Лепешкино/Лепешкина* в Постановлении Правительства Брянской области от 5 августа 2019 г. № 343-п⁹ зафиксировано в форме *Лепешки-*

на. В 1928 г. название деревни зафиксировано в форме *Лепешкино*¹⁰, а в 1866 г. – *Лепешкина*¹¹. В настоящее время вариант *Лепешкина* поддерживается, вероятно, благодаря наличию в данном сельском поселении названий других деревень и сёл женского рода: *Кривцова, Голышина, Юшина*.

В Вологодской области по данным ГКГН на 2019 г. вариативным является название деревни *Сидорова/Сидорово*, расположенной в Вытегорском районе. Поскольку территория Вытегорского района входила в разные административно-территориальные образования, мы ограничились данными территории Вытегорского района, которая совпадает с территорией Вытегорского уезда Олонецкой губернии. Таким образом, источниками топонимов здесь явились Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населённых пунктов Вологодской области на 17 декабря 2019 г., справочник административно-территориального деления Вологодской области по состоянию на 1 января 2000 г.¹², Список населённых мест Олонецкой губернии по сведениям 1873 г.¹³ (только Вытегорский уезд). В табл. 3 представлены количественные данные, отражающие состояние топонимии на территории современного Вытегорского района Вологодской области трёх временных срезов.

Данные табл. 3 показывают значительное увеличение доли названий деревень среднего рода с исходами *-ово, -ево, -ино* на территории современного Вытегорского района Вологодской области за последние полтора века. В Законе Вологодской области от 6 декабря 2004 г. № 1113-ОЗ¹⁴ зафиксирова-

URL: <http://docs.cntd.ru/document/974055138> (дата обращения: 09.08.2020).

⁷ Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 24: Московская губерния. СПб., 1862. С. 276.

¹¹ Список населённых мест Брянской губернии. Брянск: Издание Брянского Губернского Статистического Отдела, 1928. С. 184.

¹² Вологодская область: Административно-территориальное устройство на 1 января 2000 г. Вологда: Арника, 2001. 296 с.

¹³ Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 27: Олонецкая губерния. СПб., 1879. 238 с.

¹⁴ Об установлении границ Вытегорского муниципального района, границах и статусе муниципальных

на форма д. *Сидорово*. Однако ещё в 2000 г. название этой деревни зафиксировано в форме *Сидорова*¹⁵, как и по данным 1873 г.¹⁶

Таблица 3

Количество и доля названий деревень и сёл территории современного Вытегорского района среднего рода (исходы -ово, -ево, -ино) и женского рода (исходы -ова, -ева, -ина)

Год	Исходы			
	-ово, -ево, -ино		-ова, -ева, -ина	
	деревня	село	деревня	село
1873	3 (1,3 %)	3	223 (98,7 %)	0
2000	111 (89,5 %)	0	13 (10,5 %)	0
2019	83 (94,3 %)	0	5 (5,7 %)	0

Источниками топонимов по Калужской области/губернии послужили Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населённых пунктов Калужской области на 23 января 2020 г. и Список населённых мест Калужской губернии по сведениям 1859 г.¹⁷ Количественные данные по названиям деревень женского и среднего рода представлены в табл. 4.

Данные по Калужской области/губернии также показывают преобладание исходов -ова, -ева, -ина в названиях деревень в середине XIX века и их полное вытеснение исходами -ово, -ево, -ино в настоящее время. Вариативное по данным ГКГН название деревни *Девочкино/Девочкина* в Законе Калужской области от 4 октября 2004 г. № 354-ОЗ¹⁸ дано

образований, входящих в его состав: Закон Вологодской области от 6.12.2004 № 1113-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/938502625> (дата обращения: 09.08.2020).

¹⁵ Список населённых мест Брянской губернии. Брянск: Издание Брянского Губернского Статистического Отдела, 1928. С. 140.

¹⁶ Вологодская область: Административно-территориальное устройство на 1 января 2000 г. Вологда: Арника, 2001. С. 55.

¹⁷ Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 29: Орловская губерния. СПб., 1871. 238 с.

¹⁸ Об установлении границ муниципальных образований, расположенных на территории административно-территориальных единиц «Баятинский район», «Куйбышевский район», «Людиновский район», «Ме-

в форме *Девочкина*. В Уставе же сельского поселения «Железнодорожная станция Кудринская»¹⁹ находим вариант *Девочкино*. По данным за 1859 г. зафиксировано название *Девочкино*²⁰. Очевидно, что при полном отсутствии в региональной топонимии названий с исходом -ина, кодификация варианта *Девочкина* будет обречена на неудачу.

Таблица 4

Количество и доля названий деревень и сёл Калужской области/губернии среднего рода (исходы -ово, -ево, -ино) и женского рода (исходы -ова, -ева, -ина)

Год	Исходы			
	-ово, -ево, -ино		-ова, -ева, -ина	
	деревня	село	деревня	село
1859	333 (27,5 %)	707 (98,2 %)	878 (72,5 %)	13 (1,8 %)
2020	1231 (100 %)	130 (100 %)	0	0

Для исследования топонимии территории современной Курганской области были использованы Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населённых пунктов Курганской области на 15 января 2020 г., справочник административно-территориального деления Курганской области по состоянию на апрель 1958 г.²¹, Список населённых мест Тобольской губернии по сведениям 1868–1869 гг.²² (Курганский уезд), Список населённых мест Оренбург-

щовский район», «Спас-Деменский район», «Ульяновский район», и наделении их статусом городского поселения, сельского поселения, муниципального района: Закон Калужской области от 4.10.2004 № 354-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/972212328> (дата обращения: 09.08.2020).

¹⁹ Устав муниципального образования сельского поселения «Железнодорожная станция Кудринская» Мещовского района. URL: <http://kudrinskaya-adm.ru/documents/573.html> (дата обращения: 09.08.2020).

²⁰ Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 29: Орловская губерния. СПб., 1871. С. 127.

²¹ Курганская область: Административно-территориальное деление. Курган: Изд-во газеты «Красный Курган», 1958. 289 с.

²² Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 60: Тобольская губерния. СПб., 1871. 196 с.

ской губернии по сведениям 1866 г.²³ (Челябинский уезд), Список населённых мест Пермской губернии по сведениям 1869 г.²⁴ (Шадринский уезд). В табл. 5 представлены количественные данные по топонимии территории современной Курганской области трёх временных срезов.

Таблица 5

Количество и доля названий деревень и сёл территории современной Курганской области среднего рода (исходы *-ово, -ево, -ино*) и женского рода (исходы *-ова, -ева, -ина*)

Год	Исходы			
	<i>-ово, -ево, -ино</i>		<i>-ова, -ева, -ина</i>	
	деревня	село	деревня	село
1869	0	13 (92,9 %)	625 (100 %)	1 (7,1 %)
1958	105 (21,5 %)	154 (91,1 %)	383 (78,5 %)	15 (8,9 %)
2020	168 (54,9 %)	147 (98 %)	138 (45,1 %)	3 (2 %)

Как видно из табл. 5, в топонимии территории современной Курганской области на протяжении последних полутора веков наблюдалось последовательное уменьшение доли названий деревень с исходами *-ова, -ева, -ина* и увеличение доли названий деревень с исходами *-ово, -ево, -ино*. Среди названий сёл на всех временных срезах преобладают названия с исходами *-ово, -ево, -ино*. Одна из особенностей современной топонимии Курганской области заключается в том, что в ней сохраняется значительная доля названий деревень на *-ова, -ева, -ина* в отличие, например, от топонимии Калужской, Московской, Брянской областей. Эта особенность оказывает влияние на функционирование топонимов в письменной речи, способствуя варьированию. Так, название деревни в Катайском районе *Скилягина/Скилягино* в современных нормативно-правовых документах зафиксировано в форме *Скилягино*²⁵,

но на топографических картах Генштаба СССР и в справочнике административно-территориального деления зафиксирован вариант *Скилягина*²⁶. В то же время название деревни в Шумихинском районе *Чесноково/Чеснокова* в действующих нормативно-правовых документах зафиксировано в форме *Чеснокова*²⁷, хотя на генштабовских картах и в справочнике административно-территориального деления отмечено название *Чесноково*²⁸. Опираясь на полученные количественные данные по области, можно прогнозировать дальнейшее варьирование названий деревень в ближайшие десятилетия.

В качестве источников по топонимии территории современной Свердловской области были использованы Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населённых пунктов Свердловской области на 18 декабря 2019 г., справочники административно-территориального деления Свердловской области по состоянию на 1 января 1987 г.²⁹ и по состоянию на 1 июля 1956 г.³⁰, Список населённых мест Пермской губернии по состоянию на 1 января 1904 г.³¹ (уезды Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский и Красноуфимский), Список населённых мест Пермской

27.12.2007 № 316. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819031930> (дата обращения: 09.08.2020); Устав Верхнетеченского сельсовета. URL: <http://vtecha.ru/?p=242> (дата обращения: 09.08.2020).

²⁶ Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 29: Орловская губерния. СПб., 1871. С. 263.

²⁷ Об административно-территориальном устройстве Курганской области: Закон Курганской области от 27.12.2007 № 316. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819031930> (дата обращения: 09.08.2020); Устав Кушмянского сельсовета Шумихинского района Курганской области. URL: <http://кушмянский.45шумиха.рф/documents/24.html> (дата обращения: 09.08.2020).

²⁸ Курганская область: Административно-территориальное деление. Курган: Южно-Уральское кн. изд-во, 1966. 235 с.

²⁹ Свердловская область. Административно-территориальное деление. Свердловск: Изд-во «Уральский рабочий», 1987. 230 с.

³⁰ Свердловская область. Административно-территориальное деление. Свердловск, 1956. 299 с.

³¹ Список населённых мест Пермской губернии. Пермь: Пермское губ. земство, 1905. 526 с.

²³ Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 28: Оренбургская губерния. СПб., 1871. 108 с.

²⁴ Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1875. 443 с.

²⁵ Об административно-территориальном устройстве Курганской области: Закон Курганской области от

губернии по сведениям 1869 г.³² (уезды Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский и Красноуфимский). В табл. 6 представлены количественные данные по пяти перечисленным временным срезам.

Таблица 6

Количество и доля названий деревень и сёл территории современной Свердловской области среднего рода (исходы *-ова, -ево, -ино*) и женского рода (исходы *-ова, -ева, -ина*)

Год	Исходы			
	<i>-ово, -ево, -ино</i>		<i>-ова, -ева, -ина</i>	
	деревня	село	деревня	село
1869	5 (0,6 %)	5 (83,3 %)	846 (99,4 %)	1 (16,7 %)
1904	3 (0,3 %)	14 (100 %)	959 (99,7 %)	0
1956	128 (14 %)	77 (98,7 %)	782 (86 %)	1 (1,3 %)
1987	118 (22,3 %)	102 (100 %)	410 (77,7 %)	0
2019	100 (21,6 %)	104 (94,5 %)	364 (78,4 %)	6 (5,5 %)

В отличие от рассмотренных выше регионов, в Свердловской области в настоящее время преобладают названия деревень с исходами *-ова, -ева, -ина*. Отмечаемая в других регионах тенденция существенного уменьшения доли названий деревень женского рода на протяжении последних полутора веков в Свердловской области имеет менее выраженный характер. Следствием этого является, видимо, возможность кодификации как вариантов названий среднего рода (*Глухарёво/Глухарёва* → *Глухарёво, Жуково/Жукова* → *Жуково* и др.), так и женского рода (*Артемейкова/Артемейково* → *Артемейкова, Златогорова/Златогорово* → *Златогорова* и др.). Динамика изменения соотношения названий деревень женского и среднего рода свидетельствует о том, что ещё на протяжении длительного периода времени в Свердловской области будут сохраняться названия с исходами *-ова, -ева, -ина*. Что касается названий сёл с формантами *-ов-, -ев-, -ин-*, то на всех временных срезах преобладают названия среднего рода.

³² Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 28: Оренбургская губерния. Спб., 1871. 108 с.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. В топонимии всех проанализированных регионов во второй половине XIX века преобладали названия деревень с исходами *-ова, -ева, -ина*, за исключением Московской области. Широкое распространение топонимов на *-ова, -ева, -ина* связано с тем, что они выражали отношение принадлежности в конструкциях типа *Жукова деревня*, где номенклатурный термин со временем выпадал, или *Данилки Андреева, Окулки Борисова (Окулова)*, подвергавшихся универбизации в результате дальнейшей топонимизации. Сельская топонимия Московской губернии сформировалась однозначно раньше, чем сельская топонимия, допустим, территории Курганской и Свердловской областей, поэтому в Московской губернии к середине XIX века уже преобладали названия деревень на *-ово, -ево, -ино*.

В топонимии всех проанализированных регионов на всех временных срезах у названий сёл преобладают исходы *-ово, -ево, -ино*, а исходы *-ова, -ева, -ина* являются единичными. Это подтверждает выводы многих исследователей о согласовании номенклатурного термина с собственным именем населённого пункта.

В топонимии всех проанализированных регионов за последние полтора столетия наблюдается последовательное уменьшение доли названий деревень с исходами *-ова, -ева, -ина* и увеличение на *-ово, -ево, -ино*. При этом в разных регионах данный процесс происходит с разной скоростью. Увеличение как общего количества, так и доли названий деревень на *-ово, -ево, -ино* вызвано разными причинами. Во-первых, со временем уменьшается продуктивность принципа номинации населённых пунктов по имени или фамилии первопоселенца, владельца. Во-вторых, в результате становления и развития региональных топонимических систем исходы *-ово, -ево, -ино* в сознании русскоязычной топонимической личности начинают восприниматься как универсальные показатели названий сельских населённых мест, происходит их топонимическая стереотипизация. Наиболее ярко это проявляется при образовании отапельлятивных топонимов с этими исходами: *Надовражино* («название по расположению над оврагом» [17, с. 377]), *Подсосино*

(«первоначальная форма *Под Сосенками*» [17, с. 427]) и др. Поскольку названия женского и мужского рода омонимичны фамилиям (*Жукова, Жуков*), названия среднего рода однозначно воспринимаются как топонимы (деревня *Простоквашино* из советской серии мультфильмов и др.). В этом плане мы солидарны с мнением А.М. Селищева: «форма на -о имела специфически топонимическое значение места, не зависящее от того, называется ли село, сельцо, деревня, пустошь, лес» [18, с. 481]. Но и в настоящее время форма среднего рода на -о вытесняет не только формы женского рода, но и формы мужского рода, и даже формы множественного числа: хутор *Иванченков* → хутор *Иванченково*, хутор *Иголкин* → хутор *Иголкино* [19, с. 85], деревня *Кожевники*³³ → деревня *Кожевниково*³⁴ и др.

Современная топонимия проанализированных регионов различается по соотношению названий деревень с формами среднего

и женского рода. Это материальное различие отражает особенности топонимических стереотипов в сознании региональной топонимической личности и оказывает существенное влияние на нормализацию написания морфологических вариантов топонимов. Если в Калужской и Московской областях названия деревень с исходами -ова, -ева, -ина отсутствуют или единичны, то в Курганской и Свердловской областях они почти не уступают и даже преобладают в количественном отношении над названиями деревень с исходами -ово, -ево, -ино. В связи с этим мы полностью поддерживаем высказанное в начале статьи мнение Г.В. Глинских о необоснованности поспешных изменений топонимической системы в ситуации, когда местное население продолжает употреблять названия с конечным -а.

Нормализация наименований географических объектов не должна ограничиваться только установлением устных и письменных форм наименований на местах. В условиях конкуренции вариантов особое значение имеет исследование общих тенденций нормализации того или иного типа топонимического варьирования, а также специфики региональной топонимической системы.

³³ Ивановская область. Административно-территориальное деление / сост. В.А. Ельфин. Иваново, 2001. 439 с.

³⁴ О городском и сельских поселениях в Комсомольском муниципальном районе: Закон Ивановской области от 25.02.2005 № 43-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/882208258> (дата обращения: 09.08.2020).

Список литературы

1. Глинских Г.В. Лингвистические критерии при уточнении названий населённых пунктов // Вопросы ономастики. Вып. 14: Собственные имена в системе языка. Свердловск: УрГУ, 1980. С. 14-28.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
3. Маршева Л.И. Структурные и номинационные типы в диалектной топонимии Липецкой области: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.
4. Суперанская А.В. Структура имени собственного: (фонология и морфология). М.: Наука, 1969. 207 с.
5. Воробьёва И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. 247 с.
6. Рубцова З.В. Типы варьирования в белорусской и русской топонимии (к вопросу о поисках нормы) // Зоя Васильевна Рубцова – топонимист, славист. Москва; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2011. С. 95-110.
7. Климова Л.А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ. Арзамас: АГПИ, 2008. 261 с.
8. Щербак А.С. Очерки по истории названий населённых пунктов Центрального Черноземья. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 124 с.
9. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (К постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40-53.
10. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.
11. Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003.
12. Современная западная социология: словарь / сост. Ю.Н. Давыдов, М.С. Ковалева, А.Ф. Филиппов. М.: Политиздат, 1990. 432 с.
13. Большой психологический словарь. 3-е изд. / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 632 с.

14. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
15. Gmelin J.G. Voyage en Sibérie. Tome premier. Paris: Chez Desaint, 1767. 430 p.
16. Голев Н.Д., Дмитриева Л.М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. 2008. № 1 (5). С. 5-17.
17. Поспелов Е.М. Географические названия Московской области. М.: АСТ: Астрель, 2008. 600 с.
18. Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 436-493.
19. Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Топонимия Воронежского края. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. 336 с.

References

1. Glinskikh G.V. Lingvisticheskiye kriterii pri utochnenii nazvaniy naselennykh punktov [Linguistic criteria for specifying names of inhabited localities]. *Voprosy onomastiki. Vyp. 14: Sobstvennyye imena v sisteme yazyka* [Problems of Onomastics. Issue 14: Proper Names within a Language System]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1980, pp. 14-28. (In Russian).
2. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 187 p. (In Russian).
3. Marshева L.I. *Strukturnyye i nominatsionnyye tipy v dialektnoy toponimii Lipetskoy oblasti: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Structural and Nomination Types in Dialectal Toponymy of Lipetsk Region. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2008. (In Russian).
4. Superanskaya A.V. *Struktura imeni sobstvennogo: (fonologiya i morfologiya)* [Structure of a Proper Name: (Phonology and Morphology)]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 207 p. (In Russian).
5. Vorobyeva I.A. *Russkaya toponimiya sredney chasti basseyna Obi* [Russian Toponymy of Middle Part of Ob Basin]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1973, 247 p. (In Russian).
6. Rubtsova Z.V. Tipy var'irovaniya v belorusskoy i russkoy toponimii (k voprosu o poiskakh normy) [Variation types in Belorussian and Russian toponymy (in search of a norm)]. *Zoya Vasil'yevna Rubtsova – toponimist, slavist* [Zoya Vasilyevna Rubtsova – Toponymist, Slavist]. Moscow; Kaluga, "Eidos" Publ., 2011, pp. 95-110. (In Russian).
7. Klimkova L.A. *Nizhegorodskaya mikrotoponimiya: raznoaspektnyy analiz* [Microtoponymy of Nizhny Novgorod Region: Multifarious Analysis]. Arzamas, Arzamas State Pedagogical University Publ., 2008, 261 p. (In Russian).
8. Shcherbak A.S. *Ocherki po istorii nazvaniy naselennykh punktov Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Essays on the History of Names of Settlements of the Central Black Earth Region]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2014, 124 p. (In Russian).
9. Podolskaya N.V. Problemy onomasticheskogo slovoobrazovaniya (K postanovke voprosa) [Derivational problems in onomastics (towards the statement of a question)]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*, 1990, no. 3, pp. 40-53. (In Russian).
10. Superanskaya A.V. *Chto takoye toponimika?* [What is Toponymics?]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 182 p. (In Russian).
11. Dmitriyeva L.M. *Ontologicheskoye i mental'noye bytiye toponimicheskoy sistemy (na materiale russkoy toponimii Altaya): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Ontological and Mental Existence of a Toponymic System (with Reference to the Russian Toponymy of Altai). Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Yekaterinburg, 2003. (In Russian).
12. Davydov Y.N., Kovaleva M.S., Filippov A.F. (compilers). *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: slovar'* [Modern Foreign Sociology: Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 432 p. (In Russian).
13. Meshcheryakov B., Zinchenko V. (compilers and gen. eds.). *Bolshoy psikhologicheskii slovar'* [Great Psychological Dictionary]. St. Petersburg, Praym-Evroznak Publ., 2003, 632 p. (In Russian).
14. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Y.G., Luzina L.G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Shorter Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Faculty of Philology Moscow State University Publ., 1996, 245 p. (In Russian).
15. Gmelin J.G. *Voyage en Sibérie. Tome premier*. Paris, Chez Desaint Publ., 1767, 430 p. (In French).
16. Golev N.D., Dmitriyeva L.M. Edinstvo ontologicheskogo i mental'nogo bytiya toponimicheskoy sistemy (k problematike kognitivnoy toponimiki) [The unity of the ontological and mental being of the toponymic system (to the problems of cognitive toponymy)]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2008, no. 1 (5), pp. 5-17. (In Russian).

17. Pospelov E.M. *Geograficheskiye nazvaniya Moskovskoy oblasti* [Geographical Names of the Moscow Region]. Moscow, AST: Astrel Publ., 2008, 600 p. (In Russian).
18. Selishchev A.M. Iz staroy i novoy toponimii [From old and new toponymy]. *Trudy po russkomu yazyku. T. 1. Yazyk i obshchestvo* [Works on Russian Language. Vol. 1. Language and Society]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 2003, pp. 436-493. (In Russian).
19. Popov S.A., Pukhova T.F., Griboyedova E.A. *Toponimiya Voronezhskogo kraya* [Toponymy of the Voronezh Region]. Voronezh, Center for Spiritual Revival of the Black Earth Region Publ., 2018, 336 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дамбуев Игорь Александрович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), г. Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: igor_dambuev@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, сбор материала и источников, лингвостатистический анализ, написание и оформление текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6551-6217>

Поступила в редакцию 16.08.2020 г.

Поступила после рецензирования 20.09.2020 г.

Повторное рецензирование 24.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Igor A. Dambuev, Candidate of Philology, Senior Research Worker. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: igor_dambuev@mail.ru

Contribution: study conception, data and source material acquisition, statistic-linguistic analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6551-6217>

Received 16 August 2020

Reviewed 20 September 2020

Second peer review round 24 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-699-708
УДК 81'373; 001.4

Межъязыковая омонимия как проявление формально-содержательной языковой асимметрии

Светлана Владимировна КЕЗИНА

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3518-5549>, e-mail: svkezina@gmail.com

Interlingual homonymy as a way of expressing formal content asymmetry

Svetlana V. KEZINA

Penza State University
40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3518-5549>, e-mail: svkezina@gmail.com

Аннотация. Проанализированы славянские межъязыковые омонимы-когнаты в плане содержания. Цель исследования – осмысление процесса расхождения семантики современных слов с первоначально общим этимологом и выявление оснований семантического расхождения. В качестве основных методов лингвистического исследования использованы сопоставительный, сравнительно-исторический и метод компонентного анализа. Проблема славянской межъязыковой омонимии связана, с одной стороны, с глобализацией коммуникации, вследствие чего в современном языкознании всё больше внимания уделяется сопоставительному анализу языков, и, с другой стороны, с расколом славянского мира, который настоятельно требует возрождения исторических корней славянства. Новизна исследования обусловлена системным подходом к изучению омонимов-когнатов. Оптимальной системой для изучения гомогенных омонимов является диахроническое поле. Выявлено, что в основе эволюции диахронических полей, на материале которых были проанализированы славянские межъязыковые омонимы-когнаты, лежит непрерывная генерация полисемантов, из которых каждый последующий развивается на основе прототипа, выделенного из предыдущего. Обосновано, что расхождение семантики современных слов, восходящих к одному этимолу, и как следствие образование омонимов детерминировано распадом полисеманта в результате разрушения классификационных и ассоциативных связей, обеспечивающих его единство, и дальнейшей различной актуализацией выделенных из него полисемантических комплексов (фрагментов) и отдельных значений. Сделан вывод о возможности использования результатов исследования в этимологических разысканиях при реконструкции прототипов и исконной полисемии как источника поздней омонимии.

Ключевые слова: формально-содержательная асимметрия; диахроническое поле; полисемант; славянские межъязыковые омонимы-когнаты; этимон; прототип

Для цитирования: Кезина С.В. Межъязыковая омонимия как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 699-708. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-699-708

Abstract. We analyze Slavic interlingual cognate-homonyms in terms of content. The aim of the study is to explore the process of semantic deviations of modern words with initially common etymon and to reveal the reasons of such deviations. The main methods of linguistic research are comparative, comparative-historical and component analysis. The problem of Slavic interlanguage homonymy is connected, on the one hand, with the globalization of communication, as the result of which the importance of linguistic comparative analysis is increased in modern language study, and, on the other hand, it is connected with the division of the Slavic world, which makes the re-

vival of the Slavic historical roots urgent. The novelty of the research is due to the systematic approach to the study of cognate-homonyms. The optimal system for studying homogeneous homonyms is the diachronic field. We reveal that the foundation of the diachronic fields' evolution, which supplied the material of Slavic interlingual cognate-homonyms, is continual generating of polysemants, the consecutive one being modeled on the basis of the prototype generated by the previous. We substantiate that semantic deviation in modern words with a common etymon and consequently the formation of homonyms is determined by the split of a polysemant in the process of breaking classificational and associative connections which define its integrity, and subsequent actualization of polysemantic complexes (fragments) and separate meanings. We conclude that it is possible to use the study results in etymological research in the reconstruction of prototypes and original polysemy as a source of late homonymy.

Keywords: formal content asymmetry; diachronic field; polysemant; Slavic interlingual cognate-homonyms; etymon; prototype

For citation: Kезина С.В. Mezhyazykovaya omonimiya kak proyavleniye formal'no-soderzhatel'noy yazykovoy asimmetrii [Interlingual homonymy as a way of expressing formal content asymmetry]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 699-708. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-699-708 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение. Идея Карцевского об асимметрическом дуализме языкового знака, *проявляющемся в расхождении между означающими и означаемыми* [1, с. 85], высказанная в ответ на сосюрровский тезис о существовании в синхронии «параллелизма, симметрии, зеркальности между рядами означающих и означаемых» [2, с. 55], получила широкое распространение во второй половине XX века. Значительный вклад в теорию языковой симметрии/асимметрии внесли Г.П. Мельников [2; 3] и В.Г. Гак [4; 5].

Многонаправленность и междисциплинарность современного языкознания, детерминирующие изучение языкового явления в разных лингвистических направлениях и с опорой на смежные дисциплины, актуализировали теорию формально-содержательной асимметрии, которая успешно применяется, например, при изучении лексико-семантического синкретизма [6], при рассмотрении внутриязыковых причин семантической деривации [7], при анализе терминсистем [8; 9], при осмыслении семантических отношений в лексико-семантических системах [10], в сопоставительной лингвистике [11–18].

Асимметрия «отражает нарушение упорядоченности, регулярности, разнообразия», в ней «проявляются нарушения равновесия и устойчивости, связанные с изменением в организации системы, составных частей целого» [5, с. 107]. Асимметрия, по В.Г. Гаку, проявляется в двух феноменах: а) в различении центра (ядра) и периферии и б) в расхождении между означаемыми и означающими.

На основе расхождения между означаемыми и означающими учёный выделил системную, структурную и функциональную асимметрию. В структурной асимметрии – парадигматическую и синтагматическую. «Значительно чаще обнаруживается парадигматическая асимметрия: одно и то же в этимологическом отношении слово приобрело разные значения в разных языках и, напротив, одно и то же значение выражается разными по происхождению словами» [5, с. 110]. В парадигматическом плане В.Г. Гак различает два типа асимметрии: полисемию и синонимию. Одним из проявлений полисемии является «омонимия, совпадение в одной форме разных значений» [5, с. 117].

Лингвисты относят омонимию к абсолютным универсалиям. «Наличие омонимов в языке обязательно и закономерно, глубоко обусловлено как физиологически (действием принципа экономии в системе звуковых оболочек слов), так и самой природой языка как системы, в частности – существованием в языке категорий симметрии и асимметрии» [14, с. 7]. Различают внутриязыковую и межъязыковую омонимию. Наиболее широко межъязыковые омонимы представлены в активно контактирующих языках, которые имеют генетическое родство и близость систем [15, с. 6]. Предметом настоящего исследования является план содержания славянских межъязыковых омонимов-когнатов. Цель исследования – осмысление процесса расхождения семантики современных слов с первоначально общим этимоном и выявление

ние оснований семантического расхождения. Для научного анализа использованы сопоставительный, сравнительно-исторический методы и метод компонентного анализа.

Критерии определения межъязыковых омонимов-когнатов. Межъязыковая омонимия развивается чаще всего вследствие 1) фонетического сближения слов разного происхождения и 2) расхождения семантики современных слов с первоначально общим этимологом. «Основной причиной возникновения межъязыковых соответствий омонимичного характера в славянских языках является расхождение семантики современных слов с первоначально общим этимологом» [15, с. 11].

В современном языкознании до сих пор нет единого общепринятого определения омонимов, в том числе межъязыковых, что связывают с «многогранностью и многоаспектностью омонимии» [14, с. 6]. Генетическая близость межъязыковых омонимов обусловила два чётко выраженных подхода к их определению. Одни учёные, например, В.Н. Манакин, считают, что межъязыковые омонимы должны быть полностью тождественны в плане выражения и полностью различны в плане содержания [11, с. 162-163]. Однако большинство исследователей [14–17] отмечают относительный характер проявления формального тождества и семантического различия межъязыковых гомогенных омонимов, что, по их мнению, детерминировано родством сопоставляемых языковых систем. Исходя из разницы систем современных славянских языков С.Д. Цухишвили предлагает понятие «тождество» заменить понятием «соответствие». Благодаря «принципу формального соответствия» в сферу родственных слов, совпадающих в плане выражения, включаются слова с регулярными формальными расхождениями, детерминированными закономерными формальными различиями «слов общего происхождения (когнатов) в разных языках» [15, с. 45]. Формальные различия между славянскими омонимами-когнатами связаны в основном а) с различными алфавитами (кириллица, латиница), б) с различным ударением (рус. *zavód* – чеш. *závod*), в) с различными принципами орфоэпии, не отражающимися на письме (рус. *пара* – болг. *пара* «монетка»), г) с различными принципами орфографии (рус. *местный* «здешний» –

бел. *месны* «предложный (о падеже)»), д) с историческими чередованиями гласных и согласных в основе (рус. *сторона* – чеш. *strana*, словен. *stran* «страница») [15; 17]. Генетические особенности омонимов-когнатов могут касаться не только плана выражения, но и плана содержания. Одни исследователи, например, В.Н. Манакин [11], В.В. Дубичинский [18], отрицают возможность совмещения или пересечения семантики межъязыковых омонимов. Другие признают возможность сохранения семантических связей между омонимами с первоначально общим этимологом [14–16].

Исходя из сказанного под межъязыковыми гомогенными омонимами мы понимаем слова двух и более родственных языков, полностью или частично совпадающие по форме и полностью или частично различающиеся по значению, если существующие формальные и семантические расхождения детерминированы эволюцией языков-когнатов.

Синхронно-диахронический подход к исследованию межъязыковых омонимов.

Материалом для настоящего исследования послужили славянские омонимы-когнаты, извлечённые из диахронических полей, восходящих к индоевропейским корням *g^hel: g^hol, *k^her: k^hor, *b^hel: b^hol, *b^heg: b^hog, *b^her: b^hor, *p^hel: p^hol, *ra^hu: r^hu, *k^he^hi: k^hoi и составленных на материале 70-ти разнотипных лингвистических словарей, а также разноаспектных научных работ по лексике русского и других языков [19]. Диахроническое поле исторически развивается в условиях действия двух основных тенденций: 1) к расширению семантического объёма слова-этимона в процессе познания реального мира и 2) к экономии языковых усилий. С одной стороны, семантическая деривация призвана обеспечить «массу значений», с другой стороны, она позволяет «редуцировать» бесконечность нового знания, сводя его к неким базовым структурам и схемам» [7, с. 22].

В структурном отношении диахроническое поле представляет собой совокупность полисемантов, созданных в процессе эволюции поля. Первичный полисемант создаётся на основе этимона, значение которого реконструируется как «окружающий мир, значи-

мое». По мнению психологов, первобытное мышление отражало мир «в целом», что связывают с различными функциями левого и правого полушарий. Принято считать, что у предков человека, как у современного человека в эмбриональном и раннем развитии, *раньше формируются зоны правого полушария* [19, с. 43-50]. Всё, что на раннем этапе включалось в процесс номинации, было отражено нерасчлennным мышлением древнего человека и необходимо для поддержания жизненного цикла. Поэтому смыслы, преобразованные в значения первичного полисеманта, носили базисный характер (вода, племя, огонь/очаг, пища (растения и животные), место/жилище, явления природы, звуки, простейшие орудия труда). В процессе познания окружающего мира из первичного полисеманта постепенно выделяются отдельные фрагменты (полисемантические комплексы) и далее отдельные значения. На их основе (на основе новых прототипов) в результате дифференциации и сравнения предметов и их признаков создаются новые полисеманты, отдельные значения которых связываются классификационными и ассоциативными связями. Процесс выделения новых прототипов и создания новых полисемантов осуществляется непрерывно, следуя за человеческой мыслью, одновременно познающей и созидающей предметный мир. Так в диахроническом поле создаётся иерархически организованная совокупность семантических прототипов и полисемантов. Любой прототип, включая этимон, репрезентирует симметрию между означающим и означаемым, так как означаемое одно (даже если оно комплексное). Формирование на основе прототипа полисеманта репрезентирует асимметрию между означающим и означаемым. «Симметрия и асимметрия находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Постоянно происходит движение от одного явления к другому и обратно» [5, с. 124].

Семантическая деривация способствует образованию множества взаимосвязанных значений в семантической структуре отдельного полисеманта и поля в целом. Когда славянское этническое и языковое единство распадается, славяне расселяются на удалённых друг от друга территориях, создают самобытные культуры, множество историче-

ских значений, образующих полисеманты, в результате распада последних различно реализуется в славянских языках. Подобная семантическая асимметрия выражается в устойчивости и подвижности значения [4]. Под устойчивостью значения В.Г. Гак понимает актуализацию сем, под изменчивостью – их погашение. Следствием расхождения между означающими и означаемыми, обусловленного «развёртыванием» полисеманта, его распадением и различной актуализацией исторических значений, стала внутри- и межъязыковая омонимия.

Славянские межъязыковые омонимы, восходящие к одному этимону. В соответствии с целью настоящего исследования рассмотрим славянские межъязыковые омонимы-когнаты, в той или иной степени сохраняющие «реликтовые общие семы» [16, с. 9]. Сравнение научных классификаций межъязыковых омонимов по степени семантических различий [14; 15] показало, что все омонимы можно разделить на две группы: 1) межъязыковые омонимы, полностью различающиеся по значению, и 2) межъязыковые омонимы, частично различающиеся по значению.

Межъязыковые омонимы, полностью различающиеся по значению. Такие омонимы делятся на а) омонимы, не имеющие общей части в значениях, и б) омонимы с противоположными значениями.

Интересно и важно заметить, что некоторые омонимы, не имеющие общей части в значениях, относятся к одной денотативной области. Представим идеографическую классификацию таких омонимических рядов:

«Растения (плоды)»: рус. диал. *суница* «земляника» – укр. *суниця*, блр. *суница*, болг. *суница* «клубника»; болг. *калина* «калина; гранат» – сербохорв. *калина* «фисташник терпентинный»; рус. *берёка* «рябина» – укр. *берёка* «боярышник»;

«Животные»: рус. диал. *боров* «бык» – болг. *брав*, сербохорв. *brâv* «овцы» – словц. *brav* «боров»; н.-луж. *baran* «баран» – рус. диал. *баран* «птица (какая?)»; рус. *пилюк* «сова, сыч» – укр. *пилюк* «вид коршуна»; болг. *пиле* «утёнок» – н.-луж. *pile* «гусёнок»;

«Явления природы»: чеш. *ře* «сияние, блеск, свет» – болг. *зорá* «утренняя заря, утренняя звезда» – словц. *zora*, польск. *zorza*, н.-луж. *zorá* «зарев»; сербохорв. *gâr* «сажа,

пепел, копотъ» – рус. диал. *gar* «гром»; укр. *siver* «холод» – рус. диал. *siver* «северный ветер»;

«Цвет»: хорв. диал. *голуба* (о корове) «серая» – босн. диал. *голуба* (о корове) «белая» – укр.-блр. диал. *голуба* (о корове) «красная с белыми пятнами»; чеш. морав. *červený* «русый» – болг. *червен* «красный»; ст.-сл. *плавъ* «бледно-жёлтый» – сербохорв. *plāv*, *плава*, *плаво* «голубой» – словен. *plav*, *plava* «синий» – болг. *плав* «бежевый, белёсый», «серый, пепельный», «в светлых красках», «серый»; сербохорв. *рѹд* «рыжеватый» – словен. *rūd* «красный, коричневый»; рус. диал. *руды* «рыжий» – укр. *рудый* «тигровой масти (о котях, собаках)»; польск. *brony* «гнедой» – др.-чеш. *broný* «белый»; рус. *белёсый* «беловатый, тускло-белый» – польск. *bialasy*, слвц. *belasy* «голубой»;

«Домашняя утварь (посуда)»: польск. *czara* «чара, чаша (для вина)» – укр. диал. *чара* «сковорода»;

«Месторазвитие (по Гумилёву, место развития этноса)»: рус. диал. *балка* «пологий овраг, поросший травой, кустарниками и т. п., сухой или с ручьём» – польск. диал. *balka* «маленькое озеро»; слвц. *hoľa* «горный луг, горное пространство выше зоны древесной растительности» – в.-луж. *hola* «пустошь, лес»; рус. диал. *биль* «болото, на котором растёт один мох» – польск. *biel* «низкий, заболоченный лес»;

«Племя/род/семья»: болг. *глюта* «стадо, толпа» – сербохорв. *глюта* «семейство (жена, дети)»;

«Звуки»: укр. *пѣрхати* «фыркать» – блр. *пѣрхаць* «кашлять»; словен. *gr čati* «ворковать, ворчать, рычать» – чеш. *hrčeti* «греметь, журчать, мурлыкать».

Следы древней идеографической близости объясняются родством слов и метонимической когнитивной моделью семантической деривации на раннем этапе развития языка. Другие омонимические ряды данной группы включают слова разных денотативных областей: болг. *гора* «лес» – сербохорв. *гѹра* «падучая болезнь»; макед. *краса*, сербохорв., болг. *краса* «змея» – укр. диал. *краса* «радуга» – рус. диал. *краса* «светлое красивое место»; польск. и чеш. диал. *ruda* «тёплый дождь в солнечную погоду» – словен. *rūda*

«красный, коричневый»; болг. *бор* «сосна» – русск. *бор*, укр. *бор* «разновидность проса»; слвц. *biely* «белый», «светлый», «седой» – рус. диал. *белый* «чистый, вымытый», «здоровый, крепкий, кровь с молоком»; польск. *siwý* «серый», «синий» – рус. диал. *сивый* «слабый, болезненный (о животном)» – болг. *сив* «невзрачный, не впечатляющий, неинтересный, грустный»; укр. *чар* «волшебное зелье» – макед. *чар* «очарование, обаяние» – рус. диал. *чар* «о человеке, исхудавшем после болезни»; сербохорв. *чаровница* «болезнь горла у лошадей» – словен. *чаровница* «колдунья»; словин. *krāšnik* «гном, карлик» – болг. *красник* «водянка»; болг. *зор* «власть, сила» – сербохорв. *зѹр* «ярость, вспыльчивость» – рус. диал. *зор* «мелкий дождь»; укр. *корс* «раскорчёванный участок» – рус. *Корс* «покровитель питья и еды, бог пиров»; рус. диал. *луна* «отзвук, эхо» – болг. *луна* «веснушка»; слвц. *rusý* «пёстрый, пятнистый (о костре)» – рус. диал. *руси* «обруч с сетью»; рус. *галить* «глазеть, таращиться» – чеш. *hálite se* «звонко смеяться»; укр. *бага* «жажда» – рус. диал. *бага* «воображаемое страшное лицо, которым пугают маленьких детей»; др.-рус. *красность* «краснота» – в.-луж. *krasnosć* «великолепие»; рус. *кара* «наказание» – сербск.-цслв. *кара* «ссора»; болг. *корито* «овраг» – рус. диал. *корыто* «в названиях посуды, используемой с разными хозяйственными целями»; польск. *batwan* «порода соколов» – словен. *bolvan* «идол»; рус. диал. *красница* «красное пятно», «заря, зорька», «ягода клюква» – в.-луж. *krasnica* «красота; красивое место; красавица»;

Примеры показывают 1) образование омонимов в результате разрушения классификационных и ассоциативных связей между значениями полисеманта (ср.: рус. диал. *суница* «земляника» – укр. *суниця*, блр. *суніца*, болг. *суница* «клубника» и болг. *корито* «овраг» – рус. диал. *корыто* «в названиях посуды, используемой с разными хозяйственными целями»); 2) образование омонимов из слов как одной, так и разных идеограмм.

К межъязыковым омонимам, полностью различающимся в плане содержания, относятся и омонимы-когнаты с противоположными (часто оценочными) значениями: чеш. стар. *krásnik* «красавец» – рус. диал. *красник* «старый, больной человек, который уже не

поднимается с постели»; рус. *синий (огонь)* «адский» – рус. диал. *синяя (одежда)* «праздничная одежда, даже и не синего цвета» / рус. *синий (кафтан)* «риза царская синего цвета» / рус. *синее (ухание)* «приятный запах» / болг. *синя кръв* «благородных, голубых кровей»; болг. (фолькл.) *жёлтый* «прекрасный, красивый и дорогой» – рус. диал. *жёлтая* (бран.) «противная ругань, не бравая» / *жёлтенький* «полный трудностей, лишений», «несчастный, горемычный, злой» (в поговорке «житьё-то моё (или твоё, его) жёлтенькое!»); рус. диал. *благо* «хорошо» – польск. *blagi* «плохой»; болг. *черен* «лишённый радости», «несчастный, проклятый» – рус. *чёрный (фолькл.)* «нарядный, праздничный», «красивый»; укр. *кр сний* «прекрасный», «красивый», «хороший», в.-луж. *krasny* «великолепный», «роскошный», «красивый» – рус. диал. *красный* «ласкательное, а иногда бранное слово».

Явление межъязыковой энантиосемии, следствием которой стали ряды межъязыковых омонимов, исследователи традиционно объясняют исторической трансформацией значений: переходом значения со знаком «+» в значение со знаком «–» и наоборот [14; 15]. Мы считаем, что полярные значения не «вытекали друг из друга», а развивались одновременно, согласно целостному восприятию и отражению нашими предками окружающего мира. Признаки открывались человеку парами: «тёплый – холодный», «низкий – высокий» и т. п. [19, с. 249-254]. В противном случае надо решать вопрос о том, что первично: «низкий» или «высокий». В результате различной актуализации противоположных сем образовались межъязыковые омонимы.

Межъязыковые омонимы, частично различающиеся по значению. Эта группа омонимов, имеющих общую часть в значениях, незначительно представлена в нашем материале: словц. *žlna*, польск. *żolna* «дятел» – словен. *žolna*, чеш. *žluna* «зелёный дятел» – в.-луж. *žolna* «чёрный дятел» – рус. диал. *жёлня и желня* «чёрный красноголовый дятел»; др.-рус., рус.-цслав. *чарь* «чародейство, колдовство, заклинание», «предзнаменованье», «врачевание», «колдун» – сербохорв. *čar* «чары, колдовство»; болг. *заря* «луч, свет, утренняя заря» – словен. *zárja* «сияние,

блеск, свет»; укр. *зоря* «звезда, заря» – рус. диал. *зоря и зоря* «звезда»; рус. диал. *краса* «цветение злаковых, садов, опыление; красота»; «цветы, цветение, цвет» – блр. *krasá*, словин. *krasa* «красота» – ст.-польск. *krasa* «яркий цвет; красота; великолепие»; укр. *пилюк* «вид коршуна» – словен. *piljüh* «коршун, лунь»; н.-луж. *kšasnosć* «красота» – ст.-польск. *krasność* «красота», «красный цвет»; чеш. *krásniti* «украшать, красить» – н.-луж. *kšasniś* «украшать; прославлять»; в.-луж. *krásnica* «красота; красивое место; красавица» – н.-луж. *kšasnica* «красавица, красотка»; рус. диал. *кресать* «высекать, рубить огнем из кремня» – словен. *krésati* «высекать огонь», «обрубать сучья, колотить» – сербохорв. *krěsati* «высекать огонь», «тесать камень»; словен. *krēs* «праздник Ивана Купалы; солнцеворот; купальский огонь» – сербохорв. *krijes* «огонь накануне Ивана Купалы; жаркие дни летом»; польск. *krasy* «красивый; пёстрый, разноцветный» – укр. *крáсий* «пёстрый, разноцветный»; рус. диал. *крáска* «цветок», «цветение злаковых», «самые ранние всходы ржи», «пчелиная перга», «птица Goracias garrula, сизоворонка» – укр. *краска* «краска; цветок; цвет на хлебных растениях» – польск. *kraska* «цвет; кличка коровы; птица Goracias garrula».

Если омонимы первой группы репрезентируют относительно законченный процесс выделения значения, то примеры второй группы отражают промежуточное состояние в эволюции полисеманта, на что указывает большое количество полисемантических комплексов (фрагментов), выделенных из него. Как и омонимы первой группы, они сохраняют следы идеографической близости. В отличие от омонимов первой группы, они сохраняют более выраженные (менее «стёртые») «следы» семантической деривации (ср. напр.: рус. диал. *крáска* «цветок», «цветение злаковых», «самые ранние всходы ржи», «пчелиная перга», «птица Goracias garrula, сизоворонка»).

Значения таких омонимов-когнатов представлены следующими основными моделями: «отдельное значение (родовое) – отдельное значение (видовое)»: словц. *žlna*, польск. *żolna* «дятел» – словен. *žolna*, чеш. *žluna* «зелёный дятел» – в.-луж. *žolna* «чёрный дятел» – рус. диал. *жёлня и желня* «чёр-

ный красноголовый дятел»; «фрагмент – фрагмент»: словен. *krês* «праздник Ивана Купалы; солнцеворот; купальский огонь» – сербохорв. *krijes* «огонь накануне Ивана Купалы; жаркие дни летом»; б) «фрагмент – часть фрагмента»: польск. *krasy* «красивый; пёстрый, разноцветный» – укр. *krásий* «пёстрый, разноцветный»; в) «фрагмент – фрагмент – отдельное значение»: рус. диал. *krasá* «цветение злаковых, садов, опыление; красота»; «цветы, цветение, цвет» – ст.-польск. *krasa* «яркий цвет; красота; великолепие» – блр. *krasá*, словин. *krasa* «красота». Представленные семантические модели омонимов-когнатов, частично совпадающих по значению, показывают, что они образованы в результате распада древних полисемантов и различной актуализации выделенных из полисемантов составляющих, а не вследствие общепринятых в языкознании процессов сужения/расширения семантического объёма слов или семантической трансформации [12; 14; 15]. Примеры омонимов-когнатов убедительно репрезентируют результаты распада исторического полисеманта. Основания различной актуализации в языках-когнатах выделенных из исторического полисеманта составляющих определить труднее, так как они связаны со сложной комбинацией интра- и экстралингвистических факторов.

Выводы. В основе эволюции диахронических полей, на материале которых были проанализированы славянские межъязыковые омонимы-когнаты, лежит непрерывная генерация полисемантов, из которых каждый последующий развивается на основе прототипа, выделенного из предыдущего.

Межъязыковые гомогенные омонимы сохраняют следы закономерных диалектных различий (в плане выражения) и следы идеографической и семантической близости (в плане содержания), что определяет их природу и допущение частичного формального тождества и частичного семантического различия при их определении. Поэтому для научного анализа отобранны межъязыковые омонимы, не только полностью, но и частично различающиеся по значению.

Омонимы обеих групп образованы вследствие распада полисеманта и различной актуализации результатов этого распада: полисемантических комплексов (фрагментов) и

отдельных значений. Группа омонимов, полностью различающихся по значению, репрезентирует законченный или почти законченный процесс выделения значений, их абстрагирование; группа омонимов, частично различающихся по значению, отражает промежуточное состояние распада полисеманта. В составе таких омонимических рядов много фрагментов полисеманта. Сказанное позволяет предположить, что первая группа омонимов старше второй. Омонимические ряды первой группы обнаруживают связи с одной идеограммой и образуются преимущественно вследствие разрушения классификационных связей. Омонимические ряды второй группы связаны с разными идеограммами и образуются в результате разрушения как классификационных, так и ассоциативных связей, на что указывают основные семантические модели омонимов: «отдельное значение (родовое) – отдельное значение (видовое)»; «фрагмент – фрагмент»; «фрагмент – часть фрагмента»; «фрагмент – фрагмент – отдельное значение».

Анализ славянских межъязыковых омонимов убедительно показывает, что расхождение семантики современных слов с первоначально общим этимологом детерминировано распадом полисеманта в результате разрушения классификационных и ассоциативных связей, обеспечивающих его единство, и дальнейшей различной актуализацией фрагментов и отдельных значений, выделенных из него. В распадении полисеманта и различной актуализации в родственных языках отдельных значений и промежуточных полисемантических комплексов проявляется формально-содержательная языковая асимметрия.

Основания различной актуализации в языках-когнатах выделенных из исторического полисеманта составляющих определить непросто, так как они связаны со сложной комбинацией интра- и экстралингвистических факторов. Изучение оснований различной актуализации выделенных из исторических полисемантов составляющих представляется перспективным.

Результаты исследования могут быть использованы в этимологических разысканиях при реконструкции прототипов и исконной полисемии как источника поздней омонимии.

Список литературы

1. Карцевский С.О. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. Ч. 2. С. 85-90.
2. Мельников Г.П. О типах дуализмов языкового знака // Филологические науки. 1971. № 5. С. 54-69.
3. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики / под ред. Ю.Г. Косарева. М.: Сов. радио, 1978. 368 с.
4. Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 73-91.
5. Гак В.Г. Использование идеи симметрии/асимметрии в лингвистике // Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 106-161.
6. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19-48.
7. Киселева Л.А., Тодосиенко З.В. Когнитивные основания семантической деривации в разноструктурных языках (на материале глагольных предикатов физического процесса) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 21-29.
8. Беляева Е.С. Асимметрия термина как языкового знака в терминосистеме сейсмоакустики // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 93. С. 188-192.
9. Сакаева Л.Р., Базарова Л.В., Гиляева Э.Н. Полисемия и омонимия в медицинской терминологии (на материале нозологических терминов английского и русского языков) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 6. С. 111-120.
10. Казакова Э.П. Синонимическая асимметрия в отношениях обусловленности (на материале русского и чувашского языков) // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, 2007. № 1. С. 203-205.
11. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. Киев: Знання, 2004. 388 с.
12. Григорянова Т. К вопросу о межъязыковых омонимах в славянских языках (на материале словацкого, чешского и русского языков) // Филологический класс. 2015. № 4 (42). С. 23-26.
13. Ткачева А.Н. Межъязыковые французско -русские омонимы режиссёр /régisseur, дублёр/doubleur, кадр/kadre // Филологические науки. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал. 2018. № 3 (81). Ч. 1. С. 184-188.
14. Кусаль К.Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 49 с.
15. Цухишвили С.Д. Славянская межъязыковая омонимия: дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 2010. 169 с.
16. Федорчук Е.В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках (на материале русского и украинского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 18 с.
17. Ровдо И.С. Межъязыковая омонимия в системе русской и белорусской лексики // Веснік БДУ. 1979. № 2. С. 29-33.
18. Дубичинский В.В. Межъязыковые лексические омонимы. Харьков, 1993. 258 с.
19. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. 304 с.

References

1. Kartsevskiy S.O. Ob assimetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka [On asymmetric dualism of a linguistic sign]. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [The History of Linguistics of XIX–XX Centuries in Essays and Extracts]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965, pt. 2, pp. 85-90. (In Russian).
2. Melnikov G.P. O tipakh dualizmov yazykovogo znaka [On the types of dualisms of the language sign]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 1971, no. 5, pp. 54-69. (In Russian).
3. Melnikov G.P. *Sistemologiya i yazykovyye aspekty kibernetiki* [Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics]. Moscow, Soviet radio Publ., 1978, 368 p. (In Russian).
4. Gak V.G. K dialektike semanticheskikh otnosheniy v yazyke [To the dialectic of semantic relations in language]. *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and Methods of Semantic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 73-91. (In Russian).

5. Gak V.G. Ispol'zovaniye idei simmetrii/asimmetrii v lingvistike [Using the idea of symmetry/asymmetry in linguistics]. *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language Conversions]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1998, pp. 106-161. (In Russian).
6. Pimenova M.V. Leksiko-semanticheskiy sinkretizm kak proyavleniye formal'no-soderzhatel'noy yazykovoy asimmetrii [Lexico-semantic syncretism as a manifestation of formal-content linguistic asymmetry]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*, 2011, no. 3, pp. 19-48. (In Russian).
7. Kiseleva L.A., Todosiyenko Z.V. Kognitivnyye osnovaniya semanticheskoy derivatsii v raznostrukturnykh yazykakh (na materiale glagol'nykh predikatov fizicheskogo protsessa) [Cognitive foundations of semantic derivation in differential languages (on the material of verbal predicates of the physical process)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2019, no. 1, pp. 21-29. (In Russian).
8. Belyayeva E.S. Asimmetriya termina kak yazykovogo znaka v terminosisteme seysmoakustiki [Asymmetry of a term as a language sign in the seismoacoustic term system]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, no. 93, pp. 188-192. (In Russian).
9. Sakayeva L.R., Bazarova L.V., Gilyazeva E.N. Polisemiya i omonimiya v meditsinskoy terminologii (na materiale nozologicheskikh terminov angliyskogo i russkogo yazykov) [Polysemy and homonymy in medical terminology (based on English and Russian nosological terms)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki» – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2017, no. 6, pp. 111-120. (In Russian).
10. Kazakova E.P. Sinonimicheskaya asimmetriya v otnosheniyakh obuslovlennosti (na materiale russkogo i chuvashskogo yazykov) [Synonymous asymmetry in conditioning relations (based on the material of the Russian and Chuvash languages)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Chuvash University Bulletin*, Cheboksary, 2007, no. 1, pp. 203-205. (In Russian).
11. Manakin V.N. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative Lexicology]. Kiev, Znannya Publ., 2004, 388 p. (In Russian).
12. Grigoryanova T. K voprosu o mezh'yazykovykh omonimakh v slavyanskikh yazykakh (na materiale slovatskogo, cheshskogo i russkogo yazykov) [On the problem of interlingual homonyms in Slavic languages (using the material of Slovak, Czech and Russian languages)]. *Filologicheskii klass – Philological Class*, 2015, no. 4 (42), pp. 23-26. (In Russian).
13. Tkacheva A.N. Mezhyazykovyye frantsuzsko-russkiye omonimy rezhisser /régisseur, dubler/doubleur, kadr/kadre [Inter-lingual French-Russian homonyms режиссёр/régisseur, дублёр/doubleur, кадр/cadre]. *Filologicheskiiye nauki. Voprosy teorii i praktiki: Nauchno-teoreticheskii i prikladnoy zhurnal – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. Scientific-Theoretical and Applied Journal*, 2018, no. 3 (81), pt 1, pp. 184-188. (In Russian).
14. Kusal K.C. *Russko-pol'skaya mezh'yazykovaya omonimiya i paronimiya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian-Polish Interlingual Homonymy and Paronymy. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2006, 49 p. (In Russian).
15. Tsukhishvili S.D. *Slavyanskaya mezh'yazykovaya omonimiya: dis. ... d-ra filol. nauk* [Slavic Interlingual Homonymy. Dr. philol. sci. diss.]. Tbilisi, 2010, 169 p. (In Russian).
16. Fedorchuk E.V. *Mezh'yazykovaya omonimiya i paronimiya v blizkorodstvennykh yazykakh (na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Interlingual Homonymy and Paronymy in Closely Related Languages (Based on the Russian and Ukrainian Languages). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2001, 18 p. (In Russian).
17. Rovdo I.S. Mezhyazykovaya omonimiya v sisteme russkoy i belorusskoy leksiki [Interlingual homonymy in the system of Russian and Belarusian lexicon]. *Vestnik BDU – Vestnik BSU*, 1979, no. 2, pp. 29-33. (In Russian).
18. Dubichinskiy V.V. *Mezh'yazykovyye leksicheskiye omonimy* [Interlanguage Lexical Homonyms]. Kharkiv, 1993, 258 p. (In Russian).
19. Kezina S.V. *Semanticheskoye pole tsvetooboznacheniy v russkom yazyke (diakhronicheskiy aspekt)* [Semantic Field of Color Designations in Russian (Diachronic Aspect)]. Penza, V.G. Belinsky Institute of Teacher Education Publ., 2008, 304 p. (In Russian).

Информация об авторе

Кезина Светлана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» педагогического института им. В.Г. Белинского. Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация. E-mail: Svkezhina@gmail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, работа с источниками, анализ фактического материала, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3518-5549>

Поступила в редакцию 07.08.2020 г.

Поступила после рецензирования 22.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Svetlana V. Kezhina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language Department of the V.G. Belinsky Institute of Teacher Education. Penza State University, Penza, Russian Federation. E-mail: Svkezhina@gmail.ru

Contribution: study conception, work with sources, factual material analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3518-5549>

Received 7 August 2020

Reviewed 22 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-709-721
УДК 81-119

Эмотивные границы экологичности

Наталья Геннадиевна СОЛОДОВНИКОВА

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Ленина, 27
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-8678>, e-mail: tommyboy22@mail.ru

Emotive boundaries of ecology

Nataliia G. SOLODOVNIKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin Ave., Volgograd 400066, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-8678>, tommyboy22@mail.ru

Аннотация. Описана установившаяся взаимосвязь лингвоэкологии и эмотиологии, проявившаяся в возникновении и развитии эмотивной лингвоэкологии. Обосновано употребление понятия «экологичность» в преломлении эмотивности. Рассмотрено влияние эмотивности на границы экологичности. Материалом статьи явился художественный эмотивный текст, на примере которого методом эмотивного анализа установлена его экологичность. В качестве допущения принято следующее: эмотивный анализ универсально применим к любому тексту, как в отношении его функционально-стилевой и жанровой принадлежности, так и в отношении его временной отнесенности; экологичность текста связана с эмоциональной мотивацией его автора и определяется оценочным знаком эмотивов в составе текста. Главным результатом статьи выступило уточнение эмотивных координат экологичности через обращение к роли эмоций как мотивационной основе всей деятельности человека. Основным выводом статьи состоит в том, что экологичность проявляется в эмоциональной мотивации автора, производящего эмотивный текст. Отмечено, почему взаимосвязь эмотивной и экологической лингвистики обеспечивает их взаимное развитие и жизнестойкость. Перечислены основные эмотивные перспективы лингвоэкологии и лингвоэкологические перспективы эмотиологии. Спрогнозированы возможности их дальнейшей интеграции.

Ключевые слова: лингвоэкология; эмотивная лингвистика; эмотивная лингвоэкология; эмоция; эмоциональность; эмотивность; экологичность; экология человека; экология языка

Благодарности: Статья написана в рамках гранта РФФИ в соответствии с исследовательским проектом № 20-012-00418 А.

Для цитирования: Солодовникова Н.Г. Эмотивные границы экологичности // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 709-721. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-709-721

Abstract. We describe the established relationship between linguoecology and emotiology, which is manifested in the emergence and development of emotive linguoecology. We substantiate the use “ecology” concept in the refraction of emotivity. We consider the influence of emotivity on the boundaries of ecology. The material of the work is an artistic emotive text, on the example of which its ecology is established by the method of emotive analysis. As an assumption, the following is accepted: emotive analysis is universally applicable to any text, both in terms of its functional, stylistic, and genre affiliation, and in terms of its temporal relevance; ecology of the text is related to the emotional motivation of its author and is determined by the rating sign of emotives in the text. The main result of the work is to clarify the emotional coordinates of ecology by referring to the role of emotions as the motivational basis of all human activity. The work concludes that ecology is manifested in the emotional motivation of the author who produces an emotive text. We noted why the relationship between emotive and ecological linguistics ensures their mutual development and resilience. We list the main emotive perspectives of linguoecology and linguoecological perspectives of emotionology. We predict the possibilities of their further integration.

Keywords: linguoecology; emotive linguistics; emotive linguoecology; emotion; emotionality; emotivity; ecology; human ecology; ecology of language

Acknowledgment: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 20-012-00418 A.

For citation: Solodovnikova N.G. Emotivnyye granitsy ekologichnosti [Emotive boundaries of ecology]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 709-721. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-709-721 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В 2018 г. на международном форуме по экологии языка в Болгарии в своём докладе, посвящённом лингвистике и здравому смыслу, С. Димитрова заметила, что «с середины двадцатого века в мировом масштабе намечается переход от индустриального общества к обществу информационному. В лингвистике это чувствуется по появлению массы междисциплинарных работ, сформировавшихся на стыке социального, психологического и философского направлений в языкознании. Одним из проявлений этой тенденции можно признать возникновение эколингвистики, стремящейся к параллельному изучению социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза, учитывая проблемы речевого воздействия (так называемого обратного влияния языка) и проявления в языке предельно общих свойств эволюции общества и познания. При этом следует отметить, что само понятие *экология* расширило неимоверно свой объём и превратилось в название некой интегративной науки» [1, с. 9].

По убеждению цитируемого автора, создателем понятия *экология языка* признаётся Э. Хауген, который определял её как науку о взаимодействиях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается его общество, использующее язык как один из своих кодов. Экология языка зависит от людей, которые учат его, используют и передают другим людям [1, с. 9]. И далее последовал прямолинейный в своей оценочности комментарий, что «*искушённому в лингвистической теории исследователю абсолютно ясно, что в этих словах ничего нового реально нет*» (выделено нами. – Н. С.). Но в то же время также абсолютно ясно, что такой подход к языковому материалу может быть стимулом к новым изысканиям, к созданию новых гипотез и теоретических построений и к расширению лингвистической тематики или, как теперь принято говорить, к обнов-

лению лингвистических сюжетов. На самом деле это так и произошло. Началось всё с создания новой терминологии» [1, с. 10].

С. Димитрова – не единственный учёный, критически относящийся к обоснованности *экологии языка*.

Так, например, с неоднозначным восприятием лингвистического переосмысления терминов биологической экологии лично нам приходилось сталкиваться не единожды. Из частных устных бесед с представителями естественных наук мы узнали, что они объясняют это тем, что не согласны с самим фактом метафорического переосмысления строгого термина, однако соглашались, что уже не приходится игнорировать появление экофилософии, экопсихологии, экопедагогики и эколингвистики.

Обоснуем, почему мы считаем оправданными термины биологической экологии в соответствующем лингвистическом переосмыслении.

Как известно, под общей (биологической) экологией, по Э. Геккелю, традиционно понимается наука об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой [2, с. 1530]. В основе перехода от биологической экологии к экологии человека и его языка, по нашему представлению, лежат вопросы о том, хорошо ли в пространстве языка человеку, здорово ли оно с точки зрения экологии или патологично.

Занимаясь поиском ответов на эти вопросы, учёные сходятся в мысли, что экологичной для человека можно считать такую среду, в которой он может оптимально выразить свои мысли, чувства и намерения, а экологичной для языка ту, в которой он не только сохраняется, но и развивается.

Поскольку обе экологии – человека и языка – являются производными от общей (биологической) экологии, очевиден метафорический перенос, лежащий в основе их на-

именования. И экология человека, и экология языка подразумевают «здоровые» отношения с некой средой, сохранение и развитие. Поэтому, на наш взгляд, в обоих терминах «экология» подразумевает «здоровье».

Мы считаем, что в таком понимании здоровьем языка занимается лингвистическая экология, которая, согласно А.П. Сковородникову, представляет собой «исследование проблематики языковой и речевой деградации (исследование факторов, негативно влияющих на развитие языка и его речевую реализацию) и проблематики языковой и речевой *реабилитации* (выделено нами. – Н. С.) (исследование путей и способов обогащения языка и совершенствования системы этических и прагматических постулатов речевого общения)» [3, с. 70].

Развивая известную метафору М. Хайдеггера о том, что язык есть дом бытия, и в жилище языка обитает человек, А.П. Сковородников выводит такое следствие: «обитатель «дома бытия», *homo loquens*, и прежде всего эколлингвист, может ограничиться *бережением* (выделено нами. – Н. С.) и охраной своего обиталища, а может, как рачительный хозяин, прилагать усилия к совершенствованию своего дома – языка, разумеется, с учётом специфики его онтологии и закономерностей функционирования» [4, с. 143].

Метафора здоровья человека актуализирована в работах Г. Селье о стрессе и дистрессе: «Мы сами – часть природы и потому должны принять её правила. Этот кодекс совместим с любой религией, политической системой или философией и в то же время независим от них. Мы все дети природы и не ошибёмся, если будем следовать её общим законам в сочетании со своими личными идеалами и убеждениями. Пока человек не вредит другим, он вправе вести наиболее естественную для себя жизнь. Исходя из биологических законов, для большинства людей, и, конечно, для общества в целом лучшее побуждение к деятельности не «возлюби ближнего как самого себя» (ибо это невозможно), а «заслужи любовь ближнего». Этот девиз позволяет человеку выразить себя и реализовать свои таланты с помощью самого могучего средства поддержания *психической устойчивости и душевного мира* (выделено нами. – Н. С.) – «альтруистического эгоиз-

ма», который удовлетворяет присущее всему живому себялюбие, не порождая чувства вины. Такая установка не вызовет нареканий и нападок, поскольку она *полезна* (выделено нами. – Н. С.) для всех» [5].

Метафора здоровья человека и его языка убедительно раскрывается в работе С.И. Маджаевой, которая на частном примере общения врача с пациентом показывает, что «для здоровьесохранительного сотрудничества врачу необходимо строить беседу с учётом психоэмоциональных особенностей, тщательно выбирать речевые средства и формы. Используя специальную лексику, врач должен следовать главному постулату своей профессии: «Не навреди». Каждое слово врача должно обладать терапевтическим воздействием, а не быть направленным на оскорбление и унижение, травмирование больного. Ведь «больной» язык оказывает пагубное воздействие на личность вследствие высокой энергетической мощности слова» [6, с. 210].

Постепенно в науке в отдельное направление оформляется и эмотивная лингвоэкология [7], в которой объединились экология и лингвистика эмоций.

«Согласно этому направлению, человек является существом эмоциональным и, вступая в общение, ожидает, прежде всего, заинтересованности в экологичном обращении с ним, не наносящем вред его здоровью. В данном случае объединяется наука о здоровье человека, наука о сохранении природы и человека как её части в эмоциональном, коммуникативном взаимодействии» [6, с. 208]. Можно говорить о триаде «экология природы – экология человека – экология языка». В совокупности они призваны сформулировать подходы и параметры, соблюдение которых позволит добиться экологичной, то есть «здоровой», оказывающей благоприятное воздействие на человека языковой среды [7, с. 5].

Из данных цитат выводится мысль о том, что человек и язык являются друг для друга взаимовлияющими средами, которые и обеспечивают такое качество, как экологичность («здоровье»: бережность + польза).

Обращаясь к заявленным в аннотации данной статьи пунктам, отметим, что предпосылки возникновения и причины развития эмотивной лингвоэкологии состоят, по нашему мнению, в том, что человек осознаёт

глобальные и частные экологические изменения с непредсказуемыми последствиями как для природы, так и общества. Алармизм сменяется конструктивизмом. При экоцентрическом подходе гармоничное существование человека признаётся такой же ценностью, как сбережение природы. Экоцентрический поворот лингвистики эмоций позволяет говорить о самооценности человеческих эмоций, от баланса которых зависит его удовольствие или неудовольствие от жизни, и которые получают выражение в языке. Говоря в этом смысле об экологии эмотивного языка, мы имеем в виду, прежде всего, пропорцию положительных (приносящих удовольствие) и отрицательных (причиняющих неудовольствие) эмоций, проникающих в семантику слов. Их простой количественный подсчёт в самых разных текстах позволяет выявить тенденцию экологичности/неэкологичности. Последнее было бы невозможно без эмотивного анализа, который мы считаем вполне доступным для каждого желающего обучиться ему средством экологического (само-)мониторинга, (авто-)тьюнинга, балансировки и экологического интеллекта. Означенными выше обстоятельствами можно объяснить необходимость этой области научного знания в российском и зарубежном языкознании. Потребность общества в лингвоэкологическом взгляде на эмоции также ощутима. Это можно подтвердить интересом широкой общественности к статьям, например, только на портале *mail.ru* в рубрике «Здоровье». В некотором смысле данный информационный ресурс выступает популяризатором экологического сознания и мышления, регулярно публикуя материалы, позволяющие всем желающим в доступной форме получить знания о себе. Тот факт, что данная платформа активно функционирует и употребляет как вполне освоенные понятия экологии в психологическом и лингвистическом переосмыслении, свидетельствует о том, что они постепенно приживаются в России и отвечают запросу довольно внушительной аудитории. Это означает небезосновательность и даже пользу самого понятия экологичности. Довольно ощутима и потребность интеграции эмотивной и лингвоэкологической компетенций любого носителя языка. Человека можно и нужно обучать экоцен-

тричности сознания и мышления, чтобы он ориентировался на бережное отношение к миру и себе в этом мире, то есть здоровье.

Семантика терминопонятия «экологичность» в рамках данной статьи представляет для нас основной исследовательский интерес. Расширительная цель данной статьи – обосновать представление об экологичности с позиций эмотивной лингвистики. Необходимость подобного обоснования объясняется тем, что данный термин употребляется в различных работах в качестве самоочевидного, но его границы размыты.

И если создание системы лингвоэкологической и эмотивной терминологии – задача, во многом, решённая такими авторитетными учёными, как А.П. Сковородников и В.И. Шаховский, то разработка терминологического аппарата эмотивной лингвоэкологии – перспектива дальнейшей работы в данной области. И термин «экологичность» нуждается в определении одним из первых, так как он представляется ключевым для понимания сущности эмотивной лингвоэкологии, поскольку является её объектом.

Необходимость привлечения данных эмотивной лингвистики для понимания экологии человека и его языка, на наш взгляд, объясняется, в первую очередь тем, что ни человек, ни его язык не обходятся без эмоций и их выражения.

Обоснуем связь понятий экологичности и эмотивности. Для этого более подробно остановимся на взаимодействии лингвоэкологии и эмотиологии.

Наши научные взгляды сформировались под влиянием лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского [8]. Эта энциклопедическая по своей полноте и объяснительной силе теория позволяет найти ключ к пониманию того, как эмоции из сферы сознания человека проникают в его язык и какое место занимают в семантике слов. Заслуга В.И. Шаховского состоит в том, что он чётко описал принцип коммуникации эмоций. Он обратил внимание на их объём в семантике слова и показал, как связаны эмоция, понятие об эмоции и слово. В практическом смысле это позволяет заметить, как наши собственные эмоции проникают в язык, как мы их транслируем, как вообще мы можем улавливать эмоциональные смыслы и обмениваться ими.

Названная теория также демонстрирует, что человек хочет и может сделать с собственной эмоциональной сферой.

Итак, В.И. Шаховский смог детально описать категорию эмотивности и предложил способы её изучения. Их суть сводится к тому, чтобы обнаружить и подсчитать в определённом контексте разные типы эмотивной лексики, а также лексики называния, описания и выражения эмоций. Одним из вариантов более детального их изучения является соотнесение лексических эмотивов с разными типами лексических стилистических средств и приёмов. Очевидно, что для подобного анализа подходит текст любой жанровой, функционально-стилистической и временной отнесённости. Владение основами эмотивного анализа, если есть такая необходимость, позволяет каждому общающемуся на том или ином языке человеку расширить собственную эмотивную компетенцию как часть общей коммуникативной компетенции.

Автор российской эмотиологии (лингвистики эмоций) детально разобрался в сути взаимодействия эмоций и языка человека, но его научный поиск на этом не прекратился. Он обратил своё внимание на лингвоэкологию и впервые использовал этот термин в одном из своих совместных с другими авторами трудов [9].

В одной из наших собственных публикаций, написанных в соавторстве с В.И. Шаховским, была предпринята попытка разобраться, какими же были объект, предмет и методы у лингвоэкологии того времени, где её истоки и сколько ей лет [10].

Официальным же началом эмотивной лингвоэкологии как парадигмы, мы полагаем, можно считать проведённый кафедрой языкознания ВГСПУ семинар и изданную по его итогам коллективную монографию [7]. В 2016 г., который был объявлен годом экологии в России, В.И. Шаховский выпустил монографию, посвящённую экологичности [11].

В нашей работе нам в значительной мере помогли продвинуться фундаментальные работы профессора А.П. Сковородникова, который лингвистически переосмыслил многие термины биологической экологии и описал философские обоснования лингвоэкологии [4], а также работы его коллег и единомышленников, опубликованные в журнале

«Экология языка и коммуникативная практика»¹.

В одной из первых публикаций в соавторстве с В.И. Шаховским [10] мы предложили ряд параметров экологичной коммуникации. Их было более десяти, и мы симметрично разбили их на две группы. Мы соотносили модус экологичности с оценочным знаком эмоции, то есть на том этапе устанавливали экологичность/неэкологичность текста через плотность представленных в нём эмотивов с положительной/отрицательной оценкой. Упрощая, в то время мы считали текст с большим количеством отрицательнооценочных эмотивов неэкологичным. И, соответственно, текст с высокой плотностью положительнооценочных эмотивов – экологичным. Всё более очевидным становился тот факт, что эта связь не является прямой, как, например, в случаях этично выраженного праведного гнева. Далее мы более подробно исследовали параметр этичности. Это привело к более глубокому, но до сих пор ещё не до конца сформированному пониманию того, чем же является экологичность, хотя укрепило нас в понимании, что экологичность в значительной степени зависит от эмотивности. В настоящее время мы занимаемся поиском более конкретных обоснований такой зависимости.

В дальнейшей работе нам не хватало данных лингвистики. Мы вполне, как уже отмечали выше в данной статье, соглашались с подходом А.П. Сковородникова к тому, что такое предметная область лингвоэкологии. Однако интуитивно нас по-прежнему, в силу научной школы В.И. Шаховского, в которой мы учились, больше интересовал человек с его эмоциями, транслируемыми через язык.

Развивая собственное понимание экологичности, которое мы пытаемся выработать через большее углубление в категорию эмотивности, мы обратились к работам физиологов ([5] и др.). Актуальными для нас являются следующие мысли: головной мозг человека развит значительно лучше, чем у всех остальных животных, и это позволило ему с помощью логики и интеллекта решить многие проблемы выживания, однако в межлич-

¹ Экология языка и коммуникативная практика. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru (дата обращения: 12.07.2020).

ностных отношениях мы руководствуемся больше эмоциями, чем надежными логическими решениями; инстинкты и эмоции определяют ход жизни, а бесстрастную логику используют только для того, чтобы вернее достичь эмоционально избранной цели [5]. Мы многократно цитируем эти идеи, поскольку считаем их основой эмотивной лингвоэкологии, пока ещё не разработанной до уровня теории, профилактической и терапевтической науки о поведении человека и даже, возможно, научной философии поведения.

Как видно из приведённых цитат, вся коммуникация человека эмоциональна, а производимые им тексты эмотивны. Эмоции по-прежнему интересны науке, постоянно разрабатывающей новые аспекты и подходы к их изучению, в том числе и междисциплинарные, как в парадигме эмотивной лингвоэкологии.

Как самостоятельная область научного поиска эмотивная лингвоэкология в настоящее время только обретает свои координаты и потому обращается к сведениям из других парадигм. В нашем понимании, термин *экологичность* в гуманитарном переосмыслении всё чаще означает бережное отношение к кому-либо или чему-либо, а также здоровье.

Данный подход объясняет связь экологичности и эмотивности. Эмоции человека являются мотивационной основой всей его деятельности, в том числе и речевой [8]. Считаем обоснованным развитие не только лингвоэкологии как отрасли языкознания, предметом изучения которой является «семиотическое здоровье» языка [4], но и эмотивной лингвоэкологии, как науки о «здоровых эмоциях, транслируемых здоровым языком» [10].

Основными параметрами экологичной, то есть здоровой коммуникации мы считаем искренность, доброжелательность и этичность, которые можно рассматривать в качестве побудительных мотивов к общению. Последний параметр также позволяет разграничивать экологичную и позитивную коммуникацию, поскольку позитивная коммуникация, по нашему мнению, не всегда этична, хотя выражает и вызывает хорошие эмоции у общающихся сторон [12].

Итак, в своих работах мы больше сосредоточивали своё внимание на том, что можно

считать здоровыми эмоциями и здоровым языком их выражения, то есть развиваем понятие экологии эмоций в языке.

В эмотиологии эмоция приравнивается к оценке: положительные и отрицательные эмоции являются таковыми потому, что соотносятся с зонами удовольствия/неудовольствия для испытывающего и транслирующего их человека. Следующий логический шаг при таком подходе – это понимание того, какие эмоции разрушительны или полезны для человека и как это можно измерить через языковой материал лингвистическими методами. Релевантно и то, какие из эмоций человек хочет испытывать, выражать и вызывать у других. А поскольку многие эмоции человек транслирует языком, встаёт вопрос об оценочном знаке эмотивов. И особенную значимость понимание созидательного или разрушительного потенциала эмоций приобретает в том смысле, что слова – вторая сигнальная система человека. Мы реагируем на слова. И, как убедительно показано в работах физиологов [5], наши собственные положительные или отрицательные чувства приносят нам пользу или вред самым прямым путём, точно так же мы извлекаем пользу или приносим себе вред, возбуждая эти чувства в других людях. Всё описанное выше делает, по нашему мнению, вполне обоснованной метафору «экология = здоровье».

Таким образом, в настоящее время под экологичностью мы понимаем искреннее и этичное выражение доброжелательности, которое изучаем на примере разных текстов с помощью эмотивного анализа, разработанного В.И. Шаховским, и считаем уточнение взаимосвязи экологичности и эмотивности основной перспективой развития эмотивной лингвоэкологии.

Далее более подробно раскроем взаимосвязь эмотивности и экологичности.

Разрабатывая лингвистическую теорию эмоций, В.И. Шаховский оперирует термином «эмотивность», под которой понимается «семантическая способность слова репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального (языкового) выражения определённых эмоциональных отношений субъектов» и которая «напрямую зависит от типа дискурса и от эмоционального состояния коммуникантов» [8].

Считается, что эмотивность пронизывает всё жизненное/коммуникативное пространство человека. Играя непосредственную роль в процессе смыслообразования, осуществляемого речевыми партнёрами в пространстве межличностной коммуникации, эмотивность, таким образом, выступает в качестве регулятора жизнедеятельности самых разных представителей социума. Коррелируя с участным мышлением, или, что то же самое, этическим поступком, эмотивность оказывается одним из действенных механизмов становления обусловленной единством *emotio* и *ratio* целостной коммуникативной эмоциональной личности, в которой вербальное и невербальное находятся в гармоничном соответствии, выступая знаком психического здоровья. Эмотивность как языковая категория выходит на качественно иной уровень – уровень универсального метода, способствующего пробуждению собственно человеческого в человеке [13, с. 137].

Известно, что эмоции реактивны по своей природе (поэтому нет «плохих» и «хороших» эмоций, человек не виноват в том, что чувствует), но зона его лингвоэкологической ответственности начинается со стилистики их выражения.

Характеризуя общелингвистическую категорию эмотивности, В.И. Шаховский писал, что «непосредственная эмоциональная реакция говорящих отражает момент перехода от собственно семантического аспекта к аспекту прагматическому (воздействующей силы языка), поэтому учёные в последнее время признают, что коммуникативная функция не является чисто языковой категорией: она – прагматико-психолого-речевая категория. Её эмотивный компонент, то есть эмоциональная окрашенность разговорной речи, требует как практического усвоения, так и теоретического осмысления [14, с. 3].

Полагаем, что теоретическое осмысление эмотивности как прагматико-психолого-речевой категории может осуществляться через связь с понятием экологичности.

Эмотивность является важнейшим элементом прагматики языка, так как она наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию: словесные и несловесные эмоциональные реакции наиболее чутки к эмоциональным стимулам, в роли которых

могут выступать эмотивы – специальные эмотивно-окрашенные средства языка» [14, с. 3].

В этом смысле приходим к парадоксальному выводу, что экологичность – это и есть эмотивность или коммуникативная эмоциональность, которая, в отличие от некоммуникативной (биологической), носит осмысленный характер. Способность человека управлять словесным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и другие фильтры сознания, в зависимости от которых одни и те же эмоции могут находить лексико-семантическое выражение, указывает на интеллектуальность коммуникативной эмотивности [14, с. 10].

Одним из таких фильтров сознания может стать его экоориентированность, то есть прямая заинтересованность в том, чтобы здоровыми оставались и испытываемые эмоции (полагаем, здесь речь может идти о практике осознанности), и языковые средства их выражения (мы исходим из того, что вся стилистика эмотивна).

Поэтому инициальная и терминальная экологичность, на наш взгляд, напрямую связана с эмоциональностью человека и эмотивностью используемого им языка. Модус экологичности зависит от качества оязыковлённых эмоций.

Цель данной статьи (очерчивание эмотивных границ экологичности как качества общения, понятия и категории) приводит нас к необходимости более подробного обращения к пониманию роли эмоциональной мотивации, с точки зрения объяснения вступления в эмоциональную и эмотивную коммуникацию.

Установленный факт, что эмоции являются мотивационной основой всей деятельности человека, в том числе, и речевой. Этот тезис психологии является методологически значимым для эмотивной лингвистики. Поэтому мы считаем невозможным рассуждать об экологии человека и языка, минуя эмоции. И закономерным следствием подобного подхода, на наш взгляд, является потребность привлечения лингвистических данных об эмоциональных мотивах для уточнения понятия экологичности. В данной статье понятие экологичности напрямую связывается с эмоциональностью человека (психологической категорией) и эмотивностью (лингвистической категорией).

тической категорией). «Подобраться» к эмоциональным мотивам вступающего в коммуникацию считаем возможным через их вербализацию в эмотивах, ведь язык, как известно, является ключом к эмоциям.

Согласно авторитетному мнению В.А. Пищальниковой, на уровне психического отражения эмоции являются единственным представителем мотивационной сферы индивида в его наблюдаемой деятельности. Эмоции понимаются как субъективная форма существования потребностей (мотивов) и сигнализируют индивиду о значимости объектов в его потребностной ориентации [15].

Следовательно, если инициальными и терминальными эмоциональными мотивами обеих общающихся сторон выступают искренность, доброжелательность и этичность, можно, как мы полагаем, говорить об экологичности коммуникации. А внешними, измеримыми, трансляторами или проводниками мотивов являются эмотивы, оценочный знак которых указывает на экологичность эмотивного текста.

Сложность экологичности как объекта исследования и описания усугубляется неразработанностью в современной лингвистике соответствующего узкоспециального терминологического аппарата, с помощью которого различные моменты экологичности получили бы адекватное обозначение. Эмотивная лингвоэкология опирается на лингвистическую теорию эмоций как на свою методологическую базу. Поэтому некоторые термины, использованные в данной статье, носят характер научных метафор, а поскольку они создавались в процессе исследования, то, возможно, требуют дальнейших пояснений. При пояснении тех или иных терминов и стоящих за ними понятий мы исходили из того, что ни в одном определении невозможно отразить все стороны определяемого объекта раз и навсегда. Все определения недостаточны, во-первых, потому, что любой объект (в том числе и экологичность) многосторонен, а во-вторых, поскольку мышление бесконечно, то процесс познания этих сторон тоже бесконечен, и потому границы истины подвижны. Поэтому в статье отражён возмозможностный (стохастический), а не строго регламентирующий (детерминирующий) подход.

В данной статье получает дальнейшее развитие идея интегрального подхода к экологичности, который заключается в её понимании как комплексного явления. Эта комплексность связана, с одной стороны, с понятием здорового языка, а с другой стороны, здоровых эмоций, которые рассматриваются в тесной взаимосвязи. Развивается идея сложной взаимосвязи эмотивности и экологичности коммуникации, то есть их интегральное функционирование.

Интегральный подход к анализу экологичности как качеству коммуникации проявляется в анализе эмотивности.

С тех пор, как В.И. Шаховский ввёл в обращение термин «экологичность», прошло почти десять лет [10]. В настоящее время этот термин является одним из наименее понятных, поскольку сфера его применения расширилась и потеряла чёткие ограничительные контуры. Вероятно, в лингвистике всё ещё идёт лишь начальный этап исследования экологичности, то есть стадия инвентаризации её разнообразных проявлений и накопления фактов, за которой начинается стадия их анализа и обобщения.

Гносеология (теория познания) экологичности заключается в установлении специфики отражения пропорции положительных и отрицательных эмоциональных мотивов как элемента объективной действительности в языковых знаках и их значении.

Установленный факт, что эмоциональность и эмотивность присущи текстам любого функционального стиля. В.А. Пищальникова, со ссылкой на результаты исследований, проведённых А.В. Кинцель, пишет, что «эмоциональность текста представляет эмоционально-мотивационную сферу сознания, регулируемую процессы смыслообразования и характер его репрезентации в языке» [15, с. 146].

Под эмотивным текстом понимается, по В.И. Шаховскому, высказывание в пределах одного и более предложений, передающее наряду с фактуальной и эмоциональную информацию (или только одну её) с помощью как минимум одного эмотивного средства — лингвистического или паралингвистического (кинесика, фонация), выражающего определённую эмоцию, более или менее адекватно осознаваемую всеми коммуникантами в дан-

ной ситуации. Компонентом эмотивного текста является и эмоциональная ситуация, которая сразу же снимает полисемию на оси денотативный-коннотативный аспект значения языковой единицы. С другой стороны, именно рассогласованность с контекстом и ситуацией рождает эмотивную окраску слова [14, с. 69].

В качестве речевого материала в данной статье использован художественный текст, который является, «хотя и стилизованной фиксацией устной разговорной речи, но основные её черты, в принципе, сохраняет» [14, с. 68]. И эстетизированная эмоция, фиксированная в художественном тексте, играет регулирующую роль как в представлении, так и в понимании авторских личностных смыслов [15, с. 146].

Итак, проиллюстрируем на примере фрагмента из художественного рассказа («Ярость» С. Барстоу), как соотносятся эмотивность и экологичность.

Поскольку компонентом эмотивного текста является и эмоциональная ситуация, коротко опишем основную сюжетную линию и вертикальный контекст всего рассказа.

Текст описывает типичную ситуацию семейного конфликта между супругами Флечер: *Временами миссис Флечер думала, что её мужу кролики важнее всего на свете, важнее еды и питья, важнее, чем табак и комфорт, важнее, чем она – или та женщина. Вот и сегодня ей так казалось, в это субботнее утро, когда она смотрела из окна кухни, где готовила обед, туда, где Флечер увлечённо трудился – чистил клетки, кормил зверьков и прихоракивал двух своих любимых ангорских кроликов перед выставкой, которая должна была состояться вечером в Кресли.*

Она была женщина эмоциональная, цепко держалась за то, что считала своим, и готова была энергично защищать свои права. Когда она обхаживала Флечера, она до крови расцарапала свою прежнюю соперницу, которая пригрозила было, что возобновит свои претензии на него. С тех пор ей доводилось и кое с чем похуже соперничать. Вечно, как ей казалось, что-то мешало ей безраздельно владеть Флечером. На сей раз это были кролики.

Формально поводом для конфликта стало опоздание мужа на киносеанс:

– Думаешь, успеешь вернуться к началу сеанса?

– Должен успеть. Самое позднее буду дома полвосьмого.

К половине восьмого она приняла душ, оделась, слегка нарядилась и была готова к выходу. Но Флечер ещё не вернулся. Часы на каминной полке пробили восемь, а его всё не было. Он пришёл только в одиннадцатом часу. Она сидела у камина, не обращая внимания на орущее радио, а спицы в её руках мелькали в беззвучной ярости.

Разрастанию конфликта способствует комментарий соседки:

– Ну что, миссис Флечер, ходили вчера в Палас? – спросила миссис Сайкс. – Ох, что за картина, жаль, что пропустили. Там все ранние христиане и Иисусов плащ, в котором он был на кресте. Чудо как хорошо, и уж до того печально.

– Хотела посмотреть, – сказала миссис Флечер, – да вот Джим из Кресли поздно вернулся. Всё с кроликами своими возится.

– А, ну да, у них же там выставка была, – сказала миссис Сайкс. – Видала я его потом на автовокзале. Он разговаривал с женщиной, вроде сестра ваша.

Миссис Флечер пронзила соседку взглядом. Чего это она? Знает же отлично, что её сестра уже год, как живёт на юге. Миссис Флечер вспыхнула, повернулась и пошла в дом.

Жена обвиняет мужа во вранье. Он уходит из дома:

– Я, по-твоему, совсем уж дура, да? Это ты дурак, только тебе самому невдомёк. Думал, тебе всё с рук сойдет? Неужто думал? Мог бы догадаться, что кто-нибудь тебя там увидит. Выбрал тоже местечко, автовокзал, где народу полно!

Когда дверь за ним закрылась, она постояла с минуту с горящими глазами и раздувающимися ноздрями, дрожа от бешенства. Потом вдруг схватила вазу с каминной полки и шваркнула её вдребезги о решётку. Её руки сжимались и разжимались, а взгляд метался по комнате, пока ярость бессильно kloкотала внутри.

Для иллюстрации наших рассуждений об экологичности текста приведём следующий фрагмент:

В пол-одиннадцатого она готовила ужин в кухне, когда раздался звук отпираемой двери.

– Как я тебе раньше говорил, так и есть, – начал он тихо и серьёзно, с неуклюжестью человека, не привыкшего к выражению тонких чувств. – Я бы тебе вчера рассказал, только смысла не видел. У меня с ней всё кончено. Но она меня дожидалась там у выхода. Я ей сказал, что не хочу её больше видеть. Между нами ничего особенного и раньше не было. Да она всё не отставала. Вцепилась в меня. А я посмотрел на неё, размалёванную, и подумал: дурак же я был, что рисковал тем, чем дорожу, из-за этой наглой бабы. Часа два не мог от неё избавиться. Под конец она совсем распоясалась. Стала орать и ругаться прямо на улице. Ужас. – Флечер вздохнул, покачал головой; у миссис Флечер будто дрожь прошла по телу. – Пришлось вскочить в автобус и бросить её там. Больше ничего не оставалось, разве что съездить ей по уху...

Когда он кончил свой рассказ, что-то словно надломилось внутри миссис Флечер, и она тихо заплакала. Он обнял её, сначала нерешительно, потом, увидев, что она не противится, крепче и притянул к себе.

Эмотивный анализ данного фрагмента показывает, что эмотивная стилистика Флечера не отличается эстетичностью («приличностью упаковки»): он использует стилистически сниженные отрицательнооценочные коннотативы (грубые слова и просторечие): *не отставала, вцепилась, размалёванная, наглая баба, не мог избавиться, совсем распоясалась, стала орать прямо на улице, пришлось вскочить в автобус и бросить её там, ничего не оставалось, разве съездить ей по уху.*

Частично подобную стилистику можно объяснить уровнем образования и сферой профессиональной деятельности Флечера (по сюжету он работает вокзальным носильщиком).

Однако из данного фрагмента очевидны эмоциональные мотивы мужа: искренность (*начал он тихо и серьёзно, с неуклюжестью человека, не привыкшего к выражению тон-*

ких чувств), доброжелательность (*как я тебе раньше говорил, так и есть... я бы тебе вчера рассказал, только смысла не видел*), этичность (*дурак же я был, что рисковал тем, чем дорожу, из-за этой наглой бабы*) в отношении жены, с которой он хочет помириться. По этим трём параметрам текст его прямой речи экологичен.

Флечер выражает положительные эмоции в адрес супруги и отрицательные эмоции в адрес другой женщины. Эти его эмоциональные мотивы напрямую отражаются на экологичности создаваемого им текста.

Таким образом, целью данной статьи является рассмотрение лишь некоторых актуальных проблем экологичности: её соотношения с эмотивностью, её коммуникативная значимость, проблема её лексикографической формализации, проблема поиска методов, адекватно описывающих экологичность как прагматическую коммуникативно-семантическую категорию. Учитывая сложность и неразработанность проблемы экологичности, мы не настаиваем на единственно возможном подходе к той части проблем, которым посвящена данная статья, и будем благодарны любой конструктивной критике.

Данная статья продолжает серию работ по эмотивной лингвоэкологии [10; 11 и др.]. Она посвящена проблеме определения научных границ терминопонятия «экологичность». Как показал анализ теоретической литературы, семантика данного термина в лингвистических исследованиях не является прозрачной. Попытка рассмотреть экологичность через призму эмотивности объясняется фактором эмоциональной прагматики любого общения, а в её основе – соотношением эмоций и мотивов говорящих, а также отсутствием определений экологичности, учитывающих очевидность фактора влияния на неё эмоциональной мотивации. Таким образом, в данной статье формулируется стохастически новый научный подход к пониманию феномена экологичности коммуникации и предлагается обоснование для решения теоретически значимой проблемы связи экологичности и эмотивности. Данная тема является актуальной, поскольку в настоящее время возникла необходимость по-новому переоценить значимость эмоций человека как мотивационной основы всей его деятельности, в

том числе и речевой, с позиций человекоориентированной лингвистики, в которой значимость человека с его сложно организованным внутренним миром эмоций признаётся самоочевидной и первоочередной, исходя из экоориентированности науки нового времени. При таком подходе эмоции человека могут признаваться ведущим фактором в экологичности общения и убедительно демонстрировать значимость лингвистической категории эмотивности для разработки пробной теории экологичности общения, определения лингвистического статуса экологичности, а также выработки рекомендаций по её практике в реальной коммуникации.

Отметим, что действительно трудно не согласиться с тем, что «любая новая наука, особенно если она претендует на интегративность, всегда является особенно привлекательной, и её представители порой склонны в той или иной степени преувеличивать её значимость» [1, с. 9].

В ряде наших собственных статей мы с энтузиазмом описывали сближение эмотивной и экологической лингвистик и их значимость, хотя и отдавали себе отчёт в том, что объект, предмет, основные терминопонятия и исследовательский метод эмотивной лингвоэкологии находятся в стадии становления и не всегда отличаются чёткостью формулировок. С начала нашей собственной работы в парадигме эмотивной лингвоэкологии прошло уже около десяти лет, но мы до сих пор считаем семантическую расплывчатость группы используемых нами ключевых терминов одной из главных «точек роста» и перспектив дальнейших изысканий. И причиной этому мы считаем именно интегративность.

Мы понимаем, что эмотивной лингвоэкологии, как одной из новых парадигм, безусловно, предстоит отстоять свою значимость. Мы также не отрицаем опасности преувеличения её значимости в собственных работах, поскольку она – основная система наших научных координат и наш центральный исследовательский интерес. Мы верим в то, что она пройдёт проверку временем и отстоит свои название, объект, предмет, ключевые термины и метод исследования.

На конференциях мы также не раз сталкивались и с тем, что наши коллеги по лингвистике критически воспринимают термин «экологичность». Традиционными являются вопросы о том, не то же ли это самое, что этичное, гармоничное, позитивное, аристократическое общение, максимы Лича и Грайса и т. д. Нам также приходилось слышать, что «новое – это хорошо забытое старое», а также отвечать на вопрос, почему мы фокусируемся на лексическом ярусе языка. В ряде своих работ мы приводили аргументацию по каждому из перечисленных пунктов. Здесь же отметим, что мы с благодарностью принимаем любую критику, поскольку она помогает уточнить научные координаты эмотивной лингвоэкологии и определиться с её теоретической значимостью, практической ценностью и перспективами. Мы также считаем оправданными использованные в статье научные метафоры, которые призваны показать основания для связи понятий *экологичность* и *эмотивность* в эмотивной лингвоэкологии как относительно новой области научного знания, которая является одной из возможных парадигм интерпретации мира экологии эмоций.

Список литературы

1. Димитрова С. Лингвистика и здравый смысл // Русистика 2018: материалы Междунар. науч. симпозиума «Экология языка и современная коммуникация» (Шумен – СОК Камчия), посвящ. 45-летию русистики в Шуменском университете им. епископа Константина Преславского / отв. ред. Е. Стоянова. Шумен: Изд-во «Химера», 2018. С. 9-16.
2. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1984. 1600 с.
3. Сковородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализированный вестник. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. Вып. 3 (11). С. 70-78.
4. Сковородников А.П. К философским основаниям предметной области эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 140-161.
5. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. 126 с.

6. Маджаева С.И. Эмпатия как лингвоэкологический фактор профессии врача // Известия ВГПУ. 2019. № 1 (134). С. 207-213.
7. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / науч. ред. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: URSS, 2019. 206 с.
9. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. Волгоград: «Перемена», 1998. 149 с.
10. Шаховский В.И., Колосова (Солодовникова) Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2010. № 1 (31). С. 22-29.
11. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.
12. Солодовникова Н.Г., Бусыга М.В. Термины экологичная и позитивная коммуникация в эмотивном аспекте // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. тр. 11 Междунар. науч.-практ. конф. / сост. Б.Н. Бисеналиева. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, Изд. дом «Астраханский университет», 2020. С. 102-115.
13. Шаховский В.И., Волкова П.С. Эмотивность как метод вхождения в пространство межличностной коммуникации // Известия ВГПУ. 2019. № 1 (134). С. 132-138.
14. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. 96 с.
15. Пищальникова В.А. Теория эмоций как междисциплинарная концепция исследования речевой деятельности // Известия ВГПУ. 2019. № 1 (134). С. 143-148.

References

1. Dimitrova S. Lingvistika i zdravyy smysl [Linguistics and common sense]. *Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Rusistika 2018: «Ekologiya yazyka i sovremennaya kommunikatsiya» (Shumen – SOK Kamchiya), posvyashchennogo 45-letiyu rusistiki v Shumenskom universitete im. episkopa Konstantina Preslavskogo»* [Proceedings of International Research Symposium “Russistics 2018: “Ecology of language and modern communication” (Shumen – Sanitary and health complex Kamchia), dedicated to the 45th anniversary of Russian studies at Shumen University named after Bishop Konstantin Preslavsky”]. Shumen, Himera Publ., 2018, pp. 9-16. (In Russian).
2. Prokhorov A.M. (ed.-in-chief). *Sovetskiy entsiklopedicheski slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1984, 1600 p. (In Russian).
3. Skovorodnikov A.P. K stanovleniyu sistemy lingvoekologicheskoy terminologii [Towards the formation of a system of linguoecological term]. *Rechevoye obshcheniye: spetsializirovanny vestnik* [Speech Communication: Specialized Bulletin]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 2000, Issue 3 (11), pp. 70-78. (In Russian).
4. Skovorodnikov A.P. K filosofskim osnovaniyam predmetnoy oblasti ekolingvistiki [To the philosophical bases of subject domain of ecolinguistics]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*, 2014, no. 2, pp. 140-161. (In Russian).
5. Selye G. *Stress bez distressa* [Stress without Distress]. Moscow, Progress Publ., 1979, 126 p. (In Russian).
6. Madzhayeva S.I. Empatiya kak lingvoekologicheskii faktor professii vracha [Empathy as a linguoecological factor in the medical profession]. *Izvestiya VGPU – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 1 (134), pp. 207-213. (In Russian).
7. Shakhovskiy V.I. (academ. ed.). *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostanstve* [Emotive Linguoecology in the modern Communicative Space]. Volgograd, Volgograd State Socio-Pedagogical University “Peremena” Publ., 2013, 450 p. (In Russian).
8. Shakhovskiy V.I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexical-Semantic System of Language]. Moscow, Editorial URSS, 2019, 206 p. (In Russian).
9. Shakhovskiy V.I., Sorokin Y.A., Tomasheva I.V. *Tekst i ego kognitivno-emotivnyye metamorfozy* [Text and its Cognitive-Emotive Metamorphoses]. Volgograd, “Peremena” Publ., 1998, 149 p. (In Russian).
10. Shakhovskiy V.I., Kolosova (Solodovnikova) N.G. Lingvoekologiya: ob'yekt, predmet i zadachi [Linguoecology: object, subject and tasks]. *Russkiy yazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze – Russian Language, Literature, Culture at School and University*, 2010, no. 1 (31), pp. 22-29. (In Russian).
11. Shakhovskiy V.I. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii* [Dissonance of Ecology in the Communicative Circle: Person, Language, Emotions]. Volgograd, Polikarpov I.L. Publ., 2016, 504 p. (In Russian).

12. Solodovnikova N.G., Busyga M.V. Terminy ekologichnaya i pozitivnaya kommunikatsiya v emotivnom aspekte [The terms ecological and positive communication in the emotional aspect]. *Sbornik trudov 11 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Osnovnyye voprosy lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii»* [Proceedings of the 11th International Research and Practice Conference "Main Issues of Linguistics, Linguodidactics and Intercultural Communication"]. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., Publishing House "Astrakhan University", 2020, pp. 102-115. (In Russian).
13. Shakhovskiy V.I., Volkova P.S. Emotivnost' kak metod vkhozhdeniya v prostranstvo mezhluchnostnoy kommunikatsii [Emotivity as a method of entering the space of interpersonal communication]. *Izvestiya VGPU – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 1 (134), pp. 132-138. (In Russian).
14. Shakhovskiy V.I. *Emotivnyy komponent znacheniya i metody ego opisaniya* [Emotivity as a Method of Entering the Space of Interpersonal Communication]. Volgograd, Volgograd State Pedagogical University named after A.S. Serafimovich Publ., 1983, 96 p. (In Russian).
15. Pishchalnikova V.A. Teoriya emotsiy kak mezhdisiplinarnaya kontseptsiya issledovaniya rechevoy deyatelnosti [Theory of Emotions as an Interdisciplinary Concept for the Study of Speech Process]. *Izvestiya VGPU – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 1 (134), pp. 143-148. (In Russian).

Информация об авторе

Солодовникова Наталья Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания. Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация. E-mail: tommyboy22@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, систематизация материала, анализ примеров, написание и редактирование всего текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-8678>

Поступила в редакцию 29.07.2020 г.

Поступила после рецензирования 23.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Nataliia G. Solodovnikova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics Department. Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation. E-mail: tommyboy22@mail.ru

Contribution: study conception, material systematization, examples analysis, manuscript text drafting and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-8678>

Received 29 July 2020

Reviewed 23 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

Общие фонетические особенности говоров северного диалекта азербайджанского языка в контексте влияния кыпчакской и огузской языковых групп

Кенуль Ибрагим САМЕДОВА

Азербайджанский государственный педагогический университет
AZ1000, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. Узеира Гаджибекова, 68
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2085-1059>, e-mail: guseynova.u@gmail.com

General phonetic features of speaking the northern patois of the Azerbaijani language in the context of influence of Kipchak and Oguz language groups

Kenul I. SAMEDOVA

Azerbaijan State Pedagogical University
68 Uzeyira Hajibeyova St., Baku AZ1000, Republic of Azerbaijan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2085-1059>, e-mail: guseyno-va.u@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены общие фонетические особенности северного диалекта (говоры северо-западной группы) азербайджанского языка. Здесь в сравнительном контексте огузских и кыпчакских языков анализируются длинные и короткие варианты гласных, нарушения закона гармонии, звуковые переходы, фонетические различия, создаваемые согласными звуками в говорах, а также характерные особенности фонетических изменений в морфологии и синтаксисе. Затронуты также проблемы именования диалектов и говоров азербайджанского языка. Рассмотрены характерные особенности элементов кыпчакского языка в фонетических характеристиках северных говоров. Определено, что в XVII–XVIII веках азербайджанский язык развивался под влиянием различных диалектов огузского и кыпчакского языков, о чём свидетельствуют особенности фонетических изменений. Это, в частности, более частое применение велярного **п**, множество сонорных согласных звуков, замена звука **э** на **е**, большее оглушение гласных и т. д. Анализ словарного состава говоров северного диалекта азербайджанского языка подтвердил мнение ряда исследователей о влиянии миграционных процессов и наличия в регионе многих тюркских этнических групп на указанные процессы. Некоторые из указанных особенностей языкового влияния наблюдаются и по сей день.

Ключевые слова: велярная фонема **п**; гласные; согласные; диалектные различия; изоглоссы; звуковые переходы

Для цитирования: Самедова К.И. Общие фонетические особенности говоров северного диалекта азербайджанского языка в контексте влияния кыпчакской и огузской языковых групп // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 722-729. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-722-729

Abstract. We consider the general phonetic features of the northern patois (patois of the north-western group) of the Azerbaijani language. We analyze long and short vowel variants, offence of the harmony rule, sound transitions, phonetic differences created by consonant sounds in patois, as well as the characteristic features of phonetic changes in morphology and syntax in the comparative context of Oguz and Kipchak languages. We also address the problems of naming dialects and patois of the Azerbaijani language. We examine the specific features of the Kipchak language elements in the phonetic characteristics of the northern dialects. We determine that in the 17th-18th centuries the Azerbaijani language developed under the influence of various dialects of the Oguz and Kipchak languages, as evidenced by the peculiarities of phonetic changes. These are, in

particular, the more frequent use of velar **n**, a lot of sonorant consonants, the replacement of the sound **ə** with **e**, more stunning vowels, etc. The analysis of the patois vocabulary of the Azerbaijani language northern dialect confirmed the opinion of researchers about the influence of migration processes and the presence of many Turkic ethnic groups in the region on these processes. Some of these features of linguistic influence are observed to this day.

Keywords: velar phoneme **n**; vowels; consonants; dialect differences; isoglosses; sound transitions

For citation: Samedova K.I. Obshchiye foneticheskiye osobennosti govorov severnogo dialekta azerbaydzhanskogo yazyka v kontekste vliyaniya kipchakskoy i oguzskoy yazykovykh grupp [General phonetic features of speaking the northern patois of the Azerbaijani language in the context of influence of Kipchak and Oguz language groups]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 722-729. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-722-729 (In Russian, Abstr. In Engl.)

Введение. Фонетика, как известно, является особым разделом литературного языка, а также диалектов и говоров. Фонетика, как раздел лингвистики, изучает формирование языковых звуков, их связь друг с другом, качество и количество, их функции в речевом процессе, причины и характер изменений качества звуков [1, с. 25].

Известно также, что фонетика литературного языка и фонетика диалектов отличаются друг от друга. Это различие проявляется в речевых звуках (гласных и согласных), дифтонгах, законах гармонии, слогах и других фонетических явлениях и закономерностях.

Объектом исследования фонетики диалектов азербайджанского языка является изучение разговорных звуков и различных особенностей, которые они здесь создают. Как известно, диалекты и говоры азербайджанского языка делятся на четыре географические группы: восточные, западные, южные, северные групповые диалекты и говоры. В дополнение к уникальным характеристикам каждой группы диалектов и говоров, каждая группа в совокупности также имеет различные фонетические особенности. Эти особенности также отличают фонетику диалектов от литературных:

1. Если в литературном языке имеются 34 разговорных звука, то в диалектах их 72.

2. В отличие от литературного языка, гласные в говорах имеют варианты произношения.

3. В отличие от литературного языка, говоры также имеют длинные и короткие носовые гласные и дифтонги.

4. Кроме того, в отличие от диалектов, говоры имеют больше согласных звуков, их

вариантов и, следовательно, возможностей их заменять.

5. Процесс замены как гласных, так и согласных достаточно сильно отличается от аналогичного процесса в литературном языке [2, с. 6].

В связи с этим изучение характеристик каждой диалектной группы в отдельности является одним из важнейших вопросов в современной диалектологии.

Характеристика северного наречия азербайджанского языка. Отметим, что в целом диалектология, так же как и процедура наименований диалектных говоров, давно вызывает споры и потому привлекает пристальное внимание лингвистов-диалектологов. Мы, со своей стороны, также пересмотрели некоторые наименования диалектов и говоров, в частности, проанализировали особенности присвоения названий северной группе наречий азербайджанского языка. С точки зрения деления на наречия в азербайджанском языке выделяются четыре подобные группы. В северном регионе Э. Азизов выделяет смешанный тип диалектов и говоров, не называя это наречием [3]. Не соглашаясь с данным подходом, мы, с учётом обширной представленности элементов кыпчакского языка, предлагаем всё-таки выделить отдельное северное наречие.

Здесь были обнаружены достаточно широко представленные диалектные особенности, которые дают возможность определить наличие в данном регионе отдельного наречия:

1) имеются уникальные фонетические, лексические, грамматические особенности языка (более частое применение велярного **n**, множество сонорных согласных звуков, замена звука **ə** на **e**, большее оглушение глас-

ных, использование местоимений **mağa saga, ho, habu** вместо обычных местоимений, а также использование таких форм времени глагола, как **baxa durur, yaza durur**, вместо просто **baxır, durur** и т. д.);

2) следует отметить количественное изобилие говоров в северных диалектах; многие лингвисты, в том числе Э. Азизов, относили количественное многообразие диалектов этого региона к тому факту, что в регионе много различных этнических общин. Однако по итогам исследования, на основе совершенно другого подхода к данной проблеме, мы пришли к другому выводу. Изучение диалектов дало нам основание сказать, что, несмотря на большое количество этнических групп, диалекты региона, прежде всего, богаты элементами кыпчакского языка и словами кыпчакского происхождения, а также элементами огузского языка именно в тюркских языках. Большинство носовых гласных, образовавшихся в результате выпадения велярного звука **н**, связано с богатством элементов кыпчакского языка в этом регионе, наряду с элементами языка, на котором говорили представители огузских племён. При рассмотрении этнической истории народов мы видим, что места проживания ряда племён были стабильными, что оказало большое влияние на формирование словарного состава их языка, в том числе с точки зрения фонетического разнообразия.

В регионе наблюдается именно богатство кыпчакского языка. Именно поэтому неправильно ограничивать группу диалектов какой-либо узкой рамкой, называя их просто говорами. Исходя из этой характеристики, можно сделать вывод о том, что эта группа ничем не отличается от других групп, то её можно назвать не просто шекинскими говорами Гахо-Загаталяского диалекта, но и наречием. То есть было бы правильнее называть северную группу диалектов и говоров в целом не смешанными говорами, а северным наречием. Как видно, вопрос о преобладании элементов кыпчакского языка вместе с элементами огузского языка в данном регионе ставился как то, что этот регион имеет смешанный тип диалектов и говоров, и выделенный нами аспект почему-то оставался в тени. Фактически диалектный состав этого региона и сходство его изоглоссы с другими

языковыми группами связаны именно с элементами кыпчакского языка.

Учитывая богатство кыпчакских элементов в северных диалектах, следует разделить диалекты азербайджанского языка на четыре наречия, а именно:

1) *северное наречие*: Огуз-Габалинский, Шекинский, Гах-Загаталяский, Балакандский диалекты и соответствующие говоры;

2) *западное наречие*: Газах-Борчалский, Гянджинский, Айрымский, Гедабей-Дашкасанский, Карабахский, Западно-азербайджанский диалекты и соответствующие говоры;

3) *восточное наречие*: Баку-Шамахинский, Мугань, Губа-Хачмазский, Дербентский диалекты и соответствующие говоры;

4) *южное наречие*: ленкоранский, южный азербайджанский (разделен на три диалекта – диалекты табризский, ардебильский, занджанский), нахчыванский, иреванский диалекты и соответствующие говоры.

Отмечая диалектные группы, включенные в северное наречие, и их характеристики, следует подчеркнуть, что каждая диалектная группа имеет как сходные, так и свои отличные диалектные особенности.

Более выраженные фонетические особенности северных диалектов можно показать следующим образом.

1. Использование длинных и коротких версий гласных.

2. Встречаются *η* (велярный **п**), зубно-зубной *ž*, слитный *dz, ts*, среднеязычный *x'* и т. д.

3. Постепенная замена велярного звука *η* сонорными звуками. Например: *əliā // əlaā, əliī, balaāza, balaāzi, diīz // didiīz* и т. д. Вместе с тем в селении Гойнук Шекинского района всё ещё встречается велярный звук **п** (*-η*). Следует отметить, что жители этого села разговаривают на стыке шекинского и кахского говоров [4, с. 39].

4. Во многих случаях закон гармонии нарушается.

5. При звуковых переходах происходит утолщение, истончение, оглушение, озвончение и т. д. Больше выделяется утолщение.

6. В первом слоге слова звук *ə* заменяется звуком *e*. Например: *eyləş, bey, deyirman, eliynən, derman, teze, dedə* (слова из шекинского диалекта), *men, sen, yey, yeyma, devşan, et, ne* (закатало-гахский диалект) и т. д.

7. Наблюдается неподчинение ряда аффиксов закону гармонии. Например: *beşlix, yeruî, yeraâ, yiyax, diyicağdı, gəldıxda, getmax, oynamıyax* и т. д.

8. Постепенное выпадение велярного звука *ŋ* и замена его сонорными звуками. Например: *əliâ // əlaâ, əli, balaâza, balaâzi, diîz // didiîz* и т. д., однако в селении Гойнук Шекинского района всё ещё наблюдается использование этого звука [7, s. 50].

9. Очень часто в заимствованных словах наблюдается замена звука *f* звуком *p*. Например: *pərə, qıpıl, pəhlə, telpun, pundux, rəpər* и т. д. (эта особенность больше характерна для Закатальско-гахского диалекта) [5, с. 61].

Э. Азизов отмечает следующие особенности, характерные для северных говоров, которые он назвал северо-западной группой.

1. Частичное сохранение заднеязычного согласного *ŋ* (велярного *ŋ*): *ütün, ütünüz, cavansınız, maŋa, saŋa, gəlsanız, gessanız, donŋqız* (Шеки), *qonax, özünə, dison* (Оğ.), *dəŋqiz, donğuz* (Гах), *götürərdiniz* (Закаталы).

2. Появление сонорных вариантов согласных в результате исключения из употребления в речи заднеязычного *n* (*ŋ*): *gözüä, dədə, əliü, özüü, gəlsaäz*.

3. Переход в первом слоге слова открытого гласного *ə* в полуоткрытый гласный *e*: *et, səs, tezə* (Шеки, Гах), *gelin* (Шеки, Гах, Закаталы), *dedə, tezə* (Огуз, Гебеле), *men, sen* (Гах, Закаталы, Балакен). Подобные особенности также широко встречаются в диалектах восточного наречия, это диалекты Бакинский, Губинский, Дербентский.

4. Переход полузакрытого гласного *e* в закрытый гласный *i*: *di, yi, giy*. Подобные замены характерны для Бакинского, Губинского, Дербентского диалектов.

5. Явление утолщения в результате замены гласных, это *ə > a*: *qavir, xavar* (Шеки), *dars* (Закаталы), *kant-kənd* (Гах), *saburlu* (Балакены).

6. *ü > u*: *supurqa* (Закаталы), *qun, uşun* (Балакен), *qul-gül, tuşman* (Qax), *surfa, zulmat* (Шеки).

7. *ö > o*: *qoq, qoqartı, xorak* (Гах), *qoq, oz* (Балакены), *kohna* (Закаталы).

8. Распространение использования звонких согласных после глухих в результате

нарушения согласными закона гармонии: *gəlmax, gidax, disax, dimalisuz*.

9. Использование вместо согласного *k* заднеязычного согласного *k'*: *k'or, k'ol, k'omur, inak'* (Закаталы, Гах).

10. Переход среднеязычного согласного *g* в заднеязычный согласный *q*: *qoq, qoqartı, qormax, qoz* (Гах), *qun > qün, qördu* (Закаталы), *qun, qoqarmışdı* (Балакен). Явление *g > q* является характерной особенностью дербентского диалекта и говора айрымов.

11. Наличие соответствия *y > v* в середине слова: *güvərçin* (Огуз), *qövərti, qövərçin* (Гах), *həviş-höyüş* (Гах, Закаталы). Соответствие *y > v* в середине слова свойственно южным говорам азербайджанского языка, а также частично соседним говорам. Данное явление свойственно также говорам Тебриза, Зенджана, Нахчывана, Лерика, имишли, Джебраила.

12. Переход закреплённого в середине слова конъюнктивного согласного звука *b* во фрикативный согласный *v*: *b > v*: *bava, çovan, qavix* (Шеки, Огуз, Закаталы, Балакен).

13. Использование в конце многосложных слов как звонкого *b*, так и глухих *p, f*: *corab // coraf* (Закаталы, Огуз), *coraf, boşqaf, alif, gəlif* (Шеки).

14. Переход в закатальско-гахских говорах фрикативного согласного *f* в заимствованных словах в сжатое согласное *p*: *pəhlə, Patma, telpun*.

15. Переход смычной согласной *s* в середине и конце слова во фрикативный согласный *j*: *baji, geje, qoja, aj, saj* (Огуз, Шеки, Балакен).

16. Применение местоимений *tən, sən* в дательном падеже в виде *tağa, sağa* (Закаталы, Гах), *maŋa, sana* (Балакен, Закаталы, Гах, Шеки), *ta:, sa:* (Шеки, Огуз), *tə:, sə:*.

17. Применение указательных местоимений *ho, hu, habı, habı, həblə*.

18. Применение в третьем лице повествовательного прошедшего времени суффиксов *-itdi, -ıfı, -ıbdı, -ıpdı*: *alıtdı, gəlirdi, alıfı, gəlirdi* (Шеки, Огуз, Закатала, Балакен), *alıbdı, gəlirıbdı* (Закатала, Балакен, Гах, Гебеле), *alıpdı, gəlirıpdı* (Закатала, Гах, Гебеле). Форма третьего лица прошедшего повествовательного времени *-itdi* встречается в говорах Губы, Гусара, Хачмаза, Дербента, в таба-

саранских говорах, а также в южноазербайджанских говорах Селмаса и Софии.

19. В настоящее время *-iy, -iŷ, -uŷ, -iŷ* суффикс: *aliŷ-galiŷ, duruŷ, goriŷ* *və s.* и др. Этот суффикс распространён на юге на более обширной территории (Ардебиль, Астара, Сальмас, Лерик, Ярдымлы, Джалилабад, Зангилян–Вежнали, Деде Гилатаг, Шарур–Карабах).

20. Наличие аналитической формы в настоящем времени *-a, -ə durur: baxa durur, qaŷnaŷa durur*. Форма *-a, -ə dur* в настоящем времени применяется и в некоторых селах Дербентского региона.

21. Использование во втором лице настоящего времени суффикса *-ir, -ir, -ur, -iŷ* с выпавшим звуком *r* (*-i, -i, u, -iŷ*): *galiŷən, galiŷiŷ:z, galiŷə:n, goriŷiŷ:sən* (Шеки). Данная особенность присуща в основном говорам южного Азербайджана (Тебриз, Селмас), а также говорам Ордубада, Зангилана, Ленкарана.

22. Обозначение разделительной связкой *uə* отрицания: *-ŷa ŷazir, ŷa oxuŷur*. (Нə ŷazir, пə oxuŷur). Эта особенность присуща диалектам Губы, Хачмаза, Дербента.

23. Использование второй части словосочетаний второго вида без суффикса принадлежности: *baŷ aŷri, qolxoz idarə* и др.

Э. Азизов подчёркивает, что многочисленность этих диалектных особенностей в северных говорах обусловлена их смешанной природой. По его словам, рассеяние и разнообразие изоглосс на разных уровнях языка в северо-западных говорах азербайджанского языка в определённой степени обусловлено миграцией населения [3].

Известно, что в XI–XIV веках общетюркский язык был разделён, в результате чего возникли три языковые группы и ряд промежуточных диалектов. После формирования кыпчакского, огузского и карлукского языков они сами стали фрагментированными.

Хотя огузский язык играл ключевую роль в формировании современного азербайджанского языка, роль кыпчакского языка здесь также неоспорима. Интересно, что в истории азербайджанского языка огузское влияние начало проявляться в IX–XIII веках, а кыпчакское – в V–IX веках. Элементы кыпчакского языка играют важную роль в этно-

лингвистическом развитии северной части Азербайджана, а также в диалектах южной группы. Из исторических фактов ясно, что период интенсивных походов кипчаков с севера Каспийского моря на территорию Азербайджана начинается со второй половины первого тысячелетия [3, с. 14].

Несмотря на то, что в наше время тюркские народы живут в разных государствах, изучение диалектов и говоров на общетюркском уровне показывает, что во многих современных тюркских языках и диалектах древние огузские и кыпчакские языковые единицы параллельно всё ещё используются. Эта параллель показывает, что в XVII–XVIII веках в турецком языке присутствует лишь огузский компонент, а в азербайджанском языке присутствуют элементы и огузского, и кыпчакского, и потому в этнолингвистическом мышлении Азербайджана в той или иной степени присутствуют духовные и культурные интересы обоих тюркских этносов. Изучая частотность применения этногенетических языковых фактов в азербайджанских диалектах, можно определить значимость социально-политических, исторических факторов формирования диалектной лексики северной группы огузских и кыпчакских языков, а также влияние современного азербайджанского языка на другие языки, или наоборот [6, с. 13].

Вторым из основных языковых элементов, участвовавших в формировании азербайджанского языка, является кыпчакский язык со всеми его характеристиками. А. Демирчизаде так писал о формировании нашего языка: «этот язык структурно похож на языки племён и родов, живших на Кавказе, на прикаспийских равнинах и в Центральной Азии в течение длительного времени, и представляет значительную ветвь тюркских языков с самых ранних времён. Огузский и кыпчакский языки сыграли определяющую роль в формировании ряда тюркских языков, а также в формировании азербайджанского общенародного, национального языка, одновременно огузские и кыпчакские племена сыграли решающую роль в формировании азербайджанской нации [7, с. 19].

Получить информацию о языке кыпчаков можно через бесценный словарь М. Кашгарли. Кроме того, одна из работ по языку

племен кыпчаков – это Кодекс Куманикус, где можно получить ценную информацию о социально-экономической жизни кыпчаков. А. Демирчизаде высоко оценил роль этой работы в этнолингвистическом изучении азербайджанского языка. Это очень ценный источник с точки зрения прояснения его особенностей, особенно его фонетической системы» ([7, с. 34], см. также: [8]).

Э. Азизов показал, что азербайджанский язык – это огузско-кыпчакский язык, и что эти языки были идентичны в XI веке. Основная причина этого заключается в том, что кыпчаки в XI–XIII веках жили в Азербайджане вместе с огузами.

Из исторических диалектологических исследований ясно, что современные тюркские языки оставили свой след в фонетической системе других языков, воздействуя на них посредством ономастических единиц существующих диалектных вариантов различных звуковых переходов. Во многих словах, которые перешли из тюркских языков в русский, особенно в ономастических единицах, существуют различные варианты перехода звуков, характерных для тюркских языков (согласного [ç] в [ts-s-ц-ş], гласного [ü] в [ю]). Древняя форма слова Царицын в современной русской топонимии была позднее адаптирована к фонетической системе русского языка: *Sarıçin* (*sarı* – жёлтый, *çin* – прямой, равнина, *joltıy ostrov* – *sarı ada* [s-ts-ц]) и приняла форму Царицына, или *Ağmurba-Axtıyba* [9, с. 119]. Отмечая, что переход к звуку [ç-c], а также к звуку [ts-ц] обнаружен в интервокальном положении, Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева показали, что вариант *ch > sh* характерен для башкир, хакасов и якутов, а переход *ch-ts* характерен для татарских языков [10, с. 41].

Историческая диалектология играет незаменимую роль в изучении фонетики и лексики диалектов и говоров азербайджанского языка. Исторический подход к фактам языка, взятых из образцов художественной литературы и фольклора, играет определяющую роль в раскрытии диалектологического материала [2, с. 3].

Исследования показывают, что существующие звуковые переходы, наблюдаемые в ономастических единицах, как диалектные особенности тюркских языков, не ставя под

угрозу семантику этих единиц, оказывают сильное влияние на звуковую систему других языков.

Одна из главных особенностей, которая отличает диалекты и говоры от литературного языка, это – фонетические различия. Фонетические различия преобладают в грамматических и даже лексических различиях. Есть ряд звуков и фонетических явлений в диалектах и говорах, которые мы не находим в современном литературном языке. Иногда из сравнения диалектных групп северных наречий с тюркскими языками и их диалектами становится ясно, что во многих случаях иногда невозможно провести какие-либо различия между элементами огузского и кыпчакского племенных языков.

Как отметил Э. Азизов, изменение древней фонетической формы слова в азербайджанском языке и тенденция к более простому выражению слов и суффиксов по сравнению с другими тюркскими языками привели в азербайджанском языке к отходу некоторых слов и суффиксов от оригинальных форм [3]. Это показывает, что на определённых исторических этапах, в результате влияния экстралингвистических факторов, он претерпел некоторые изменения. Это показывает, что изменения в системе фонем в результате разделения и развития языков через определённые исторические процессы привели к определённым различиям в фонетической структуре, которая в родственных языках в основном одинакова. Из-за экстралингвистических и этнолингвистических факторов на определённых этапах исторического развития эти фонетические переходы и изменения звуков, наблюдаемые в тюркских языках и диалектах, в том числе и в северных, не смогли полностью изменить фонетические особенности, лежащие в основе современных тюркских языков и диалектов.

Звуковые переходы, наблюдаемые в древних огузских и кыпчакских языках [ç > s > ts > ş > k; c > g, b > p, d > t, q > x, d > n, a > ə, ö > ü, q > n, ı > u, v > n, q > ğ, y > g, u > ü, l > d, r > y, u > i, ı > i, i > ü], также, как и в современных тюркских языках, находят своё отражение в диалектах и говорах северного наречия в различных местностях указанного региона [11].

Выводы. Наиболее характерные черты общих фонетических особенностей северных диалектов можно увидеть в обобщении следующих примеров:

- 1) используются длинные, короткие и носовые гласные;
- 2) сохранение звука *n* (фрикативная фонема *ɲ*) в виде древней формы словосочетания *nq* в ряде слов;
- 3) возможно применение *ž*, смычного *dz*, *ts*, среднеязычного *x'* и других согласных;
- 4) во многих случаях нарушается закон гармонии;

5) при замене звуков происходят события утолщения, истончения, оглушения, озвончения и т. д. Более заметно утолщение;

6) использование в начале слова события *h-* (*habı, həblə, ho, haə* и др.);

7) распространение носовых, наличие носовых вариантов всех гласных;

8) широко применяются и встречаются переходы $\xi > s$, $n > \check{g}$, $n > q$;

9) в диалектных группах северного наречия встречаются такие фонетические явления, как ассимиляция, диссимиляция, повышение и понижение интонации, смещение, удвоение согласных в середине слова и т. д.

Список литературы

1. Гумматова Р. Научно-методические основы лингвистического анализа. Баку, 2017. 214 с.
2. Байрамов И.М. Основы азербайджанской диалектологии. Баку: АДПУ, 2015. 93 с.
3. Азизов Е. Историческая диалектология азербайджанского языка. Баку: Елм ва тахсил, 2016. 348 с.
4. Вагифызы Л. Шекинские образцы фольклора. Баку: Елм ва тахсил, 2014. Кн. 2. 408 с.
5. Самедова К.И. Фонетика северо-западных групповых диалектов. Баку: Изд-во АДПУ, 2018. 175 с.
6. Гаджиева Г. Фонетическое и лексическое сравнение нахчыванских диалектов азербайджанского языка с диалектами Южного Азербайджана и Восточной Анатолии. Нахичевань: Изд.-полиграф. союз «Аджамы», 2017. 329 с.
7. Демирчизаде А. История азербайджанского литературного языка. Баку: Тахсил, 1979. 267 с.
8. Самедова Г.И. Слова с кыпчакским корнем в общетюркских языках ареала азербайджанского языка. Маврикий: GlobeEdit., 2019.
9. Гаджиева Г.А. Наш язык – это наша история, наша память. Баку: Араз, 2008. 199 с.
10. Серебренников В.А., Гаджиева Н.З. Сравнительная историческая грамматика тюркских языков. Баку: Сада, 2002. 380 с.
11. Самедова К.И. Северо-западная часть тюркского языка и кыпчакская группа. Кыпчакские тюркские наречия // Турецкая эпическая мысль в письменных памятниках: материалы республ. науч. конф. Баку, 2015.

References

1. Gummatova R. *Nauchno-metodicheskiye osnovy lingvisticheskogo analiza* [Scientific and Methodological Foundations of Linguistic Analysis]. Baku, 2017, 214 p. (In Russian).
2. Bayramov I.M. *Osnovy azerbaydzhanskoy dialektologii* [Fundamentals of Azerbaijani Dialectology]. Baku, Azerbaijan State Pedagogical University Publ., 2015, 93 p. (In Russian).
3. Azizov E. *Istoricheskaya dialektologiya azerbaydzhanskogo yazyka* [Historical Dialectology of the Azerbaijani Language]. Baku, Elm ve Tehsil Publ., 2016, 348 p. (In Russian).
4. Vagifgyzy L. *Shekinskiye obraztsy fol'klora* [Sheki Samples of Folklore]. Baku, Elm ve Tehsil Publ., 2014, bk. 2, 408 p. (In Russian).
5. Samedova K.I. *Fonetika severo-zapadnykh gruppovykh dialektov* [Phonetics of Northwestern Group Dialects]. Baku, Azerbaijan State Pedagogical University Publ., 2018, 175 p. (In Russian).
6. Gadzhieva G. *Foneticheskoye i leksicheskoye sravneniye nakhchivanskikh dialektov azerbaydzhanskogo yazyka s dialektami Yuzhnogo Azerbaydzhana i Vostochnoy Anatolii* [Phonetic and Lexical Comparison of the Nakhchivan Dialects of the Azerbaijani Language with the Dialects of South Azerbaijan and Eastern Anatolia]. Nakhchivan, Publishing and Polygraphic Union "Adzhami", 2017, 329 p. (In Russian).
7. Demirchizade A. *Istoriya azerbaydzhanskogo literaturnogo yazyka* [History of the Azerbaijani Literary Language]. Baku, Tahsil Publ., 1979, 267 p. (In Russian).

8. Samedova G.I. *Slova s kypchakskim kornem v obshchetyurkskikh yazykakh areala azerbaydzhanskogo yazyka* [Words with Kipchak Root in Common Turkic Languages of the Azerbaijani Language Area]. Mauritius, GlobeEdit. Publ., 2019. (In Russian).
9. Gadzhiyeva G.A. *Nash yazyk – eto nasha istoriya, nasha pamyat'* [Our Language is Our History, Our Memory]. Baku, Araz Publ., 2008, 199 p. (In Russian).
10. Serebrennikov V.A., Gadzhiyeva N.Z. *Sravnitel'naya istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages]. Baku, Sada Publ., 2002, 380 p. (In Russian).
11. Samedova K.I. Severo-zapadnaya chast' tyurkskogo yazyka i kipchakskaya gruppa. Kipchakskiye tyurkskiye narechiya [Northwestern part of the Turkic language and the Kypchak group. Kypchak Turkic dialects]. *Materialy respublikanskoy nauchnoy konferentsii «Turetskaya epicheskaya mysl' v pis'mennykh pamyatnikakh»* [Proceedings of Republican Research Conference "Turkish Epic Thought in Written Monuments"]. Baku, 2015. (In Russian).

Информация об авторе

Самедова Кенуль Ибрагим, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного азербайджанского языка. Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджанская Республика. E-mail: guseynova.u@gmail.com

Вклад в статью: концепция исследования, анализ словарного состава говоров; написание и оформление текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2085-1059>

Поступила в редакцию 28.07.2020 г.

Поступила после рецензирования 20.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Kenul I. Samedova, Associate Professor of Modern Azerbaijan Language Department. Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Republic of Azerbaijan. E-mail: guseynova.u@gmail.com

Contribution: study conception, patois vocabulary analysis; manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2085-1059>

Received 28 July 2020

Reviewed 20 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

Интерлингвистическая функция неологизмов

Линь Е

Нанкинский педагогический университет, Институт иностранных языков
210097, Китайская Народная Республика, г. Нанкин, район Гулоу, Нинхай-Роуд, 122
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5973-3925>, e-mail: yl09034@aliyun.com

Interlinguistic function of neologisms

Lin YE

Nanjing Normal University, Institute of Foreign Languages
122 Ninghai Rd., Gulou District, Nanjing 210097, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5973-3925>, e-mail: yl09034@aliyun.com

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть в системе функций языка отдельную интерлингвистическую функцию, которая ориентирована на языковые контакты, в результате чего происходит интерференция языковых систем. На материале лексических заимствований в русском языке рассматриваются типы языковых изменений, проявляющиеся при взаимодействии языков. Устанавливается, что воздействие одной языковой системы на другую в большинстве своём проявляется в однонаправленных языковых изменениях. Интерлингвистическая функция неологизмов проявляется в виде конвергенции, отражающей сближение двух или более лингвистических фактов. На примере ряда заимствований из английского языка с сочетанием звуков [ДЖ], японских звуков (Ж и С) рассматривается приспособление иноязычных слов к артикуляционной системе русского языка. Обосновывается, что современные языковые изменения обусловлены выдвиганием на первый план культурологической детерминированности заимствований, что позволяет считать язык элементом в системе культуры, при этом существенным фактором является понимание того, что язык является не только системой, но и системой знаков. Результаты научно-технического прогресса способствуют тому, что система функций языка имеет открытый характер, и могут проявиться новые функции.

Ключевые слова: языковой знак; функции неологизмов; взаимодействие языков; заимствованные слова

Благодарность: Работа выполнена в рамках проекта Цзянсуского фонда постдокторских исследований Китая «Применение семиотической теории Якобсона Р.О. в преподавании иностранных языков» (2020Z067).

Для цитирования: Е. Линь. Интерлингвистическая функция неологизмов // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 730-736. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-730-736

Abstract. The work attempts to consider a separate interlinguistic function in the language function system, which is focused on language contacts, resulting in interference of language systems. The lexical borrowing material in Russian language examines the types of language changes that are manifested in language interaction. It is found that the impact of one language system on another is largely manifested in one-directional language changes. The interlinguistic function of neologisms manifests itself in the form of convergence, reflecting the convergence of two or more linguistic facts. A number of borrowings from the English language with a combination of sounds [ДЖ], Japanese sounds (Ж and С) are considered to adapt foreign-language words to the articulation system of the Russian language. It is substantiated that modern language changes are due to the brought-up cultural determinism of borrowing, which makes it possible to consider language an element in the culture system, and the important factor is the understanding that language is not only a system of systems, but also a system of signs. The results of scientific and technological advances are contributed to the openness of the language function system and new functions.

Keywords: language sign; neologisms functions; language interaction; borrowed words

Acknowledgment: The work is carried out as part of the project of Jiangsu Postdoctoral Research Funding Program of China “Applying of semiotic theory of Roman Jakobson in foreign language teachings” (2020Z067).

For citation: Ye Lin. Interlingvisticheskaya funktsiya neologizmov [Interlinguistic function of neologisms]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 730-736. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-730-736 (In Russian, Abstr. In Engl.)

Как известно, функции языка многообразны и неравноценны. Термин «языковая функция», или «функция языка», понимается в языкознании как роль языка в человеческом коллективе. Потенциальная направленность языковой системы проявляется не только в использовании языка как средства общения (коммуникации, обмена информацией) и познания окружающей действительности, но и отражается в других предназначениях (служит для объединения людей, регулирует их межличностное и социальное взаимодействие, координирует их практическую деятельность, психические потребности и т. д.) [1, с. 609-610].

Проблема функций языка издавна привлекала внимание исследователей, не только лингвистов, но и философов, психологов, литературоведов, обществоведов. Уже в древности различались познавательная (когнитивная), оценочная и аффективная функции (заметим, аффективная функция общения наглядно проявляется в структуре педагогического общения). Со временем стали выделяться и другие функции, например, немецкий учёный К.Л. Бюлер выделял три функции: *экспрессивную, апеллятивную и репрезентативную*. Российский и американский учёный Р.О. Якобсон в работе «Лингвистика и поэтика» (1960) выделил шесть языковых функций: *коммуникативную* (референтную), *(контакто-устанавливающую)*, *конативную метаязыковую, поэтическую фатическую, эмотивную* (экспрессивную).

Между тем анализ функционирования заимствованных единиц в языке позволяет вновь обратиться к пересмотру классификаций функций, поскольку работы К.Л. Бюлера, Р.О. Якобсона и других опираются на структуру речевого акта и не учитывают функции, которыми обладает язык как система знаков.

Теоретики структурализма подчёркивали, что язык является системой систем, о чём

ярко свидетельствует фонетическая система любого языка: фонема не может рассматриваться изолированно, она изучается на фоне сопоставления с другими фонемами одного и того же языка или с фонемами других языков. Разработки Пражской школы функциональной лингвистики (с 1926 до 1952 г.), основателем которой являлся чешский лингвист Вилем Матезиус, нашли отражение в работах многих учёных, к числу которых принадлежали и русские учёные Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, зарубежные учёные Л. Блумфильд (США), А. Мартине (Франция), К. Бюлер (Австрия) и др. Для концепции Пражской лингвистической школы было важным осмысление понятия языковой функции и обоснование того, что без учёта системы не может быть понято ни одно языковое явление, существующее в этой системе.

Однако язык является не только системой систем, как подчёркивали теоретики структурализма, язык является и элементом в системе культуры, которая во многом определяет содержание и направления функционирования языка. По мнению польского учёного А.К. Киклевича, современное языкознание представлено таким направлением, как «интеркультурная лингвистика» [2, с. 15], появлению которого во многом способствовала разработка знаковой теории языка, которая рассматривалась в работах Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, А.П. Бабушкина, А.В. Кравченко, Р.О. Якобсона, Ч.С. Пирса и Ч.У. Морриса и др. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что при рассмотрении языка как системы знаков в числе множества функций выделяется **интерлингвистическая функция**.

Сущность этой функции состоит в воздействии одной языковой системы на другую систему или на другие системы. В настоящее время масштабность воздействия лексической системы языка отражает процесс многочисленных заимствований русским языком

англицизмов (в основном его американского варианта). Отметим, что в истории языка на протяжении XIX–XX веков уже выделялись языки, которые реально воздействовали на русский язык: латинский, греческий, французский, немецкий [3, с. 15]. В результате взаимодействия языков происходят языковые изменения, среди которых выделяются три типа: контактные – неконтактные, однопользовательные – взаимные, конвергентные – дивергентные.

КОНТАКТНЫЕ – НЕКОНТАКТНЫЕ

В рамках определённого культурно-географического ареала возникают языковые контакты, и передача информации подчинена коммуникативному принципу уместности (существенности, актуальности, важности), культурному и социальному компонентам, в результате чего происходит интерференция языковых систем. Результатом контактирования языков являются лексические заимствования, когда элементы одного языка проникают в систему другого языка. Этому способствуют географические условия (пограничная территория), исторические события, социально-культурные и экстралингвистические факторы.

Так, в русском языке стало активно употребляться слово, пришедшее из японского языка, – ЭМОДЗИ (или ЭМОДЖИ?), относительно которого возникают вопросы: какой звук (З или С) следует произносить, на каком слоге ставить ударение, к какому роду относится это существительное?

Японское слово ЭМОДЗИ переводится как «пиктограмма», оно является собой словосочетание Э – «картинка» и МОДЗИ – «буква», «письменный символ». Это своего рода язык идеограмм и смайликов в электронных сообщениях и на веб-страницах, начиная с 1998 г.

Иероглиф «字» (дзи) обозначает «знак», он используется в словах типа *ромадзи* (латиница), *киридзи* (кириллица) и *кандзи* (иероглифы). Справочная служба русского языка (сайт www.gramota.ru) на вопрос «Как правильно, «эмодзи» или «эмоджи?», отвечает, что оба варианта возможны. Но приживается в языке первый вариант с произношением звука «З», ударение следует ставить на

слоге с буквой О. Употребление существительного *эмодзи* в мужском роде вполне корректно, например: *Красивый эмодзи спокойной ночи*. Заметим, что на апрель 2020 г. самым популярным *эмодзи* у россиян стало , на втором месте – *эмодзи* с большим пальцем: и на третьем месте *эмодзи* огонь .

Существовать и функционировать изолированно от других языков не может ни один язык. Появление заимствований – это необратимый процесс в любой языковой системе, в любом языке, независимо от национальной принадлежности и географического положения. Например, условием заимствований русских слов китайским языком являются языковые контакты жителей территориально соседствующих государств.

Практически единственной работой, посвящённой изучению взаимовлияния русского и китайских языков при их непосредственном контактировании, является монография Сюй Лайди [4]. В исследованиях многих китайских учёных отмечается факт наличия русских заимствований в китайском языке. Словарь харбинского диалекта отмечает 33 русских слова, которые локализовались на пограничной территории Китая и России, утратив при этом свои грамматические признаки. В составе китайского северо-восточного диалекта русские слова стали употребляться как равные с китайскими (исчезли категории рода, числа, падежа и т. п.). К их числу, например, относятся: *баян, базар, бензин, пиво, квас, хлеб, сухари, семечки, калач, платье* и др. [5].

В условиях неконтактного взаимодействия интерлингвистическую функцию выполняют языки, которые имеют высокий культурный статус, к их числу относятся классические языки. Сегодня широко известен день святого Валентина, который отмечает весь мир 14 февраля. Имя Валентина (Valentina) восходит к латинскому языку и в переводе означает «сильная, здоровая».

Заметим, некогда латиняне писали на входе в помещение слово “Valete” («Будьте здоровы»), а при встрече говорили: “Vale” («Будь здоров»). Ср.: современная надпись на входе в официальные учреждения «Добро пожаловать». Но современный носитель русского языка ассоциирует с именем Валентина не представление о здоровье, а ассоциации с

открыткой в форме сердца, которую принято дарить любимым людям, их называют «валентинка» или «валентинки».

Звуковой строй любого языка имеет свои отличительные признаки, и в процессе заимствования слов неизбежно встречаются звуки, не имеющие эквивалентов в системе принимающего языка. В этом случае языком заимствуется новый звук и одновременно перенимается буква для записи этого звука. Как известно, в старославянском языке существовал только звонкий согласный [В], а глухой согласный [Ф] был заимствован из греческого языка, соответственно, была заимствована и буква «Ф» – в русском языке появился и заимствованный звук, и новая буква. До сих пор тамбовские диалектоносители в словах, где орфографически пишется буква «Ф», произносят звуки «К», «ХВ», «Х» (фу-файка – *кухвайка*, фартук – *хвартук*, кофта – *кохта*).

Заимствованные звуки приспосабливаются к артикуляционной системе при адаптации заимствованных слов, скажем, слова с сочетанием звуков типа [ДЖ] в русском языке. Ср.:

АВТОЧЕЙНДЖЕР – приспособление для автоматической смены дисков (*техн.*);

АККАУНТ-МЕНЕДЖЕР – специалист по общению с клиентами;

АРТ-МЕНЕДЖЕР – специалист по вопросам управления в сфере культуры и искусства);

БРЕНД-МЕНЕДЖЕР – специалист в компании, отвечающий за развитие и продвижение торговой марки;

ГЕНМЕНЕДЖЕР – чёткого значения нет (синонимами являются «бомбардир», «форвард», «одноклубник»);

ГРЕЙНДЖЕР – участник движения за улучшение положения фермеров в США в 1860–1870-е гг. (*истор.*);

КИНОМЕНЕДЖЕР – специалист по управлению в области производства кинофильмов;

КОНТЕНТ-МЕНЕДЖЕР – специалист по созданию, распространению и курированию контента, редактор сайтов: специалист наполняет сайт текстовой, графической и другими видами информации, полезной и удобной для восприятия выбранной целевой группой (контентом);

КРЕАТИВ-МЕНЕДЖЕР – сотрудник рекламного агентства, занимающийся разработкой концепций рекламных проектов, брендового стиля компании;

КРИЗИС-МЕНЕДЖЕР – специалист, владеющий методами вывода предприятия из состояния кризиса (*спец.*);

ЛИД-МЕНЕДЖЕР – ведущий менеджер (*спец.*);

МАРКЕТИНГ-МЕНЕДЖЕР – руководитель отдела маркетинга – на предприятии, в фирме, компании (*спец.*);

МЕДИАМЕНЕДЖЕР – менеджер в компании, владеющей средствами массовой информации;

МЕНЕДЖЕР – администратор, заведующий, руководитель, управляющий, начальник;

МЕСЕНДЖЕР – сообщение;

НЬЮ-ЭЙДЖЕР – последователь нью-эйджа – религии «нового века», общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного и эзотерического (*религ.*);

ОФИС-МЕНЕДЖЕР – сотрудник, обеспечивающий текущую работу офиса организации;

ПЕЙДЖЕР – устройство персонального вызова, сообщения на него передаются по пейджинговой сети;

ПИАР-МЕНЕДЖЕР – менеджер в пиар-компании;

ПРОДАКШН-МЕНЕДЖЕР – специалист, отвечающий за производственную, техническую часть творческого проекта;

РЕЙНДЖЕР – военнослужащий отряда командос (в вооружённых силах США);

РОУД-МЕНЕДЖЕР – специалист, занимающийся организацией гастролей артистов, музыкантов и сопровождающий их в гастрольных поездках;

СИДИ-ЧЕЙНДЖЕР – устройство, автоматически заменяющее компакт-диски в проигрывателе;

ТИНЕЙДЖЕР – подросток; юноша или девушка в переходном возрасте (от 13 до 19 лет);

ТОП-МЕНЕДЖЕР – один из руководителей организации высшего уровня иерархии;

ХЕДЖЕР – тот, кто заключает хедж, занимается хеджированием (страхование рисков);

ЧЕЙНДЖЕР – то же, что сиди-чейнджер;

ЭККАУНТ-МЕНЕДЖЕР – то же, что аккаунт-менеджер (специалист по общению с клиентами);

ПРОМОУШН-МЕНЕДЖЕР – специалист, отвечающий за производственную, техническую часть творческого проекта.

В этом ряду заимствованных слов выделяются простые и сложные существительные. Сложные слова формируют два равноправно (самостоятельно) употребляющихся существительных, между которыми не стоят соединительные гласные (Е или О). Русские сложные слова пишутся слитно (МЕДИА-МЕНЕДЖЕР), но, как правило, при их написании чаще используется дефис, при склонении у них изменяется только второе существительное, например: «Подошёл к *ОФИС-МЕНЕДЖЕРУ*».

На наших глазах протекает мощный процесс обогащения русского словаря. Иноязычные заимствования не только значительно расширяют словарь, увеличивают возможности номинации, они наполняют и раздвигают национальную языковую картину мира, обогащая фонд словесных ресурсов. По мнению Н.С. Валгиной, заимствованные слова выступают в лексической системе как «своеобразные «знаковые» слова эпохи» [6, с. 80].

В связи с курсом на модернизацию, развитие экономики, техники, русский язык буквально «обречен» на заимствования, которые отражают новый этап в развитии национального русского языка. В качестве примера покажем, как разрастаются словообразовательные гнезда слов, связанные с пандемией коронавируса: КОРОНИЗАЦИЯ, КОРОНОБЕСИЕ, КОРОНОЗРЕНИЕ, КОРОННЫЙ УДАР (по бизнесу...); САМОИЗОЛЯНТ, КОВИДОВСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, ИЗОЛЯНДИЯ, ИЗОЛЕНТА НОВОСТЕЙ и мн. др.

Появляются так называемые окказионализмы (вспомним слова «мойдодыр» у К. Чуковского и «громадьё» у В.В. Маяковского): ХАРОНОВИРУС, КАРАНТИКУЛЫ, ПАНДЕМУЧКА – тот, кто всё время задаёт наивные вопросы о коронавирусе, УПАНДИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ...

Подобного род слова свидетельствуют о том, как носитель русского языка стремится снять напряжение, о чём свидетельствуют примеры языковой игры с словом *коронавирус* и шутливые высказывания типа «Каран-

тини: тот же мартини, только вы пьёте его в самоизоляции». «Мой идеальный вечер: карантини и фильмы Квентина Карантино». Слово «карантини» (англ. quarantini) – производное от слов «карантин» и «мартини» (алкогольный напиток).

ОДНОНАПРАВЛЕННЫЕ – ВЗАИМНЫЕ

Взаимодействие языков в большинстве своём имеет однонаправленный характер, как это наблюдалось в средневековой Европе при экспансии латыни, французского языка в XVII–XIX веках, о чём свидетельствует французский словарь издания «Пети Ларусс» (*Le petit Larousse illustré en couleurs*)¹ или английского языка в первые десятилетия XXI века.

В результате взаимных влияний в группе языков возникают языковые ареалы, например, отмечаются балканский или балтийский. Могут появляться отдельные литературные языки – в конце XIX века появился сербско-хорватский язык. Существует так называемый язык пиджин (англ. pidgin), служащий межэтническому общению. Это упрощённый язык, который используется говорящими на неродственных и/или взаимно непонятных языках, но вынужденных более или менее постоянно контактировать друг с другом в силу тех или иных объективных потребностей и территориальной общности в качестве общего для разноязычных этнических групп населения. Учёные имеют в виду язык, не имеющий коллектива исконных носителей, пиджин может стать основным средством общения в случае, когда язык передаётся из поколения к поколению внутри данного народа (тогда уже речь пойдёт о креольском языке).

В работах Е.А. Оглезневой, Е.В. Перехваловой, Н.А. Ждановой и других описан такой феномен, как русско-китайский пиджин на территории Сибири, Дальнего Востока, Забайкалья [7–9].

КОНВЕРГЕНЦИОННЫЕ – ДИВЕРГЕНЦИОННЫЕ

Лингвистические термины «конвергенция» и «дивергенция» являют собой антонимы.

¹ Le petit Larousse illustre. Paris: Larousse, 2000. 1788 с.

Как правило, интерлингвистическая функция проявляется в виде конвергенции (интеграции). В этом случае речь идёт о сближении двух или нескольких языковых систем. Подобное сближение имело место в языковой политике СССР и носило название русификация, когда во всех учебных заведениях в советских республиках главенствующим был русский язык. В результате сближения языков происходят языковые изменения, которые в ходе истории могут сменять друг друга с разной силой в разное время, но в принципе развитие того или иного языка никогда не сводится лишь к одному из этих двух направлений – конвергенции или дивергенции, протекающих в противоположных направлениях.

Конвергенция приводит к возникновению смешанных языков, вызывает обособление вариантов одной языковой единицы и превращение этих вариантов в самостоятельные единицы, или появление новых вариантов в уже существующей языковой единице, например, английский глагол “to friend” способствовал появлению в русском языке существительных *френд*, *бойфренд*; глаголов *зафрендить* и *отфрендить* (в значении «задружить» и «прервать дружбу»); у слова *бойфренд* появилось два значения: *бойфренд* – партнёр, *бойфренды* – штаны.

Языковая дивергенция, как правило, проявляется в условиях центробежных социально-политических процессов. Сегодня такое явление имеет место в странах бывшего Советского Союза: после распада СССР в бывших республиках проводится языковая политика, целью которой является национализация языка – сохранение национального колорита и многообразных исторических, культурных и языковых ассоциаций. Подобными же процессами можно объяснить и возникновение в конце XIX века боснийского литературного языка.

Таким образом, наряду с главенствующими функциями языка – когнитивной и коммуникативной – интерлингвистическая функция языка способствует использованию языковых знаков в качестве носителей информации. В этом случае на первый план выдвигается обращение учёных к решению проблем определения онтологической сущности лексической системы языка.

Процесс интеграции России в международное пространство активизируется, появление новых отношений языка и элементов окружающей среды может способствовать появлению и новых функций, поскольку система функций языка имеет открытый характер.

Список литературы

1. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Рос. энцикл., 2003.
2. Киклевич А.К. Смысл – текст – интеракция: языковые репрезентации. М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. 336 с.
3. Александрова О.В. Развитие лексико-грамматической системы языка под влиянием меняющейся когнитивной картины мира // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 19. С. 15-19.
4. Сюй Лайди. Исследование контактов русского и китайского языков. Харбин: Хейлунцзян. народ. изд-во, 2007. 289 с.
5. Ли Жун, Инь Чжиао. Словарь харбинского диалекта. Нанькин: Цзянсуское образоват. изд-во, 1997. 492 с.
6. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
7. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с.
8. Перехвальская Е.В. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 46 с.
9. Жданова Н.А. Русско-китайский пиджин Забайкалья среди других форм современных контактных языков // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10. С. 84-88.

References

1. Karaulov Y.N. (ed.-in-chief). *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2003. (In Russian).

2. Kiklevich A.K. *Smysl – tekst – interaktsiya: yazykovyye reprezentatsii* [Meaning – Text – Interaction: Linguistic Representations]. Moscow, LRC Publishing House, 2019, 336 p. (In Russian).
3. Aleksandrova O.V. Razvitiye leksiko-grammaticheskoy sistemy yazyka pod vliyaniyem menyayushcheysya kognitivnoy kartiny mira [The changing cognitive world view and the development of the lexicogrammatical system of a language]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2014, issue 19, pp. 15-19. (In Russian).
4. Syuy Laydi *Issledovaniye kontaktov russkogo i kitayskogo yazykov* [Research of Contacts between Russian and Chinese Languages]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House, 2007, 289 p. (In Russian).
5. Li Zhun, In Chishao *Slovar' kharbinskogo dialekta* [Harbin Dialect Dictionary]. Nanjing, Jiangsu Educational Publishing House, 1997, 492 p. (In Russian).
6. Valgina N.S. *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active Processes in the Modern Russian Language]. Moscow, "Logos" Publ., 2003, 304 p. (In Russian).
7. Oglezneva E.A. *Russko-kitayskiy pidzhin: opyt sotsiolingvisticheskogo opisaniya* [The Russian-Chinese Pidgin: Sociolinguistic Experience of the Description]. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2007, 264 p. (In Russian).
8. Perekhvalskaya E.V. *Sibirskiy pidzhin (Dal'nevostochnyy variant). Formirovaniye. Istoriya. Struktura: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Siberian Pidgin (Far Eastern Variant). Formation. History. Structure. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2006, 46 p. (In Russian).
9. Zhdanova N.A. *Russko-kitayskiy pidzhin Zabaykal'ya sredi drugikh form sovremennykh kontaknykh yazykov* [Russian-Chinese Transbaikal pidgin among the other forms of modern contact languages]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – The Buryat State University Bulletin*, 2014, no. 10, pp. 84-88. (In Russian).

Информация об авторе

Е. Линь, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и литературы. Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика. E-mail: yl09034@aliyun.com

Вклад в статью: концепция исследования, проведение теоретического обзора, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5973-3925>

Поступила в редакцию 16.07.2020 г.

Поступила после рецензирования 24.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Lin Ye, Candidate of Philology, Lecturer of Russian Language and Literature Department. Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China. E-mail: yl09034@aliyun.com

Contribution: study conception, theoretical review, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5973-3925>

Received 16 July 2020

Reviewed 24 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-737-745
УДК 81

Концепты СКУКА, ТОСКА, ГРУСТЬ и ПЕЧАЛЬ в языковом сознании современной молодёжи

Жун ЯО

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4169-4905>, e-mail: yao730@yandex.ru

Concepts of BOREDOM, ANGUISH, SADNESS and SORROW in the language consciousness of modern youth

Rong YAO

Saint-Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4169-4905>, e-mail: yao730@yandex.ru

Аннотация. Посвящено исследованию семантического наполнения негативных эмоциональных концептов *Скука, Тоска, Грусть и Печаль* в языковом сознании современной русской молодёжи. Теоретической основой послужило учение В.В. Колесова (концептология), положениями которого определяется алгоритм исследования. Материалом исследования послужил опрос носителей русского языка, на основе анализа которого выделены и классифицированы прилагательные и предикаты, получены образное понятие и смысловые постоянные данных концептов. Проведён сопоставительный анализ рассмотренных концептов в современном русском сознании с точки зрения носителей языка и их интерпретации в Словаре русской ментальности. Интерпретации исследуемых концептов в Словаре русской ментальности и в сознании носителей языка различаются тем, что словарные дефиниции отражают понятийное содержание слова, а представление этих концептов в сознании простых людей обладает более эмоционально-оценочно экспрессивной окраской и связывается с ассоциативным полем.

Ключевые слова: концептуальные исследования; скука; тоска; грусть; печаль; образное понятие; семантические константы

Для цитирования: Яо Жун. Концепты СКУКА, ТОСКА, ГРУСТЬ и ПЕЧАЛЬ в языковом сознании современной молодёжи // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 737-745. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-737-745

Abstract. The work is devoted to the study of semantic content of negative emotional concepts of Boredom, Anguish, Sadness and Sorrow in the language consciousness of modern Russian youth. The theoretical basis is the doctrine of V.V. Kolesov (conceptology), the provisions of which determine the algorithm of the study. The research material is a survey of native speakers of the Russian language, based on the analysis of which adjectives and predicates are identified and classified, and the figurative concept and semantic constants of these concepts are obtained. Comparative analysis of the concept of the considered concepts in the modern Russian consciousness and their interpretation in the Dictionary of Russian mentality is also provided. The interpretations of the concepts under study in the Dictionary of Russian mentality and in the minds of native speakers differ in that the dictionary definitions reflect the conceptual content of the word, and the representation of these concepts in the minds of ordinary people has a more emotional and evaluative expressive color and is associated with the associative field.

Keywords: conceptual research; boredom; anguish; sadness; sorrow; figurative concept; semantic constants

For citation: Yao Rong. Kontsepty SKUKA, TOSKA, GRUST' i PECHAL' v yazykovom soznanii sovremennoy molodezhi [Concepts of BOREDOM, ANGUISH, SADNESS and SORROW in the language consciousness of modern youth]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 737-745. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-737-745 (In Russian, Abstr. In Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время когнитивная лингвистика является одним из основных направлений лингвистической мысли. Как сторонник лингвокогнитивного подхода, С.Г. Воркачѳв отмечает, «...что наиболее жизнеспособным оказался термин *концепт*» [1, с. 41], но до сих пор содержание понятия существенно различается в размышлениях разных научных школ и отдельных учёных. Учёные дают разные определения термину *концепт*: «оперативная единица в мыслительных процессах» [2, с. 316], «личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения» [3], «базовая единица мыслительного кода человека» [4, с. 32], «абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия» [5, с. 246], «сгусток культуры в сознании человека» [6, с. 63] и др. Исходя из принципа «ключевых слов» А. Вежбицкая считала три концепта (*Судьба*, *Душа*, *Тоска*) фундаментальными [7, с. 36]. Ключевые слова, по словам А. Вежбицкой, прежде всего, должны быть общеупотребительными, а не периферийными. Кроме того, они часто используются в одной семантической сфере и находятся в центре фразеологического семейства [7, с. 36]. Ключевые слова А. Вежбицкая анализирует через лексику, отмечая, что лексика – очень чувствительный показатель культуры народа [7, с. 61]. Позиция В.В. Колесова основана на традиционном русском реализме, который объединяет в себе логическое и лингвистическое. По суждению В.В. Колесова, концептология представляет симбиоз языка и логики в их нераздельности, что восходит к исконному смыслу Логоса – двуединства языка и мышления, лингвистики и логики [8, с. 16].

В качестве **методологической основы** настоящего исследования использовано учение В.В. Колесова (концептология) и соответствующее определение термина *концепт*: «сущность понятия, явленная в своих содержательных формах» [9, с. 19]. Учёный опре-

деляет концепт как «основную единицу ментальности в языке» [10, с. 61]. По его мнению, концепт сохраняется устойчиво, постоянно и независимо от его представления, является сущностью понятия, явленной в своих содержательных формах: в образе, понятии и символе. Концептуальная лингвистика не представляет единства, следующие ей учёные работают разными методиками и пользуются различными терминами. Методика описания концепта В.В. Колесова содержит три основных этапа. На первом этапе воссоздание понятия совмещением эпитетов и предикатов, на втором этапе – реконструирование концепта путём совмещения полученных на предыдущем этапе признаков и построение семантической константы по форме 1+3. На третьем этапе – моделирование *концептума* с помощью исторического исследования и этимологии. В данной статье используем алгоритм описания концепта В.В. Колесова. На третьем этапе вместо моделирования *концептума* по исторической справке проведём сопоставительный анализ полученных результатов с описанием анализируемых концептов в Словаре русской ментальности.

Целью исследования является выявление содержания понятия (десигнат, представленный в форме прилагательных-определений) и объёма понятия (денотат, представляющий собой предикаты) концептов *Скука*, *Тоска*, *Грусть* и *Печаль*.

Источником исследования послужило высказывание 45 человек в возрасте от 16 до 38 лет. Среди всех информантов 3 человека имело высшее образование, 27 человек учатся в высшем учебном заведении, в том числе 2 студента технического направления (в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого и в Государственном университете аэрокосмического приборостроения), 20 студентов физического факультета СПбГУ и 5 магистров филологического факультета СПбГУ. Значительный процент опрошенных составили также молодые люди с неполным средним образованием (обучающиеся в Колледже физической

культуры и спорта). Число опрошенных было достаточно, чтобы привлечь нужные нам информации. Поскольку наше внимание сосредоточится на выделении постоянно возникающих сочетаний прилагательных с существительными и часто употребляемых предикатов после имени. Увеличение числа информантов к принципиальным изменениям в выводах не приведёт. Материалом исследования послужили также цитаты из Словаря русской ментальности. Анкетирование проведено автором в г. Санкт-Петербурге в феврале 2020 г. Информантам предлагалось выполнить задания, список которых приводится ниже.

1. Назовите несколько приходящих Вам в голову словосочетаний из двух слов, вторым из которых является существительное *скука* (*тоска, грусть, печаль*), а первым – прилагательное, к которому относятся данные слова (*скука, тоска, грусть и печаль*).

2. Пытайтесь дать словам *скука, тоска, грусть, печаль* своё определение (то есть что это такое? Как появляется? По какой причине? И какие последствия из-за них происходят?).

3. Считайте ли Вы эти эмоции (*скука, тоска, грусть и печаль*) негативным или позитивным состоянием? Имеются ли в них и негативные, и позитивные элементы в зависимости от ситуации?

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Выделяются четыре вида коренных признаков выражения концепта в форме прилагательного – *типичные признаки, глубинные признаки, интенсивные признаки и длительные признаки* [10, с. 92]. В результате опроса информантов были получены эпитеты-прилагательные, относящиеся к существительным *скука, тоска, грусть и печаль*. Ниже приведена итоговая классификация прилагательных по четырём группам.

Скука

Типичные признаки: *душевная*.

Глубинные признаки: *светлая, серая, страшная, томная, тупая, ужасная*.

Интенсивные признаки: *адская, безысходная, беспросветная, вселенская, мучительная, надоедливая, привлекательная, смертельная, томительная, убийственная, утомительная, смертная*.

Длительные признаки: *вечная*.

Тоска

Типичные признаки: *душевная*.

Глубинные признаки: *большая, глубокая, гнетущая, длительная, серая, сильная, сосущая, угрюмая, щемлящая*.

Интенсивные признаки: *безысходная, безотчётная, зелёная, невыносимая, невыразимая, непереносимая, неприкрытая, непроходящая, непонятная, нестерпимая, нудная, русская, смертная*.

Длительные признаки: *вечная*.

Грусть

Типичные признаки: *душевная, тоскливая*.

Глубинные признаки: *большая, глубокая, лёгкая, мрачная, непроглядная, светлая, серая, сильная, тяжёлая*.

Интенсивные признаки: *вселенская, беспросветная, беспричинная, наигранная, невыносимая, неодолимая, непонятная, нескрываемая, нестерпимая, обыденная, осенняя, отчаянная, скрытая*.

Длительные признаки: *вечная, мимолетная*.

Печаль

Типичные признаки: *душевная, сердечная, горькая*.

Глубинные признаки: *глубокая, лёгкая, охватывающая, серая, светлая, сильная, смутная, сплошная, тихая, хроническая, ужасная*.

Интенсивные признаки: *бесконечная, безграничная, вселенская, задумчивая, невыносимая, неуголимая, постоянная, приятная, человеческая*.

Длительные признаки: *вечная*.

Типичные признаки исходят из самой предметности изнутри. Например, в типичные признаки входят такие прилагательные, как *горькая, душевная, тоскливая*, установлено, что данные эмоции (*скука, тоска, грусть и печаль*) – душевное переживание внутреннего мира человека, которое приносит ему горькое страдание. Типичность представлена как суть категории «постоянное свойство».

Глубинные признаки представляют собой самые обыденные, образные признаки

предмета, ср. *серая скука, большая тоска, светлая грусть, ужасная печаль*. На онтологическом уровне семантического треугольника глубинные признаки именуются реальными признаками и соотносятся с понятием. Реальность представлена как суть категории «качество».

Интенсивные определения метафорически выражены, они используются свободно согласно авторскому желанию, в их состав входят прилагательные типа *безбрежная, безмерная, безумная* и др. Интенсивность представлена как суть категории «субъективная оценка».

Длительные признаки очень редки, представлены чаще всего прилагательными вроде *вечная, мимолётная* и под. Длительность представлена как суть категории «время».

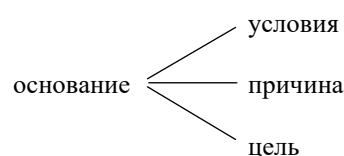
При рассмотрении всех глубинных признаков изучаемых концептов обращают на себя внимание следующие факты:

1. Только *скука* выделяется отсутствием глубинного признака «глубокая» – признак поверхностного характера эмоции. Отмечается, что *скука* характеризуется менее агрессивным ощущением.

2. *Скука, грусть и печаль* бывает *светлой*, но такое определение отсутствует в описании *тоски*. Тоска для носителей русского языка бывает *сосущей, гнетущей*. Отсюда можно сделать вывод, что состояние тоски гораздо более болезненно в проявлениях, чем состояние скуки, грусти и печали.

3. Прилагательное *лёгкая* было употреблено только к слову *грусть*, данное определение отсутствует в описании других слов-репрезентантов концептов. Предполагается, что *грусть* обладает меньшей интенсивностью проявления по сравнению с другими эмоциями. В этом сходятся точки зрения нескольких информантов: *Грусть – отрицательная эмоция, схожая с тоской и печалью, однако является наиболее слабой из них* [23 г., м.]; *Грусть – чувство уныния, легкая печаль* [17 л., м.].

На семантическом уровне лингвистическая константа проявляется в соотношении основания (исходного общего значения концепта) и трёх его непеременимых следствий – условия, причины и цели действия [10, с. 27]. Данное теоретическое положение предстаёт в формуле как:

Перед описанием высказываний информантов следует коротко указать особенность основания и его причинности, чтобы их различать. Основание отвечает на вопрос (Что это такое?), ответ на который непосредственно даёт определение. Условие отвечает на вопрос (Как?), показывает, как действие происходит. Причина, разумеется, отвечает на вопрос (Почему?). И, в конце концов, цель отвечает на вопрос (Зачем?), выясняет результат действия.

В результате проведённого анализа высказываний опрошенных были семантически извлечены и классифицированы предикаты, которые можно свести к денотатным признакам.

Скука

1) Основания – плохое настроение; неприятное чувство; состояние душевного томления.

2) Условия – заблуждение в жизненном пути.

3) Причины – одиночество; отсутствие интереса; усталость от безделья; рутина; однообразие обстановки и дел; отсутствие занятия.

4) Цели – не доставляет удовольствия; приводит к депрессии.

Тоска

1) Основания – негативное состояние; гнетущее чувство; чувство абсолютной безысходности; душевная тревога.

2) Условия – как сожаление в связи с осознанием ущерба; безнадежно.

3) Причины – по прошедшим событиям, которые уже никогда не повторяются; по утрае чего-либо.

4) Цели – воспоминание о прошлом.

Грусть

1) Основания – отрицательная эмоция; чувство уныния, легкой печали.

2) Условия – огорчает человека; схожа с тоской и печалью, но слабее их; чувство потери.

3) Причины – происходит от неладного события; недовольство.

4) Цели – отстраняется от общества; замыкается в себе.

Печаль

1) Основания – душевная горечь; чувство грусти; состояние душевной скорби и грусти.

2) Условия – как противоположность радости; сожаление об утраченном или прошедшем.

3) Причины – из-за долгого неизменного обстоятельства.

4) Цели – приводит к ухудшению самочувствия.

В соответствии с полученной информацией можно свести все семантические константы рассмотренных концептов на основе выделенных денотатов.

Скука

Читается: Скука – это состояние томления при чувстве заблуждения в жизненном пути из-за однообразия, приводит к депрессии.

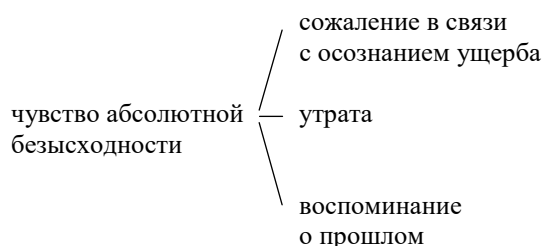
В нашем сознании содержится скрытое понимание концептума (зерна первосмысла), неявно представленное в подсознании, что и даёт возможность сопоставлений. Сравним определение, сформулированное на основе высказываний наших информантов, с определением скуки в Словаре русской ментальности: Скука – ощущение отсутствия надежды и безысходности однообразного существования человека, пребывающего в настоящем бездействии [11, т. 2, с. 251]. В интерпретации В.В. Колесова акцент делается на то, что у скуки есть связь с настоящим. Скука не только чувствуется как заблуждение в жизни, она охватывает все чувства – ощущение без надежды, переживание в безысходном состоянии. Лучшим средством от скуки считается дело и труд, кроме случаев, когда человек скучает по близким из-за разлуки и невозможной встречи.

Согласно определению, данному в словаре С.И. Ожегова, скука – это, во-первых, «томление от отсутствия дела или интереса к окружающему»; во-вторых, «отсутствие веселья» [12, с. 716]. Замечается, что данное определение сосредоточено в самых признанных причинах возникновения скуки, по-

скольку словарные толкования дают самое общее представление о значении слова.

В историко-этимологическом словаре П.Я. Черных отмечается, что исторически наиболее ранним значением *скуки* является, вероятно, «беспокойство, томление, состояние, когда хочется быть» с показательной иллюстрацией из словаря Даля: *собака скучит* [13, т. 2, с. 172]. Приведённые соображения позволяют предположить, что исходной точкой понятия *скуки* являлось внутреннее состояние, сопоставимое с состоянием воющей собаки. В современную эпоху скука может считаться нейтральным состоянием. Приводится одна из иллюстраций информантов: *От скуки иногда можно придумать что-то необычное* [23 г., ж.]. На нейтральность скуки также обратил внимание В.В. Колесов: Переживание, чувство скуки <...> представляют только существование, лишённое красок [14, с. 10].

Тоска

Читается: Тоска – это чувство абсолютной безысходности, которое ощущается как сожаление в связи с осознанием утраты, вызывает воспоминание о прошлом.

Одной из характеристик тоски молодые информанты считают воспоминание о чём-то хорошем в прошлом. Существует тоска по цельности и надежде. В.В. Колесов считает, что тоска обращена к будущему (трансцендентному). Подобных мнений также придерживаются некоторые философы, писатели и лингвисты: В обращенности к будущему есть не только надежда, но и тоска... Человеку присуща тоска по цельности (Н.А. Бердяев); потребность в порядке вызывает тоску (М.М. Пришвин). В.В. Колесов называет её «всеохватной», она ощущается не только как сожаление в связи с осознанием ущерба, она охватывает все чувства – тревога от неизвестности, уныние от неудач, томление от напавшей грусти [11, т. 2, с. 390]. В отличие от

других негативных эмоций вроде скуки, грусти и печали, в тоске есть надежда и новая страсть.

Тоска происходит от *tъska* ‘делать пустым’ [15, т. 2, с. 253], в древнерусском языке *тъска* обозначает ‘стеснение’ и ‘беспокойство’, а в современной жизни тоска дана как переживание перед угрозой, тревога от неизвестности и невозможности осуществления. Тоска может представляться как живое существо, которое *забирает, нападает, теснит* и т. д.

Грусть

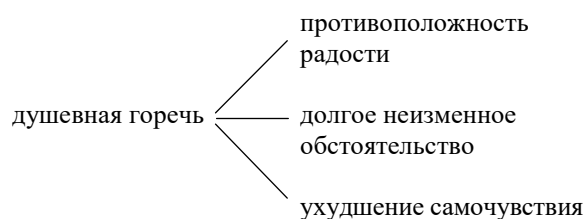

Читается: Грусть – это отрицательная эмоция при чувстве потери, явленная вследствие неладного события, приводит к отстранению от общества и замыканию в себе.

В современном понимании грусть есть чувство легкого уныния. В Словаре русской ментальности представлено такое определение: Грусть – душевное сокрушение в груди как отзыв чувством отвращения... и ощущением слабости... на внешнюю угрозу беды [11, т. 1, с. 183]. В данной интерпретации грусть связывается с ощущением отвращения. Современное слово *грусть* в значении ‘отвращение’ происходит от общеславянского слова *грудити* в значении ‘грызть’, с которого производно также древнерусское слово разговорного языка *грусткий* в значении ‘печальный’. Очевидно, что в современном языковом сознании грусть не явленная знаком отвращения, а считается слабой степенью печали.

Согласно историко-этимологическому словарю, *грусть* производно от *грызть* [15, т. 2, с. 163], которое обозначает заботу, тревогу. Грусть связана с настоящим. По определению В.В. Колесова, грусть является индивидуальным состоянием чувств, «когда субъект утрачивает свой предмет, но ещё сохраняет энергию действия» [14, с. 9].

Печаль

Читается: Печаль – это душевная горечь как противоположность радости по причине долгого неизменного обстоятельства, приводит к ухудшению самочувствия.

Состояние печали понимается современниками прежде всего как противоположность радости. Отличая печаль от скуки в настоящем и тоски по будущему, В.В. Колесов отмечает, что печаль связана с прошлым. В Словаре русской ментальности печаль определяется как забота души, которая жжёт сердце, вызывая сожаление о прошедшем в прошлом [11, т. 2, с. 19]. Н.А. Бердяев видит в печали лиричный характер: печаль очень связана для меня с чувством жалости [16, с. 27]. Данные коннотации – забота души, связь с жалостью отсутствуют в языковом сознании современников.

Слово *печаль* происходит от праслав. **pečalbь*. В «Толковом словаре» С.И. Ожегова *печаль* определяется не только как чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи, но и как забота (устар. и прост.) [12, с. 506]. Так же считает В.В. Колесов: печаль – это забота души, в отличие от тоски духа и скуки плоти [14, с. 9]. А современники воспринимают печаль субъективно как личное состояние души, противоположное радости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет заключить следующее.

1. В речевой практике коммуниканты приобретают умение ориентироваться в типичных ситуациях (причинах), вызывающих определённые эмоции, но плохо различают состояние эмоционального действия (условие) и результат действия (цель). Например, в представлении современников скуку может

вызвать одиночество, отсутствие интереса, усталость от безделья, однообразие обстановки и дел и т. д., однако, только одному человеку удалось определить состояние скуки как «заблуждение в жизненном пути», и два человека из всех опрошенных отметили результат скуки – неудовольствие и депрессию.

2. Нередко встречается у носителей языка предпочтение дать определение одному слову-репрезентанту концепта через другое слово, считающееся синонимом ему. Например, грусть понимается современниками как «чувство лёгкой печали», а печаль – «состояние душевной скорби и грусти». Тоску определяют как «состояние, когда скучаешь по кому-то, чему-то». Этот факт свидетельствует о том, что, с одной стороны, эти эмоциональные концепты близки по семантическому значению, с другой стороны, некоторым людям трудно различать данные негативные эмоциональные концепты. Следует также отметить, что такое явление оказывается сходным в «Толковом словаре». В словаре С.И. Ожегова *тоска* определяется как «душевная тревога, уныние» и считается синонимом скуки [12, с. 793], *грусть* объясняется как «чувство печали, уныния» [12, с. 144], а *печаль* определяется как «чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи» [12, с. 506]. В данном аспекте индивидуальное сознание совпадает с коллективным, является частью его отражения.

3. Сопоставление полученных результатов анкетирования современной молодёжи и трактовки в толковых словарях позволяет делать вывод, что словарные толкования дают более общее представление о значении слова, имеют общенациональный характер. Определение рассмотренных концептов в словарях ограничивается психологическим основанием. А индивидуальное мнение социальной группы, формируемое под влиянием личностных особенностей (образования, воспитания, жизненного опыта и т. д.), выражается каждым по-разному.

4. Интерпретации исследуемых концептов в Словаре русской ментальности и в сознании носителей языка различаются тем, что словарные дефиниции отражают понятийное содержание слова, поскольку они основаны на материале философских и художественных статей, а представление этих концептов в сознании простых людей обладает более эмоционально-оценочно экспрессивной окраской и связывается с ассоциативным полем, ср. определение одного информанта к *грусти*: *Грусть – это период, когда дождь или осень приходит, всё становится серым* [38 л., м.]. Этим определяются существенные различия между профанным и терминологически-профессиональным языком. Первое соотносится с риторической формой мысли, а второе – с логической формой мысли.

Обратим внимание на ценность исследуемых концептов с точки зрения носителей языка. Согласно результату анкетирования, 16 человек из 25 опрошенных считают данные эмоции (скука, тоска, грусть и печаль) полностью негативными, 13 человек отметили, что им трудно дать и позитивную, и негативную оценку. 16 человек из всех информантов видят в этих негативных эмоциях положительные элементы в зависимости от ситуации. По их мнению, полезность данных эмоций состоит в том, что, во-первых, без этих негативных переживаний нельзя было бы понять, что есть доброе и хорошее; во-вторых, без них жизнь невозможна, все эмоции, и пассивные, и активные, необходимы каждому человеку. Примерно о том же говорил и Д.С. Лихачёв, утверждая, что жизнь была бы неполна, если бы в ней совсем не было печали и горя [17, с. 445].

Анализ содержательных форм исследуемых концептов, проведённый на материале высказываний носителей русского языка, позволяет подтвердить вывод о том, что концептология исторична, и концепты должны исследоваться в развитии.

Список литературы

1. Воркачёв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. 192 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
3. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 315 с.

5. Соломоник А.М. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995. 352 с.
6. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
7. Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. 287 с.
8. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
9. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
10. Колесов В.В. Концептология. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2012. 168 с.
11. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999.
14. Колесов В.В. Грусть-тоска в русском языковом сознании // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 5-12.
15. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Изд-во ЛКИ, 2018.
16. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
17. Лихачёв Д.С. Заметки о русском. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 480 с.

References

1. Vorkachev S.G. *Schast'ye kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a Linguistic and Cultural Concept]. Moscow, 2004, 192 p. (In Russian).
2. Kubryakova E.S. *Yazykiznaniye* [Language and Knowledge]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 2004, 560 p. (In Russian).
3. Likhachev D.S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka – The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 1993, vol. 52, no. 1, pp. 3-9. (In Russian).
4. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST Publ., East-West Publ., 2007, 315 p. (In Russian).
5. Solomonik A.M. *Semiotika i lingvistika* [Semiotics and Linguistics]. Moscow, Molodaya Gvardiya Pul., 1995, 352 p. (In Russian).
6. Stepanov Y.S. *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. Thin Film of Civilization]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 2007, 248 p. (In Russian).
7. Vezhbitska A. *Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures through Key Words]. Moscow, 2001, 287 p. (In Russian).
8. Kolesov V.V. *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of Conceptology]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2019, 776 p. (In Russian).
9. Kolesov V.V. *Yazyk i mental'nost'* [Language and Mentality]. St. Petersburg, St. Petersburg Oriental Studies Publ., 2004, 240 p. (In Russian).
10. Kolesov V.V. *Kontseptologiya* [Conceptology]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University. Editorial and Publishing Department. Faculty of Philology Publ., 2012, 168 p. (In Russian).
11. Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A. *Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t.* [Dictionary of Russian Mentality: in 2 vols.]. St. Petersburg, 2014. (In Russian).
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, AZ Publ., 1994, 928 p. (In Russian).
13. Chernykh P.Y. *Istoriko-etimologicheskyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1999. (In Russian).
14. Kolesov V.V. Grust'-toska v russkom yazykovom soznanii ['Grust-Toska' (sadness – melancholy) in Russian language consciousness]. *Mir russkogoslova – The World of Russian Word*, 2017, no. 3, pp. 5-12. (In Russian).
15. Preobrazhenskiy A.G. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 2 vols.]. Moscow, LKI Publ., 2018. (In Russian).
16. Berdyayev N.A. *Samopoznaniye (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-Knowledge (Experience of Philosophical Autobiography)]. Moscow, International Relations Publ., 1990, 336 p. (In Russian).
17. Likhachev D.S. *Zametki o russkom* [Notes on Russian]. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2014, 480 p. (In Russian).

Информация об авторе

Яо Жун, аспирант, соискатель степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: yao730@yandex.ru

Вклад в статью: идея, цель, сбор первичного материала, анализ данных, обработка полученных результатов, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4169-4905>

Поступила в редакцию 03.08.2020 г.

Поступила после рецензирования 18.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Rong Yao, Post-Graduate Student, Competitor of Philology. Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: yao730@yandex.ru

Contribution: idea, purpose, source material acquisition, data analysis, obtained results processing, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4169-4905>

Received 3 August 2020

Reviewed 18 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-746-754
УДК 409.34

Исследования в области политической лингвистики (по материалам журнала «Политическая лингвистика» за 2006–2017 гг.)

Сюе ЮЕ

Даляньский университет иностранных языков
116044, Китайская Народная Республика, г. Далянь, Люйшуньское шоссе, 6
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1597-3927>, e-mail: yuex570@126.com

Research in the field of political linguistics (based on the materials of the journal “Political linguistics” for 2006–2017)

Xue YUE

Dalian University of Foreign Languages
6 Lushunkou Rd., Dalian 116044, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1597-3927>, e-mail: yuex570@126.com

Аннотация. Политическая лингвистика в России характеризуется большим количеством направлений и разнообразной тематикой, особо выделяется политическая метафора и дискурс-анализ, который служит основным методом лингвокогнитивной интерпретации текста в целом и слова в отдельности. Предпринята попытка проанализировать научные результаты, представленные на страницах журнала «Политическая лингвистика» за 2006–2017 гг. (главный редактор А.П. Чудинов). За этот период в 46 опубликованных выпусках, распространявшихся в 33 странах, выделяются основные направления (теория политической лингвистики, фундаментальная лингвистика, риторика, социолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, семиотика, семантика, прагматика, корпусная лингвистика и межкультурная коммуникация), которые стимулируют развитие лингвистических исследований в области политической коммуникации и языка политики. Установлено, что из всех направлений выделяется межкультурная коммуникация (более 90 %), которая сосредоточена на изучении коммуникативных стратегий и языковых манипуляций. Обосновано, что контекст 12-летнего развития русской политической лингвистики отражает расширение политического дискурса и способствует активизации критического дискурс-анализа как направления. Обосновано, что в российской политической лингвистике выделяются направления, которые только зарождаются: полилингвистическое прогнозирование, полилингвистическая личностность, политическая самопрезентация, компаративистика политических текстов.

Ключевые слова: русское языкознание; проблемы политической лингвистики; языковая политическая личность

Для цитирования: Юе Сюе. Исследования в области политической лингвистики (по материалам журнала «Политическая лингвистика» за 2006–2017 гг.) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 746-754. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-746-754

Abstract. Political linguistics in Russia is characterized by a large number of directions and topics varieties, especially political metaphor and discourse-analysis, which serves as the main method of linguocognitive interpretation of the text as a whole and the word separately. We analyze the scientific results presented on the pages of the journal “Political Linguistics” for 2006–2017 (editor-in-chief A.P. Chudinov). During this period, 46 published issues, distributed in 33 countries, highlight the main directions (theory of political linguistics, fundamental linguistics, rhetoric, sociolinguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics, semiotics, semantics, pragmatics, corpus

linguistics and intercultural communication) that stimulate research in the field of political communication and the language of politics. We establish that more than 90% of all directions are intercultural communication, which focuses on the study of communication strategies and language manipulation. We justify that the context of the 12-year development of Russian political linguistics reflects the expansion of political discourse and contributes to the activation of the critical discourse analysis as a direction. We substantiate that in Russian political linguistics, there are directions that are just emerging: polylinguistic forecasting, polylinguistic personality, political self-presentation, comparative studies of political texts.

Keywords: Russian linguistics; political linguistics problems; linguistic political personality

For citation: Yue Xue. Issledovaniya v oblasti politicheskoy lingvistiki (po materialam zhurnala «Politicheskaya lingvistika» za 2006–2017 gg.) [Research in the field of political linguistics (based on the materials of the journal “Political linguistics” for 2006–2017)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 746–754. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-746-754 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В настоящее время в России сформирована школа изучения политической лингвистики под руководством А.П. Чудинова (Уральский государственный педагогический университет), под его редакцией издаётся научный журнал «Политическая лингвистика» (с 2006 г.).

Концепция политической лингвистики широко представлена в работах А.П. Чудинова [1; 2], его учеников и последователей [3–5].

Политическая лингвистика активно развивается во многих странах и имеет широкие исследовательские перспективы [6–10]. Ян Ке проанализировал контекст развития русской политической лингвистики, определил её связь с другими смежными дисциплинами, обозначил объекты, задачи и цели исследования, а также обосновал основные методы исследования.

Цзян Чунли и Ян Ке описали истоки и развитие политического дискурса, Сунь Юхуа, Пэн Вэньжао и Лю Хун опубликовали работу «Политика языка vs Язык политики: теория и методология политической лингвистики» (2015 г.) с точки зрения конструктивных дисциплин политической лингвистики, в которой сформулированы теоретические проблемы построения полилингвистических дисциплин. В 2016 г. Лутин Тин проанализировал современное состояние российской политической лингвистики.

Несмотря на то, что учёные активно работают в этой области, тем не менее, содержание направлений политической лингвистики в России вызывает интерес.

Попытаемся привести результаты статистического анализа, полученные нами при

изучении тенденций развития политической лингвистики в России за 12 лет (2006–2017 гг.) по материалам журнала «Политическая лингвистика» и сделать общий обзор исследований в области политической лингвистики. Надеемся, что этот обзор расширит перспективы для дальнейших научных исследований.

В результате проведённого статистического анализа 1410 периодических изданий журнала, в которых были опубликованы результаты исследований учёных, было выявлено, во-первых, что в целом исследования имеют восходящий тренд, во-вторых, ранние исследования в большинстве своём сосредоточены на традиционных идеях. В последние годы появляются многообещающие и перспективные исследования.

За 2006–2017 гг. было подготовлено 46 выпусков, 1410 периодических изданий, в 33 странах. С момента создания журнал демонстрирует тенденцию к динамичному росту (рис. 1).

Выделяются три этапа в динамике публикационной активности: 1-й этап (2006–2011 гг.) связан с его созданием. На втором этапе (2012–2014 гг.) количество публикаций в 2012 и 2013 гг. уменьшилось, а в 2014 г. был отмечен ещё один взлёт публикаций. Третий этап (2015–2017 гг.) стал периодом с большим количеством публикаций в 2015 г., с нисходящим трендом в 2016 г. и продолжающимся ростом к 2017 г.

Количество публикаций таково: в 2011 г. было опубликовано 176 статей, в 2014 г. – 162 и 2015 г. – 144 статьи. За эти три года было опубликовано больше всего статей за все годы выхода журнала. Стоит отметить, что в 2011 г., когда Россия вступила в ВТО,

66-я годовщина Великой Отечественной войны, на Красной площади состоялся военный парад, экономика страны укрепились в смутные времена. Крым вернулся в Россию в 2014 г., когда в России разразился финансовый кризис. В 2015 г. 70-летия Победа в Великой Отечественной войне, экономика была слабой, дипломатия была жесткой. Видно, что крупные политические события в стране косвенно влияют на развитие научной сферы.

Исследования языка, политики и власти в течение трёх лет (2011, 2014 и 2015 гг.) де-

монстрируют активность. В этом случае международные политические лингвистические исследования имеют чрезвычайно важное практическое значение, они дают учёным других стран направление для выявления взаимосвязи между политикой и властью, лежащей в основе языка. Количество публикаций в 2017 г. выросло, что подтверждает более тесные отношения между Китаем и Россией и полное достижение всестороннего стратегического партнерства.

Рис. 1. Динамика публикационной активности

Таблица 1
Страны, в которых распространяется журнал «Политическая лингвистика»

№ п/п	Страна	Количество экземпляров	№ п/п	Страна	Количество экземпляров
1	Россия	1211	18	Италия	1
2	Америка	48	19	Голландия	1
3	Австралия	1	20	Болгария	3
4	Украина	18	21	Великобритания	4
5	Швейцария	11	22	Молдова	1
6	Литва	9	23	Саудовская Аравия	1
7	Польша	32	24	Германия	1
8	Китай	16	25	Словакия	9
9	Сингапур	1	26	Казахстан	8
10	Латвия	1	27	Турция	1
11	Норвегия	1	28	Финляндия	1
12	Испания	9	29	Египет	1
13	Беларусь	5	30	Узбекистан	1
14	Нигерия	1	31	Армения	1
15	Франция	8	32	Грузия	1
16	Израиль	1	33	Чехия	1
17	Сербия	1			
ИТОГО			33		1410

Укажем страны, в которых распространяется журнал «Политическая лингвистика» (2006–2017 гг.), среди которых Россия, безусловно, имеет явное преимущество (табл. 1).

Как показывают результаты статистики, количество авторов публикаций в журнале из указанных стран таково: Россия (1211), США (48), Польша (32), Украина (18), Китай (16), Швейцария (11), Литва (9), Словакия (9), Испания (9), Франция (8), Казахстан (8), Беларусь (5), Великобритания (4), Болгария (3), остальные страны представлены по одному автору. Заметим, что отдельные статьи учитывались исходя из страны происхождения первого автора.

Существует множество стран на всех континентах мира, в которых изучение политического языка получило международное признание. Из них Китай опубликовал 16 статей, и с каждым годом публикационная активность растёт. Ср.: 1 статья в 2010 г., 2 статьи в 2011 г., 2 статьи в 2014 г., 1 статья в 2015 г., 3 статьи в 2016 г., 7 статей в 2017 г. Из этого следует, что исследования политического языка привлекают все большее внимание китайских учёных.

В области политической лингвистики, по публикациям в журнале, нами выделены следующие актуальные темы, которыми заинтересованы учёные (рис. 2).

К этим актуальным темам относятся: теория политической лингвистики, политическая риторика, политическая социолингвистика, политическая лингвокультурология, когнитивная лингвистика, семиотика, семантика, прагматика, корпусная лингвистика и межкультурная коммуникация (табл. 2).

При изучении политической лингвистики А.П. Чудинов выделяет четыре основных направления:

- 1) риторический анализ политической лингвистики;
- 2) когнитивный анализ политической лингвистики;
- 3) дискурсивный анализ политической лингвистики, в том числе критический и описательный методы дискурсивного анализа;
- 4) комплексный анализ политической лингвистики.

В журнале «Политическая лингвистика» публикации распределяются по рубрикам, которые отражают эти направления, например, № 4 (82) за 2020 г. содержит пять рубрик: «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право», «Зарубежный опыт». Эти рубрики основные, но могут включаться и другие разделы, скажем, «Дискуссия», «Рецензии. Хроника», например, № 5 (77) за 2019 г. (табл. 3).

Количество опубликованных статей

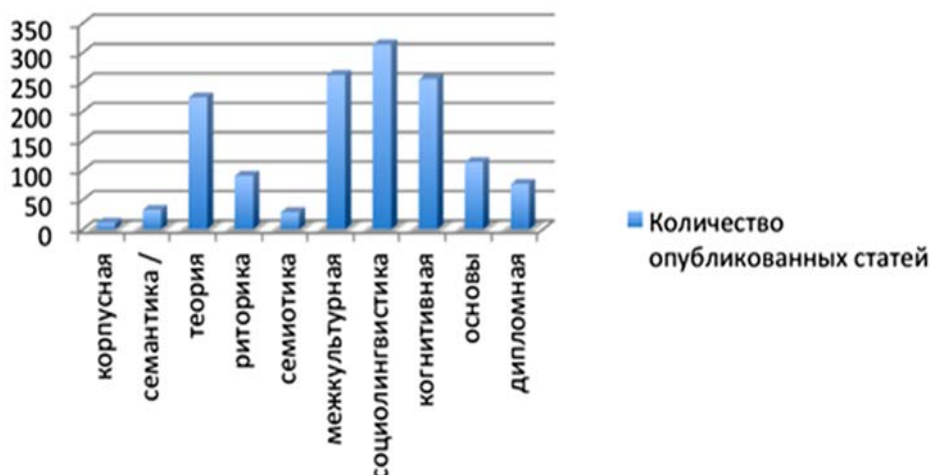

Рис. 2. Преобладающая область знания опубликованных статей

В течение 12 лет журнал издаётся постоянно, добавляются новые направления исследований по политической лингвистике, редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика» сосредоточены на актуальных проблемах политической лингвистики и уважительном отношении к политическим взглядам авторов публикаций, хотя, возможно, не всегда и не во всём с ними согласны.

Как показывает табл. 3, редакция журнала уделяет внимание рассмотрению как теоретических, так и практических исследований в области политической лингвистики.

Политическая лингвистика возникла на стыке двух самостоятельных дисциплин – лингвистики и политологии, тесно связанных с другими современными гуманитарными дисциплинами (в частности, прагматикой, коммуникативной лингвистикой и когнитивной лингвистикой).

Характер междисциплинарности свойствен направлению политической лингвистики, которое может быть развёрнуто на трёх уровнях: формальном (синтаксическом), смысловом (семантическом) и прикладном (прагматическом). Исследования политической лингвистики могут быть рассмотрены с точки зрения риторики, лексико-синтаксической науки, семиотики, лингвистики текста. Смысловые исследования могут вестись в аспекте семантики (включая лексическую семантику, синтаксическую семантику, семантику текста), метафоры, когнитивной лингвистики и т. д. Прикладные исследования могут проводиться на уровне прагматики, социолингвистики, теории анализа дискурса и межкультурной коммуникации (Сунь Юхуа, Пэн Вэньчао и Лю Хун, 2015).

Основные направления исследований в области политической лингвистики представлены в табл. 4.

Таблица 2

Основные направления политической лингвистики, отражённые в статьях журнала «Политическая лингвистика»

Направление	Количество опубликованных статей	Направление	Количество опубликованных статей
Корпусная лингвистики	11	Межкультурная коммуникация	262
Семантика/Прагматика	33	Социолингвистика/Лингвокультурология	314
Теория политической лингвистики	224	Когнитивная лингвистика	255
Риторика	91	Основы лингвистики	114
Семиотика	29	Рецензии на книги, освещение научных мероприятий (хроника)	77
ВСЕГО			1410

Таблица 3

Основные рубрики журнала «Политическая лингвистика»

2006–2008 гг.	2009 г.	2010–2012 гг.
Язык политической коммуникации; Язык – политика – культура; Классика политической лингвистики; Рецензии. Хроника	Политическая коммуникация; Язык – политика – культура; История политической лингвистики; Рецензии. Хроника	Политическая лингвистика. Теория; Политическая коммуникация; Язык – политика – культура; История политической лингвистики; Рецензии. Хроника
2013 г.	2014, 2015 гг.	2016, 2017 гг.
Теория политической лингвистики; Политическая коммуникация; Язык – политика – культура; Язык и власть; История политической лингвистики; Рецензии. Хроника	Теория политической лингвистики; Политическая коммуникация; Язык – политика – культура; Язык и власть; История политической лингвистики; Рецензии. Хроника	Теория политической лингвистики; Политическая коммуникация; Язык – политика – культура; Язык и власть; История политической лингвистики; Зарубежный опыт; Рецензии. Хроника

Таблица 4

Области исследования политической лингвистики

Направление	Область исследования	Количество статей
Фундаментальная лингвистика	уровень языка: лексика, терминология, фразеология, штампы, клише, афоризм и т. д., словообразование, фонетика, морфология, синтаксис	114
Риторика	политический жанр, стиль дискурса лидера, повествование, политические лозунги, речевые характеристики, когнитивные метафоры, языковая личность, языковая игра и т. д.	91
Социоллингвистика, лингвокультурология	интертекстуальность, прецедентные явления, стереотипы, языковая политическая картина мира, литература (поэзия, басни, сказки, романы, сценарии), религия, идентичность, гендерная лингвистика, этническая принадлежность, иммиграция, стереотипы и т. д.	314
Когнитивная лингвистика, когнитивная психология	концептуальная метафора, политическая метафора, теория архетипов, понятие, категория, менталитет и т. д.	255
Семиотика	символы языка, кодировка, символичность и т. д.	29
Семантика/Прагматика	контекст, семантическое поле, семантический компонент, семантический вариант, прагматический анализ, прагматическая функция и т. д.	33
Межкультурная коммуникативная наука (синтез)	анализ критического дискурса, образование, коммуникативные ошибки, перевод, медиа-коммуникация, письменная коммуникация, речевая коммуникация, прагматические, коммуникативные стратегии, ритуалы, лакуны, тактика стратегии, предвыборная речь, языковая политическая личность и т. д.	262
Теоретические исследования в политической лингвистике	формирование, развитие, направление и т. д.	224
Корпусная лингвистика	технология корпуса, Национальный корпус русского языка (НКРЯ)	11
Рецензии. Хроника	научное сочинение, рецензия, научное событие (конференция, симпозиум, «круглый стол» и т. п.)	77
ВСЕГО		1410

Из вышеперечисленных направлений исследования следует, что социоллингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, теория политической лингвистики занимают большое место в среде научных изысканий и являются приоритетными областями изучения политической лингвистики в России. Прослеживается контекст развития русской политической лингвистики с помощью графического изображения EXCEL и наглядного представления о её развитии.

Основными направлениями фундаментальной лингвистики являются лексика (идиомы, идиомы, жаргон, сленг и др.), фонетика, словообразование, морфология, синтаксис, терминология, диалекты, афоризмы. В данной статье для удобства статистического учёта терминологические исследования

включены в лексический раздел. В области политической лингвистики внимание может быть уделено изучению терминологии в политических текстах.

Основными направлениями риторики являются политический жанр, стиль дискурса лидера, нарратив, политические лозунги, речевые особенности, метафоры, языковые личности, языковая игра и др. В исследовании жанров выделяются следующие аспекты: жанровые типы, связанные с политическим дискурсом; особенности, связанные с предметной парадигмой; изучение других процессов речи, познания, прагматики, риторики в жанровых формах политического дискурса; дискурсивный анализ жанра; изучение вариантов и преобразований жанра; сравнительное исследование жанра и др.

Язык тесно связан с обществом и культурой. Основными направлениями социолингвистики и лингвокультурологии являются интертекстуальность, прецедентные явления, концепции, стереотипы, лингвополитическая картина мира, литература (поэзия, басни, сказки, романы, сценарии), религия, идентичность, женщины, этническая раса, миграция, гендер, стереотипы и др., в том числе большая часть исследований связана с прецедентными явлениями и концепциями. Изучение культурных концепций в политических текстах может служить новым взглядом на лингвополитическую картину мира через социокультурное очерчивание.

В когнитивной лингвистике основными предметными областями исследования являются концептуальная метафора, политическая метафора, теория архетипов, понятие, категория, менталитет (исследование политической метафоры входит в категорию когнитивной лингвистики) [11].

Основными направлениями семантики и прагматики являются контекст, семантическое поле, семантический компонент, семантический вариант, прагматический анализ, прагматическая функция. Семантика исследования ориентирована на систему лингвистических смысловых выражений, не связанных с конкретными приложениями.

Основными направлениями исследований в области межкультурной коммуникации являются анализ критического дискурса, вы-

явление коммуникативных ошибок, перевод, медиа-коммуникация, письменная и устная коммуникация и др.

Теоретическое направление политической лингвистики – формирование, развитие теории корреляции и её направлений. В рамках этого обзора публикуется ряд журналов, охватывающих академические взгляды на российскую политическую лингвистику, результаты предыдущих исследований, дискуссионные моменты, существующие проблемы, новые тенденции и открытия, перспективы развития.

Формирующееся в российской политической лингвистике направление корпусной лингвистики в первую очередь связано с изучением политической лексики с помощью компьютерного программного обеспечения. Некоторые учёные в русской политической лингвистике пытаются использовать корпус для анализа национальных образов и прецедентных явлений и т. д. Кроме того, они могут писать обзоры книг, связанных с политической лингвистикой.

В российской политической лингвистике зарождаются исследования, посвящённые изучению полилингвистического прогнозирования, полилингвистической личности, исторической динамики метафорических систем в политической коммуникации, сравнительного анализа политических текстов. Полилингвистическое прогнозирование является относительно молодым направлением.

Таблица 5

Традиционные и перспективные направления политической лингвистики

Специализация	Ставшие традиционными направления	Перспективные направления
Политическая лингвистика	Фундаментальная лингвистика (терминология)	Полилингвистическая личность
	Риторика	Полилингвистическое прогнозирование
	Социолингвистика, Лингвокультурология	Политическое манипулирование
	Когнитивная лингвистика, Когнитивная психология	Информационно-психологическая безопасность в политических отношениях
	Семиотика	Компаративистика политических текстов
	Семантика. Прагматика	Идиостиль современного политика
	Межкультурная коммуникация	Экология языка политика в современном обществе
	Теория политической лингвистики (обзор)	Политическая метафорика национальных систем

Полилингвистическая личность как наиболее перспективное направление политической лингвистики исследует языковую личность в политическом контексте, анализирует речевые особенности и речевые образы политиков. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации – это быстро развивающееся направление политической метафорики, в котором основное внимание уделяется взаимодействию различных культур на разных этапах развития политической метафорической национальной системы.

Сравнительный анализ политических текстов включает анализ политического дискурса у разных народов и дискурса одного и того же народа или отдельного человека. Эти направления являются актуальными для политической лингвистики, например, русский

«медведь» и китайский «лун» как зоометафоры стали предметом рассмотрения в русском и китайском политическом дискурсе [12].

Таким образом, исследования в области политической лингвистики обобщённо можно свести к традиционным и перспективным направлениям (табл. 5).

Таким образом, через изучение политического языка нам лучше понять национальный имидж той или иной страны, например, углубляя китайско-российскую дружбу и продвигая китайский принцип «Один пояс и один путь», указывающего перспективу будущего и стратегию открытости, можно позитивно прогнозировать перспективные направления развития сотрудничества двух стран.

Список литературы

1. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2006. 254 с.
2. Чудинов А.П., Будаев Э.В., Дзюба Е.В., Кошкарлова Н.Н., Кондратьева О.Н., Никифорова М.В., Пирожкова И.С., Руженцева Н.Б., Солопова О.А. Теория и методика лингвистического анализа политического текста. Екатеринбург, 2016. 308 с.
3. Воробьёва О.И. Политическая лингвистика. Современный язык политики. М.: Изд-во ИКАР, 2008. 296 с.
4. Егорова Э.В. Лексическая реализация политических стереотипов в медиапространстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 24 с.
5. Забело Т.В. Лингвистическая специфика политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.
6. 蒋春丽 杨可. 政治话语研究—俄语语言研究的新方向 [J]. 广东外语外贸大学学报. 2013. № (6). P. 10-13.
7. 雷大川. 政治: 一种语言的存在—兼论政治语言学的建构 [J]. 文史哲. 2009. № (2). P. 162-168.
8. 卢婷婷. 政治语言学的学科构建—《政治语言学》述介 [J]. 当代外语研究. 2011. № (1). P. 60-61.
9. 杨可. 俄罗斯现代政治语言学—门新兴的交叉学科[J]. 中国俄语教学. 2012. № (1). P. 7-10.
10. 孙玉华 彭文钊 刘宏. 语言的政治vs. 政治的语言—政治语言学的理论与方法. 2015. № (1). P. 1-7.
11. 王寅. 认知语言学. [M]. 上海: 上海外语教育出版社. 2017.
12. Сюе Л. Русский «медведь» и китайский «лун»: зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 177-184.

References

1. Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2006, 254 p. (In Russian).
2. Chudinov A.P., Budayev E.V., Dzyuba E.V., Koshkarova N.N., Kondratyeva O.N., Nikiforova M.V., Pirozhkova I.S., Ruzhentseva N.B., Solopova O.A. *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta* [Theory and Methodology of Linguistic Analysis of Political Text]. Yekaterinburg, 2016, 308 p. (In Russian).
3. Vorobyeva O.I. *Politicheskaya lingvistika. Sovremennyy yazyk politiki* [Political Linguistics. The Modern Language of Politics]. Moscow, IKAR Publ., 2008, 296 p. (In Russian).

4. Egorova E.V. *Leksicheskaya realizatsiya politicheskikh stereotipov v mediaprostranstve: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical Implementation of Political Stereotypes in the Media Space. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Yekaterinburg, 2016, 24 p. (In Russian).
5. Zabelo T.V. *Lingvisticheskaya spetsifika politicheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Specificity of Political Discourse. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2012, 22 p. (In Russian).
6. 蒋春丽 杨可 . 政治话语研究——俄语语言研究的新方向 [J] . 广东外语外贸大学学报, 2013, no. (6), pp. 10-13. (In Chinese).
7. 雷大川 . 政治: 一种语言的存在——兼论政治语言学的建构 [J] . 文史哲, 2009, no. (2), pp. 162-168. (In Chinese).
8. 卢婷婷 . 政治语言学的学科构建——《政治语言学》述介 [J] . 当代外语研究, 2011, no. (1), pp. 60-61. (In Chinese).
9. 杨可 . 俄罗斯现代政治语言学——门新兴的交叉学科[J] . 中国俄语教学, 2012, no. (1), pp. 7-10. (In Chinese).
10. 孙玉华 彭文钊 刘宏 . 语言的政治vs . 政治的语言——政治语言学的理论与方法, 2015, no. (1) , pp. 1-7. (In Chinese).
11. 王寅 . 认知语言学 . [M] . 上海, 上海外语教育出版社, 2017. (In Chinese).
12. Syue L. Russkiy «medved'» i kitayskiy «lun»: zoometaphora v russkom i kitayskom politicheskom diskurse [Russian bear and Chinese long: zoological metaphor in Russian and Chinese political discourse]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2019, no. 5 (77), pp. 177-184. (In Russian).

Информация об авторе

Юе Сюе, аспирант (специализация – «Политическая лингвистика»). Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь, Китайская Народная Республика. E-mail: yuex570@126.com

Вклад в статью: концепция исследования, анализ научных журналов, написание и оформление текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1597-3927>

Поступила в редакцию 21.02.2020 г.

Поступила после рецензирования 24.08.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Xue Yue, Post-Graduate Student in Political Linguistics. Dalian University of Foreign Languages, Dalian, People's Republic of China. E-mail: yuex570@126.com

Contribution: study conception, scientific journals analysis, manuscript text drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1597-3927>

Received 21 February 2020

Reviewed 24 August 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-755-764
УДК 82.091

Исторические факты литературы и личность в исследовании – о составлении книги «История русской и советской литературной критики XX века»

Цзе ЧЖАН¹, Вэньсинь ЛИНЬ²

¹Нанкинский педагогический университет
210097, Китайская Народная Республика, г. Нанкин, район Гулоу, Нинхай-Поуд, 122
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1935-8649>, e-mail: z-jie1016@hotmail.com

²Шанхайский университет иностранных языков
200083, Китайская Народная Республика, г. Шанхай, ул. Далянь (3), 550
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-1485>, e-mail: linwenxin1988@163.com

Historical facts of literature and personality in research – about the compilation of the book “History of Russian and Soviet literary criticism of the XX century”

Jie ZHANG¹, Wenxin LIN²

¹Nanjing Normal University
122 Ninghai Rd., Gulou District, Nanjing 210097, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1935-8649>, e-mail: z-jie1016@hotmail.com

²Shanghai International Studies University
550 Dalian Rd. (W), Shanghai 200083, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-1485>, e-mail: linwenxin1988@163.com

Аннотация. Русская литература является важной составной частью мировой литературы и исследуется учёными всего мира. По сравнению с историей литературы, история литературной критики в большей степени представляет собой взаимодействие объективности литературных фактов и личности составителя данной истории. Представлено описание личности в исследовании на примере написанной китайским учёным Чжан Цзе книги «История русской и советской литературной критики XX века», основной задачей которой является обеспечить теоретическую основу и методы критики для анализа механизма воспроизведения значений литературных текстов и образов. Проанализированы функции литературной критики и объяснены взаимодействие и гармоничность объективных исторических фактов литературы и личности составителя в исследовании. Определены три течения русской и советской литературной критики XX века: религиозно-культурная критика, реальная литературная критика и эстетическая критика. Доказано, что история отражает не только объективность факторов, но и личность её составителя, которая является показателем различительных элементов разных версий одной истории. Объяснена необходимость координирования объективности исторических фактов и субъективности составителя и представлено ценностное отражение научной языковой личности в китайской этнокультуре.

Ключевые слова: русская литература; советская литература; история литературной критики XX века; исторические факты литературы; личность в исследовании

Для цитирования: Чжан Цзе, Линь Вэньсинь. Исторические факты литературы и личность в исследовании – о составлении книги «История русской и советской литературной критики XX века» // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 755-764. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-755-764

Abstract. Russian literature is an important part of world literature and is studied all over the world. In comparison with the history of literature, the history of literary criticism is more an interaction between the objectivity of literary facts and the personality of the compiler of this history.

This work presents a description of the personality in research using the example of the book “History of Russian and Soviet literary criticism of the XX century” written by Chinese scientist Zhang Jie, the main task of which is to provide a theoretical basis and methods of criticism for analyzing the mechanism of reproducing the meanings of literary texts and images. We analyze the functions of literary criticism and explain the interaction and harmony of objective historical facts of literature and the compiler’s personality in the study. We define three currents of Russian and Soviet literary criticism of the 20th century: religious and cultural criticism, real literary criticism, and aesthetic criticism. We prove that history reflects not only the objectivity of factors, but also its compiler’s personality, which is an indicator. We explain the need to coordinate the objectivity of historical facts and the subjectivity of the compiler, and we present a value-based reflection of a scientific linguistic personality in the Chinese ethnoculture.

Keywords: Russian literature; Soviet literature; history of literary criticism of the XX century; historical facts of literature; personality in research

For citation: Zhang Jie, Lin Wenxin. Istoricheskiye fakty literatury i lichnost’ v issledovanii – o sostavlenii knigi «Istoriya russkoy i sovetskoy literaturnoy kritiki XX veka» [Historical facts of literature and personality in research – about the compilation of the book “History of Russian and Soviet literary criticism of the XX century”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 755-764. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-755-764 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Русская литература – волшебная драгоценность России и всего мира. Специалисты разных стран изучают эту важнейшую составную часть мировой литературы на разных народных языках и получают ряд разных ценных достижений в области исследований русских писателей, их великих работ и истории развития русской литературы.

Очевидно, что многоязычное составление истории русской литературной критики – вопрос, касающийся не только языкового выражения, не просто отражения объективных литературных фактов, но и процесса самосознания литературоведов-русистов в разных странах. На самом деле история литературной критики так же, как и любая история, ищет баланс между объективностью и субъективностью. С одной стороны, это связано с вымышленностью, свойственной художественной литературе, и механизмом регенерации значения текста. С другой стороны, это и касается исторического и культурного контекста, в котором литературные критики и историки находились, и разделяемых ими критических подходов, и даже касается репрезентации языка литературной критики. Таким образом, история русской литературы является как и объективной письменной фиксацией русского литературного произведения и фактов литературной критики, так и результатом вовлечения субъективности историков в русскую литературу.

Следовательно, история русской литературы в основном воплощает в себе плоды

искания истории и литературных произведений русских писателей и критиков, причём и стала текстом для дальнейшего исследования исторической и культурной интерпретации и восприятия. Описание истории русской литературы и есть процесс проникновения личности исследования в факты литературного произведения, собеседования и присоединения с ним.

По сравнению с историей литературы, история литературной критики в большей степени представляет собой взаимодействие объективности литературных фактов и личности исследователей. Хотя сама теория имеет определённую научность, но объект исследования в этих теориях – вымышленное литературное творчество, между которой и читателем расположена теория критики как промежуточный слой, причём метафизический характер теории увеличивает сложность для её понимания.

В данной статье рассматривается книга «История русской и советской литературной критики XX века» (далее «История литературной критики») в авторском осмыслении русской литературы XX века даётся различная интерпретация литературной критики и исторических фактов, а также разница языковых выражений. Попытаемся осветить проблему взаимодействия субъекта и объекта исследования, а именно: как рассматривать отношения между историческими фактами литературы и личностью в исследовании [1].

На самом деле, субъективность исследования является неизбежным фактором в работе «История литературной критики». Основная задача книги заключается не только в том, чтобы обобщать литературные явления, законы творения, но и раскрыть красочный литературный феномен с различных точек зрения, чем и обеспечить теоретическую основу и методы критики для анализа механизма воспроизведения значений литературных текстов и образов.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ – ПРЯМОЕ И ОБРАТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

По отношению к составлению истории, как правило, имеются два направления: прямое и обратное. Прямое направление составляет историю, начиная с источника возникновения, в соответствии с порядком времени описывается эволюция исторического хода и событий. Такое направление употребляется в большинстве случаев, в том числе при составлении истории зарубежной литературы в Китае, в особенности истории русской литературы.

Что касается так называемого обратного направления, то оно обозначает рассмотрение исторических явлений с точки зрения времени, когда текст рассматривается на фоне текущего культурного контекста. Думается, история литературы – это история восприятия литературы, поскольку после написания литературных текстов уже невозможно ещё добавить что-нибудь в тексты. Со временем оценки читателей всё же меняются, обогащаются, как будто литературное творчество получало обратное развитие. В этой связи история теории литературной критики должна быть «открытой», то есть уметь как объективно описать исторические факты, так и не исключать вовлечение субъективной критики, чтобы совмещать в себе самое разное – именно это одна из главных особенностей книги «История литературной критики».

Книга «История литературной критики» охватывает период с конца XIX до конца XX века, содержание книги включает глубинное исследование рождения и развития основных отечественных и эмигрантских школ русской литературной критики в этот период, их достижений и особенностей. Главная задача со-

стоит в том, чтобы изобразить траекторию развития теорий литературной критики в русскую и советскую эпохи и объективно критически охарактеризовать главных литературоведов-теоретиков и их главные достижения. Поэтому в этой книге соблюдение объективности исторических фактов – это первый принцип изложения содержания.

В процессе написания статьи, используя такие методы, как историко-филологическое разыскание, сравнительный анализ и теоретическое обобщение, мы стремимся к возрождению сценария первоначальных культурно-исторических контекстов российских литературных критиков XX века, чтобы выявить основные черты их собственных теорий, причём мы стараемся перечислить их в отдельных главах. По порядку изложения мы группируем литераторов по особенностям их теорий (указываем их даты рождения), объективно описываем траекторию развития этих теорий.

Итак, книга начинается с описания теории религиозно-культурной критики рубежа XIX–XX столетий и множества теорий, отражающих в основном социалистический реализм и ряд других направлений: формализм, семиотику и т. д., изучающих эстетические особенности. Заканчивая описанием возвращения теории религиозно-культурной критики и формирования плюральной структуры литературной критики на рубеже XX–XXI веков, книга «История литературной критики» предоставляет читателям целостную историческую картину русских и советских теорий литературной критики XX века.

Можно сказать, что русская литературная критика XIX века во главе с В.Г. Белинским, Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым носила реалистический характер, а литературная критика XX века проявила пестроту художественной теории. Книга «История литературной критики» представляет собой ценную ссылку для анализа отношений между русско-советской литературой и идеологией в XX веке для ознакомления с происхождением современной западной литературной критики, ощущения духовной жизни русского народа XX века.

На наш взгляд, «История литературной критики» не только показывает квинтэссенцию исследований русских и советских мыс-

лителей и теоретиков XX века, но и является материалом для сегодняшнего исследования процесса восприятия культуры. Личность в нашем исследовании, а именно субъективность исследования, в основном отражена во введении книги, в котором мы пытаемся обобщить историю развития русской литературной критики XX века на основании нашего собственного понимания. Мы изображаем её как «гантелеобразную», то есть её начальная и конечная части большие, а промежуточная часть маленькая. Речь идёт о том, что развитие теорий критики испытало кругооборот из «плюрализма» на «монизм», потом снова на «плюрализм». На рубежах XIX–XX и XX–XXI веков на территории бывшего Советского Союза существовал разнообразный спектр литературной критики, и трудно перечислить, сколько именно было теорий или школ мысли.

Позволим напомнить, что ситуация «монизм» в советских художественно-литературных кругах началась с начала 1930-х гг. и в основном являлась неизбежным результатом идейного единства советской идеологии. Нельзя отрицать того факта, что, когда литература развивалась до определённой стадии, в кругах творчества и критики считали необходимым, чтобы прекратились внутренние споры и сохранилась мирная ситуация.

В период с 1-го съезда советских писателей в 1934 г. до 2-го съезда в 1954 г. в литературном мире царила только одна литературная теория и метод исследования – социалистический реализм, по существу, это был период «монополизации» по теории и методологии. В то же время в советской научной сфере было принято называть многонациональную литературу на период с октябрьской революции 1917 г. по распад СССР в декабре 1991 г. «советской литературой». Определение «советский» существовало в тот период, когда была установлена советская власть, и художественно-литературный круг находил собственный путь творчества и поиска теории.

В XX веке А.П. Чехов, Л.Н. Толстой и другие классики ушли из жизни, к тому же после таких крупных политических событий, как октябрьская революция 1917 г., целая плеяда писателей, например, И.А. Бунин, оказалась в изгнании, в результате чего про-

цветание русской литературы, начавшееся в XIX веке, стало угасать. В это время в творческих сообществах появились разнообразные философские течения. «Советская литература» по праву считается результатом сложных процессов изыскания пути развития и является показателем нового стиля литературы XX века.

После смерти И.В. Сталина в 1953 г. наступила эпоха «оттепели», в кругах советских литературных теоретиков сформировалась концепция искусства с идеологической направленностью. Используя метафору, можно сказать, что в пределах социалистического реализма и монизма литература предстала, как «скованный танец». В 1960-е и 1970-е гг. диверсификация в рамках «социалистического реализма» была одной из центральных обсуждаемых тем в теоретических кругах.

После того как М.С. Горбачёв пришёл к власти в 1985 г., особенно после распада СССР, возвратились и вскоре проникли во все аспекты социальной жизни различные религиозные и культурно идейные течения. В сфере русской литературной критики на рубеже XX–XXI веков опять была намечена тенденция «плюрализма». Очевидно, что в течение целого XX века развитие русской литературной критики прошло по циклу «плюрализм – монизм – плюрализм».

История русской и советской литературной критики состоит из двух чередующихся периодов – с российской эпохи (до 1917 г.) до советской эпохи (1917–1991 гг.), а затем опять российская эпоха (после 1992 г.). Именно под влиянием ярких чередований эпох и идеологических переворотов исследование истории литературной критики стало сложным вопросом. Стало трудно определить, какие труды являются предметами исследования истории русской и советской литературной теории, а какие – западных стран? Весьма необъективно определить принадлежность трудов литературоведов только по их национальности в реальной жизни.

Происхождение любой теории тесно связано с историческими и культурными ценностями того народа, которому принадлежит её создатель. Таким образом, идеи или теории эмигрантских русских литературоведов, кри-

тиков и мыслителей неизбежно подвергались влиянию русской национальной культуры, и их должны включать в рамку исследования истории литературной критики.

Русская литературная критика XX века должна разделяться на две части, а именно «отечественный сектор» (литературная критика в СССР) и «зарубежный сектор» (литературная критика русского зарубежья), а лишь смешанная картина из этих двух частей продемонстрирует панораму русской литературной критики XX века.

Оглядываясь в прошлое, в советских кругах литературных критик и теорий фокусировался только «отечественный сектор», а «зарубежный сектор» был игнорирован или отстранён. Эмигрантские теоретики и писатели считались чуждыми элементами, подвергались осуждению. Такая идеологизация исследования литературных теорий, безусловно, явилась результатом распространения ультралёвого течения. Напротив, многие западные исследователи переоценивали «зарубежный сектор», не обратили внимания на литературные произведения и теории советской эпохи, в особенности теории социалистического реализма. Это другое направление идеологизации, и такое исследование тоже было необъективное, что впадало в другую крайность. На самом деле, 70-летнюю историю советской эпохи нельзя стереть, и она достойна глубокого изучения учёными и их размышлений.

Можно сказать, что понимание критиками и теоретиками русской и советской литературы обоих секторов не только обогатило сокровище русской и советской литературной критики всего XX столетия, но и оказало огромное влияние на ход развития западных теорий литературной критики того же времени. Если бы не было русского формализма, было бы трудно себе представить появление англо-американской «новой критики», французского структурализма и деконструктивизма. И без развития Пражской лингвистической школы, основанной в 1926 г. чешским лингвистом Вилемом Матезиусом, не было бы такого процветающего развития современной лингвистики. Благодаря рекомендации французского учёного Юлиа Кристева на западе, идея диалога М.М. Бахтина стала важным теоретическим стержнем течения

постмодернистского деконструктивизма в западном обществе. Тартуско-московская семиотическая школа, вдохновителем которой был Ю.М. Лотман, стала важной частью западной семиотической школы, оказав заметное влияние на развитие теории западной литературной критики.

В «Истории литературной критики» мы различаем исторические фоны, на которых рождались теории литературной критики, и контекст восприятия составителей истории, чтобы читатели смогли понять объективные факты и ознакомиться с личностями авторов в исследовании. Так и осуществляется взаимодействие объективных исторических факторов и субъективного исследования.

ФУНКЦИИ КРИТИКИ – РЕЛИГИОЗНАЯ, РЕАЛЬНАЯ, ЭСТЕТИЧЕСКАЯ

Каждая история составляется по собственным принципам написания. В книге «История литературной критики» по функции литературной критики представлено 33 ключевых теоретика, которые делятся на три категории – по религиозной функции, по реальной функции и по эстетической функции.

Такая же классификация теоретиков по функциональным характеристикам, очевидно, проявляет субъективность составителя. С точки зрения типологии, с помощью такого метода исследования проще сравнить характеристики различных теорий критики и глубже проанализировать сходства и различия между различными теориями одного и того же типа.

По прошествии более столетия взлётов и падений, русская и советская литературная критика XX века со своим «отечественным сектором» и «зарубежным сектором» развивается, расцветает, и оказывается крайне разветвлённой. Творческие методы и теории критики разных школ развиваются не только сами по себе, но и взаимно влияют друг на друга с теориями других школ. Однако, исходя из функции литературной критики, на наш взгляд, на фоне русской и советской литературной критики XX века выделяются в основном три течения.

Во-первых, религиозно-культурная критика, основной функцией которой является искание в вероисповедании, например, ве-

дущие религиозно-культурные критики Серебряного века. Во-вторых, различные школы реальной литературной критики, с упором на социальные функции литературы. В том числе марксистская литературная критика, реализм, вульгарный социологизм, школа пролетарской культуры, РАПП, социалистический реализм и другие школы, а также литературные теоретики, берущие отражение социальной реальности как главную задачу. В-третьих, течение эстетической критики с приоритетом эстетической функции литературы и формы искусства. К этому течению относятся русский формализм, пражская школа, эстетическая школа, Тартуско-московская семиотическая школа, историческая поэтика и т. д.

Считаем, что течения «религиозное», «реальное», «эстетическое» одно за другим преобладали и таким образом сформировали траекторию развития русской и советской литературной критики XX века. Вывод о поочередном доминировании трёх течений в развитии русской и советской литературной критики XX века, по-видимому, является проявлением личности в исследовании у составителя книги «История литературной критики».

Эти три течения появились в начале XX века, они имели тесные связи с традициями литературной критики XIX века. Религиозно-культурная критика была прямо связана с православной традицией русского народа, её теоретическим происхождением является религиозная философия В.С. Соловьева в конце XIX века. Критика социальной реальности прямо или косвенно брала начало от марксистской литературной критики и реалистической традиции в лице В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова. Эстетическая критика была в основном продолжением и развитием критики эстетизма XIX века в XX веке. Такое развитие не только считается углубленным обсуждением эстетической природы искусства, но и вовлекает семиотику, историческую поэтику и другие методы исследования. Итак, эти три основных течения сталкивались, особенно на рубеже двух веков, выделяясь одно за другим. Некоторые выделяющиеся научные школы постепенно исчезли, научные школы и их представители были раскритикованы. Одни представители научных школ даже бы-

ли вынуждены покинуть страну и признать крах своей теории, другие теории, наоборот, выдержали испытание времени. Изучение истоков трёх течений восстанавливает историческую правду, поскольку в большей степени выдерживается принцип объективности и исчезает субъективность составителя книги.

Среди этих трёх течений наиболее характеризующейся национальным характером школы критики явно считается религиозно-культурная критика. Это в первую очередь обусловлено русским народным верованием, тем, что православие присуще русской душе, оно оказало глубокое влияние на формирование русского менталитета. Какие бы социальные перемены и перипетии россияне ни испытали, их религиозность неизменно укрепляется. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков – это период расцветания религиозно-культурной критики в России, то есть в конце веков она находилась в состоянии «подъёма». В советский период из-за изменений официальной идеологии религия находилась в состоянии «падения».

В отличие от религиозно-культурной критики, критика социальной реальности испытала большой «подъём» в основном во времена Советского Союза, в частности, в период, когда «царил» социалистический реализм, который доминировал в истории развития советской литературной критики XX века. Даже сегодня, когда произошёл катаклизм в идеологической области, мы ещё можем видеть, что критики социальной реальности все ещё подают свой голос в литературном обществе, только уже не пользуются статусом «засилья», как это было в советские времена.

Эстетическая критика появилась накануне октябрьской революции 1917 г., кажется, была несовместима с господствующей идеологией советского периода, и испытывала долгосрочное «падение». В начале 1930-х гг. даже ушла в «подполье», либо эти критики эмигрировали ещё ранее. Между прочим, возрождение, или «подъём», данного течения произошло ранее. После смерти И.В. Сталина на фоне дебатов об эстетической природе искусства Тартуско-московская семиотическая школа во главе с профессором университета Тарту Ю.М. Лотманом и профессором МГУ Э.Н. Успенским унаследовала тради-

ции русского формализма, не только устояла в советском литературном обществе, но и приобрела мировой статус. В то же время всеобщее внимание в академических кругах привлекла поэтическая теория М.М. Бахтина, оказавшая большое влияние на мировую научную сферу.

По пути развития русской и советской литературной критики XX века мы обнаруживаем, что идейные течения литературной критики на территории России и СССР испытывали три значительных переворота. Первый переворот – переход на социальную реальность, который произошёл в период образования Советского Союза. Этот переворот завершился установлением статуса социалистического реализма в 1934 г. Второй переворот – переход на эстетическую критику (начиная с больших дебатов об эстетической природе искусства в 1956 г.), который существовал на протяжении всей второй половины XX столетия. Третий переворот – это возрождение теории религиозно-культурной критики в период распада СССР. Заметим, что через эти три переворота мы видим перемещение фокуса исследования в сфере литературной критики. Разные критические теории по-разному существовали, они изменялись и развивались в «открытом» или «закрытом» пространстве.

Очевидно, что изображенные во введении «Истории литературной критики» три идейных течения со всеми подъёмами и падениями и переходы фокуса исследования в XX веке отражают взаимодействие и гармоничность объективных исторических фактов литературы и личности исследования составителя книги. Исторические явления – объективная реальность, может быть, сами по себе являются сложными и хаотичными, но мы можем упорядочить их, далее обобщать и провести наши итоги. Итак, «История литературной критики» имеет больше значения для чтения, больше справочной ценности для строительства теорий литературы.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КРИТИКИ – ОБЪЕКТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ

В книге «История литературной критики» личность составителя и субъективность исследования ярко отражены в том, что были

использованы литературные критические подходы, насколько это было возможно для интерпретации литературных объектов, то есть текстов. Речь идёт в особенности о таких подходах, как религиозно-культурные критические и эстетические критические подходы, которые сложно осмысляются и трудно применяются в практическом исследовании. В этом случае осуществляется соединение теории с практикой. Теория не только позволяет нам знакомиться с миром, но и становится мощным инструментом для чтения и интерпретации литературных произведений.

Таким образом, изучение проблем русской и советской критики XX века по книге «Истории литературной критики» позволяет использовать её теоретические идеи и методы для анализа литературных произведений. Стоит отметить, что это является показателем вовлечённости субъективности в объективность исследования, поскольку теория критики предоставляет методы для интерпретации литературного текста. Следовательно, теория критики обеспечивает способом, «наведением моста» между субъективным критиком и объективным текстом.

При использовании разных методов или подходов литературной критики для анализа текста по-разному отражается субъективность исследователя. Самым объективным методом является показ читателям реального примера, как какой-нибудь литературный критик применяет теорию предшественника для конкретного анализа. Например, в книге «Истории литературной критики» после изложения «теории отстранения» формалиста В.П. Шкловского мы в последнем пункте данной главы «Отстранение и материализация – «Евгений Онегин» читаем, как Ю.М. Лотман интерпретировал искусство повествования в «Евгении Онегине» с помощью теории отстранения. В отличие от многих западных теоретиков, которые исследовали литературу как языковой текст, Ю.М. Лотман воспринимает преобразованный литературный текст и как языковую реальность и саму жизнь.

При анализе стихотворного романа «Евгений Онегин» Ю.М. Лотман справедливо отметил творческий принцип А.С. Пушкина: «Превращать не жизнь в текст, а текст в

жизнь. Не жизнь выражается в литературе, а литература становится жизнью» [2, с. 453]. Ю.М. Лотман считал, что А.С. Пушкин не рассматривал литературу как отражение жизни, а она являлась самой жизнью, и литературное творчество является не результатом текстуализации жизни, а результатом материализации текста.

Следовательно, в интерпретации Ю.М. Лотмана, «отстранение» не текстуализирует жизнь, а представляет собой процесс материализации, «литературность» – не результат текстуализации жизни, а продукт материализации жизни. В своей «Лекции по структуральной поэтике» Ю.М. Лотман замечает, что язык является материалом литературы, он не только комбинирует различные символы и коды для передачи информации, но и имеет важную познавательную функцию. Ю.М. Лотман даже воспринимает языковую структуру за совокупность познавательной деятельности и подчёркивает, что язык сам по себе является второй реальностью [3, с. 45].

Ю.М. Лотман обнаружил, что для осуществления материализации текста и достижения эстетического отстранения А.С. Пушкин использовал уникальный повествовательный метод «разговор». Он процитировал слова А.С. Пушкина: «с романом нужно поговорить». На этом основании Ю.М. Лотман признаёт аналогичный приём наряду с приёмом построения теории повествовательной драмы немецкого драматурга Бертольда Брехта, который с помощью драматического аналитического инструмента «эффекта отчуждения» глубоко раскрывал, как А.С. Пушкин осуществляет интеграцию «материализации» и «отстранения» литературного творчества посредством драматического метода в романе. В анализе романа «Евгений Онегин» Ю.М. Лотман использовал теорию «отстранения» Шкловского, но и решил проблему ограничения использования теории отстранения в процессе текстуализации.

Самым субъективным методом вовлечения субъективности в исследование является прямой анализ текста с использованием собственной теории теоретика. В последнем пункте главы о Соловьёве в «Истории литературной критики» на основе его эстетической идеи «единство существенное» используется символистический метод критики в

интерпретации романа известного русского писателя А. Белого «Петербург».

Главный герой романа – Санкт-Петербург, столица Российской империи, точка пересечения восточной и западной цивилизации. По нашему мнению, конфликт между двумя цивилизациями был сконцентрирован автором в столице Российской империи, поэтому пространство Санкт-Петербурга стало «математической точкой» для демонстрации мирового процесса и космической силы [4, с. 167]. А по времени роман разворачивается на протяжении девяти дней в октябре 1905 г., тем не менее, за сжатое время «проецируется прошлое и будущее мировой истории» [4, с. 168]. А. Белый выбрал ограниченное пространство и время, но показал нам бесконечность пространства и времени. Здесь переплетаются и сталкиваются западный рационализм, позитивизм и восточный мистицизм, превосходство эмоций. Каждый человек или событие в романе могут отражать неограниченные символические значения.

В романе «Петербург» образ сенатора Аполлона Аполлоновича Аблеухова был создан «на гротескном соединении мотивов геометрии и бюрократии» [4, с. 175]. Центром деятельности Аполлона является прямолнейный Невский проспект в Петербурге, который пересекается со многими прямыми дорогами и полицейскими участками, что является одновременно и символом сети национальной бюрократии, и воплощением бездушия власти рационализма, бессилия господства. У второго героя романа Дудкина пространственным атрибутом является раскольниковский чердак с мокрицами, тараканами и чёрными лестницами на расстроенных васильевских островах. Этот неуловимый человек в конце концов стал жертвой борьбы государственной и партийной сил. Образ сына сенатора Николай Аблеухов был определён критиками как «иронический образ человека-икринки» [4, с. 170]. Пространственным атрибутом является бомба для попытки убить его отца – банка из-под сардин, что знаменует собой сложный, всегда сомневающийся характер интеллигенции, представленной Николаем. Думается, по мнению А. Белого, самое идеальное пророчество сделал крестьянин-сектант Стёпка, пространственным атрибутом которого является воз-

можный Ноев ковчег, который он хочет строить, чтобы противостоять всяческой диктатуре, отделиться от Церковного режима и государственной власти. Ковчег должен направиться не на Восток, не на Запад, а к общему предку, общему духовному источнику восточной и западной цивилизаций.

В своём «Петербурге» А. Белый использует крайне ограниченный пространственный и временный символы для раскрытия выходящего, может быть, за пределы времени и пространства. Описывая столкновение и смешение различных сил в символической форме, писатель показывает, что в Санкт-Петербурге, как микрокосме социальной реальности, внутренние конфликты принесли вред идеалам, традициям, экологической цивилизации, и особенно, человеческому существованию. Единство истины, доброты и красоты в материальном и духовном пространствах разбалансировалось, а для того, чтобы восстановить баланс и гармонию, нужно только вернуться к человеческим предкам, к источникам цивилизаций и их слиянию. В

романе «Петербург» за ограниченное пространство и время, то есть в пределах девяти дней и одного города – Санкт-Петербурга, показывается значение существенного единства, материального единства и интеграции в более широком и даже бесконечном смысле.

«История литературной критики» – самоинтерпретация китайского учёного об истории развития литературной критики в русскую и советскую эпохи XX века в современном историческом контексте. По историчности и объективности она, как история, имеет много общего и сходного с теми точками зрения, которые изложены какими-либо учёными других народов. Однако из-за различий в идеологии, исходной точке зрения, культурном контексте, языковом выражении и субъективности исследования и т. п. эта книга существенно отличается от версий других авторов. На самом деле, в контексте мировой литературы нужны различные многоязычные версии истории в самых разных стилях. Ведь один цветок весны не делает, весна приходит, когда распускаются все цветы.

Список литературы

1. 张杰. 20世纪俄苏文学批评理论史. 北京: 北京大学出版社, 2016. 456 с. (Чжан Цзе. История русской и советской литературной критики XX века. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2016. 456 с.)
2. Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство, 1995. 848 с.
3. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1964. 195 с.
4. Русская литература рубежа веков (1980-е – начало 1920-х годов) / отв. ред. В.А. Келдыш. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. Т. 2. 768 с.

References

1. 张杰. 20世纪俄苏文学批评理论史. 北京: 北京大学出版社 [History of Russian and Soviet literary criticism of the XX century], 2016, 456 p. (In Chinese).
2. Lotman Y.M. *Pushkin* [Pushkin]. St. Petersburg, Iskuststvo Publ., 1995, 848 p. (In Russian).
3. Lotman Y.M. *Lektsii po struktural'noy poetike* [Lectures on Structural Poetics]. Issue 1, Tartu, University of Tartu Publ., 1964, 195 p. (In Russian).
4. Keldysh V.A. (executive ed.). *Russkaya literatura rubezha vekov (1980-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the turn of the Century (1980s – early 1920s)]. Book 2. Moscow, IWL RAS: Nasledie Publ., 2001, vol. 2, 768 p. (In Russian).

Информация об авторах

Чжан Цзе, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы. Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика. E-mail: z-jie1016@hotmail.com

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, написание части текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1935-8649>

Линь Вэньсинь, кандидат политических наук, постдок института глобального управления и регионоведения. Шанхайский университет иностранных языков. г. Шанхай, Китайская Народная Республика. E-mail: linwenxin1988@163.com

Вклад в статью: написание части текста, редактирование текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-1485>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Линь Вэньсинь

E-mail: linwenxin1988@163.com

Поступила в редакцию 13.06.2020 г.

Поступила после рецензирования 25.08.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the authors

Jie Zhang, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Literature Department. Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China. E-mail: z-jie1016@hotmail.com

Contribution: idea, study conception, part of manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1935-8649>

Wenxin Lin, PhD. of Political Science, Postdoc of Shanghai Academy of Global Governance and Area Studies. Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China. E-mail: linwenxin1988@163.com

Contribution: part of manuscript text drafting, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-1485>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Wenxin Lin

E-mail: linwenxin1988@163.com

Received 13 June 2020

Reviewed 25 August 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-765-775
УДК 821.161.1-929.09-004.738.5

Рецепция А.С. Грибоедова в Интернете: на примере блога о связях писательского имени с Крымом

Сергей Сергеевич МИНЧИК

ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
295007, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4386-6619>, e-mail: sersermin@ukr.net

Reception of A.S. Griboyedov on the Internet: based on the blog example about the connections of the writer's name with the Crimea

Sergey S. MINCHIK

V.I. Vernadsky Crimea Federal University
4 Academica Vernadskogo Ave., Simferopol 295007, Republic of Crimea, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4386-6619>, e-mail: sersermin@ukr.net

Аннотация. Спустя почти два столетия после своей гибели Александр Сергеевич Грибоедов (1794–1829) продолжает влиять на общественные процессы. Разгадать тайну данного феномена можно, ответив на вопрос о характере рецепции литератора и дипломата – в частности, выяснив, что именно из связанного с его образом вызывает отклик у людей в наши дни. Предмет исследования – восприятие Грибоедова в электронной среде. Статья показывает, как поисковые системы индексируют блогосферу, которая посвящена «сочинителю Фамусова и Скалозуба», какие темы популярны среди её читателей и что это за аудитория, от чего зависит уровень посещаемости единственного онлайн-дневника, рассказывающего о писательском дискурсе, какова история его создания, цель, структура, жанровая принадлежность и стиль подачи материала, какими факторами определяется интерес к содержанию данного ресурса, чем он отличается от других СМИ, на какие из них похож, а также что из предлагаемого им контента заимствует Всемирная паутина и как это происходит. Основу повествования составляют сведения, отсутствующие в открытом доступе, наблюдения над медиапространством комментируются в свете положения дел в грибоедоведении. Показатели спроса на информацию о литераторе-дипломате в Сети соотносятся с установками исследователей и «титულных» изданий за 2012–2020 гг., перспектива преодолеть расхождения между ними связывается с необходимостью изменить повестку дня в современной науке и раскрывается исходя из характеристики её задач.

Ключевые слова: грибоедоведение; Интернет; научная журналистика; краеведение; русская классика; рецепция

Для цитирования: Минчик С.С. Рецепция А.С. Грибоедова в Интернете: на примере блога о связях писательского имени с Крымом // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 765-775. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-765-775

Abstract. Almost two centuries after death, Alexander Sergeyevich Griboyedov (1794-1829) continues to influence social processes. To unravel the mystery of this phenomenon, it is necessary to answer the question about the character of perception of the writer and diplomat and to find out what features of his image appeal to modern people. The subject of this work is the perception of Griboyedov in the electronic environment. The work shows how the search engines index the blogosphere, which is dedicated to “the author of Famusov and Skalozub”, what topics are popular among its readers and what kind of audience it is, what influences the attendance of the only online-diary about the writer’s discourse, what is its history creation, purpose, structure, genre and

style of material presentation, what factors determine the demand for the content of this resource and in which way it differs from similar media, what Web borrows from this project and in what manner. The basis of the narrative is made up of information that is not available in the public domain, observations over the media space are commented in the light of the state of affairs in griboedovistic. The request for the new data about the writer and diplomat on the virtual space is correlated with the attitudes of researchers and relevant publications of 2012–2020, the prospect of overcoming the identified discrepancies is associated with the changing of the agenda in modern science and disclosed by the characteristics of its tasks.

Keywords: griboedovistic; Internet; scientific journalism; regional study; Russian classic; reception

For citation: Minchik S.S. Retsepsiya A.S. Griboyedova v Internetе: na primere bloga o svyazyakh pisatel'skogo imeni s Krymom [Reception of A.S. Griboyedov on the Internet: based on the blog example about the connections of the writer's name with the Crimea]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 765–775. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-765-775 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Присутствие в электронном пространстве литературы с её создателями в последние годы изучается серьёзно и многопланово (Н.Е. Беляева, А.А. Дырдин, В.Ф. Капица, Ф.А. Катаев, В.С. Киселёв, Р.Л. Красильников, Е.В. Крушельницкая, Т.О. Максимова, Д.В. Поль, Е.Б. Ракитина и др.). Занимаются в науке и вопросом цифровизации исследований, которые обращены к жизни и творчеству классиков. Чаще всего ответить на него пытаются, изучая типологию соответствующих ресурсов, причины их появления, цели, пути развития и соотносённость с печатным контентом (Э.М. Афанасьева, А.М. Буранбаев, Ж.Л. Романова, О.В. Сергеев, В.А. Суханов, Н.В. Тарумова и др.). Демонстрируют при этом авторы различное видение материала. Но актуальность их разысканий представляется одинаковой. Определяет её необходимость сохранить историко-культурное наследие России и выработать надлежащий механизм, который учитывал бы, в том числе, неустраиваемые и нереализованные возможности Интернета [1, с. 236].

«Сочинитель Фамусова и Скалозуба»¹ остаётся героем научных повествований много десятилетий подряд. Впрочем, не всё, что составляет предмет науки об этом деятеле, одинаково интересно авторам. Обзор новейших публикаций показывает, что значительная их часть, как и раньше, посвящена грибоедовскому творчеству, включая «Горе

от ума» (Д.А. Авинников, Е.А. Бабенко, В.Н. Базылев, С.Г. Баранова, Е.А. Валькова, Э.А. Веденяпина, О.С. Вдовина, Г.-Р.А.-К. Гусейнов, Е.С. Злотникова, Г.Ф. Ковалёв, С.А. Колесникова, Н.Г. Комар, И.А. Корнев, И.Г. Кудина, Н.Ф. Лан, А.Л. Мугумова, Ю.М. Никишов, В.П. и Ж.Л. Океанские, А.Б. и М.Ю. Перзеке, И.И. Рыжаченков, М.Н. Сербул, И.В. Симонова, О.К. Страшкова, А.А. Тевяшев, Е.В. Терешонок, О.А. Титов) и другие сочинения классика (Н.В. Девдариани, Н.А. Ильичёва, М.Н. Мотамедния, А.Г. Нестерова, А.А. Охременко, К.А. Поташова, Е.В. Рубцова, Н.С. Серегина, Д.Б. Терешкина). Вопросы, касающиеся его косвенно, в целом разрабатываются так же интенсивно. Это переводы (Е.В. Аблогина, М.А. Букина, Н.М. Жутовская, И.А. Подгорный, Н.Ю. Шугаева, М.А. Якунина), постановки (М.М. Авдеева, Г.А. Жерновая, Т.Г. Калашникова, О.Н. Мальцева) и методика преподавания бессмертной комедии в школе (В.И. Ельникова, И.П. Золотусский, Р.И. Рафиков, О.А. Степаненкова, Е.С. Удилина, Ю.А. Филонова, Н.М. и В.А. Фортунатовы, Е.С. Шабанова, В.Г. Яриков), а также восприятие критикой (П.Д. Анисимов, К.М. Весёлкин, В.В. Здольников, А.В. Лавров), литературой (Г.Г. Багаутдинова, В.А. Бесстрашнов, Ю.Н. Борисов, П.Д. Ганина, Е.Е. Дмитриева, М.П. Оцупко, С.Н. Пяткин, Н.Ю. Романова, В.В. Руцкая, И.С. Юхнова), наукой (А.Н. Андреев, А.М. Дубровский, Т.Л. Кащенко, Е.Н. Шпилевая) и обществом (М.Г. Вандалковская, А.В. Королькова, Л.А. Орехова, К.Э. Штайн) её текста и писательской жизни вообще (И.В. Базиленко, М.Г. Пономарёва, А.В. Святославский, Ж.Ф. Хакимова). Но

¹ 9 сентября 1825 г. А.С. Грибоедов напишет о своём пребывании в Симферополе: «Наехали путешественники, которые меня знают по журналам, сочинитель Фамусова и Скалозуба, следовательно, весёлый человек. Тыфу, злодейство!» [2, с. 98].

таковы предпочтения исследователей, которые не входят в круг организованного грибоедоведения. Что же до последнего, деятельность его представителей менее разнообразна. Продолжая традиции прошлого, они, как правило, пишут о биографии и художественном наследии (М.Г. Альтшуллер, Анджела Бринтлингер, Н.Л. Дмитриева, Н.А. Тархова, Л.А. Тимофеева, А.А. Филиппова) литератора-дипломата, темы рецепции, за редким исключением (Фирюза Мэлвилл, В.А. Кошелев, М.В. Строганов), не поднимая и не развивая². Хотя без учёта всей совокупности сведений о Грибоедове, включающих факты, которые не связаны с именем этого человека прямо, вряд ли можно осмыслить его значение для русской и мировой культуры. Знать, кем и почему он востребован сегодня – значит, понимать, что из сказанного и сделанного им при жизни продолжает влиять на людей.

Одним из аспектов науки о создателе «Горя...», который в наше время не исследуют систематически, является Интернет. Его связь с грибоедовским дискурсом, разумеется, привлекает внимание авторов, но опосредованно, в свете наблюдений над словесностью вообще. Сфера же задач, которые решаются при этом, в сущности, ограничивается вопросами функционирования цифрового корпуса сочинений классика и, с другой стороны, влияния последнего на сетевое искусство (М.А. Голикова, Н.К. Загребельная, К.П. Сидоренко, Е.В. Суровцева, М.В. Юрьева). Цель представляемой статьи – охарактеризовать проблему рецепции Грибоедова в свете наблюдений над блогосферой, установив, что и почему привлекает внимание её читателей к узкотематическому контенту.

Спрос в обществе на проекты о фигурах прошлого в целом велик [3, с. 344]. В то же время количество электронных ресурсов, которые популяризируют литературоведение, в сравнении с другими отраслями знаний незначительно [4, с. 101-102]. Неудивительно, что Грибоедову в Интернете посвящено мало СМИ, даже если считать сайты на порталах о

культуре и об истории России³. Особое же место среди них принадлежит блогу, где рассказывается о связях полуострова с писательским именем.

Тематическая замкнутость онлайн-дневника «А.С. Грибоедов и Крым» мешает поисковым системам находить его по общим запросам – например, включающим лишь фамилию сочинителя «Горя...». Но если скорректировать вводимую информацию, дополнив её географическим указанием, наблюдается иная картина. В зависимости от вариаций со словами «Грибоедов» и «Крым» Google и Яндекс показывают ссылку на адрес <https://asgriboedov.blogspot.com> первой, второй или третьей⁴. Впрочем, это не значит, что сетевой журнал о связях полуострова с именем классика читают лишь те, кто ищет контент, отталкиваясь от вышеназванных формулировок.

Сведения в настройках ресурса позволяют увидеть, что самые популярные запросы среди интернет-пользователей, которые загрузили ссылку по адресу <https://asgriboedov.blogspot.com>, выходят за рамки краеведения⁵.

³ Полнее других грибоедовскую тему в Интернете раскрывает «ФЭБ» (<https://feb-web.ru/feb/griboed/default.asp>), в той либо иной мере его содержание дублируют писательские профили в “ImWerden” (<https://imwerden.de/razdel-313-str-1.html>) и в «Библиотеке Максима Мошкова» (https://az.lib.ru/g/griboedow_a_s), на портале «Литература» (www.griboedov.lit-info.ru) и в проекте РГБ для молодёжи (www.library.ru/2/lit/sections.php?auid=12). То же касается «титulyных» ресурсов с контентом различной структуры (www.griboed.net, www.griboedov.net, <http://griboedov-goreotuma.narod.ru>, <http://griboedov.biografy.ru>).

⁴ В случае с фразой «Грибоедов и Крым» адрес <https://asgriboedov.blogspot.com> показывается в Google и Яндекс первым, вторым и третьим по релевантности в разделах «Все», «Поиск» и «Картинки». При сокращении искомого до двух слов в обоих сервисах он выдаётся уже вторым, третьим и четвёртым. Значительно меняет статистику фраза «Грибоедов в Крыму», причём не только по изображениям (в разделе «Картинки» поисковики показывают соответствующий линк первым и третьим). «Все» в Google и «Поиск» в Яндекс при такой формулировке выводят адрес <https://asgriboedov.blogspot.com> пятым и вторым соответственно.

⁵ Рейтинг «Ключевых слов для поиска» в онлайн-дневнике выглядит следующим образом: «декабристы» (27,4 % от общего числа), «грибоедов и крым» (18,1 %), «в течение трёх месяцев пребывания в крыму грибоедов» (10,1 %), “asgriboedov.blogspot.com” (9,6 %), «грибоедов в крыму» (8,4 %), «потери и находки архив крым» (6,8 %), «в течении (с орфографической ошиб-

² Характеристика интересов исследователей, которые пишут о Грибоедове, представлена на основе публикаций, вышедших в свет в 2017–2020 гг.

При этом рекордсменом по количеству просмотров здесь является пост о контактах писателя-дипломата с южными заговорщиками – 24,7 % от общего числа записей⁶. Среди самых читаемых в блоге также можно назвать материалы, посвящённые литературоведению И.Н. Медведевой (10,9 %) и постановке бессмертной комедии в Крыму (9,2 %), наследию профессора В.И. Филоненко (9,2 %) и князю М.С. Воронцову (8,8 %), драматургическим опытам автора «Горя...» (8,3 и 7,4 %), «дуэли четверых» (7,4 %) и деревне графа А.П. Завадовского Саблы (7,2 %), грибоедовским «Хищникам на Чегеме» (7 %)⁷.

Не менее любопытна статистика по странам, где зарегистрированы IP-адреса чи-

кой. – С. М.) трёх месяцев пребывания в Крыму грибоедов» (6,2 %), «грибоедов крым» (5,6 %), «кюхельбекер» (4,2 %) и «asgriboedov.blogspot.ru» (3,5 %). Как видно, пользователи, знающие о существовании рассматриваемого ресурса и потому вводящие в строку поиска соответствующие адреса, в целом занимают третье место среди его аудитории (13,1 %). Чуть меньше в Сети интересующихся темой дворянского заговора (27,4 % без «кюхельбекера»). Первенство же здесь принадлежит тем, кто использует вариации из слов «Грибоедов» и «Крым» (всего их 32,1 %, не учитывая авторов запросов с фразой «трёх месяцев»). Статистика за июль 2019 г. была аналогичной.

⁶ Счётчик сообщений в блоге позволяет увидеть количество просмотров лишь в отношении самых читаемых постов, а не всего контента, потому репрезентативность процентных показателей, которые определены и представлены в статье, нельзя считать полной.

⁷ В порядке убывания по количеству загрузок (от 1615 до 460) топ-10 популярных записей в блоге выглядит следующим образом: «А.С. Грибоедов и декабристы на Юге» (http://asgriboedov.blogspot.com/2012/07/blog-post_25.html), «И.Н. Медведева о грибоедовской поездке в Крым» (<http://asgriboedov.blogspot.com/2012/07/109.html>), «Грибоедовский сезон в Крыму» (<http://asgriboedov.blogspot.com/2012/07/blog-post.html>), «В.И. Филоненко о крымском путешествии А.С. Грибоедова» (<http://asgriboedov.blogspot.com/2014/09/blog-post.html>), «А.С. Грибоедов в гостях у «полумилорда». Памяти М.С. Воронцова» (<http://asgriboedov.blogspot.com/2012/11/blog-post.html>), «Феофан Прокопович в творчестве А.С. Грибоедова: крымский подтекст» (<http://asgriboedov.blogspot.com/2013/09/blog-post.html>), «Крым в творчестве Грибоедова-драматурга» (http://asgriboedov.blogspot.com/2013/05/blog-post_29.html), «Следствие пылких страстей...»: к 195-летию «дуэли четверых» (http://asgriboedov.blogspot.com/2012/11/blog-post_12.html), «Крымская деревня Саблы в судьбе А.С. Грибоедова» (http://asgriboedov.blogspot.com/2012/07/blog-post_05.html) и «Крым в стихотворении А.С. Грибоедова “Хищники на Чегеме”» (http://asgriboedov.blogspot.com/2012/10/blog-post_11.html).

тателей сетевого журнала⁸. В первую тройку здесь входят Россия (55,9 %), Украина (25,6 %) и США (8,8 %). Реже «американцев» на адрес <https://asgriboedov.blogspot.com> заходят «немцы» (2,9 %) и «японцы» (2,4 %), еще скромнее показатели у «белорусов» (1,8 %) и «французов» (1,7 %). Замыкают десятку стран-гостей ресурса «неизвестный регион» (1,6 %), Египет (0,7 %) и Ирландия (0,6 %)⁹.

Посещаемость онлайн-дневника, начиная с 2012 г., составляет почти 53,4 тысячи просмотров, то есть чуть больше полутора десятка в день¹⁰. Для блогосферы такой показатель мал. Но если принять во внимание, что исследуемый проект сосредоточен не просто на узкой тематике, а на одном из её частных аспектов, приведённые цифры производят иное впечатление. Будучи в целом сопоставимыми с показателями неспециализированных сайтов [5], они свидетельствуют об относительном успехе работы сетевого журнала и побуждают разобраться в принципах, на которых она построена.

Современные классификации, которые учитывают такие критерии, как тип авторства и содержания, целевое назначение, уровень данных и знаковая среда, позволяют отнести рассматриваемый ресурс к ряду личных, тематических и профессиональных, а

⁸ Спрос на проект «А.С. Грибоедов и Крым» за рубежом вряд ли велик, однако его наличие не вызывает сомнений. Отчасти это объясняет, почему среди браузеров, которые используются при поиске и загрузке ссылок на адрес <https://asgriboedov.blogspot.com>, самыми популярными являются «Chrome» (51 %), «Firefox» (17 %), «Internet Explorer» (9 %) и «Opera» (6 %), но также менее распространённые в России «Safari», «Mobile Safari», «Mobile», «CrisOS», «UCBrowser» и «SamsungBrowser». Что же касается операционных систем, читатели сетевого журнала в основном отдадут предпочтение следующим: «Windows» (73 %), «iPhone» (8 %), «Macintosh» (7 %), «Android» (5 %), «Linux» (3 %), «iPad» (1 %), а также «Unix», «Windows NT 6.1» и «Other Unix» (менее 1 %).

⁹ По состоянию на июль 2019 г. картина соответствующих «Просмотров страницы по странам» выглядела следующим образом: РФ (54,9 %), Украина (26,9 %), США (7,2 %), ФРГ (3,2 %), Белоруссия (2,1 %), Япония (1,9 %), Франция (1,9 %), Ирландия (0,7 %), Филиппины и Польша (у обеих по 0,5 %).

¹⁰ Данные счётчика посещений отображают ситуацию по состоянию на 25 июля 2020 г. и отличаются от общей статистики по странам – гостям блога, которая показывает цифру в 43136 просмотра.

также контентных и текстовых блогов [6, с. 41-42]. С точки же зрения жанровой принадлежности, его можно идентифицировать как презентационный проект, и, что особенно важно для теоретиков коммуникации, информативный [7, с. 125]. Однако создание онлайн-дневника было обусловлено не вакуумом общения, как это в основном происходит с сетевыми журналами [8, с. 141]. И его феномен не понять, если отталкиваться от приведённых типологий.

«А.С. Грибоедов и Крым» – в первую очередь, явление научной журналистики. Основу его функционирования составляют ценности, которые разделяют литературоведы, заботящиеся о свободе доступа к своим открытиям, и авторы «самостоятельных» сайтов, не копирующих содержимое печатных изданий [9, с. 27; 10, с. 9]. С другой стороны, блог продолжает традиции Интернета 1990-х гг., когда даже коммерческие сайты ориентировались на программу автора и не зависели от читательских вкусов, не стремясь им угодить [11, с. 60]. Статистика загрузок ссылок по адресу <https://asgriboedov.blogspot.com>, выраженная в невысоком показателе посещаемости, – следствие именно такой установки.

Замысел онлайн-дневника о связях писательского имени с Крымом возник в свете необходимости прорекламировать первую в Украине книгу о Грибоедове, презентация которой состоялась на «титულных» Чтениях в Алуште 25–31 мая 2012 г. Данное обстоятельство обусловило содержание двух публикаций, ознаменовавших старт работы проекта 1 июля того же года. Оно же позволяет отнести блог к жанровой подгруппе «популяризаторов идей» [12]. Вместе с тем на страницах монографии «Грибоедов и Крым» не только переосмысливаются факты о классике или вводятся в оборот неизвестные науке сведения. Здесь опровергаются версии, ставшие догмами и искажившие его образ [13, с. 44, 114, 188-189, 190-194]. Это значит, что ресурс, запущенный для продвижения данной книги, нельзя считать исключительно средством пропаганды гипотез, которые требуют обсуждения и дальнейшей верификации. Отражая мнение своего создателя по поводу тех либо иных аспектов проблемы, он

также представляет поджанр “research blogging”, то есть дневника-исследования [12].

В отличие от большинства проектов, открываемых учёными на платформе “LiveJournal” [14, с. 45], «А.С. Грибоедов и Крым» зарегистрирован в “Blogger”. Но уникальность его характеристик обусловлена не данным обстоятельством. Во-первых, он является единственным блогом, который посвящён исключительно Грибоедову. Во-вторых, его принадлежность жанру сетевой журнал очевидна не во всём. В целях приблизить свою работу в Интернете к стандартам деятельности научных сайтов, создатель онлайн-дневника отдаёт предпочтение роли администратора, а не рассказчика, отступая от неё лишь в отношении републикаций, требующих обоснования и комментария (собственно заметок с повествованием от первого лица здесь порядка 1/3). Наконец, контент, размещённый по адресу <https://asgriboedov.blogspot.com>, продолжает систематически обновляться – чего нельзя сказать о других ресурсах, посвящённых сочинителю «Горя...», которые если и делают это, то редко и нерегулярно¹¹.

Резерв для пополнения блога велик, хотя отказ от практики воспроизведения источников, уже представленных в Интернете, при его планировании и предполагался изначально. Наиболее часто здесь появляются выдержки из монографии «Грибоедов и Крым» (до 3/5 от общего числа заметок). Второе место в проекте занимают документы и публикации (в основном, газетные и краеведческие), которые, хотя и связаны с именем классика, тем не менее, малоизвестны и труднодоступны (1/5)¹². Наконец, онлайн-

¹¹ Все заметки в блоге приурочены к некой дате, имеющей отношение к грибоедоведению, что в теории позволяет поддерживать строгий ритм его обновления (не реже, чем один раз в два месяца). Однако на практике данный процесс выглядит иначе. Номинально за 96 месяцев работы содержание ресурса менялось 109 раз (по 24 в 2012 г., с июля по декабрь, и в 2013, по 8 в 2014 и 2015 гг., 10 в 2016, 12 в 2017, 11 в 2018, 8 в 2019 и 4 в 2020 г.). Фактически же из общего числа записей, которые размещены в онлайн-дневнике, информация, заявленную их заголовками, содержат 79,8 % – в то время как остальные, находясь в стадии разработки, пока не заполнены текстом.

¹² С июля 2012 по июль 2020 г. по адресу <https://asgriboedov.blogspot.com> было размещено около

дневник представляет сведения, которые, как и в первом случае, связаны с именем его создателя и администратора (статьи, интервью, выступления на мероприятиях), однако не повторяют содержание вышеназванной книги. Доля таковых – также 1/5. Общий объём текста, выложенного по адресу <https://asgriboedov.blogspot.com>, составляет 19,6 печатного листа.

Продолжая характеристику контента, следует добавить, что ставка на оригинальность в совокупности с таким фактором, как краеведческая повестка, не сделали блог однообразным. Вниманию интернет-пользователей он предлагает круг вопросов, который отражает многогранность грибоедоведения: включая источниковедческий, историографический, биографический, художественно-литературный, а также событийный и рецептивный аспекты. Большая часть заметок в проекте рассказывает о личности русского классика, его творчестве и, отдельно, фигурах, связанных с ним (исследователях, современниках и деятелях прошлого, которые прямо либо косвенно повлияли на писательскую судьбу). Меньшая описывает перипетии научной, культурной и общественной жизни, сопряжённые с именем Грибоедова.

Монотематичность – главный, однако не единственный элемент, который играет в блоге системообразующую роль. Данную функцию здесь отчасти выполняет композиция повествования в постах, как правило, включающая заголовок, экспозицию, основной текст с выводами и библиографию. Что же касается структуры ресурса, с точки зрения проблемы эффективного управления вниманием читателя, она выглядит образцово: благодаря возможностям сервиса “*Blogger*” интерфейс сетевого журнала удобен, а навигация в нём проста [15, с. 218]. Непременным атрибутом заметок, выклады-

ваемых по адресу <https://asgriboedov.blogspot.com>, также являются иллюстрации. Некоторая их часть взята из Интернета и отредактирована в графических сервисах, но почти половина представляет собой материал, который был оцифрован и представлен в открытом доступе впервые. Это фотографии из фондов кафедры русской и зарубежной литературы КФУ им. В.И. Вернадского и Пушкинского музея в Гурзуфе, а также личные документы автора проекта. Все изображения содержат указания на соответствующий источник, некоторые из них уже получили распространение в электронном пространстве.

Заемствуют из блога «А.С. Грибоедов и Крым» не лишь иллюстрации – его записи в Интернете, разумеется, цитируют чаще. В первую очередь, это посты о князе Владимире Великом и востоковеде В.И. Филоненко, о памятнике Грибоедову в Алуште и «дуэли четверых», о секунд-майоре М.А. Манто, поэте В.К. Кюхельбекере и декабристе Д.И. Завалишине¹³. Список соответствующих линков Google показывает, если ввести в поисковую строку адрес <https://asgriboedov.blogspot.com>. Но выдаются при таком запросе исключительно те ресурсы, которые дублируют содержание сетевого журнала с отсылкой к нему. Поле, где он цитируется без указания источника, намного шире, и потому определить случаи плагиата в ситуации уже с ним сложнее.

Соотнося приведённую статистику с показателями счётчика посещений в блоге, можно заметить, что интерес к Грибоедову у публики, с одной стороны, пользующейся Интернетом, а с другой – влияющей на про-

двух десятков трудов российских, советских и зарубежных учёных, краеведов и литераторов: Л.М. Боровой, В.С. Вихрова, Леона Гомолицкого (Gomolicki), В.П. Казарина, Ю.А. Калугина, А.В. Кошелева, А.И. Маркевича, И.Н. Медведевой, В.П. Мещерякова, П.В. Михеда, А.И. Мусукаева, А.А. Новикова, Е.В. Петухова, А.И. Полканова, В.И. Филоненко, И.А. Шляпкина и пр. Среди опубликованного материала – очерки, рецензии, статьи, комментарии, автореферат диссертации, фрагменты книг и др.

¹³ Посты из блога «А.С. Грибоедов и Крым» цитируются целым рядом ресурсов, но по запросу «<https://asgriboedov.blogspot.com>» в Google показывались следующие порталы, сайты и электронные страницы: «Муниципальное казённое учреждение культуры Озёрского городского округа “Централизованная библиотечная система”» (<http://libozersk.ru/pages/index/453?cont=3>), «Карта мира: Крым» (http://kartamirakrym.blogspot.com/2016/04/blog-post_23.html), «Википедия – свободная энциклопедия» (http://o-ili-v.ru/wiki/Завалишин,_Дмитрий_Иринархович, http://wiki-org.ru/wiki/Четверная_дуэль), «Библиографический ресурс “Чтобы Помнили”» (<http://www.1.cht.z8.ru/page.php?id=3352>), «Генеалогическое древо рода Богатовых» (<https://bogatov.info/Genbase6>), «Почта Mail.ru» (<https://otvet.mail.ru/question/182708739>).

исходящее в масс-медиа, представлен запросами на схожую информацию. Это скандальные страницы жизни классика, его связь с яркими современниками и фигурами исторического масштаба, а также рецепция в культуре. То есть всё, чем «постпреды» грибоедоведения если и занимаются, то не популяризируя итоги своих разысканий¹⁴ – как результат, ограничивая активную часть социума в доступе к востребованным ею документам, критике, версиям и тем самым сужая круг потенциальных участников дискуссии об авторе «Горя...», формат и качество которой, напротив, требуют обновления¹⁵.

¹⁴ Бессменные участники проектов, посвящённых Грибоедову, не ведут блоги или страницы на веб-сервисах, индексируемых поисковиками. Профильные же издания не имеют цифровой копии и потому, если не ставят особой целью их поиск и приобретение, остаются недоступными для гостей Всемирной паутины. В частности, за годы работы проекта о связях писательского имени с Крымом Музей-заповедник «Хмелиты» (г. Вязьма, Смоленская обл., РФ) и ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова (г. Ереван, Армения) выпустили три сборника по материалам «титulyных» конференций, которые отсутствуют в продаже и не представлены в электронном формате: «А.С. Грибоедов: эпоха, личность, творчество, судьба» (2014 г.), «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...» (2016 г.), «А.С. Грибоедов: русская и национальные литературы» (2017 г.). То же касается спецвыпуска журнала «Русская словесность» (2019 г., № 2) и следующих книг: «Грибоедов и эпоха» (2013 г.), ««Ум и дела твои бессмертны в памяти русской»: жизнь и творчество А.С. Грибоедова» (2014 г.), «Первый республиканец» (2016 г.), «Русский зять Грузии» (2017 г.). С другой стороны, произведения, распространяемые в Интернете на коммерческой основе, отсутствуют у реализаторов в каких-либо ещё версиях, кроме печатной: «Александр Грибоедов: Биография» (2012 г.), «Грибоедов. Тайны смерти Вазир Мухтара» (2015 г.), «Последний год Грибоедов. Триумф. Любовь. Гибель. Историческое расследование» (2015 г.), «Венок Грибоедову» (2016 г.), «Загадки “Горя от ума”» (2017 г.), «Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова» (2017 г.). Изданий же, текст которых предлагается загрузить по ссылкам, крайне мало: «А.С. Грибоедов в жизни и творчестве» (2012 г.), «Грузинский след в комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”» (2015 г.), «Театр и драма: эстетический опыт эпохи» (2016 г., вып. 3).

¹⁵ Хотя ежегодно сочинителю «Горя...» и посвящаются десятки публикаций, систематически «постпреды» грибоедоведения рассматривают его жизнь в свете всего одной проблемы – обстоятельств писательского рождения. Тема же восприятия разрабатывается ими в ретроспективном ключе, а не с позиций современности. Иначе обстоит дело с авторами, которые обращаются к личности Грибоедова спорадически. От изучения его биографии они воздерживаются, но ре-

Сказанное не противоречит тенденциям, которыми характеризуется цифровизация науки о литературе. Среди признаков этого процесса экспертное сообщество особо выделяет универсальность, то есть нацеленность как на обычного читателя, так и на заинтересованного. Но сегмент ресурсов, принадлежащих исследователям, им признается не развитым [16]. Ещё одна черта сайтов, которые представляют анализ литературной проблематики, – их неспособность обеспечить полноту доступа к информации из печатных источников. Порождает сложившуюся ситуацию отсутствие в Сети профильных изданий и коммерциализация их услуг по размещению контента [17, с. 257]. При этом потребность в устранении барьеров между интернет-аудиторией и наукой авторы в целом считают назревшей. Обусловливается он бесконтрольным расширением системы знаний о жизни и творчестве классиков. Данный

цепцию, напротив, исследуют активно и многоаспектно (см. обзор литературы за 2017–2020 гг. в начале статьи). Изменить сложившуюся ситуацию можно, однако для этого надлежит решить вопрос о границе между организованным и «стихийным» грибоедоведением – открыв его двери той части социума, чей интерес к русскому классику следовало бы поощрять и использовать в качестве ресурса. Речь в данном случае в пору вести о целом комплексе мер, без которых трансформация повестки дня в науке как таковой обречена на неудачу. Приоритетными же здесь кажутся три шага. Это превращение Музея-заповедника «Хмелиты» в центр не номинальной, а реальной мобилизации авторов, которые пишут о литераторе-дипломате: их воспитания, систематического поиска и приобщения к деятельности учреждения. Не менее важно повысить привлекательность и статус «именных» сборников, запустив процедуру их интеграции с наукометрическими базами данных РФ. Наконец, целесообразно учредить Грибоедовское общество – по аналогии с инициативами, которые объединяют всех, кто увлечён фигурой того либо иного деятеля прошлого. Без таких нововведений наука о сочинителе «Горя...» рискует отстать от процесса развития современной гуманитаристики, не только изучающей мир с его переменами, но и старающейся соответствовать им [18, с. 193]. Реализовать же план названных действий вряд ли получится без синхронизации установок «титulyных» изданий и мероприятий с общественным запросом, чей мониторинг позволяет осуществлять именно блогосфера – шире, Интернет. Последний уже помог установить влияние грибоедовского дискурса на людей в XXI веке [19, с. 145-146; 20, с. 43; 21, с. 117]. Значит, и перспектива использовать его в интересах науки о литераторе-дипломате, реверсифицировав открытую с помощью этой технологии связь, не должна вызывать сомнения.

процесс уже потребовал поиска новых способов хранения данных и управления ими [22, с. 10]. Однако учёным не менее важно понимать, как грамотно организовать их представление публики – на уровне формы и содержания, которые были бы адекватны веяниям времени [1, с. 237, 240].

В целом же наблюдения над Всемирной паутиной позволяют заключить, что грибоедовской блогосферы как таковой не существует – «сочинителю Фамусова и Скалозуба» здесь посвящён лишь один онлайн-дневник, который имеет краеведческую направленность и сосредоточен на связях имени литератора и дипломата с Крымом. Созданный для рекламы первой в Украине монографии об этом деятеле, он совмещает функции “research blogging” и «популяризатора идей», преследуя же культуртрегерскую задачу, не ориентируется на вкусы читателя, но и не выдвигает на передний план автора, отдающего предпочтение роли администратора, а не рассказчика. Всё это обуславливает невысокий уровень просмотров сетевого журнала, характерный для неуниверсальных ресурсов. И, с другой стороны, обеспечивает стабильный спрос на его контент, который не дублирует содержимое других проектов, не повторяет стиль их работы в части обновления и,

несмотря на монотематичность, представляет неизвестные и разнородные сведения о Грибоедове, включая источники, аналитику и иллюстративный материал. С точки зрения эффективности управления вниманием аудитории, структура онлайн-дневника отвечает стандартным требованиям, композиция его постов соответствует форме научных публикаций. Статистика их цитирования и загрузки показывает, что наиболее востребованными в электронной среде являются такие аспекты науки о русском классике, как источниковедение, биография и рецепция. При этом самая привлекательная для пользователей блога тематика, вне зависимости от их установки на поиск, – декабризм. Присутствие на веб-сервисе, не получившем распространение среди учёных, не мешает сетевому журналу индексироваться поисковыми системами как в России, так и за рубежом. Но чаще всего ссылки по адресу <https://asgri-boedov.blogspot.com> загружает житель постсоветского пространства, который не может удовлетворить потребность в новых знаниях о Грибоедове ввиду установки исследователей на изучение текста бессмертного «Горя...» и их неготовности популяризировать свои открытия в Интернете.

Список литературы

1. Тарумова Н.Т. Актуализация личного и коллективного творческого опыта средствами информационных технологий на материале русской культуры XIX–XX вв. // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 236–241.
2. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. / гл. ред. С.А. Фомичев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 3. Письма. Документы. Служебные бумаги. 687 с.
3. Тарумова Н.Т. Популяризация культурно-исторических знаний в сети Internet // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 342–346.
4. Макарова Е.Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 2. С. 98–104.
5. Макарова Е.Е. Типологические модели научно-популярных сайтов. URL: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/402> (дата обращения: 25.06.2020).
6. Беляева Н.Е. Работа библиотеки с интернет-ресурсами художественной литературы. М.: Литера, 2012. 144 с.
7. Максимова Т.О. Блог в интернет-коммуникации: структура, функции, литературный потенциал // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 1. С. 124–131.
8. Шапошников В.А. Преодоление коммуникативного вакуума в блоге // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 141–144.
9. Пахсарьян Н.Т. Проблемы теории литературы в Интернете: группа «Фабула» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2002. № 3. С. 25–30.
10. Скрынникова А.В. Научная журналистика в современной России // Наука и современность. 2016. № 45. С. 8–12.

11. Киселёв В.С. Что почитать, или осколки канона: классика в коммерческих электронных библиотеках Рунета // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 3 (12). С. 57-76.
12. Пичугина Т. Лекция по научной журналистике. Ч. 1. 2012. 7 дек. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OdHPIZrnuOA&feature=youtu.be> (дата обращения: 25.07.2020).
13. Минчик С.С. Грибоедов и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 276 с.
14. Бейненсон В.А. Специфика развития научно-популярных блогов // Научно-популярная журналистика: опыт системного анализа / отв. ред. О.Н. Савинова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. С. 42-52.
15. Семькин В.С. Эффективность управления внимания читателя в российских сетевых научно-популярных изданиях // Медиачтения СКФУ: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.И. Лепилкина. Ставрополь: Сервисшкола, 2017. С. 217-226.
16. Бурганбаев А.М. Информационные ресурсы в области художественной литературы и литературоведения в сети Интернет: опыт анализа. URL: <http://technology.snauka.ru/2016/02/9493> (дата обращения: 10.07.2020).
17. Сергеев О.В. Актуальные интернетные ресурсы по изучению истории и теории русской литературы в World Wide Web // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сб. науч. тр. Вып. IV. Итоги Международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. / отв. ред. О.В. Шаталова. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 248-258.
18. Красильникова М.А. Гуманитарное знание в хронотопе переходности: зачем гуманитаристика в «смутные времена»? // Grand Altai Research & Education. 2019. № 1. С. 190-195.
19. Загребельная Н.К. Фанфики по «Горю от ума»: рецепция классики в контексте массовой культуры // Хмелитский сборник. Вып. 17. «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...»: материалы Междунар. конф. / ред. В.Е. Кулаков, А.А. Филиппова. Вязьма, 2016. С. 145-154.
20. Сидоренко К.П. «Горе от ума» в русской речи // Вестник Герценовского университета. 2009. № 11 (73). С. 40-45.
21. Юрьева М.В. «Языка клавиатура»: творческая личность А.С. Грибоедова в современной сетевой поэзии // Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Льва Александровича Степанова / ред. Е.А. Жиркова, Л.П. Голикова, Л.Н. Рягузова. Краснодар, 2016. С. 115-118.
22. Афанасьева Э.М. Творчество А.С. Пушкина и пушкинистика эпохи цифровых коммуникаций // XXVIII Пушкинские чтения: сб. науч. работ по итогам Междунар. науч.-практ. конф. / ред.: В.И. Аннушкин, И.С. Леонов. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2019. С. 10-16.

References

1. Tarumova N.T. Aktualizatsiya lichnogo i kollektivnogo tvorcheskogo opyta sredstvami informatsionnykh tekhnologiy na materiale russkoy kul'tury XIX–XX vv. [Updating of personal and collective creative experience by means of information technologies on the material of the Russian culture of the XIX–XX centuries]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2013, no. 3, vol. 1, Humanities, pp. 236-241. (In Russian).
2. Griboyedov A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Complete Works: in 3 vols.]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2006, vol. 3. Letters. Documents. Service Papers, 687 p. (In Russian).
3. Tarumova N.T. Populyarizatsiya kul'turno-istoricheskikh znaniy v seti Internet [Popularization of cultural and historical knowledge in the Internet]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2015, no. 4, pp. 342-346. (In Russian).
4. Makarova E.E. Populyarizatsiya nauki v Internet: sodержaniye, formy, tendentsii razvitiya [Popularization of science in Internet]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika – Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 10. Journalism*, 2013, no. 2, pp. 98-104. (In Russian).
5. Makarova E.E. *Tipologicheskiye modeli nauchno-populyarnykh saytov* [Typological Models of Popular Science Sites]. (In Russian). Available at: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/402> (accessed 25.06.2020).
6. Belyayeva N.E. *Rabota biblioteki s internet-resursami khudozhestvennoy literatury* [Library Work with Internet Resources of Fiction]. Moscow, Litera Publ., 2012, 144 p. (In Russian).
7. Maksimova T.O. Blog v internet-kommunikatsii: struktura, funktsii, literaturnyy potentsial [A blog in the internet communication: structure, function, literary potential]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*, 2017, no. 1, pp. 124-131. (In Russian).

8. Shaposhnikov V.A. Preodoleniye kommunikativnogo vakuuma v bloge [Communicative vacuum overcoming in the blogosphere]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2014, no. 1, vol. 1, Humanities, pp. 141-144. (In Russian).
9. Pakhsaryan N.T. Problemy teorii literatury v Internetе: gruppа «Fabula» [Problems of the theory of literature on the Internet: the “Fabula” group]. *Sotsial’nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedeniye. Referativnyy zhurnal – Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literature Studies*, 2002, no. 3, pp. 25-30. (In Russian).
10. Skrynnikova A.V. Nauchnaya zhurnalistika v sovremennoy Rossii [Scientific journalism in modern Russia]. *Nauka i sovremennost’ – Science and Modernity*, 2016, no. 45, pp. 8-12. (In Russian).
11. Kiselev V.S. Chto pochitat’, ili oskolki kanona: klassika v kommercheskikh elektronnykh bibliotekakh Runeta [What to read, or the debris of canon: the classics in commercial electronic libraries of Runet]. *Tekst. Kniga. Knigoizdaniye – Text. Book. Publishing*, 2016, no. 3 (12), pp. 57-76. (In Russian).
12. Pichugina T. *Lektsiya po nauchnoy zhurnalistike* [A Lecture about The Scientific Journalism]. Pt. 1, 2012, 7 December. (In Russian). At available: <https://www.youtube.com/watch?v=OdHPIZmuOA&feature=youtu.be> (accessed 25.07.2020).
13. Minchik S.S. *Griboyedov i Krym* [Griboyedov and Crimea]. Simferopol, Business-Inform Publ., 2011, 276 p. (In Russian).
14. Beynenson V.A. Spetsifika razvitiya nauchno-populyarnykh blogov [Specificity of the development of popular science blogs]. *Nauchno-populyarnaya zhurnalistika: opyt sistemnogo analiza* [Scientific-Popular Journalism: Experience of the System Analysis]. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod Publ., 2018, pp. 42-52. (In Russian).
15. Semykin V.S. Effektivnost’ upravleniya vnimaniya chitatelya v rossiyskikh setevykh nauchno-populyarnykh izdaniyakh [Effectiveness of managing the reader's attention in the Russian network of popular science publications]. *Sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Mediachteniya SKFU»* [Collection of Works based on the Results of the International Research and Practical Conference “SKFU Media Reading”]. Stavropol, Servisshkola Publ., 2017, pp. 217-226. (In Russian).
16. Buranbayev A.M. *Informatsionnyye resursy v oblasti khudozhestvennoy literatury i literaturovedeniya v seti Internet: opyt analiza* [Resources in the Field of Library Science: The Experience of Analysis]. (In Russian). Available at: <http://technology.snauka.ru/2016/02/9493> (accessed 10.07.2020).
17. Sergeyev O.V. Aktual’nyye internetnyye resursy po izucheniyu istorii i teorii russkoy literatury v World Wide Web [Relevant Internet resources for the study of the history and theory of Russian literature in the World Wide Web]. *Sbornik nauchnykh trudov Vyp. IV. Itogi Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati d.f.n., professora Voylovoy K.A. «Russkiy yazyk v slavyanskoй mezhkul’turnoy kommunikatsii: istoriya i sovremennost’»* [Collection of Scientific Works. Issue IV. Results of the International Research Conference in the Memory of Dr. philol. sci., Professor Voilova K.A. “Russian Language in Slavic Intercultural Communication: History and Modernity”]. Moscow, Information and Publishing Department of Moscow Region State University, 2016, pp. 248-258. (In Russian).
18. Krasilnikova M.A. Gumanitarnoye znaniye v khronotope perekhodnosti: zachem gumanitaristika v «smutnyye vremena»? [Humanitarian knowledge in the chronotope of transition: why humanitarianism is needed in “Troubled Times”?]. *Grand Altai Research & Education*, 2019, no. 1, pp. 190-195. (In Russian).
19. Zagrebelnaya N.K. Fanfiki po «Goryu ot uma»: retseptsiya klassiki v kontekste massovoy kul’tury [The Fanfiks on “Woe from Wit”: the reception of the classics in the context of mass culture]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Khmelitskiy sbornik. Vyp. 17. «Um i dela tvoi bessmertny v pamyati russkoy...»* [Proceedings of International Conference “Khmelita Collection. Issue 17. “Your Mind and Deeds are Immortal in the Memory of the Russian...”]. Vyazma, 2016, pp. 145-154. (In Russian).
20. Sidorenko K.P. «Gore ot uma» v russkoy rechi [“Woe from Wit” in Russian speech]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta – Bulletin of the Herzen University*, 2009, no. 11 (73), pp. 40-45. (In Russian).
21. Yuryeva M.V. «Yazyka klaviatura»: tvorcheskaya lichnost’ A.S. Griboedova v sovremennoy setevoy poezii [“The keyboard of language”: the creative personality of A.S. Griboedov in contemporary network poetry]. *Materialy Mezhdunarodnoy zaachnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora L’va Aleksandrovicha Stepanova «Klassicheskoye naslediyе russkoy literatury i sovremennost’: kontseptsii, interpretatsii, opyty analiza teksta»* [Proceedings of International Correspondence Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor Lev Aleksandrovich Stepanov “Classical Heritage of Russian Literature and Modernity: Concepts, Interpretations, Experience of Text Analysis”]. Krasnodar, 2016, pp. 115-118. (In Russian).
22. Afanasyeva E.M. Tvorchestvo A.S. Pushkina i pushkinistika epokhi tsifrovyykh kommunikatsiy [The work of A.S. Pushkin and pushkinistics of the era of digital communications]. *Sbornik nauchnykh rabot po itogam*

Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «XXVIII Pushkinskiye chteniya» [Collection of Scientific Works on the Results of the International Scientific and Practical Conference “XXVIII Pushkin Readings”]. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2019, pp. 10-16. (In Russian).

Информация об авторе

Минчик Сергей Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация. E-mail: sersermin@ukr.net

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ литературных источников, обобщение опыта исследователей, обработка результатов исследования, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4386-6619>

Поступила в редакцию 07.08.2020 г.

Поступила после рецензирования 21.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Sergey S. Minchik, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department. V.I. Vernadsky Crimea Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation. E-mail: sersermin@ukr.net

Contribution: study conception, literature references search and analysis, synthesis of researches experience, research results processing, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4386-6619>

Received 7 August 2020

Reviewed 21 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

Тема Галлиполи в русской литературе

Маргарита Станиславовна СОСНИЦКАЯ^{1,2}

¹ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук» (ИМЛИ РАН)
121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25а

²Миланский государственный университет
20123, Итальянская Республика, г. Милан, Площадь Сан Алессандро, 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7316-8969>, e-mail: vedarita@mail.ru

Gallipoli theme in Russian literature

Margarita S. SOSNIZKAJA^{1,2}

¹A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science
25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russian Federation

²Milan State University
1 San Alessandro Sq., Milano 20123, Italian Republic
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7316-8969>, e-mail: vedarita@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена история русских беженцев, оказавшихся на территории Турции. Они были размещены в Голом поле. Несмотря на условия, трудно совместимые с жизнью, они поддерживали дисциплину и вели активную общественную жизнь в пределах поселения, однако, плоды и наработки этой деятельности вышли далеко за эти пределы и, благодаря трудам И.С. Лукаша и Г.И. Газданова, стали достоянием русской классической литературы. Судьба этих двух мастеров пера параллельна то буквально, то с точностью наоборот. Не у всех литераторов Голого поля была такая счастливая литературная звезда, как у них: молодой поэт юнкер В. Рутковский скончался от ран в «Долине роз и смерти». И.С. Лукаш и Г.И. Газданов нигде не пишут друг о друге, но аналогии в их прозе совпадают, порой, дословно. Проведён показательный анализ нескольких страниц. Писали они об одних и тех же событиях, ставших частью их лично-коллективного опыта. Сделан анализ книги «Газданов» О.М. Орловой из серии ЖЗЛ (Жизнь замечательных людей). В статье собраны свидетельства о галлиполийском стоянии русских беженцев практически из первых уст, даны сведения об архиве хроники их будней.

Ключевые слова: документальная повесть И.С. Лукаша «Голое поле»; пьеса А.М. Ренникова «Галлиполи»; «Повесть о трёх неудачах» Гайто Газданова; профессор В.Х. Даватц; «вчерашие русские» В.В. Маяковского; аналогии судеб Г.И. Газданова и И.С. Лукаша; поэты В. Рутковский и Н. Тuroверов; «Дроздовцы в огне» А.В. Туркула; А.М. Горький о судьбе молодых поколений в России

Для цитирования: Сосницкая М.С. Тема Галлиполи в русской литературе // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 776-782. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-776-782

Abstract. We consider the history of Russian refugees who found themselves on the territory of Turkey. They were placed in the Naked Field. Despite the conditions that are difficult to compatible with life, they maintained discipline and led an active social life within the settlement, however, the profits and achievements of this activity went far beyond these limits and, thanks to the works of I.S. Lukash and G.I. Gazdanov, became the property of Russian classical literature. The fate of these two pen masters is sometimes literally parallel, sometimes exactly the opposite. Not all the writers of the Naked Field had such a lucky literary star as they had: the young poet junker V. Rutkovsky died of wounds in the "Valley of Roses and Death". I.S. Lukash and G.I. Gazdanov never write about each other, but the analogies in their prose coincide, sometimes word for word. We carry out an indicative analysis of several pages. They write about the same events that became part of their personal and collective experience. We analyze the book "Gazdanov" by O.M. Orlova from the "Life of Wonderful People" series. The work contains evidence of the Gal-

lipoli standing of Russian refugees practically from first hand, provides information about the chronicle of their everyday life.

Keywords: Documentary novel by I.S. Lukash “The Naked Field”; play by A.M. Rennikov “Gallipoli”; “The Tale of Three Failures” by Gaito Gazdanov; Professor V.K. Davatz; “Yesterday’s Russians” by V.V. Mayakovsky; fates analogies of G.I. Gazdanov and I.S. Lukash; poets V. Rutkovsky and N. Turoverov; “Drozdovtsy fire” by A.V. Turkul; A.M. Gorky on the fate of young generations in Russia

For citation: Sosnizkaja M.S. Tema Gallipoli v russkoy literature [Gallipoli theme in Russian literature]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 776-782. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-776-782 (In Russian, Abstr. in Engl.)

К столетию исхода Белой армии
из Крыма в Турцию 1920–2020

В хронологической последовательности первооткрывателем темы Галлиполи в русской литературе является Иван Созонтович Лукаш (1892, Санкт-Петербург – 1940, Мёдон, Франция), поэт, исторический писатель, журналист, соавтор В.В. Набокова, написавший летом 1921 г. документальную повесть «Голое поле» с подзаголовком «Книга о Галлиполи», которая год спустя была опубликована печатницей «Балкань» в Софии.

Галлиполийская хроника начала составляться ещё во время пребывания в лагере. Сергей Николаевич Ряснянский (1886, Сумы – 1971, Нью-Йорк), соратник Корнилова, Георгиевский кавалер, редактор «Вестника совета русского зарубежного воинства» писал: «Со своей стороны обитатели Галлиполи начали издавать свои иллюстрированные журналы, в которых художники помещали свои рисунки и очень удачные карикатуры, главным образом на французов. Художники сначала писали иконы для церквей, а потом картины, и даже устроена была выставка их произведений. Наиболее интересным был иллюстрированный журнал: «Развей горе в голом поле». Кроме этих журналов, часто выпустивших только 2–3 номера, был составлен капитальный труд «Русские в Галлиполи», отпечатанный позже, в 1923 г., в Берлине» [1]. Отдельной книгой труд этот был издан офицером, историком, литературоведом Владимиром Викторовичем Лобыцыным и носит документальный характер. В Софии же, в издательстве «Русь» на Беньковской улице, 34, в 1925 г. была опубликована пьеса Андрея Митрофановича Ренникова (1882–1957) «Галлиполи», написанная в 1923 г. Это трагедия в духе времени, дополняющая общую панораму галлиполийского стояния.

Сюжет её выстроен по схеме типичной ситуации эпохи настолько, что с первых страниц становится понятно дальнейшее развитие событий: старый барин отказывается эмигрировать с сыном, заявляя, что он уже не представляет интереса для новой власти, а она его бросит в подвалы ЧК и подвергнет пыткам, чтобы узнать, где спрятаны фамильные драгоценности. В жизни же, например, 84-летнюю основательницу порта Хорлы Софью Богдановну Фальц-Фейн, бабушку легендарного барона Э.А. Фальц-Фейна (1912–2018), не пожелавшую покидать родину с сыновьями, красные расстреляли из пулемёта. В сюжете пьесы «Галлиполи» история отражается по коллективно-личному принципу великого в малом. Сам А.М. Ренников покинул родные берега в 1920 г., отбыв из Новороссийска в Белград через Варну; галлиполийскую чашу судьбы пронёс мимо: нога его не ступила на Голое поле в «долине смерти» у пересыхающей летом каменистой речки Биюкдере, где разместили лагерь в шести километрах западнее города Галлиполи.

Но все это было написано и напечатано за границей, а российский читатель прозу о Галлиполи впервые прочитал в трехтомнике Гайто Ивановича Газданова, вышедшем в Москве, в издательстве «Согласие» в 1999 г., где этой теме в «Повести о трёх неудачах» отведено несколько страниц, возникших из «далеких и гулких пустырей памяти» [2, т. 3, с. 19]. У И.С. Лукаша «Голое поле» – отдельное произведение объёмом в три печатных листа. И оно активно пересказывается в биографии Газданова, написанной О.М. Орловой, в серии ЖЗЛ, 2003 г. издания «Молодой гвардии».

Как Лукаш, так и Газданов жили в Галлиполийском лагере. И целая глава моногра-

фии О.М. Орловой, посвящённая пребыванию в нём, называется «Долина роз и смерти» – так, как когда-то было названо англичанами это гиблое место, ныне г. Галибулу. Имя Лукаша приведено мелким шрифтом в библиографии в конце книги. Читателю не совсем понятно, что вся жизнь в лагере воспроизведена О.М. Орловой именно со слов Ивана Созонтовича. И документальная повесть Лукаша создаёт эффект «дежа вю»: знакомого материала, связанного с судьбой и творчеством Г.И. Газданова. К тому же, интонация описания портретов героев у обоих авторов иногда очень похожа. В этом легко убедиться, сопоставив несколько страниц из их произведений:

«Генерал Вятковский (генерал-лейтенант 1-й пехотной дивизии В.К. Витковский. – М. С.), невысокий, мягкой поступи человек, с маленькими белыми ручками, в лёгких веточках голубых жил. У него седеющая, русая голова и выбрит до синевы его круглый подбородок, а глаза светлые и стальные, с белыми клинками холодных зрачков. И от этого лица, и от мягкой поступи, и от белых рук, веет монашеской чистотой» [3, с. 39], – пишет Иван Лукаш.

«Но одним из самых смелых людей, каких я когда-либо видел, был солдат Даниил Живин, которого все звали Данько. Он был добродушный, худой, маленький человек, большой любитель посмеяться и хороший товарищ. Он был до такой степени лишён честолюбия и так был способен забывать о себе для других, что это казалось невероятным» [2, т. 1, с. 125], – будто подхватывает рассказ Лукаша Газданов. А способность солдата Данько невероятно «забывать о себе для других» разве не приравнивается к «монашеской чистоте» генерала Вятковского? Оба они – воины одной армии, поэтому общего у них ещё очень много.

Но именно это общее вольно или невольно позволяет О.М. Орловой перевести стрелки с хронологического приоритета И.С. Лукаша в галлиполийской теме в пользу Г.И. Газданова. Она рассказывает о кутеповских порядках в лагере, вспоминает Манштейна, которому уделено много внимания на страницах И.С. Лукаша, не упоминая его имени. В результате написанное Газдановым принимается за точку отсчёта этой темы, по-

зволяющую полагать, что Иван Лукаш дополнил, а не открыл галерею портретов и типажей Белой гвардии. А тем более, один из героев И.С. Лукаша, профессор Даватц (Даватцъ), «приват-доцент математики, что из Харькова, простым солдатом пошёл на бронепоезд» [2, т. 1, с. 139-140]. Вероятно, на тот самый, на котором воевал Газданов. Ведь свой опыт войны Газданов получил именно на бронепоезде по названию «Дым». Этот «летучий голландец» Гражданской войны скитался неподалёку от родных мест Даватца: «Целый год бронепоезд ездил по рельсам Таврии и Крыма, как зверь, загнанный облавой и ограниченным кругом охотников. Он менял направления, шел вперед, потом возвращался, затем ехал влево, чтобы через некоторое время опять мчаться назад. На юге перед ним расстилалось море, на севере ему заграждала путь вооружённая Россия» [3, с. 23]. Принимая же во внимание состояние военной техники в то время, трудно предположить, что бронепоездов было много. А Владимир Христофорович Даватцъ (1883–1944), профессор математики Харьковского университета, журналист, публицист, галлиполиец, был одним из авторов сборника статей, посвящённых пребыванию 1-го армейского корпуса Русской армии в Галлиполи, изданного в Берлине в 1923 г.

И коль герой И.С. Лукаша воевал вместе с героями Г.И. Газданова, то, наверняка, эти два автора хотя бы визуально были знакомы в Галлиполи. Задушевными друзьями они, конечно, не были, иначе упомянули бы об этом где-то в собрании сочинений. Но можно не сомневаться, что они были знакомы визуально. «Загорелая белозубая молодёжь, эти русские гимназисты, реалисты, студенты, вышедшие из доменной печи боёв, – не боятся ни зимы, ни голода, ни тоски, не тифа» [3, с. 48] – разве не о Газданове, ушедшем на фронт в шестнадцать лет гимназистом и больше никогда не видевшем своей матери, дожившей до седины, не о таких, как Газданов, пишет эти строки Иван Созонтович? Пишет, невольно делая другого писателя, то есть Газданова, пусть безымянным, но всё же героем своего произведения – одним из лиц в групповом литературном портрете. Он был не единственным: «Вот могила раннего поэта Рутковского, юнкера, сгоревшего от лихо-

радки весной. Могильные, посвежелые от дыхания ночи травы, может быть, шепчут недосказанным смутным шёпотом его ранних стихов... об огнях родных городов... О серой сказке осеннего дождя, когда дремлет в седле на долгих кавалерийских маршах, об утреннем пенье серебряной сигнальной трубы, поднятой к заре и к солнцу...» [3, с. 54]. Судьба поручика В. Рутковского напоминает судьбу рано ушедшего поэта В.Д. Веневитинова (1805–1827). Строки Лукаша – это эпитафия поэту не на могиле, а в серебряном сиянии сигнальной трубы и под её звуки.

Г.И. Газданов пишет в романе «Вечер у Клэр»: «Когда я стоял на борту парохода и смотрел на горящую Феодосию...» [2, т. 1, с. 151]. Известно, что все 130 судов, покидавших Крым, были забиты людьми, допускаем почти стопроцентную вероятность, что на пожар в Феодосии смотрел и Иван Лукаш. «Долго ещё берега России преследовали пароход: сыпался фосфорический песок на море, прыгали в воде дельфины, глухо вращались винты и скрипели борта корабля; и внизу, в трюме, слышалось всхлипывающее лепетание женщин и шум зерна, которым было гружено судно» [3, т. 1, с. 152]. Все грузы коммерческих судов в Турции реквизировали, а почти все суда были переданы стороне, взявшейся предоставлять обеспечение продовольствием – французскому оккупационному командованию.

«Под звон корабельного колокола мы ехали в Константинополь; и уже на пароходе я стал вести иное существование» [3, т. 1, с. 153], – под этими словами Г.И. Газданова мог подписаться не только И.С. Лукаш, но и любой из ста пятидесяти тысяч крымских беженцев, в том числе писатель-юморист А.Т. Аверченко или казак-поэт Н.Н. Туроверов.

Одни уходили из России, другие в ней оставались. Но все переживали одну общую трагедию и писали о ней, порой, одними и теми же словами, как и Владимир Маяковский в России в поэме «Хорошо» в 1927 г.:

«А в транспортах-галошинах
далеко,
сзади,
тащились
оторванные
от станка и пахот,
узлов

полтора
накручивая за день.
От родины
в лапы турецкой полиции,
к туркам в дыру,
в Дарданеллы узкие,
плыли
завтрашние галлиполийцы,
плыли
вчерашние русские.
Впе-
реди
година на године.
Каждого
трясись,
который в каске.
Будешь
доить
коров в Аргентине,
будешь
мереть
по ямам африканским.
Чужие
волны
качали транспорты,
флаги
с полумесяцем
бросались в очи,
и с транспортов
за яхтой
гналось –
«Аспиды,
сперли казну
и удрали, сволочи» [4, с. 301].

Как мы помним, все грузы коммерческих судов в Турции реквизировали, а суда «аспиды» передали французскому оккупационному командованию.

Поэма «Хорошо» вышла в свет через шесть лет после повести И.С. Лукаша «Голое поле».

Впоследствии Газданов писал в Париже: «Тяжёлое, братя, солнце над Дарданеллами. Вот и сплю и вижу во сне Галлиполи, плевки белой пены на гальку и длинный чёрно-жёлтый берег. <...> Перед бегством оттуда я пошёл посмотреть на кладбище тех, кого судьба послала из России на бледный берег Галлиполи для утучнения чужой земли» [2, т. 3, с. 25]. Видел ли он могилу Рутковского?

Вариация на эпизод, описанный Николаем Туроверовым в стихотворении «Уходили мы из Крыма», всем хорошо знаком по советскому кинофильму «Два товарища»:

Среди дыма и огня.
 Я с кормы, всё время мимо,
 В своего стрелял коня.
 <...>
 Конь всё плыл, теряя силы,
 Веря в преданность мою.
 Мой денщик стрелял не мимо.
 Покраснела чуть вода...
 Уходящий берег Крыма
 Я запомнил навсегда [5, с. 42].

Страницы Гайто Газданова о Галлиполи, общность его судьбы с Иваном Лукашем, отсутствие своевременного издания его документальной повести в России и глава в книге О.М. Орловой – всё это в глазах постсоветских читателей вместе отняло у Ивана Лукаша право первенства на открытие галлиполийской темы в русской литературе. Притом, что, по словам В.В. Леонидова, «Голое поле» до сих пор считается одной из лучших книг, посвящённых трагедии гражданской войны. Но когда возвращение творчества Лукаша на родину состоится в полной мере, истинное положение вещей и справедливость восстановится – ведь «Голое поле» написано в 1921 г., а «Повесть о трёх неудачах» лишь в 1927.

Судьбы Г.И. Газданова и И.С. Лукаша во многом параллельны: оба родились в Санкт-Петербурге, оба воевали в Белой армии, эвакуировались из Крыма, попали в Галлиполи и прошли через него, оба стали масонами, правда, первый пожизненно, второй – на несколько лет. По возрасту у них была разница в 10 лет, поэтому для Газданова гражданская война и Галлиполи были периодом становления личности, а Лукаш прошёл через эти испытания уже сформировавшимся человеком. «Галлиполийское чудо, длившееся около года, было последним подвигом Белой армии, – писал историк русского рассеяния М. Назаров. – Но им (галлиполийцам. – М. С.) предстояло оказать решающее влияние на становление русской политической эмиграции» [6, с. 249].

Эхо темы Галлиполи звучит и в более поздних рассказах И.С. Лукаша, например, в «Лавре Корнилове»: «...в какой святой нетронутости засиял образ России в Галлиполи. Русское Галлиполи – завершённый образ преодоления революции. Там были побеждённые? Нет, победившие. <...> Мы – ядро

новой русской нации, преодолевающей поражение, революцию, изгнание» [7, с. 290] (в том числе, ядро «русской политической эмиграции». – См. абзацем выше).

Благодаря произведениям Лукаша и Газданова, Галлиполийский лагерь стал нестираемой страницей русской истории XX века, ступенью на пути мученичества русского народа, согласно определению Владимира Соловьёва: «Идея нации не то, что она думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности»¹.

Возвращение наследия И.С. Лукаша на родину делает галлиполийскую тему эпически ещё более значимой и тем ставит в один ряд с историческими думами Украины (включе думы «Бегство трёх братьев с Азова» [8] и др.), то есть в ряд фольклора. Живи Лукаш в былинные времена, то его «Голое поле» стало бы частью безымянно-коллективного фольклора. Сейчас тема Галлиполи уже не связывается только с прозой Лукаша и Газданова: в 1973–1975 гг. в Мюнхене вышел двухтомник В.М. Кравченко «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи» с документальными фотографиями, в 2018 г. издательство АСТ выпустило дневники «Походы и кони» конного артиллериста С.И. Мамонтова, закончившего войну поручиком в Галлиполи, а на конференции «1917 год в истории и судьбе русского зарубежья» в конце октября 2017 г. в Доме русского зарубежья им. А.И. Солженицына было прочитано два доклада, расширяющих ее горизонты: «Из истории «Галлиполийского сидения»: по материалам из архива Б.К. Краевича», (М.К. Свиченская, Российская национальная библиотека Санкт-Петербурга) и «Женские лики «Галлиполийского сидения» (И.В. Крылова, Турция). По упомянутой выше книге «Русские в Галлиполи», переизданной в РФ, существует публикация в Интернете [9]. В архив входят 274 фотографии галлиполийской жизни, а также в нём упоминаются события, описанные И.С. Лукашем, например, концерт известной певицы Надежды Плевицкой. Сборник памяти самого В.В. Лобыцына «А над небом вьётся

¹ Православие в Карелии: Информационный портал Петрозаводской и Карельской епархии Русской православной церкви. URL: <http://eparhia.karelia.ru/index.html> (дата обращения: 24.04.2020).

стяг Андреевский» появился в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына в 2015 г.

2. «Голое поле» как описание трагедии русской молодёжи. Для всех русских галлиполийцев испытания в «Долине роз и смерти» стали школой выживания и укрепления духа. Несмотря на голод, антисанитарию, тиф, генерал А.П. Кутепов (Кутепаша, как его называли) не допустил разложения дисциплины. Хотя никому из служивших под его началом не удалось спасти Россию от большевизма, они спасли честь и лицо своей армии, человеческое достоинство каждого её солдата.

«В Галлиполи несёт монашеский подвиг русская молодёжь», – пишет Лукаш. Но мученикам «Долины роз и смерти», по мнению Лукаша, всё-таки повезло по сравнению с оставшимися на родине соотечественниками. Например, Кутепов запрашивал французов увеличить рацион питания галлиполийцев, но ему было отказано под тем предлогом, что норма красноармейцев в России ещё меньше.

Писатель вопрошает: «Где осталась ещё такая сияющая духом русская молодёжь, обречённая на крови и подвигу?..» [3, с. 61]. Осталась она в России, по которой галлиполийские страстотерпцы отчаянно тосковали, в России, где попала «сияющая духом русская молодёжь» в жернова красного террора. У беженцев в Галлиполийском лагере была хотя и голодная, бедная, казарменная, но всё-таки жизнь. Здесь работали курсы языков, гимназия, народный университет, библиотеки, гарнизонный театр, хор, проходили гимназические занятия и выступления, жили дети. Именно после Галлиполи Газданов и Лукаш состоялись как писатели, да и подавляющее большинство бывших галлиполийцев нашло своё место на чужбине. «Солнце мёртвых» Ивана Сергеевича Шмелева рассказывает о том, что творилось в Крыму после того, как его заняли большевики. Почти всем, кто поверил обещаниям или не успел сесть на корабли, отбывшие в Константинополь, это стоило жизни.

Генерал Антон Васильевич Туркул, чьи воспоминания «Дроздовцы в огне» И.С. Лукаш литературно обработал, признался во время галлиполийского изгнания, что на войне «много приходилось расстреливать», говорит, что «все умирают молча. <...> Блед-

ные и понурые». Потом прибавляет: «Только, как бы сказать, – интеллигенты что ли, – те пощады просили. Разные красные командиры и разные политкомы. Омерзительно унижались. Сапоги целовали. Называли вашим высокопревосходительством» [3, с. 46]. Туркул вспоминает, что они вели себя, как трусливые шакалы. В предисловии он в 1948 г. горячо благодарит к тому времени уже покойного «своего неутомимого сотрудника Ивана Лукаша» [10, с. 7] за помощь в обработке материалов для этой документальной книги, написанной совершенно чистым от каких-либо излишеств, прозрачным, незамутнённым стилем, языком, в котором встречаются давно вышедшие из обихода слова (до-прежде, кость мозжила, дортуары). «Дроздовцы в огне» – это военная классика уровня «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря.

«Зелёный наш сад, милая наша надежда российская, русская молодёжь, послушник наш Алёша, третий из братьев, молодой, который придёт на смену всем нам, и русским холодным безумцам Иванам, что сродни чёрту, и Дон Кихотам Митям, прокутившим душу, и мерзостным Смердяковым. Третий брат, милый Алёша, за которым обещанная в великой крови и на гноищах, третья Россия» [3, с. 61], – скорбит обо всех невинно убиенных Иван Созонтович Лукаш, счастливчик Долины роз и смерти, в своём светлом монументальном реквиеме «Голое поле». Скорбь эта объединяет его с генералом и писателем А.В. Туркулом, писавшего в упомянутой книге: «Я вспоминаю на Карпатах <...> и тысячи тысяч других русских солдат, верных присяге и долгу, спящих теперь впопалку в братских могилах до трубы архангела» [10, с. 8]. Москва – третий Рим, а вот гноища русской молодёжи по планете (Турция – не Европа) – это уже третья Россия. Что же это за миссия такая ценою русской крови? Миссия, выходящая за пределы государственных границ, да и за пределы эпох: «Начиная с 60-х гг. мы пытались пробить головами молодёжи стену самодержавия, пятьдесят лет истреблялось русское юношество в тюрьмах, ссылке, каторге» [11], – писал А.М. Горький об участии молодых поколений при самодержавии. Смена социального строя не улучшила судьбу молодёжи. Галлиполийская страда – фрагмент этого вневременного процесса.

Список литературы

1. Ряснянский С. Галлиполи. Б. м., 1971.
2. Газданов Г.И. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Согласие, 1999.
3. Лукаш И.С. Голое поле. София, 1922.
4. Маяковский В.В. Стихотворения и поэмы. М., 2018.
5. Астапенко М.П., Астапенко Е.П. Николай Тuroverov: казак, воин, поэт. Ростов н/Д.: Терра, 2014. 102 с.
6. Паламарчук П.Г. «Ключ» к Гоголю. СПб.: Астрель-СПб., 2009. 318 с.
7. Лукаш И.С. Со старинной полки. Париж, 1995.
8. Кирдан Б.П. Неизвестный вариант украинской думы «Побег трёх братьев из города Азова, из турецкой неволи» // Советская этнография. 1963. № 5. С. 92-94.
9. Русская армия в Галлиполи / публ. [и коммент.] В. Лобыцына // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2004.
10. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. М.: Вече, 2013.
11. Горький А.М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. М., 1917. № 175. 8 (21) нояб.

References

1. Rysnyanskiy S. *Gallipoli* [Gallipoli]. S. l., 1971. (In Russian).
2. Gazdanov G.I. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Completed Works: in 3 vols.]. Moscow, Soglasiye Publ., 1999. (In Russian).
3. Lukash I.S. *Goloye pole* [Naked Field]. Sophia Publ., 1922. (In Russian).
4. Mayakovskiy V.V. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetry and Poems]. Moscow, 2018. (In Russian).
5. Astapenko M.P., Astapenko E.M. *Nikolay Turoverov: kazak, voin, poet* [Nikolai Turoverov: Cossack, a Warrior, a Poet]. Rostov-on-Don, Terra Publ., 2014, 102 p. (In Russian).
6. Palamarchuk P.G. «*Klyuch*» k Gogolyu [“Key” to Gogol]. St. Petersburg, Astrel-St. Petersburg Publ., 2009, 318 p. (In Russian).
7. Lukash I.S. *So starinnoy polki* [From an Antique Shelf]. Paris, 1995. (In Russian).
8. Kirdan B.P. Neizvestnyy variant ukrainskoy dumy «Pobeg trekh brat'yev iz goroda Azova, iz turetskoy nevoli» [Unknown version of the Ukrainian Duma “Escape of three brothers from the city of Azov, from Turkish captivity”]. *Sovetskaya etnografiya – Soviet Ethnography*, 1963, no. 5, pp. 92-94. (In Russian).
9. Lobytsyn V. (publ. and comments). *Russkaya armiya v Gallipoli* [Russian army in Gallipoli]. *Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Al'manakh* [Russian Archive: History of the Fatherland in Evidence and Documents of the 18th–20th centuries. Almanac]. Moscow, Studio Trite Publ.; Federal Archival Agency of Russia Publ., 2004. (In Russian).
10. Turkul A.V. *Drozdvtsy v ogne* [Drozdvtsy Fire]. Moscow, Veche Publ., 2013. (In Russian).
11. Gorkiy A.M. Nesvoyevremennyye mysli [Untimely thoughts]. *Novaya zhizn' – New Life*, Moscow, 1917, no. 175, 8 (21) Nov. (In Russian).

Информация об авторе

Сосницкая Маргарита Станиславовна, соискатель. Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; преподаватель русского языка. Миланский государственный университет, г. Милан, Итальянская Республика. E-mail: vedarita@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, поиск литературы, работа с архивными источниками, анализ и работа с литературными источниками, написание, оформление и редактирование статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7316-8969>

Поступила в редакцию 02.06.2020 г.
Поступила после рецензирования 14.07.2020 г.
Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Margarita S. Sosnizkaja, Competitor. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation; Russian Language Lecturer. Milan State University, Milan, Italian Republic. E-mail: vedarita@mail.ru

Contribution: study conception, literature search, work with archival sources, literature references analysis and work, manuscript drafting, design and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7316-8969>

Received 2 June 2020
Reviewed 14 July 2020
Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-783-793
УДК 821.161.1

Оппозиция «дом – мир» в драматургии М.А. Булгакова 1920-х гг. («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег»)

Вэйци ЛЯН

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5481-979X>, e-mail: liangweiqi@yandex.ru

The opposition “home – world” in the drama of M.A. Bulgakov of the 1920s (“The Days of the Turbins”, “Zoyka’s apartment”, “Flight”)

Weiqi LIANG

Saint-Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5481-979X>, e-mail: liangweiqi@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены формы отражения и функции оппозиции «дом – мир» в поэтике пьес М.А. Булгакова 1920-х гг.: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег». Сделан вывод о том, что эта оппозиция организует их пространственную композицию. В «Днях Турбиных» выведено острое противостояние дома и мира, и победа оказывается за первым на сюжетном и идейном уровне, что подчёркивается циклической пространственной композицией. В пьесе «Зойкина квартира» внешний мир большей частью только подразумевается, однако его экспансия так активна, что своё пространство дома начинает двоиться, искажаться и в развязке утрачивается персонажами на сюжетном уровне, сохраняя при этом ценностную значимость. Эта последняя сохраняется и в пьесе «Бег», где сценическим пространством является внешний мир, а дом лишь подразумевается как воспоминание и мечта, сопутствующая действующим лицам. В сознании Булгакова дом противостоит миру как женское пространство мужскому. Характер взаимоотношений героя и героини, сила личности представителей обоих полов приводят к доминированию одного из типов пространства в каждой пьесе.

Ключевые слова: архетип «дом – мир»; М.А. Булгаков; хронотоп; русская драматургия 1920-х гг.; «Дни Турбиных»; «Зойкина квартира»; «Бег»

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Комитета по стипендиям КНР.

Для цитирования: Лян Вэйци. Оппозиция «дом – мир» в драматургии М.А. Булгакова 1920-х гг. («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег») // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 783-793. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-783-793

Abstract. We consider the reflection forms and opposition functions of the “house – world” in the poetics of M.A. Bulgakov’s plays of the 1920s: “The Days of the Turbins”, “Zoyka’s apartment” and “Flight”. We conclude that this opposition organizes their spatial composition. In “The Days of the Turbins”, an acute confrontation between home and world is brought out, and the victory is for the former on the plot and ideological level, which is emphasized by the cyclic spatial composition. In “Zoyka’s apartment”, the external world is mostly only implied, but its expansion is so active that its space at home begins to double, distort and in the denouement is lost by the characters on the plot level, while maintaining its value significance. This significance is preserved in the “Flight”, where the stage space is the outside world, and the home is only implied as a memory and a dream accompanying the actors. In Bulgakov’s mind, the home confronts the world as a women’s space to a men’s. The character of the relationship between the hero and the heroine, the

strength of the personality of both sexes lead to the dominance of one of the types of space in each play.

Keywords: archetype “home – world”; M.A. Bulgakov; chronotope; Russian drama of the 1920s; “The Days of the Turbins”; “Zoyka’s apartment”; “Flight”

Acknowledgements: The study is funded by China Scholarship Council.

For citation: Liang Weiqi. Oppozitsiya «dom – mir» v dramaturgii M.A. Bulgakova 1920-kh gg. («Dni Turbinykh», «Zoykina kvartira», «Beg») [The opposition “home – world” in the drama of M.A. Bulgakov of the 1920s (“The Days of the Turbins”, “Zoyka’s apartment”, “Flight”)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 783-793. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-783-793 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Архаическая фольклорная модель «дом – мир» как противостояние своего и чужого, космоса и хаоса до сих пор многое определяет в нашем пространственном мышлении. Она представлена в творчестве любого значительного писателя нового времени, а в произведениях некоторых даже занимает центральное место. К таким авторам справедливо причисляют М.А. Булгакова. Это в статье о «Мастере и Маргарите» показал ещё Ю.М. Лотман, сосредоточивший внимание на изображении писателем превращения в условиях советского быта дома в «антидом» [1]. В ряде работ отражение оппозиции «дом – мир» рассмотрено на материале прозы (см. например: [2; 3]), гораздо реже драматургии [4–6] М.А. Булгакова. Наблюдения, сделанные исследователями пьес, безусловно, ценны, но, во-первых, часто слишком категоричны, упрощают смысл текстов, подчиняя его готовой идеологической схеме, во-вторых, неполны: литературоведы обращаются к интересующей нас проблеме попутно, в процессе общего анализа того или иного текста, касаются преимущественно либо образа дома, либо квартирного вопроса. Само же противостояние дома и мира в драматургии Булгакова систематически, в соотнесении со структурой текста ещё так и не описано. При кажущейся очевидности многих из приведённых ниже суждений, их чёткая формулировка и систематизация представляются необходимыми для плодотворного изучения пьес писателя.

Обращение именно к ним при изучении архаической пространственной оппозиции в его творчестве особенно важно потому, что любое драматическое сочинение потенциально предназначено для театральной постановки, то есть реализации в формах пространственно-временного искусства, следо-

вательно, как раз в драме хронотопы, в пределах которых протекает действие, влияют на его характер намного сильнее, чем в лирике и эпосе. Все смысловые доминанты, в том числе и идейные модели, формирующие конфликт, маркированы прежде всего на уровне пространственно-временной композиции пьесы, в частности, пространство и время здесь всегда противопоставляются друг другу как сценическое и внесценическое. Поэтому пространственная оппозиция, используемая драматургом, всегда оказывает радикальное воздействие на все уровни текста.

В данной статье мы рассмотрим функционирование в синхроническом и диахроническом аспектах оппозиции «дом – мир» в пьесах М.А. Булгакова 20-х гг.: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег». Представляется, что они, имея много общих стилистических, композиционных приёмов, мотивов и тем, составляют единую группу, в которую не входит комедия «Багровый остров». Будучи прежде всего пародийной, она строится как вторичная художественная система по принципу «театра в театре» и потому не включена в настоящее исследование.

О том, что оппозиция «дом – мир» является исходной для его драматургии, косвенно и в образной форме свидетельствовал сам М.А. Булгаков, когда устами повествователя «Театрального романа» Максудова рассказывал, как написанный им роман превратился в пьесу [7, т. 8, с. 91-92]. Конечно, нельзя полностью отождествлять автора даже с автобиографическим персонажем, но у нас нет оснований сомневаться, что словами Максудова М.А. Булгаков вполне искренне передавал, как, по его мнению, зарождается идея драматургического произведения вообще и как оформился замысел его первой пьесы в частности, и совпадения её текста с назван-

ным фрагментом свидетельствуют о справедливости такого суждения.

Если поверить приведённой в романе версии о том, как появилась инсценировка «Белой гвардии», а эта версия значима для автора и намеренно внушается читателю, даже в случае её недостоверности, очевидно, что исходная идея данной драмы – именно противопоставление дома как пространства уютного, освещённого, защищённого, полного гармоничных звуков, враждебному миру, где господствуют холод, буря, тоска и тревога, навеванные гармоникой и воем ветра, опасность, война, смерть.

В первом, второй картине третьего и четвёртом актах «Дней Турбиных» действие происходит в квартире главных героев, в остальных эпизодах вне его. Дом и мир поочередно выступают в качестве сценического пространства и наделены прямо противоположными качествами. Все события, движущие действие, совершаются вне дома, где зритель наблюдает лишь их последствия. Таким образом пространственная композиция здесь очень чётко организует интригу.

Заглавие следующей пьесы – «Зойкина квартира» – сразу даёт понять публике, что и в ней тема дома принадлежит к центральным. Здесь почти соблюдено единство места: лишь маленький эпизод разворачивается в китайской прачечной, все остальные – в вынесенном в заглавие доме. Все события спровоцированы внесценическими факторами, но в отличие от «Дней Турбиных» совершаются на сцене, в самой квартире. Единство места, таким образом, ещё обостряет противопоставление дома и окружающего мира.

Отсутствие устойчивого для булгаковского творчества топоса дома в «Беге» (и ещё очень немногих произведениях) можно воспринимать как «минус»-приём. Место действия здесь меняется постоянно, как это характерно для повествовательных произведений. Сценическое и внесценическое пространство поэтому здесь мало различаются: в обоих случаях это более или менее враждебный героям мир, зато неназванный топос дома всё же неизменно подразумевается в речах персонажей, сопутствует им на протяжении всего действия.

Итак, соотношение сценического и внесценического пространства, драматический конфликт в рассматриваемых пьесах М.А. Булгакова основан на оппозиции «дом – мир».

В монографии, посвящённой драматургии 1920-х гг., Н.А. Гуськов выделяет несколько важнейших дифференциальных признаков дома [8, с. 73]. Рассмотрим, насколько каждый из выделенных учёным признаков дома присутствует в художественном мире трёх анализируемых пьес, связан с противостоянием в них дома и мира и влияет на развитие общего конфликта произведения.

«1) дом – устойчивое пространство, защищённое от природных и социальных невзгод внешнего мира» [8, с. 73].

Этот признак особенно настойчиво подчёркивается на протяжении всех вариантов инсценировки романа «Белая гвардия», что уже отмечалось, но всё же заслуживает внимания в интересующем нас аспекте проблемы. Дом Турбиных – пространство, где все герои ищут защиты от природных и социальных невзгод внешнего мира и всегда находят её. Во время всех эпизодов, происходящих в доме Турбиных, за сценой – зимнее ненастье, обычно вечер или ночь. Каждый появляющийся герой стремится сюда ради приюта, тепла и света, и его принимают по закону гостеприимства: так же заботливо. Как своего мужа, Елена встречает и обмороженного Мышлаевского, и своего дальнего родственника Лариона Суржанского, хотя последнего хозяева совсем не знают, а его пребывание в доме постоянно создаёт им неудобства. В шутовском комплименте Шервинского есть доля правды. «Ехал к вам на извозчике, казалось, что и голос сел, а сюда приезжаю – оказывается, в голосе» [9, с. 46]. У Турбиных все согреваются, насыщаются, излечиваются телом и душой.

За пределами гостеприимного дома с людьми поступают иначе. В штабе петлюровцев солдата, отморожившего, как и Мышлаевский, ноги, сначала чуть не расстреляли, а затем под арестом направили в лазарет, пообещав потом выпороть. Там же жестоко издеваются над евреем, отбирают хозяйский товар у подмастерья сапожника. Высшее начальство отправляет солдат и офицеров в бой без необходимого обмундирования, а потом и вовсе бросает их на произвол судьбы. Че-

ловец оказывается совершенно беззащитен и обречен.

Применительно к жилищу главных героев несколько раз возникают символические метафоры корабля (обычно тонущего) и крепости-тюрьмы. В первом акте, когда Тальберг убеждает из дома, Николка говорит, что тот на крысу похож, Алексей иронически добавляет: «а дом наш на корабль» [9, с. 119]. В конце первого акта Елена рассказывает свой вещий, как ей кажется, сон: «Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воет. Холодно-холодно. Волны. А мы в трюме. Вода поднимается к самым ногам... Влезаем на какие-то нары. И вдруг крысы. Такие омерзительные, такие огромные» [9, с. 126]. Исследователи, кажется, не отмечали очевидное сходство этого описания с известной картиной К.Д. Флавицкого «Княжна Тараканова»: во время наводнения в тюремной камере крысы стремятся спастись, забравшись на красавицу в богатом наряде, стоящую на скамье. Елена ощущает себя в положении знаменитой узницы Петропавловской крепости. Турбиным кажется, что они переживают нечто подобное кораблекрушению. У зрителя же возникают, кроме того, положительные, даже сакральные ассоциации в связи с указанными символами. Е.А. Яблоков справедливо охарактеризовал дом Турбиных как «спасительный “ковчег”» [10, с. 199]. Хотя, казалось бы, он ничем не защищён, но успешно выдерживает осаду, подобно крепости. Мышлаевский имел все основания назвать этот дом бого-спасаемым [9, с. 156].

Особенно это заметно, когда на протяжении пьесы в доме Турбиных всё чаще укрываются уже не от природных опасностей, а от социальных – от гражданской войны. Вне его стен погибают люди, убит Алексей Турбин, ранен Николка. Снаружи постоянно слышны выстрелы, но они не наносят разрушений и не изменяют установившегося порядка жизни, только всё чаще гаснет электричество. Обитатели дома трогательно не выпускают друг друга в опасное внешнее пространство и, осведомляясь, кто идёт, по-прежнему оказывают приют тем, кто нуждается в нём уже из-за войны.

Единственный персонаж, которого в финале пьесы встречают враждебно и вынуж-

дают удалиться – Тальберг, который ещё в первом акте не видел в доме Турбиных родного приюта, называл его трактиром и прямо отрёкся от его спасительной функции. С Тальбергом случилось то, что он сам себе предсказал: сбылась французская пословица «Кто уходит на охоту – тот потеряет своё место» [9, с. 117]. В поисках выгоды персонаж утратил дом, без которого, впрочем, он, видимо, легко обойдётся.

Защитная функция дома Турбиных особенно подчеркнута в знаменитом тосте Лариосика о кремовых шторах [9, с. 122]. Исследователи, много раз цитировавшие эти строки, кажется, не указывали на сходство этого фрагмента и пафоса всего произведения М.А. Булгакова в целом с одним из самых знаменитых отражений оппозиции «дом – мир» в русской литературе – первым эпилогом романа И.С. Тургенева «Рудин»: «<...> на дворе поднялся ветер и завыл зловещим завываньем, тяжело и злобно ударяясь в звенящие стекла. Наступила долгая, осенняя ночь. Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть тёплый уголок... И да поможет господь всем бесприютным скитальцам!» [11, с. 322]. Это место цитирует Нина Заречная в «Чайке» А.П. Чехова во время последней встречи с Треплевым. В истории МХАТ именно эта пьеса Чехова и «Дни Турбиных» считаются центральными спектаклями, во многом перекликающимися и проводящими ряд общих идей, значимых для постановщиков. Одной из них и была мысль о необходимости дома как приюта от чуждого, враждебного мира. Это зафиксировано в воспоминаниях современников, передававших впечатления от постановки: «Спектакль был потрясающий, потому что всё было живо в памяти у людей. Были истерики, обмороки, семь человек увезла скорая помощь, потому что среди зрителей были люди, пережившие и Петлюру, и киевские эти ужасы, и вообще трудности гражданской войны...» [12, с. 130]. «Шло 3-е действие “Дней Турбиных” <...> Момент напряжённый. В окне турбинского дома зарево. Елена с Лариосиком ждут. И вдруг слабый стук... Оба прислушиваются... Неожиданно из публички взволнованный женский голос: “Да открывайте же! Это свои!” Вот это слияние те-

атра с жизнью, о котором только могут мечтать драматург, актёр и режиссёр» [12, с. 210].

Доминирующая роль в пьесе отводится дому Турбиных прежде всего благодаря циклической пространственной композиции, которая утверждает его победу над внешним опасным миром, где события разворачиваются лишь в трёх центральных эпизодах. Начинается и заканчивается действие в доме, который, вопреки всем конфликтам, переживаниям и утратам, остался в основе своей неизменным.

Зойкина квартира – тоже убежище от враждебного мира для её обитателей и гостей. Действие начинается не зимней ночью, а в жаркий майский день, и каждый приходящий сюда получает возможность не погреться у камина, но утолить жажду холодным пивом. Подобно тому, как Турбины приютили у себя кузена Лариосика, Зоя предоставила жилище своему кузену Аметинову (впрочем, отчасти вследствие шантажа с его стороны). Главным же образом, как и в предыдущей пьесе, квартира оказывается социальным убежищем – не только для Аметинова и Херувима, живущих в СССР на нелегальном положении, но и всем гостям и клиентам, которым хозяйка ателье оказывает, помимо прочего, психологическую помощь.

Правда, в отличие от Турбиных Зое трудно ощущать себя полной хозяйкой своей квартиры. Положение героини переменчиво, и сценическое пространство при всей своей замкнутости оказывается пограничным, амбивалентным. Враждебный мир всё время вторгается в пределы дома, когда он, казалось бы, вполне защищён. Это постоянно подчёркивается уже в первом действии – в знаменательной начальной ремарке [2, с. 162], где элементы высокого и массового искусства перемешиваются с повседневными бытовыми звуками, рекламными репликами, и вся эта какофония несовместимых голосов вместе пытается через окна войти в квартиру. Потом сюда проникают сначала управдом, от которого героиня не может укрыться даже в собственной спальне и вынуждена спрятаться в шкаф, потом Аметинов, который подслушивает тайный разговор и шантажирует Зою.

Со второго действия квартира начинает выполнять, помимо своей основной роли

(жилища), также функции делового (ателье) и развлекательного публичного заведения, поэтому экспансия внешнего мира усиливается, постоянно приходят посторонние люди, и, каковы бы они ни были, для сохранения «своего» пространства Зоя и её домочадцы вынуждены любезно допускать в него чужих. Все это приводит в результате к тому, что обитатели квартиры её лишаются и вынуждены поневоле её покинуть.

Если в «Днях Турбиных» героев защищают даже лёгкие кремовые шторы, то в «Зойкиной квартире» бесполезны и более основательные способы домашней самообороны от нежелательных гостей. Управдом не только несколько раз в день приходит с угрозами, вымогая у героини деньги, но считает себя вправе проникать в квартиру и без её ведома. Довольно бесцеремонно ведут себя и сотрудники уголовного розыска, пришедшие под видом комиссии наркомпроса осматривать мастерскую в отсутствие хозяйки: «Ванечка <...> вынимает отмычку, осматривает столы, отдергивает занавески, обнаруживает картину обнажённой женщины» [9, с. 199]. В финале, вообще, агенты милиции пробираются в квартиру тайно.

Из опасностей, которыми угрожает ей внешний мир, больше всего Зою страшит уплотнение. Она судит, насколько эта угроза малопреодолима, по судьбе дома Оболянинова, который отобрали, оставив одну комнату. Чувствуя себя беззащитными перед представителями власти, герои не ощущают, что главная-то угроза подчинения их жизненного пространства чужой воле происходит изнутри. Аметинов не подозревает, какой роковой смысл имеет шутливое обращение к Херувиму: «поручаю тебе квартиру и ответственность возлагаю на тебя» [9, с. 196]. Следующая сцена показывает, что китаец строит вполне серьёзные планы и, действительно, считает себя настоящим хозяином этого дома: «Ты иди с квартиры, иди! Это моя квартира <...>!» [9, с. 198].

У героев «Бега» нет не только такого надежного приюта, как у Турбиных, но и такого призрачного, как у Зои. Все помещения, изображённые в этом тексте, лишены черт дома, защищённого от внешнего мира: и монастырь, и железнодорожная станция, и дворец в Севастополе, и те скромные жилища,

которые занимают эмигранты в Константинополе, и даже богатая квартира Корзухина в его собственном доме в Париже.

Монастырь, напоминая катакомбы ранних христиан, потерял своё назначение «Дома Божьего». Действия монахов контролируются войсками, поочередно захватывающими обитель, пришедшими сюда со своим, армейским, уставом и не церемонящимися с братией. Военный беспорядок лишил монастырь возможности стать безопасным приютом для беженцев, защитить их от враждебного мира, выполняя свои прямые духовные функции. По своему расположению для белых и беженцев, ничего не имеющих против монахов, рискованно оставаться здесь, чтобы не оказаться в окружении. Приход же красных, враждебных духовенству как классу, опасен для братии, встречавшей Чарноту колокольным звоном.

Не может стать спасительным убежищем и железнодорожная станция, по сути своей – пространство не интимное, а публичное, к тому же переходное, особенно же в условиях военного времени. Даже для начальника станции, его жены и дочери, вокзал, где они постоянно живут, превратился в источник тревоги и опасности, ведь на фонарях перрона повешены люди, в бывшем буфете допрашивают и пытаются, а за что и кто окажется новой жертвой – угадать невозможно. Бледный Георгий Победоносец с лампадкой только подчёркивает незащищенность вокзала от мороза, тьмы и войны.

Константинопольские жилища эмигрантов самой своей архитектурой подчёркивают невозможность для их обитателей укрыться от внешнего мира: дома с галереями, выходящими во двор, воспринимаются русским зрителем как не до конца замкнутое, частично открытое пространство, которое не спасает ни от жары и духоты, ни от посторонних наблюдателей и неожиданных посетителей. Обсуждение всех самых сокровенных обстоятельств семейной жизни происходят во дворе, публично. Хотя переулок возле дома пустынен, но в самые драматические моменты выяснения взаимоотношений в окнах возникает множество голов армян и греков, которые принимают живое участие в происходящем. Аналогично устроено и жилище Хлудова: «Комната в коврах. <...> На заднем

плане сплошная стеклянная стена. В ней догорает константинопольский минарет, лавры и неподалеку Артурова вертушка» [9, с. 291]. Это пространство – фактически незамкнутое и публичное (одна стена прозрачна, то есть отсутствует, дом перетекает в площадь с иновещерским храмом и увеселительным балаганом).

Наконец, даже в парижскую квартиру Корзухина, двери которой не только имеют замки, но охраняются слугой, все же проникают Голубков и Чарнота, внося вместе с проблемами внешнего мира, о которых хозяин намерен забыть, разлад в его благополучное существование.

«2) обитатели дома состоят в кровном и духовном (или только духовном) родстве, каждый из них – полноправный хозяин всего жилища» [8, с. 73].

Именно таковы обитатели дома Турбиных – члены одной семьи. Постоянные гости также чувствуют себя совершенно свободно, и хозяев это устраивает.

В зойкиной квартире сначала тоже проживают только близкие, доверяющие, симпатизирующие друг другу люди – сама хозяйка и её горничная и преданная помощница, выдаваемая за племянницу по обоюдному согласию. В комедии М.А. Булгакова нет классического антагонизма между прислугой и хозяйкой, хотя и в жизни, и в литературе это не редкость. В гости часто приходит возлюбленный Зои граф Оболянинов, но переселиться к ней отказывается, так как привык к родовому гнезду. Обстановку истинного дома не нарушает и фиктивный жилец, «мистическая личность». В результате «самоуплотнения» обитателями квартиры становятся Аметистов и Херувим. Сама того не подозревая, Зоя поселила у себя людей не только полезных и отчасти симпатичных ей, но и во многом чуждых: об опасности, которую таит в себе китаец, уже говорилось, Аметистов тоже периодически впадает в диссонанс с прочими обитателями квартиры, несмотря на всё своё умение приспосабливаться.

Зойкина квартира, как истинный дом, обладает притягательной силой. Все, кто приходят туда, не могут не выразить одобрения, даже один из милиционеров (непонятно, искренне или нет) говорит: «Хорошая комната» [2, с. 199], но среди клиентов и гос-

тей очень мало тех, кто по-настоящему душевно близок главным героям. Даже Алла Вадимовна, казалось бы, способная претендовать на такую близость, держится несколько отчуждённо и недостаточно откровенно. В результате, именно она подаёт один из главных поводов к разрушению всех планов Зои.

Герои пьесы «Бег» – случайные попутчики. Прежние связи между ними разрушаются, возникает близость с незнакомыми прежде людьми, но они всё время окружены множеством посторонних, общение с которыми мимолетно.

«3) в доме господствуют мир, взаимопонимание, покой, порядок, уют» [8, с. 73].

Считается, что в доме Турбиных царят взаимные любовь и понимание, порядок и уют. Во многом это мнение обусловлено тем, что зрители часто смотрят на происходящее глазами Лариосика, который как постороннее лицо и наивный резонер кажется наиболее объективным. Он на протяжении всего действия в полном восторге от атмосферы дома своих родственников. Конечно, влюблённым в Елену, её дом кажется идеальным, да и вообще, все, кто приходит сюда замерзшими, голодными, напуганными, всё то, что могут им предложить радушные, хоть и небогатые хозяева, представляется роскошным. Атмосфера праздника господствует у Турбиных от начала и до конца пьесы, противостоя горю, приходящему извне. Здесь люди забывают о несчастьях, пируют, почти не ощущая ужаса, царящего снаружи.

Внимательное чтение показывает, что повседневное течение жизни в доме Турбиных далеко не бесконфликтно, причём диссонансы связаны не только с тревогой за тех, кто находится вне дома, и с горем от утрат. В начале первого акта Тальберг недоволен тем, что не на месте брошена шинель Мышлаевского, а сам он одет не по этикету, сравнивает дом с постоянным двором, где все пьяны. В конце первого акта жалуется уже Елена: «Это мучение. Честное слово! Посуда грязная. Эти пьяные. Муж куда-то уехал. Кругом свет...» [9, с. 127]. Герои всё время спорят между собою, ведь близкие Турбиным офицеры сильно отличаются характерами и политическими взглядами, что в условиях гражданской войны приводит к резким столкновениям. Все противоречия, однако, не лиша-

ют атмосферу дома Турбиных гармонии, ведь для его обитателей такое существование естественно и вызывает недовольство лишь в редкие минуты уныния и усталости. Взаимные привязанность и уважение, умение по достоинству оценить душевные качества человека, простить заблуждения, прислушаться к мнению близких, глубокая порядочность, незамкнутость на материальных ценностях, способность довольствоваться малым – все эти черты, свойственные Турбиным и их гостям, оттесняют на задний план идейные разногласия, бытовые проблемы, помогают уладить конфликты и сохранить праздничное настроение в самые тяжёлые минуты.

Похожая ситуация, на первый взгляд, складывается и в зойкиной квартире. Здесь тоже вечный праздник, на который жалуются соседи, но которым довольны клиенты и гости. Однако и внешнее оформление, и весь ритм жизни, и психологическая атмосфера, и во многом взаимоотношения подчиняются главной цели хозяйки – получению дохода для отъезда за границу. Все здесь не столько отражает желания и настроения хозяев дома, сколько зависит от вкусов и потребностей посетителей, которые порой противоречат друг другу. Характер пространства начинает раздваиваться: уют, порядок и взаимопонимание оказываются то подлинным, то искусственным, наигранным. Иллюзорное пространство, в свою очередь, приходится периодически варьировать: днём в упорядоченном темпе мастерицы ателье ловко примеряют женам советских служащих парижские туалеты, вечером портрет Маркса заменяют изображением обнажённой женщины, в нише устраивается курильня, играет рояль, танцуют. Цельность домашней жизни, её связь с внутренним миром обитателей распадаются. Иллюзорный уют не даёт душевного покоя: герои всё сильнее тоскуют, всё большего желают, конфликты обостряются и не могут закончиться примирением, как у Турбиных. Всё это в финале приводит к скандалу, преступлению и всеобщей катастрофе.

Место действия всех эпизодов пьесы «Бег» лишено порядка, уюта, конфликтно, взаимопонимание в этих невероятных условиях между персонажами невозможно. В качестве примера такого аномального пространства приведём вводную ремарку ко

второму действию, где изображается вокзал на севере Крыма [9, с. 257]. Как ни велики усилия упорядочить это помещение, придать ему мирный, уютный вид, согреть, осветить, наладить в нём рабочий порядок, их результаты неэффективны: свет кажется болезненным, от печек распространяется угар, уверенность и спокойствие людей иллюзорны. В конце эпизода от порядка и временного комфорта не остаётся и следа [9, с. 264].

В подобном больном, мёртвом пространстве покой может испытывать только человек с неупорядоченной психикой, утративший традиционное представление о жизненных ценностях. Так чувствует себя полубезумный Хлудов, пожелавший остаться один в покинутом всеми севастопольском дворце: «Пусто и очень хорошо (<...> *встаёт, беспокойно открывает дверь.*) (Показывается бесконечная анфилада тёмных и брошенных комнат.)» [9, с. 441]. Беспорядок неопрятной нищеты, тоска, тревога за своё существование, атмосфера скандала, взаимной неприязни господствует и в эмигрантских жилищах Константинополя. Бессонница и бред – привычная атмосфера в комнате Хлудова с прозрачной стеной. Как отмечено выше, даже в уютную парижскую квартиру Корзухина, едва она предстаёт как сценическое пространство, скитальцы Голубков и Чарнота приносят беспорядок и скандал.

«4) дом – постоянное жилище, к которому обитатели привязаны душой, связь с которым может восходить к прежним поколениям» [8, с. 73]

В «Белой гвардии» и её инсценировках М.А. Булгаков изобразил киевский дом, где его семья жила много лет. В первых редакциях пьесы выведен квартирный хозяин Лисович и его жена. Их недовольство жильцами-офицерами, постоянное присутствие рядом с главными героями этих чуждых им людей вносило в жизнь Турбиных оттенок непрочности их положения, слишком близкого соприкосновения с враждебной реальностью. В итоговом тексте Лисович исчез, Турбины оказываются подлинными хозяевами своего жизненного пространства. Зрителю кажется, что они живут не на снятой квартире, а в собственном доме, возможно, с рождения или с детства, поэтому роль этого дома и степень его прочности и целебности

как приюта близких друг другу людей возрастает, ведь его основанием, как отмечает Н.С. Пояркова, служат «родовая память и культурные ценности. Первое связывает между собой членов одной семьи, одного рода; второе объединяет людей разных семей и поколений в некое духовное единство» [3, с. 42].

Для героев следующей пьесы дом тоже является ядром всего космоса в противоположность хаосу окружающего мира. «Я могу жить только на Остоженке, моя семья живёт там с 1625 года... триста лет» [9, с. 170], – сообщает Оболянинов, но от его фамильного дома уцелела лишь одна комната, которую могут отобрать в любой момент. Зоя Пельц сохранила за годы советской власти свою квартиру в неприкосновенности, но это было очень нелегко. Давление внешнего мира на героев столь велико, что они готовы навсегда покинуть свои привычные жилища и переселиться в чужие края. Уже то, что в заглавии упомянут не дом, а именно квартира (хоть и не являющаяся коммунальной), подчёркивает непрочность, непостоянность и неполноценность этого пристанища.

В «Беге» персонажи только изредка вспоминают о своих утраченных уютных домах. Все помещения, куда они попадают, – временные приюты, не предназначенные для длительного проживания. Исключение составляет лишь собственный дом, который завёл себе в Париже Корзухин.

«5) отдельные составляющие дома (вещи, части помещения) эстетически воспринимаются жителями, значимы, порой символичны для них» [8, с. 73].

Типичных атрибутов такого рода особенно много в квартире Турбиных: камин, лампа, часы, музыка, шторы, цветы, ёлка – все это символизирует уют и устойчивость счастливого дома. Ценность повседневных, милых сердцу деталей в момент катастрофы особенно возрастает.

Многие символические элементы домашнего уюта присутствуют и в зойкиной квартире. Там тоже горят лампы в абажурах, много цветов, Оболянинов играет на рояле. В спальне стоит зеркальный шкаф. Однако вся уютная обстановка квартиры мало отражает чувства и переживания героев, не связана с воспоминаниями о событиях личной жизни. Шкаф служит для того, чтобы в нём

прятаться, мелодии, волнующие героев, раздаются из соседних квартир. Отчуждение жилого пространства от обитателей, превращение его в коммерчески-развлекательное привело к утрате памятных и значимых атрибутов дома.

Излишне говорить о том, что бездомные герои «Бега», бросившие всё своё имущество в России, не имеют никаких предметов, связанных с покинутым жилищем. Впрочем, в воспоминаниях Голубкова возникает лампа в его петербургской квартире [9, с. 251], и этот образ весьма значим, если вспомнить роман «Белая гвардия» [7, т. 4, с. 41]. Именно такая лампа появляется в парижском кабинете Корзухина, единственном помещении в пьесе, претендующем на статус дома.

Подводя итог, отметим, что дом как «свое» жизненное пространство имеется не у всех героев булгаковских пьес: он есть у Турбиных в классической своей форме, жилище Зои и её окружения изображается амбивалентно, а персонажи «Бега» совсем лишены приюта. Несмотря на это, противопоставление «дом – мир» в пространственной композиции всех трёх текстов является организуемым.

Интересно маркирована М.А. Булгаковым данная оппозиция в гендерном аспекте. Дом в его творчестве – пространство женское, а мир – мужское. В художественном мире писателя роль души, хранителя дома, установителя его порядков всегда выполняет женщина, мужчины же, действующие в общественном пространстве, уступают ей первенство в повседневной, бытовой сфере. Елена даже не выходит из дома, но, безусловно, является центральной фигурой в семье Турбиных, выполняет роль хранительницы очага, олицетворяет собой дом. Она оказывается способной противостоять вражде, гибели, потому что выступает также и символом любви [10, с. 46]. Зоя также выполняет роль хозяйки своей квартиры, организатора всех её преобразований, защитницы своего возлюбленного от бытовых невзгод. Не зря символическое имя героини (по-гречески «жизнь») как домовладелицы вынесено в название пьесы. Вообще, в этом произведении, действие которого почти не выходит во внешний мир, женские образы доминируют. Только китайцы и милиционеры,

неразгаданные Зоей и не подчинившиеся ей посторонние мужчины, оказываются способны разрушить её дом. Мужской поддержки внутри него, в отличие от Елены, героиня комедии не имеет. В «Беге» на мировых просторах разворачиваются исторические события, и действуют, в основном, мужчины. В пьесе всего две героини (помимо эпизодических лиц почти без реплик), и обе, лишившись дома, утратили смысл жизни. В конце драмы обе получают шанс на обретение своего дома, но в обоих случаях призрачный: Люська должна организовать его с нелюбимым Корзухиным, а Серафима с любимым Голубковым ещё не достигла конца своих странствий.

В драматургии М.А. Булгакова явно прослеживается тенденция к изображению разрушения понятия дома, утраты человеком своего прочного места в мире. Уже в «Зойкиной квартире» наличие дома призрачно. Герои «Бега», согласно эпиграфу из Жуковского, обретут свой приют лишь в вечности [2, с. 249], то есть за пределами земной реальности. В следующей драме – «Кабала святош» – М.А. Булгаков вновь выводит скитальцев, не имеющих настоящего убежища от жизненных невзгод. Единственное место, где Мольер чувствует себя полновластным хозяином, – мир его творчества, сцена его театра. Это более оптимистическое разрешение противостояния человека враждебной действительности, чем в «Беге», но и здесь истинный дом возможен только за пределами реальности. Писатель включал понятие дома в число первостепенных ценностей и потому с волнением и болью отзывался на подмеченную им тенденцию современной эпохи. В сопоставлении с драматургами тех лет, обращавшимися к той же проблеме, позиция М.А. Булгакова более консервативна и близка к архаической модели мира. Категорически не приемля не только «новый быт», но и любые формы влияния мира на дом, писатель продолжает традицию классической литературы, трагически переживавшей утрату своего пространства, поглощение его публичным. Однако, в отличие от классиков XIX века, М.А. Булгаков подчеркивал, что при фактической утрате людьми своего пространства само по себе понятие дома не теряет ценности в сознании этих бесприютных

скитальцев, что внушает мысль о возможности возрождения естественного порядка, при

котором, по мнению писателя, дом есть центр мира.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Дом в «Мастере и Маргарите» // Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. С. 748-754.
2. Кораблёв А.А. Мотив «дома» в творчестве М. Булгакова и традиции русской классической литературы // Классика и современность. М.: Кн. палата, 1991. С. 239-245.
3. Пояркова Н.С. Символика образа дома в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2003–2004. № 7-8. С. 40-47.
4. Бердяева О.С. Пьеса «Зойкина квартира» в контексте прозы М.А. Булгакова // Рациональное и эмоциональное в литературе и в фольклоре: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. в Волгограде / отв. ред. А.М. Буланов. Волгоград: Перемена, 2001. С. 148-152.
5. Казьмина О.А. Онирическое пространство в пьесе М.А. Булгакова «Зойкина квартира» // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 54-57.
6. Канунникова И.А. Специфика организации художественного пространства пьес «Зойкин квартира» М.А. Булгакова и «Мандат» Н.Р. Эрмана // Михаил Булгаков, его время и мы. Краков: Scriptum, 2012. С. 485-496.
7. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Голос, 1995–2000.
8. Гуськов Н.А. От карнавала к канону: Русская советская комедия 1920-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 212 с.
9. Булгаков М.А. Пьесы 1920-х годов. Л.: Искусство, 1989. 591 с.
10. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры, 2001. 424 с.
11. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 5. 543 с.
12. Воспоминания о М. Булгакове / сост. Е. Булгакова, С.А. Ляндес. М.: Сов. писатель, 1988. 528 с.

References

1. Lotman Y.M. Dom v «Masterei Margarite» [Home in the “Master and Margarita”]. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2000, pp. 748-754. (In Russian).
2. Korablev A.A. Motiv «doma» v tvorchestve M. Bulgakova i traditsii russkoy klassicheskoy literatury [The motive of “home” in the work of M. Bulgakov and the tradition of Russian classical literature]. *Klassika i sovremennost'* [Classics and Modernity]. Moscow, Book Chamber Publ., 1991, pp. 239-245. (In Russian).
3. Poyarkova N.S. Simvolika obraza doma v romane M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» [The symbolism of the image of “the house” in M.A. Bulgakov’s novel “The White Army”]. *Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedeniye. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2003–2004, no. 7-8, pp. 40-47. (In Russian).
4. Berdyayeva O.S. P'yesa «Zoykina kvartira» v kontekste prozy M.A. Bulgakova [The play “Zoyka’s apartment” in the context of the prose of M.A. Bulgakov]. *Sbornik nauchnykh stat'yey po itogam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii v Volgograde «Ratsional'noye i emotsional'noye v literature i v fol'klore»* [Collection of Scientific Works based on the Results of the All-Russian Scientific Conference in Volgograd “Rational and Emotional in Literature and in Folklore”]. Volgograd, Peremena Publ., 2001, pp. 148-152. (In Russian).
5. Kazmina O.A. Oniricheskoye prostranstvo v p'yese M.A. Bulgakova «Zoykina kvartira» [Oniristik space in M.A. Bulgakov’s play “Zoykin’s apartment”]. *Vestnik VGU. Seriya Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2009, no. 1, pp. 54-57. (In Russian).
6. Kanunnikova I.A. Spetsifika organizatsii khudozhestvennogo prostranstva p'yese «Zoykin kvartira» M.A. Bulgakova i «Mandat» N.R. Erdmana [The specifics of the organization of the artistic space of the plays “Zoyka’s Apartment” by M.A. Bulgakov and “Mandate” by N.R. Erdman]. *Mikhail Bulgakov, ego vremya i my* [Mikhail Bulgakov, His Time and Us]. Krakow, Scriptum Publ., 2012, pp. 485-496. (In Russian).
7. Bulgakov M.A. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.]. Moscow, Golos Publ., 1995–2000. (In Russian).
8. Guskov N.A. *Ot karnavala k kanonu: Russkaya sovetskaya komediya 1920-kh godov* [From Carnival to Canon: Russian Soviet Comedy of the 1920s.]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2003, 212 p. (In Russian).

9. Bulgakov M.A. *P'yesy 1920-kh godov* [Plays of the 1920s.]. Leningrad, Iskustvo Publ., 1989, 591 p. (In Russian).
10. Yablokov E.A. *Khudozhestvennyy mir Mikhaila Bulgakova* [The Art World of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 2001, 424 p. (In Russian).
11. Turgenev I.S. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t.* [The Complete Collection of Works and Letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 5, 543 p. (In Russian).
12. Bulgakova E., Lyandres S.A. (compilers). *Vospominaniya o M. Bulgakove* [Memoirs about M. Bulgakov]. Moscow, Sovetsky Pisatel Publ., 1988. 528 p. (In Russian).

Информация об авторе

Лян Вэйци, аспирант, кафедра истории русской литературы. Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: liangweiqi@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы и художественного текста, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5481-979X>

Поступила в редакцию 16.07.2020 г.

Поступила после рецензирования 02.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

WeiQi Liang, Post-Graduate Student, History of Russian Literature Department. Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: liangweiqi@yandex.ru

Contribution: study conception, literature and literary text analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5481-979X>

Received 16 July 2020

Reviewed 2 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-794-800
УДК 821.161.1.42

Карнавальная мифопоэтика романа В. Аксёнова «Москва Ква-Ква»

Надежда Павловна КРОХИНА

Ивановский государственный университет, Шуйский филиал
155908, Российская Федерация, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, 24
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8613-2244>, e-mail: nadin.kro@mail.ru

Carnival mythopoetics of V. Aksenov's novel "Moscow ow ow"

Nadezhda P. KROKHINA

Ivanovo State University, Shuya Branch
24 Cooperative St., Shuya 155908, Ivanovo Region, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8613-2244>, e-mail: nadin.kro@mail.ru

Аннотация. Прослеживается взаимосвязь романа с автобиографическим эссе В. Аксёнова «В поисках грустного бэби». В мифопоэтике романа выявляется контаминация двух социальных мифов XX века – революционной утопии, породившей Россию социалистическую (большевистскую, сталинскую), и американского демократического мифа, который формировал сознание поколения Аксёнова и попытка осуществления которого породила постсоветскую Россию 1990-х гг. Герои романа анализируются как «люди двух утопий». Мифопоэтика романа Аксёнова связывается с карнавальным мироощущением. Выявляется стилистика мениппеи в романе, с её нарушением общепринятого и обычного хода событий, отражающей эпохи обесценения всякого внешнего положения человека, разрушения эпической целостности. Базовые черты карнавального хронотопа, утверждающего «весёлую относительность» всякого положения, представлены как доминанта мифопоэтики романа. Обосновано, что перед нами, как и в романах Достоевского, особый карнавальный хронотоп – «карнавал как образ жизни», размывающий все нравственные понятия и обрекающий на гибель своих участников. Ключевыми для анализа становятся образы лабиринта, Минотавра, современного Тезея, погибающего в лабиринте своего исторического времени. Поэт в романе рассматривается как творец его главных мифологических смыслов и человек утопии. Делается вывод, что утопическое сознание ведёт к трансформациям, перевёртыванию идей, понятий, что и исследует мениппейная поэтика.

Ключевые слова: карнавальное мироощущение; утопия; мениппея; лабиринт; метафизика сталинизма; американская романтика

Для цитирования: Крохина Н.П. Карнавальная мифопоэтика романа В. Аксёнова «Москва Ква-Ква» // Нефилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 794-800. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-794-800

Abstract. The interrelation between the novel and Aksyonov's autobiographical essay "In Search of Melancholy Baby" is traced. The mythopoetics of the novel reveals the contamination of two social myths of the 20th century – the revolutionary utopia, which gave birth to socialist Russia (Bolshevik, Stalinist) and the American democratic myth, which formed the consciousness of Aksyonov's generation and the attempt to implement which gave birth to post-Soviet Russia in the 1990s. The heroes of the novel are analyzed as "people of two utopias". The mythological poetics of Aksyonov's novel is associated with a carnival world perception. We reveal the style of the menippea in the novel, with its violation of the generally accepted and usual course of events, reflecting the era of a person's any external position de-valuation, the epic integrity destruction. We present the basic features of the carnival chronotope, which asserts the "merry relativity" of every position, as the dominant of the novel's mythopoetics. We substantiate that, as in Dostoevsky's

novels, we have a special carnival chronotope – “carnival as a way of life”, which erodes all moral concepts and condemns its participants to death. The key images for analysis are labyrinth, Minotaur, modern Theseus, perishing in the labyrinth of his historical time. The poet in the novel is seen as the creator of its main mythological meanings and a man of utopia. We conclude that utopian consciousness leads to transformations, inversion of ideas, concepts, which is explored by menippean poetics.

Keywords: carnival world perception; utopia; menippea; labyrinth; metaphysics of Stalinism; American romance

For citation: Krokhtina N.P. Karnaval'naya mifopoetika romana V. Aksenova «Moskva Kva-Kva» [Carnival mythopoetics of V. Aksenov's novel “Moscow ow ow”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 794-800. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-794-800 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Художественный мир прозы В. Аксёнова привлекает внимание современных учёных. Данная работа дополняет исследование И.П. Шиновниковым роли менипейного начала в творчестве писателя, обращённое к более ранним произведениям Аксёнова [1], а также наблюдения И.В. Попова об игровом начале в позднем творчестве нашего автора [2]. Мифопоэтика – проекции мифа в произведении (мифологические сюжеты, образы, мотивы) рассматривается в работе как базовая черта современной литературы (см. работы И.С. Приходько, И.Л. Бражникова, Я.В. Солдаткиной, Э.Ф. Шафранской и др.). Миф трактуется вслед за А.Ф. Лосевым расширительно: роман Аксёнова сочетает мотивы античной мифологии с социальной мифологией XX века.

Последний роман В. Аксёнова разительно отличается от доминирующих историософских тенденций в современной прозе. Размышляя о путях новейшей русской прозы XXI века и подчёркивая важность в ней историософской проблематики, А.В. Татарinov видит в ней тягу к «историософскому нигилизму», «двуединный мотив уныния и апокалипсиса», «призрак глобального поражения гуляет по русской литературе», «сюжеты небытия» [3, с. 136, 139, 141, 247]. В романе Аксёнова мы не найдём ни депрессивности, ни обречённости. Наоборот, роман пронизан карнавальным мироощущением, тем освобождающим смеховым началом, утверждающим «весёлую относительность всякого строя и порядка, всякой власти и всякого положения» [4, с. 186], о котором писал М.М. Бахтин в книгах о Ф. Рабле и Ф.М. Достоевском.

Роман пронизывает «ностальгия по собственной молодости», отмечала Н.Б. Иванова

[5, с. 352]. В эпилоге романа «42 года спустя» alter ego автора Вася Волжский (Так Такович Таковский), вернувшись в 1995 г. в Москву и увидев «пик погибшей утопии» – статную громадину Яузской высотки (в которой происходят главные события романа), переживает «сущую бурю ностальгии, любви, тоски и жалости». Alter ego автора 15 лет «провёл в Бразилии, читая лекции по утопиям» [6, с. 439, 440]. Роман посвящён утопиям, и Москва XX века предстаёт городом утопий. Слово «утопия», шутит один из главных героев романа поэт Кирилл Смелчаков, «происходит от слова «утопленник» [6, с. 208]. «Мы – утопленники утопии», – писал уже А. Вознесенский в поэме «Лонжюмо» [7, с. 496]. Роман тесно связан с автобиографическим эссе Аксёнова 1985 г. «В поисках грустного бэби», посвящённым не только России и Америке 1970–1980-х гг., но и 1950–1960-х гг. Он построен на контаминации двух социальных мифов XX века – революционной утопии, породившей Россию социалистическую (большевистскую, сталинскую – действие романа развёртывается в начале 1950-х гг.), и американского демократического мифа, который формировал сознание поколения Аксёнова и попытка осуществления которого породила постсоветскую Россию 1990-х гг., куда возвращаются молодые герои Аксёнова в эпилоге произведения: Юрка Дондерон, верный джазу, со своим трио «приехали с концертами в Москву и, увидев, какая тут после Августа-91 разгулялась свобода, восхищённые и умилённые, решили остаться» [6, с. 443]. Герои романа – «люди двух утопий»: на гребной студенческой регате Так Таковский размышляет «о сходстве и различии людей двух утопий»,

наблюдая стройных и сильных девушек с веслом и компанию стилиг в разноцветных плавках [6, с. 171].

В эссе Аксёнов писал: для старшего поколения, интеллектуалов из знаменитого Института философии и литературы (а в нём учились и герои романа Ариадна и Кирилл Смелчаков) «разоблачение Сталина стало катастрофическим событием... а начавшаяся оттепель – мучительным процессом переоценки ценностей». Этой темы нет и не может быть в романе Аксёнова. Для интеллигентов его поколения, того нового поколения, которое в романе представляют Юрка Дондерон и Так Таковский, «это было просто начало карнавала. К чёрту Сталина! Давайте играть джаз!», они были подготовлены к этому повороту уже в сталинские времена [8, с. 18]. «Мечтательные русские мальчики 50-х росли под звуки Эллингтона». Джаз в те времена был американским «секретным оружием». «Романтика революции к возрасту юности моего поколения почти уже испарилась... В отличие от Горького, Пильняка, Маяковского, мы подсознательно отказывались видеть в революции некий очищающий вселенский потоп, потому что вместо очищения он приносил столь же кровавый, сколь и тоскливый быт сталинщины» [8, с. 20]. В московском романе Аксёнова он на периферии произведения, в центре тот градообразующий сталинский ампир, о котором в очерках Аксёнова сказано так: «Помпезность великого византийского города соединилась с крикливой безвкусицей коммунистического самовосхваления» [8, с. 77]. С иронического описания громадины Яузской высотки начинается роман: «Над всеми этими рельефными группами порывов и апофеозов реют каменные знамёна. Грозди, снопы и полные чаши завершают композицию и олицетворяют благоденствие» [6, с. 10]. С Яузской высоткой в романе – местом обитания новой элиты связана утопия «неоплатоновского града» [6, с. 39], нового идеального государства, во имя которого и свершилась революция. Уже в своём эссе 1985 г. Аксёнов размышлял об «удивительных парадоксах, трансформациях, перевёртывании идей, понятий, зрительных образов», связанных с темой революции: «Левый интеллигент бодро прошагал в область стройных общественных теорий, от которых

за версту разит если не концлагерем, то казармой» [8, с. 62]. Идея революции устарела и обесценилась в катаклизмах XX века. «Огромная кровавая работа, проделанная революцией, предусматривала возникновение поколения рабов. Пробуждение российской интеллигенции было категорически не предусмотрено, это было просто самое настоящее чудо» [8, с. 288]. Это чудо пробуждения и окрашивает роман Аксёнова освобождающим карнавальным смехом.

Роман написан в стилистике магического реализма или мениппеи, о которой Бахтин писал как об «органическом сочетании свободной фантастики, символики» с крайним натурализмом [4, с. 171]. Самая смелая и необузданная фантастика и авантюра внутренне мотивируются «идейно-философской целью – создавать исключительные ситуации для провоцирования и испытания философской идеи – слова, правды» [4, с. 170]. Мениппея обнажает «pro et contra в последних вопросах жизни» [4, с. 172]. Мениппея тяготеет к изображению «необычных, ненормальных морально-психических состояний человека», а именно – «раздвоение личности, необузданная мечтательность, необычные сны, страсти» [4, с. 173-174]. Для неё (как и для романа Достоевского) характерны «сцены скандалов, эксцентрического поведения, неуместных речей и выступлений, т. е. всяческого нарушения общепринятого и обычного хода событий, установленных норм поведения и этикета» [4, с. 175]. Мениппея наполнена «резкими контрастами и оксюморными сочетаниями: добродетельная гетера [в романе Аксёнова – Ариадна, мать Глики], истинная свобода мудреца и его рабское положение [поэт Кирилл Смелчаков], император, становящийся рабом [аксёновский образ Сталина], моральные падения и очищения [образ Глики], роскошь и нищета [таковы контрасты сталинского быта], благородный разбойник» [«карнавальный» (по слову Глики – 6, с. 185), многоимённый, загадочный образ антисталиниста, титоиста, pilota, полярника, контр-адмирала Жоржа Моккинаки, он же штурман Эштерхази, он же юрис-консульт Крамарчук]. Мениппея, по Бахтину, «любит играть резкими переходами и сменами, верхом и низом, подъёмами и падениями, неожиданными сближениями далёкого и

разъединённого, мезальянсами всякого рода» [4, с. 175-176]. Она включает элементы «социальной утопии». Для неё характерно «смешение прозаической и стихотворной речи». Она откликается «на идеологическую злобу дня» [4, с. 176]. В сущности, Аксёнов, как и Достоевский, создал современную мениппею – характерный жанр поздней античности, характерный для эпох разложения традиции, борьбы многочисленных идейных школ и направлений, эпох обесценения всякого внешнего положения человека, разрушения эпической целостности.

Карнавалльно-фантастическая атмосфера пронизывает весь роман. Карнавал, по Бахтину, – «мир наоборот», в котором отменяется всякая дистанция между людьми и вступает в силу «вольный фамильярный контакт» (ночные телефонные разговоры Сталина с его личным другом поэтом Кириллом Смелячковым). Мир наоборот сближает священное с профанным, высокое с низким, великое с ничтожным, профанируя-снижая-пародируя священное. Вольное фамильярное отношение распространяется на все ценности. Сталинские высотки, «неоплатонов град» оборачиваются (в глазах Таковского) «рабовладельческим обществом» [6, с. 292]. Ариадна Рюрик, одна из лучших представительниц новой советской элиты, вдруг оказывается «странной суперженщиной», «выражает искреннее участие в судьбе паренька из отверженных низов» (Таковского) и открыто говорит с ним о своём презрении к большевикам: «Скольким людям эти сволочи искалечили жизнь!»... Это меня потрясло. Даже среди маминых друзей в Магадане, уже отсидевших лагерные сроки, не было людей, называвших лопату лопатой» [4, с. 292, 296]. Перед нами, как и в романах Достоевского, не особый карнавальная хронотоп, но «карнавал как образ жизни, где размыты все нравственные понятия и где властвуют бесы», как писал о романе Достоевского В.К. Кантор [9, с. 56]. Кто полностью вовлечён в это карнавално-бесовское действо – обречён гибели. Главные герои романа – Глика, Кирилл Смелячков, Моккинаки – все погибают в лабиринте своего исторического времени. «Миф всегда в себе содержит и трагедию, и катарсис», как размышляет о своей поэме о Тезее Смелячков [6, с. 90-91].

«В красном доме чёрное есть дно», – писал уже в «Марева» К.Д. Бальмонт [10, с. 438]. Чернота исторического времени концентрируется в образе Минотавра (как будто сошедшего с картин П. Пикассо), который сначала является в поэме Смелячкова: «Все люди проходят свои лабиринты, / И каждого ждёт свой Минотавр» [6, с. 85]. Все главные герои романа воплощают приметы того «героического времени» [6, с. 66], соединяя в себе конкретность и ирреальность (см. [11]). Глика Новотканная представляет молодое поколение – звезда МГУ, спортсменка, «преданная сталинистка», «лучезарная», «экзальтированная», «не совсем реальная, высокопарящая девушка, символ нашей советской девственности» [6, с. 12-13, 68]. Среднее поколение, прошедшее войну – два её 37-летних жениха, небесный и земной. Второй – Моккинаки. Первый – поэт Кирилл Смелячков – обобщённый образ советского поэта-патриота, подобно В. Маяковскому, К. Симонову, П. Когану, М. Кульчицкому, С. Гудзенко. Это «настоящий мужчина, солдат» [6, с. 129], личный друг Сталина. Именно Поэт в романе – творец его главных мифологических смыслов. Перед нами ещё одна притча в отечественной литературе (наряду с «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова) на тему поэт и власть, столь острая для сталинской эпохи. Мораль этой притчи в том, что тиран может только на Поэта положиться в этом «обществе оборотней псевдочеловечества» (слова Ариадны) [6, с. 304], но всякая связь поэта с тиранической властью ведёт его к гибели. Современный Тезей не выйдет из лабиринта.

«Если пойдёшь ты на Минотавра / И вступишь в запутанный, затхлый мрак, / Держи эту нить...» [6, с. 85]. Ксаверий, отец Глики, засекреченный физик-атомщик говорит о поэме Смелячкова: «Мы собираемся нести свет... а ты пишешь о мраке. Твой герой идёт в полном мраке, а в глубине этого мрака его ждёт сгусток мрака, который убивает всех, кто идёт по лабиринту» [6, с. 89]. Отдаёт ли он себе отчёт, «что такое этот мрак, кто такой этот Минотавр, этот сгусток мрака?», на что Смелячков хитро отвечает, вызывая хохот учёного: «мрак – это угроза новой войны», сгусток мрака – Пентагон, нить Ариадны – «это то, что соединяет поэта

с жизнью, с любовью, со светлым горизонтом» [6, с. 90-91]. Далее Минотавр не однажды является Смелячкову во мраке его комнаты: «Глухие слухи бродят по Москве о каких-то яростных вспышках, о страшных приказах...». Поэт смотрит на ночную Москву. «Вдруг он почувствовал чьё-то присутствие у себя за спиной. Резко обернулся. Во мраке комнаты, чернея антрацитовый чернью, стоял бык Минотавр» [6, с. 100-101] как материализация исторического мрака. Явление Минотавра становится лейтмотивом романа. Он предстаёт и Глике: «чернее любой темноты, огромный монстр» [6, с. 133]. Монстр становится всё реальней: «Ударил быка... Наваждение исчезло»; «Ударил кулаком промеж рогов стоявшего в прихожей чёрного быка. Тот медленно ушёл в гостиную» [6, с. 213, 328]. В сущности, перед нами противостояние «жизни и судьбы» (В. Гроссман). Судьба «подводила его всё ближе и ближе к Лабиринту», в котором Минотавр – «неизбежность и неотвратимость. Это антитеза моей любви, моей звезде-надежде, антитеза Глике, в самом имени которой чувствуется вспышка света» [6, с. 310].

Смелячков – человек утопии: «Почему именно меня избрал своим окончательным другом окончательный тиран? Уничтожитель рода человеческого, какого чёрта дался тебе поэт? Может быть, он сатанинским чутьём распознал мои утопические бредни, образы неоплатоновского града?» [6, с. 311]. Минотавр, что чернее мрака, – олицетворение не только тирана-Сталина, но и религии сталинизма, творцом которой также готов стать Смелячков: «Сталин не умрёт... после смерти он станет Богом» [6, с. 57] – об этой новой религии Смелячков не раз говорит с Гликой. «Он не раз признавался себе, что любит вождя с полной искренностью, проще – он его боготворит. Вместе со всеми миллионами он творит из него Бога. И когда Бог будет полностью сотворён, монстр уйдёт и возникнет новая религия» [6, с. 97]. «Жизнь и судьба» борются в душе и сталкиваются в борьбе за душу героя в топосе романа: чувство божественности женщины, превращающее его в небесного жениха Глики, и чувство божественности вождя, делающее его сталинистом и пленником лабиринта. Нить Ариадны не спасает современного Те-

зея: «я сталинист! Я не верю в то, что столько миллионов людей было уничтожено просто так, включая и моего отца» [6, с. 312].

Ведущим карнавальным действием, по Бахтину, является «шутовское увенчание и последующее развенчание карнавального короля» [4, с. 185]. В этом действе проявляется самое ядро карнавального мироощущения – «пафос смен и перемен, смерти и обновления», карнавал как «праздник всеуничтожающего и всеобновляющего времени» [4, с. 186]. Образ Сталина в романе соответствует этой карнавальной логике увенчания и развенчания, в чём проявляется амбивалентная природа карнавального образа и карнавального времени. Это «настоящий тёмный демиург человечества», мечтающий о грандиозном переселении народов, и «больной человек» с ничтожной фигурой, малого роста [6, с. 105, 101, 228], в восприятии Смеляčkова или в восприятии Моккинакки (перед его арестом) «что-то в нём тогда было от урки» [6, с. 317]. Роман построен на реализации одной из фобий этого «больного человека», которому везде мерещатся враги («титовские гайдуки превратились в персонажей постоянных сталинских кошмаров» [6, с. 32]): титоисты захватывают Кремль, устраивают путч, идут на штурм Яузской высотки (во главе с Моккинакки), на вершину которой доставлен вождь.

Приметы этого тёмного времени всё более конкретизируются в романе. Если образ Сталина двойствен, то образы его приближённых однозначно гротескны: «Маленков сидел за своим столом, заплывшей своей физиономией и круглыми очертаниями похожий на вождя тропического острова Туамоту» [6, с. 93]. Полярник Моккинакки исчезает в 40-м г. «О вчерашнем герое просто перестали говорить. Это было в духе времени». «И вот вдруг явился точно из небытия» [6, с. 66]. Всё более явственным становится фон эпохи: колесо «правительственного террора», лагеря и труд заключённых [6, с. 241, 271-272]. Моккинакки – в «атмосфере специфического запьянцовского уюта, на котором ещё держалась вконец измученная большевиками Россия», рассказывает Смелячкову о своём аресте, страшных избиениях, чудесном спасении и бегстве из лагеря [6, с. 316-319]. Арест Дондерона, «пионера джаза», концла-

герь по строительству московских высоток [6, с. 361] и высотная шарашка, где почти всегда тихонько играет оригинальный американский джаз. Нарастающую тревогу исторического времени пытается затмить «Бал Ариадны» – карнавальная обстановка её дня рождения в январе 1953 г.: «Народ при полном отсутствии информации, очевидно, чувствовал, что надвигается пора новых и невероятных злодеяний правительства... Чернота черноты сгущалась... и вдруг всё собрание превращается в истинный карнавал... и даже страшный Берия начинает казаться не палачом, не вурдалаком, а просто обычным таким закавказским жуликом, смешным эротоманом» [6, с. 376]. Кульминацией карнавала становится джаз-оркестр (сюрприз для Таковского): «Со всех лагерей собирали!» [6, с. 387].

Главные герои романа погибают вместе со смертью вождя, уходом той жестокой исторической эпохи, с которой они так связаны. Автор оставляет читателю надежду на их встречу в Божественном мире [6, с. 438]. Ариадна содействует спасению Так Таковского, Юрка Дондерон чудесно спасается от гибели на дельтоплане. Им принадлежит будущее, они носители идеи свободы. Романтика революции для них сменилась «американской романтикой» [6, с. 116], воплощённой прежде всего в джазе с его спонтанностью, импровизацией. Поколение росло на американских трофейных фильмах, джазе,

культе Хемингуэя (о чём Аксёнов писал в эссе «В поисках грустного бэби»). Последний не однажды упоминается в романе как одна из примет времени. Эти увлечения формировали иной тип характера. Таковский – Гликке (после ареста Дондерона): «я должен показать девчонке своё спокойное бесстрашие. Бесстрашие и ко всему готовность, сродни тому, что демонстрировал артист Джим Уайт (или Райт) в фильме «Почтовый дилижанс»... Я должен ей показать себя в роли «одинокого героя»... В Америке процветает культ одинокого героя. То есть в том смысле, чтобы рассчитывать только на свои собственные силы» [6, с. 289]. Новое поколение – носители иной утопии, но с ними связана столь дорогая автору идея свободы. Таким образом, роман построен на переплетении реального и фантастического, неожиданного и гротескного, утопического и злободневного, иронии и всегда ускользающей, множественной истины. Чудо пробуждения российской интеллигенции окрашивает роман В. Аксёнова освобождающим карнавальным смехом. XX век предстаёт веком утопического сознания, которое порождает трансформации, перевёртывания идей, понятий, что и исследует менипейная поэтика. Было бы интересно проследить связи романа В. Аксёнова с менипейной поэтикой в современной литературе.

Список литературы

1. *Шиновников И.П.* Роль менипейного начала в творчестве В.П. Аксёнова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009.
2. *Попов И.В.* Художественный мир произведений В. Аксёнова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2006.
3. *Татаринев А.В.* Пути новейшей русской прозы. М.: Флинта, Наука, 2015. 248 с.
4. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, 2016. 416 с.
5. *Иванова Н.Б.* Русский крест: Литература и читатель в начале нового века. М.: Время, 2011. 384 с.
6. *Аксёнов В.П.* Москва Ква-Ква. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
7. *Вознесенский А.А.* Лонжюмо // Вознесенский А.А. Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе. М.: Альфа-книга, 2012. С. 492-497.
8. *Аксёнов В.П.* В поисках грустного бэби. М.: Изограф, ЭКСМО, 2005. 328 с.
9. *Кантор В.К.* Карнавал и бесовщина // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 44-57.
10. *Бальмонт К.Д.* Марево // Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Книговек, 2010. Т. 4. С. 379-454.
11. *Колядич Т.М.* Мифологический дискурс в романе В. Аксёнова «Москва Ква-Ква» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2 (2). С. 81-86.

References

1. Shinovnikov I.P. *Rol' menipeynogo nachala v tvorchestve V.P. Aksenova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Role of the Menipean Principle in the Work of V.P. Aksyonova. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Novosibirsk, 2009. (In Russian).
2. Popov I.V. *Khudozhestvennyy mir proizvedeniy V. Aksenova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Artistic World of V. Aksyonov's Works. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Arkhangelsk, 2006. (In Russian).
3. Tatarinov A.V. *Puti noveyshey russkoy prozy* [Ways of the Latest Russian Prose]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015, 248 p. (In Russian).
4. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. St. Petersburg, Azbooka Publ., 2016, 416 p. (In Russian).
5. Ivanova N.B. *Russkiy krest: Literatura i chitatel' v nachale novogo veka* [Russian Cross: Literature and the Reader at the Beginning of the New Century]. Moscow, Vremya Publ., 2011, 384 p. (In Russian).
6. Aksenov V.P. *Moskva Kva-Kva* [Moscow Ow Ow]. Moscow, Eksmo Publ., 2015, 448 p. (In Russian).
7. Voznesenskiy A.A. Lonzhymu [Lonjumeau]. In: Voznesenskiy A.A. *Polnoye sobraniye stikhotvorenii i poem v odnom tome* [Complete Collection of Verses and Poems in One Volume]. Moscow, Alfa-kniga Publ., 2012, pp. 492-497. (In Russian).
8. Aksenov V.P. *V poiskakh grustnogo bebi* [In Search of Melancholy Baby]. Moscow, Izograf Publ., EKSMO Publ., 2005, pp. 3-328. (In Russian).
9. Kantor V.K. Karnaval i besovshchina [Carnival and Devilry]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1997, no. 5, pp. 44-57. (In Russian).
10. Balmont K.D. Marevo [The Haze]. In: Balmont K.D. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Knigovok Publ., 2010, vol. 4, pp. 379-454. (In Russian).
11. Kolyadich T.M. Mifologicheskiy diskurs v romane V. Aksenova «Moskva Kva-Kva» [The mythological discourse of the V. Aksyonov's novel "Moskva kva-kva"]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University*, 2013, no. 2 (2), pp. 81-86. (In Russian).

Информация об авторе

Крохина Надежда Павловна, доктор филологических наук, доцент по кафедре культурологии, профессор кафедры культурологии и литературы. Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Ивановская область, Российская Федерация. E-mail: nadin.kro@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ художественного текста, написание и оформление текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8613-2244>

Поступила в редакцию 15.08.2020 г.
Поступила после рецензирования 14.09.2020 г.
Повторное рецензирование 20.09.2020 г.
Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Nadezhda P. Krokhina, Doctor of Philology, Associate Professor of Cultural Studies Department, Professor of Cultural Studies and Literature Department. Branch of Ivanovo State University, Shuya, Ivanovo Region, Russian Federation. E-mail: nadin.kro@mail.ru

Contribution: study conception, literary text analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8613-2244>

Received 15 August 2020
Reviewed 14 September 2020
Second peer review round 20 September 2020
Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-801-806
УДК 81'42

Деятельность Гаджи Ибрагима Гасимова в газете «Игбал»

Афаг Эльчин кызы АГАЯРОВА

Бакинский государственный университет

AZ1148, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. З. Халилова, 23

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5936-4405>, e-mail: afagagayarova@gmail.com

Activities of Haji Ibrahim Gasimov in the “Igbal” newspaper

Afag E. AGAYAROVA

Baku State University

23 Z. Halilov St., Baku AZ1148, Republic of Azerbaijan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5936-4405>, e-mail: afagagayarova@gmail.com

Аннотация. Дан обзор деятельности одного из ведущих авторов газеты «Игбал» Гаджи Ибрагима Гасимова. В своих произведениях публицист освещал важнейшие социально-политические, социокультурные проблемы своего времени, выражал к ним своё отношение и вёл аналитическую работу по их обобщению и прогнозированию. В неспокойные времена, в которые он жил, глобальные проблемы затрагивали не только страну, но и всё человечество. Все они, пройдя через фильтр пера Г. Гасимова, появлялись на страницах «Игбала». Обращаясь к ведущим вопросам времени, таким, как пропаганда просвещения и культуры, привитие людям национального духа, к исламу, религии и политике, к происходящим политическим процессам, защите прав женщин, публицист активно писал в каждом номере газеты о невежестве, религиозном фанатизме, необходимости защиты прав женщин. Он упорно выступал против угнетения, причём не как рядовой гражданин, а как сила, могущая повлиять на ход событий, которые при этом изменяли свой курс, мог направлять их. Эта борьба чётко прослеживается в его статьях, опубликованных «Игбалом» практически в каждом номере. Статьи, которым почти век, актуальны и не утратили своей ценности до наших дней. Они сыграли исключительную роль в формировании общественного мнения, распространении науки и культуры. На этот процесс повлияла глубокая наблюдательность публициста, а также его патриотическая, действенная гражданская позиция.

Ключевые слова: газета «Игбал»; пресса; Гаджи Ибрагим Гасимов; просвещение; религия; культура

Для цитирования: Агаярова А.Э. Деятельность Гаджи Ибрагима Гасимова в газете «Игбал» // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 801-806. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-801-806

Abstract. The study reviews the activities of one of the leading authors of the “Igbal” newspaper, Haji Ibrahim Gasimov. In his works, the publicist covered the most important socio-political and socio-cultural problems of his time, expressed his attitude to them and conducted analytical work on their generalization and forecasting. He lived in turbulent times, where global problems affected not only the country, but all of humanity. All of them, having passed through the filter of G. Gasimov’s pen, appeared on the pages of “Igbal”. Addressing the leading issues of the time, such as the promotion of education and culture, instilling a national spirit in people, Islam, religion and politics, the ongoing political processes, and the protection of women’s rights, the publicist actively wrote in every issue of the newspaper about ignorance, religious fanaticism, and the need to protect women’s rights. He persevered against oppression, not as an ordinary citizen, but as a force that could influence the course of events, which at the same time changed their course, he could direct them. This fighting can be clearly seen in his works published by “Igbal” in almost every issue. The works, which are almost a century old, are relevant and have not lost their value to this day. They played an exceptional role in shaping public opinion, spreading science and culture.

This process is influenced by the deep observation of the publicist, as well as by his patriotic, effective civic position.

Keywords: “Igbal” newspaper; press; Haji Ibrahim Gasimov; education; religion; culture

For citation: Agayarova A.E. Deyatel’nost’ Gadzhi Ibragima Gasymova v gazete «Igbal» [Activities of Haji Ibrahim Gasimov in the “Igbal” newspaper]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 801-806. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-801-806 (In Russian, Abstr. In Engl.)

Гаджи Ибрагим Гасымов, творчество которого ещё не изучено до конца, является одним из просвещённых публицистов, внесших значительный вклад в общественно-политическую и культурную жизнь Азербайджана в начале XX века. Его критической работе в области театра и драмы были посвящены некоторые исследования, это работы Камала Талыбзаде [1], Нармины Агаевой [2], однако его журналистская деятельность и публицистика не освещались и были скрыты от общественности, поскольку было много неисследованных страниц нашей прессы.

Гаджи Ибрагим Гаджи Махмуд оглу Гасымов был известным писателем, театральным критиком (1886–1936), а также переводчиком, журналистом и публицистом. Он активно участвовал в деятельности ряда газет и журналов, издаваемых в Азербайджане в начале XX века. Он работал редактором в «Йени Игбал». Его сфера деятельности в азербайджанской журналистике широка, а творчество по темам и жанрам разнообразно и многогранно [3]. В творчестве писателя преобладают темы, связанные с просвещением и относящиеся в большинстве своём к популяризации культуры. Это связано и с его активным участием в работе культурно-просветительских обществ, таких как «Ниджат» и «Сафа», действовавших в то время в Баку. Г. Гасымов время от времени избирался членом руководящих органов этих организаций, а в 1917 г. стал председателем Общества редакторов и писателей, основанного в Баку.

Г. Гасымов также работал в сфере перевода. «Королевский брадобрей» А. Луначарского (1923), «На дне» М. Горького (1927) были переведены на азербайджанский язык и представлены на азербайджанской сцене широкой публике [3].

Хотя публицистическая деятельность Г. Гасимова широка и многогранна, нами исследуется только его работа в газете «Игбал».

В Газете «Игбал», наряду с С.Е. Ибрагимовым, С.Х. Садыгзаде, М.А. Расулзаде,

М.Н. Гарагезовым, одним из ведущих авторов был также и Г.И. Гасымов. Более 150 его статей, опубликованных в газете, актуальны и сохраняют свою значимость не только для того периода, но и сегодня. Борьба с невежеством, величайшим бедствием того времени, пропаганда просвещения и культуры, призывы к сохранению национальных и духовных ценностей, проявление отношения к политическим процессам, защита прав женщин, родного языка занимают ведущее место в его тематике. Важнейшая заслуга Г. Гасимова в том, что он, как и его великие современники, обращался к самым важным для судьбы людей и нации вопросам в экономической, социально-политической, культурной и духовной сферах, поднимал важнейшие проблемы времени, искал их решение с высокой гражданской ответственностью за их своевременное разрешение [4].

Ведущая тема в творчестве Г. Гасимова – просвещение и культура. Этой теме посвящены многие его работы в газете «Игбал».

Известно, что в начале XX века демократическое общество Азербайджана боролось за расширение сети русско-татарских школ. В то же время они резко выступили против политики русификации этих школ царизмом. Мусульманское просветительское общество «Ниджат» и Бакинское общество «Наширмаариф», распространявшие грамотность среди населения Бакинской губернии, и позже такие же общества в Нухе и других городах и районах Азербайджана сыграли важную роль в распространении культуры, в том числе образования, в Азербайджане [1].

В первое десятилетие XX века, то есть после Первой русской революции 1905 г., в стране начали появляться благотворительные общества, о которых патристическая интеллигенция мечтала десятилетиями, а вслед за ними – культурно-просветительские общества. Тот период, когда в Азербайджане распространялись благотворительность и просвещение, оставил неизгладимый след в на-

шей истории, а культурно-просветительские общества оказали своей деятельностью значительное влияние на развитие сознания людей. В Баку были созданы такие культурно-просветительские общества, как «Общество милосердия», «Нашри-маариф», «Ниджат», «Сафа». Основной целью этих обществ, основанных и организованных в основном просвещенными интеллектуалами, было распространение просвещения среди азербайджанского населения и становление национального образования и культуры путём ликвидации неграмотности. Однако нехватка помещений для деятельности, недостаточная поддержка властями и финансовые трудности ограничивали работу этих обществ и создавали значительные препятствия для их работы.

Эти и другие подобные вопросы не ускользали от внимания интеллектуалов и прессы, все это побуждало и поощряло их поддерживать деятельность этих обществ, участвовать в их работе. Как и другие интеллектуалы, Г.И. Гасимов также уделял этому вопросу особое внимание. Так, в прессе, в том числе на страницах газеты «Игбал», он опубликовал серию статей о деятельности обществ в целом, их незаменимой роли в сфере образования. Наиболее ценными работами на эту тему в газете «Игбал» являются статьи «Публикации о просвещении» (№ 54), «Выборы в обществе «Сафа» (№ 351), «О бакинских мусульманских просветительских обществах» (№ 384), «Потребности общества» (№ 436), «Счастье», «В отделении общества Самадийя» (№ 506), «Следует постараться» (№ 546), «Нужен Хуммат» (№ 553) и др.

Он поддерживал работу обществ, занимая активную позицию по вопросам, связанным с их деятельностью, отмечал, что организация этих обществ, которые охватывали все сферы жизни и пытались, вмешиваясь в самые важные вопросы, решить их, была важным шагом на пути к решению национальных проблем. Деятельность таких обществ начала формироваться не только в Баку и вокруг него, но и в разных частях Азербайджана и дала толчок к появлению новых обществ. По мере увеличения числа благотворительных и просветительских обществ в их деятельности появлялись новые трудности и препятствия, и необходимость показывать пути их преодоления, регулировать и

направлять всё это в нужное русло становилась главной задачей интеллигенции. Этой теме посвящена статья Г. Гасимова «Нашри-маариф», опубликованная в 54-м номере газеты «Игбал».

Автор здесь рассказывает о деятельности общества «Нашри-Маариф», основанного в мае 1912 г., рассматривает его, как способ избавления от невежества, неграмотности нации и его роль в решении проблем, стоящих перед народом. Он взволнованно отмечает, что «в большинстве статей информация, которая в настоящее время составляет содержание всех газет, связана с мусульманскими делами и мусульманской жизнью. Все эти новости ощущаются в человеческом сердце как горькая печаль и являются ничем иным, как кризисом. Какой бы ни была вина этих бедных людей, они блуждают в проблемах, и вряд ли будут спасены. В каждом деле беспорядок, каждая инициатива завершается фиаско, сопровождается отчаянием. Срочно должны быть решены политические и социальные дела. Наша слава, наше уважение, наше богатство ушли безвозвратно»¹.

В статье Г. Гасимов пишет о том, что нефтяные месторождения вокруг Баку находились в руках мусульман, но они не знали, чего это стоит. Он отмечал при этом, что «нам прискучили те места, которые были в нашем распоряжении, или, скорее, мы не знали ценности тех мест, которые были в нашем владении. Мы продавали наши нефтяные земли иностранцам, тем, кто жили от нас в 10 000 фарсах, англичанам и французам. В итоге нефтяные доходы тратились не на нужды людей, а на личные интересы, удовольствие и развлечения. Деньги пускались на ветер, шли мимо страны и народа. Теперь французы и британцы добывают золото со дна земли, а это четыреста саженей, наши же рвут друг друга в бесплодной борьбе, как дикие звери. Наши не знают ничего, кроме стремления к тому, что не стоит ни гроша, и борьбы друг с другом. Дошло до того, что пришлое миллионеры даже не позволяют нам охранять свои участки. Есть мусульмане, которые батрачат в этих местах, мусульмане, которые погибают от газа в нефтяном колоде по 3–4 человека в день, и есть те, которые

¹ Вопросы истории прессы и журналистики. Баку: Озан, 2016. С. 94–111.

этим пользуются, называя их при этом простых людей отъявленными ворами!

Вот причина этому! Мы считаем ненужным повторять всё это, ведь даже 5-летний ребёнок понимает это. Разве не мы остаёмся в стороне от науки и литературы? Разве не мы тонем в объёмах дракона невежества? Несомненно, это так! Подобно человеку, заблудившемуся в тёмной бесконечной пустыне, но стремящемуся к светлому горизонту, наша нация, сбившаяся с пути из-за собственного невежества, должна избавиться от бездны только с помощью светоча науки. В основе этого светоча лежат образовательные общества. Такими обществами необходимо надлежащим образом управлять и расширять их всеми способами»².

Развивая свою мысль, автор обращает внимание на деятельность только что созданного Бакинского издательско-просветительского общества, а также на проблему «невежества и отсталости окрестных Баку деревень и лишения сельских детей начального образования». По словам автора, «Бакинское Общество просвещения первым задумалось о нуждах жителей села и приняло меры в этом направлении. Несмотря на дождь, непогоду или холодные зимние дни, члены общества с энтузиазмом обошли много деревень и сумели основать множество школ»³. Затем автор рассказывает об открытии обществом школы для мусульманских девочек в Балаханах. Вместе с тем в некоторых деревнях даже не признавали ни общества, ни школ.

Наши мыслители, которые боролись с невежеством, бедностью, выступая за науку и просвещение, что было приоритетом в начале XX века, выполняли миссию просвещения не только пером, но и своей практической деятельностью, в обществах. Важная работа, проделанная обществами в этом направлении, служила на пользу обществу. Отмечая их деятельность, Г. Гасымов подчёркивал, что для этой работы нужно приложить и мобилизовать ещё немало усилий: «Давайте будем более организованными. Прежде всего, мы призываем всех людей максимально помогать этому обществу. Во-вторых, мы обращаем внимание вновь из-

бранной администрации общества на индустриальные школы»⁴.

Посредством всех средств, которые могут изменить людей – образование, пресса, просветительские общества и т. д. – интеллигенция и писатели пытались сформировать правильное общественное мнение в обществе проводимыми мерами и реформами за счёт преодоления многих трудностей. При необходимости для пропаганды и поощрения они использовали мнение своих коллег, приводили примеры и побуждали других делать то же самое: «В прошлом директор нашей газеты С. Ибрагимов опубликовал несколько статей о необходимости художественных школ. Поэтому мы не видим необходимости повторяться. Мы можем только со всей серьёзностью привлечь внимание государственной администрации к этому моменту, и в любом случае мы надеемся, что департамент приложит усилия и старания в этом направлении, искренне верим, что он будет блестяще работать в будущем. Г. Гасымов»⁵.

Этой теме посвящена и статья Г. Гасимова «Чалышмалы» («Надо постараться») (газета «Игбал», № 546). Основная линия статьи – объединение обществ «Ниджат» и «Сафа» с одинаковыми целями и устремлениями, подчеркивание необходимости действовать как союз, преимущества этого шага, показ обычных трудностей, которые могут возникнуть на этом пути. В этой статье публицист сожалеет о том, что в то время, когда каждый работает в своих интересах, национальные интересы забываются, важные вопросы, недостатки игнорируются, проблемы, которые ежедневно сообщаются людям из газетных колонок, остаются только на письме. По этой причине Г.И. Гасымов приводит пример из западного опыта, чтобы подчеркнуть серьёзность ситуации: «хорошо известно, что одна из причин прогрессивного развития Европы – это организация просветительских обществ. Сообщество настолько тесно связано с обществом, общество настолько тесно связано с членами сообщества, что они образовали единое целое с точки зрения целей и идеалов. Каждый обязан ра-

² Газета «Игбал». 1914. 3 янв. № 546.

³ Газета «Игбал». 1912. 8 мая. № 54.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ботать в обществе, и каждый считает общество своим домом»⁶.

Чтобы усилить воздействие на читателя, автор повествует о жизни миллионера и приводит тот факт, что на момент смерти он пожертвовал большую часть своего богатства просвещённому обществу: «Когда у миллионера спросили причину этого, он сказал: Я не воспитывал ребёнка для того, чтобы ему нужны были деньги отца. Если у моего сына будет достаточно усердия, и он приложит усилия, он займёт моё место. Полученные по наследству деньги не делают ребёнка благополучным, это искусственное благополучие. Ребёнок должен уметь зарабатывать деньги. Мои деньги нужно отдать обществу. Потому что общество – это моя душа. Общество – прибежище для всех. Это общество, которое вносит вклад в прогресс нации, это общество, которое душой болеет о бедных»⁷.

Критик призывает людей работать во имя национального единства, работать вместе, как единое целое, двигаться вперёд, как единое целое, и добиваться успеха: «Общества, которые существуют в нашем городе пять–шесть лет, работают по-отдельности. Г-н Магомед Эмин Расулзаде, самый уважаемый человек, писал статьи о необходимости совместной работы. Он заявил, что поодиночке дела не сделаешь, и что, если общества будут работать вместе, пользы будет намного больше»⁸.

Г. Гасимов продолжает излагать подобные идеи в статье «Нужен Хуммат», опубликованной в 553-м номере «Игбала». Он подчёркивал, что «безразличие людей к незавершённому строительству Школы счастья в Баку, центре Кавказа, где проживают 100000 мусульман, где пять просветительских обществ, каковых нет ни в одном другом городе, требует большего внимания к их деятельности. Школа счастья – прекрасная возможность для тех, кто хочет «сегодня зарабатывать на жизнь и служить народу». Для каждого важно именно так работать с финансами, которые у них есть, с пером, которое у них есть, с языком, который у них есть, и по-

стараться завершить всё это как можно скорее и утвердить её устав»⁹.

Подчеркивая, что в каждую эпоху человечество прогрессировало только благодаря науке, и что учёные всегда превосходят людей, далеких от науки, публицист говорит, что это возможно только через духовное развитие. По мнению автора, причина всех неудач и бедствий в мире – незнание, невежество, безграмотность и национальное безразличие ко всему. «Если нация, вкусившая плоды невежества, увидевшая горький опыт мира, так равнодушно смотрит на свою просветительскую работу, если она не обращает внимания на тот факт, что школы остаются закрытыми и сегодня и завтра, кровь этой нации будет заморожена, прогресса не будет», – подчёркивал он. «Разве это не есть отсутствие национального чувства?»¹⁰.

Как всегда, Г. Гасимов опять же приводит пример деятельности и инициатив интеллигенции других народов, направленных на просвещение, и завершает свою статью достаточно вескими доводами: «Это неоспоримый факт, что мы прошли путь от одного несчастья, переживаемого школой, к другой... Те, кто за столько лет умер преждевременно, те, кто сгнил в камерах многих тюрем, пострадали потому, что они не ходили в школу. Конечно, если те, кто может построить школу счастья, заплатив каждый хотя бы по 5 манатов, чёрствые и бессовестные люди, и они не умеют сочувствовать, всё это будет продолжаться и дальше»¹¹.

Анализ и пропаганда вопросов просвещения и культуры в публикациях Г.И. Гасимова в газете «Игбал» последовательны и чрезвычайно актуальны. Авторский цикл статей «Театр и музыка» – наиболее наглядный тому пример. Первая статья под этим заголовком была опубликована в 5-м номере газеты и продолжала выходить регулярно в номерах до 755-го номера.

Из газетных статей, анализированных в данном исследовании, видно, что проблемы, которые писатель пытается решить через свои произведения, являются важнейшими задачами, поскольку промедление их решения ведёт фактически общество в пропасть.

⁶ Газета «Игбал». 1914. 3 янв. № 546.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Газета «Игбал». 1914. 15 янв. № 553.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Чтобы спасти людей от многочисленных опасностей, Г.И. Гасымов пытался здесь использовать своё творчество как оружие. Написанные стилистически свободным, простым языком, эти произведения служат делу привлечения масс к общественным делам,

способствуют формированию и развитию общественного мнения, определению позиции каждого гражданина в обществе, преодолению национальных предрассудков и формированию патриотизма.

Список литературы

1. *Талибзаде К.* Литературоведение Азербайджана XX века (1905–1917). Баку: Академия наук Азербайджана, 1966. 540 с.
2. *Агаева Н.* Театр: критика и критики. Баку: Университет Хазар, 2012. 355 с.
3. *Мамедли Г.* Подписи. Баку: Хатун плюс, 2010. 146 с.
4. *Омаров В.* Культура в Азербайджане в начале XX века // СЕС (газета). 2012. 6 нояб. URL: <https://sesqazeti.az/news/kivdf/319921.html> (дата обращения: 01.07.2020).

References

1. Talibzade K. *Literaturovedeniye Azerbaydzhana XX veka (1905–1917)* [Literary Criticism of Azerbaijan in the 20th century (1905–1917)]. Baku, Azerbaijan Academy of Sciences Publ., 1966, 540 p. (In Russian).
2. Agayeva N. *Teatr: kritika i kritiki* [Theater: Criticism and Critics]. Baku, Khazar University Publ., 2012, 355 p. (In Russian).
3. Mamedli G. *Podpisi* [Signatures]. Baku, Hatun Plus Publ., 2010, 146 p. (In Russian).
4. Omarov V. *Kul'tura v Azerbaydzhane v nachale XX veka* [Culture in Azerbaijan in the early 20th century]. *SES (gazeta) – SES (newspaper)*, 2012, 6 November. (In Russian). Available at: <https://sesqazeti.az/news/kivdf/319921.html> (accessed 01.07.2020).

Информация об авторе

Агаярова Афаг Эльчин кызы, докторант, кафедра истории печати и методов идеологической работы. Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика. E-mail: afagagayarova@gmail.com

Вклад в статью: идея, обзор деятельности автора газеты «Игбал» Гаджи Ибрагима Гасимова, анализ газетных статей, определение актуальности вклада публициста в просвещение, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5936-4405>

Поступила в редакцию 08.08.2020 г.

Поступила после рецензирования 12.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Afag E. Agayarova, Doctoral Candidate, Printing History and Methods of Ideological Work Department. Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan. E-mail: afagagayarova@gmail.com

Contribution: idea, author's activities review of the newspaper "Igbal" Haji Ibrahim Gasimov, newspaper articles analysis, determining the relevance of a publicist's contribution to education, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5936-4405>

Received 8 August 2020

Reviewed 12 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-807-818
УДК 246.3+246.6

Тамбовское иконописное направление как способ сохранения и приумножения традиций уставного иконописания

Татьяна Михайловна НИКОЛЬСКАЯ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1525-3161>, e-mail: timnik2004@mail.ru

Tambov icon painting direction as a way to preserve and enhance the traditions of statutory icon painting

Tatiana M. NIKOLSKAIA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1525-3161>, e-mail: timnik2004@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено современное положение, связанное с возрождением иконописных традиций. Именно икона, несмотря на все трудности понимания, является тем элементом, который способствует возрождению и формированию внутренних основ, столь необходимых на современном этапе развития общества. Прослежена ситуация, связанная с уничтожением традиционных духовных ценностей в послереволюционное время. Рассказано о тех людях, которые в столь нелегкое время пытались сохранить основные догматические каноны иконописания. Доказано, что именно их постоянное стремление к сохранению и распространению исконных ценностей, а также неустанный труд помогли не исчезнуть столь яркому культурному наследию. Проанализированы особенности существования традиционной уставной иконописи на Тамбовской земле. Обосновано, что формирующееся Тамбовское иконописное направление со своими традициями, этапами развития и выразительными средствами, базирующееся на благочестивом и художественном опыте наших предков, сохраняет и приумножает иконописные традиции в России. А использование малахитового цвета придаёт созданным образам неповторимость, наполняя их своим семиотическим контекстом. Отмечаются особенности данного направления. Сделан вывод о необходимости возрождения высоко духовной личности путём изучения данного направления.

Ключевые слова: духовный кризис; уничтожение иконописных традиций; возрождение иконописи; Тамбовское иконописное направление

Для цитирования: *Никольская Т.М.* Тамбовское иконописное направление как способ сохранения и приумножения традиций уставного иконописания // *Неофилология*. 2020. Т. 6, № 24. С. 807-818. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-807-818

Abstract. We consider the current situation associated with the revival of icon painting traditions. It is believed that the icon, despite all the difficulties of understanding, is the element that contributes to the revival and formation of internal foundations, so necessary at the current stage of society development. The work traces the situation associated with the destruction of traditional spiritual values in the post-revolutionary period. We tell about those people who, in such a difficult time, tried to preserve the basic dogmatic canons of icon painting. We prove that it is their constant desire to preserve and spread the original values, as well as tireless work, that help such a vibrant cultural heritage not disappear. We analyze the features of traditional statutory icon painting existence in Tambov. We substantiate that the emerging Tambov icon painting direction with its own traditions, development stages and expressive means, based on the pious and artistic experience of our ancestors, preserves and enhances the icon painting traditions in Russia. Also, the use of malachite color gives the created images uniqueness, filling them with its own semiotic context.

We note the peculiarities of this direction. We conclude that it is necessary to revive a highly spiritual personality by studying this direction.

Keywords: spiritual crisis; destruction of icon painting traditions; revival of icon painting; Tambov icon painting direction

For citation: Nikolskaia T.M. Tambovskoye ikonopisnoye napravleniye kak sposob sokhraneniya i priumnozheniya traditsiy ustavnogo ikonopisaniya [Tambov icon painting direction as a way to preserve and enhance the traditions of statutory icon painting]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 807-818. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-807-818 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Общество, находящееся в духовном кризисе, пытается искать свои собственные пути разрешения данной ситуации. Одним из выходов является обращение к духовному искусству, а точнее, к иконописи.

Основной проблемой иконописного изображения в современном мире может быть «качество и результативность иконописного мышления, так как просто копировать иконы научиться можно, что доказывает современная практика, а вот сделать достойный древним образцам, высокодуховный список удаётся далеко немногим...» [1]. Но именно на Тамбовской земле есть определённые результаты.

«Икона – один из самых содержательных, самых ярких, но и самых трудных для понимания феноменов искусства. Его формирование и развитие также имеет свои особенности. В Западной Европе религиозное изобразительное искусство отошло от иконописи и превратилось в религиозную живопись, от которой отделилась и разрослась впоследствии живопись светская. В православных же странах иконопись утвердилась и

достигла расцвета, сделав возможным и доступным общение между человеком и Богом независимо от страны и национальности» [2].

Создание иконописного образа и его основных средств и принципов происходило в течение длительного периода, в результате которого появился существующий иконописный извод. В первую очередь это можно объяснить тем, что икона является неким посредником между человеком и миром Божественным, вбирая в себя все духовные знания и при помощи различных символов пересказывая его «читателю». «В иконе красоте всегда предшествует смысл, вернее, целостность христианского мировосприятия делает эту красоту осмысленной, давая не только радость глазам, но и пищу уму и сердцу» [3].

Развитие иконописания на Русской земле – процесс, который происходил непросто. А почти семидесятилетний «перерыв» в православной иконописи, когда занятие иконописным творчеством считалось религиозной пропагандой, сделал процесс возрождения уставной техники затруднительным.

Комаровский Владимир Алексеевич, фото из дела 1933г.

Комаровский Владимир А., 1937г.

Рис. 1. В.А. Комаровский

События 1917 года и новая политика того времени, приведших к власти большевиков привели к тому, что огромное количество произведений иконописи было уничтожено, а самих иконописцев преследовали и ссылали в лагеря.

Это было время, когда истребляли себе подобных, отнимая вместе с жизнью (в нашем случае – вместе с жизнью художников) и произведения искусства, уничтоженные при аресте, пропавшие или ещё не созданные авторами. Эти потери неисчислимы, невозполнимы ни теперь, ни в будущем – никогда.

Ушли на второй план основные понятия, которые включало в себя иконописание. Понятие о том, что икона – это особый, высокодуховный язык, необходимый для понимания православия.

Хотя и остались те, кто продолжал свою деятельность. Например, В.А. Комаровский и М.Н. Соколова (монахиня Иулиания).

Владимир Алексеевич Комаровский – художник-иконописец, граф, родился в Санкт-Петербурге, рано остался без матери. Его отец был хранителем Оружейной палаты, будучи не профессиональным художником, свои способности передал сыновьям. Путешествия по Италии со своим двоюродным братом сыграли важную роль в судьбе художника. Открытие в 1910 г. отдела древнерусской живописи в Русском музее стало для В.А. Комаровского переломным. С этого момента он связывает свою жизнь с древнерусской живописью и в скором времени становится не просто художником-иконописцем, но и теоретиком в этой области. Как и многих иконописцев того времени, его подвергли репрессиям. Впервые в 1921 г., позже в 1925 г. Он был сослан в город Ишим, где он зарабатывал тем, что писал портреты, делал вывески.

В 1928 г. он получил заказ на роспись одного из московских храмов – Софии Премудрости Божией. Владимир Алексеевич работал днем и ночью, а отдыхал тут же. Но в 1929 г. храм был закрыт, в нём расположился клуб «Безбожник». Были и другие попытки его арестовать (рис. 1). Но в 1934 г. он был арестован опять вместе со своим сыном, долго находился под следствием и в результате был приговорен к высшей мере наказания. В 1937 г. Владимир Алексеевич Комаровский был расстрелян.

Одной из известнейших его работ является икона Донской Божией Матери, установленная в Измалковской часовне (рис. 2). В 20-х гг. XX века часовня была разрушена и только в 1970-х гг. чудом нашлась икона в сарае деревенского дома. Стараниями дочери иконописца икона была увезена в Москву, отреставрирована и помещена в Покровский храм Свято-Данилова монастыря и признана выдающимся произведением иконописи XX века.

Рис. 2. Икона Донской Богоматери

По мнению Л.А. Успенского, это произведение иконописного творчества является выдающимся иконописным произведением XX века [4]. Данное изображение играет важную роль в творчестве иконописца и связано с Куликовской битвой. Икона была написана по заказу графа Олсуфьева, который руководил строительством храма на Куликовом поле, построенному в 1913–1917 гг. по проекту А. Щусева в неорусском стиле. Проект иконостаса выполнен также В.А. Комаровским в его имении Ракша Тамбовской губернии, где он смог оборудовать себе мастерскую в одном из флигелей. В годы советской власти иконостас был уничтожен, но по сохранившимся акварельным эскизам сейчас идёт восстановление утраченного.

Говоря о творчестве М.Н. Соколовой, необходимо в первую очередь обратить внимание на её копирование фресок и икон, в послевоенные годы занималась украшением храмов. А в 1958 г. под её руководством был организован иконописный кружок.

Мария Николаевна была из семьи священника и с детских лет много уделяла времени богослужению и рисованию. После окончания женской гимназии занималась в студиях художников Ф.И. Ретберга и А.П. Хотулева, а впоследствии вся её работа была связана с графическими работами. С 1923 г. Мария начинает обучаться иконописи у известного реставратора и копииста В.О. Кирикова и именно в это время она и делает огромное количество копий фресок опустевших храмов. В годы репрессий она создаёт немало икон для тайных богослужений на частных квартирах. В годы войны работа продолжается, но так как доски для икон трудно достать, использовались картонные и грунтованные с двух сторон холстики – таблетки. По окончании войны в открывшейся Троице-Сергиевой лавре она продолжает свою работу (рис. 3).

В открытом ей в 1958 г. иконописном классе она не просто обучает иконописи, но и пытается привить любовь к древней иконе, объяснить её гармонию и сущность, почти утраченную с годами гонений на церковь. «Монахиня Иулиания руководила иконописным кружком в течение 23 лет» [5]. Её опыт был изложен ею в работах и составленных учебно-методических пособиях. До своего последнего дня она трудилась, в 1981 г. последовала её кончина, но уже как монахини Иулиании.

Также необходимо сказать и о развитии иконописания в XX веке за рубежом. В связи с этим необходимо упомянуть о Свято-Сергиевском Православном богословском институте в Париже, где работал выдающийся русский иконописец и богослов Л.А. Успенский, с именем которого связаны теологические основы иконописания.

В первые годы после войны в связи с огромным интересом к историческому наследию России появилась возможность исследования икон. Некоторые образы были отреставрированы и возвращены в лоно Церкви.

В 80-е гг. XX века появилась свобода вероисповедания, были прекращены и гонения на церковь, и началось активное возрождение иконописи. Иконописцы того времени практически все получили светское художественное образование, но желание возродить ту потерянную духовность воплотилось в обращении именно к традиционному, древнему иконописанию.

В 1982 г. было сформировано первое объединение иконописцев «Алексеевская патриаршая мастерская». Это первое за советский период профессиональное объединение. Ещё одной известной иконописной школой была Мирожская иконописная школа, организованная под руководством архимандрита Зинова. Он составляет уникальный каменный иконостас и пишет для него образы Спасителя, Богородицы и святых в медальонах. Но, к сожалению, школа и сам архимандрит Зинов оказались в центре церковных дискуссий, и дальнейшая жизнь иконописца и его последователей очень неоднозначна.

«С 1988 г. стало возможным писать новые иконы на законном основании (раньше иконописание было уголовным преступлением, квалифицировалось по статье 162 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. как «Занятие запрещёнными видами индивидуальной трудовой деятельности» и каралось большим штрафом или тюрьмой. В особых случаях – с конфискацией имущества) и обсуждать их открыто» [6].

Рис. 3. Монахиня Иулиания (М.Н. Соколова)

В 1990-х гг. была открыта иконописная школа при Московской духовной академии, появившаяся на основе кружка монахини Иулиании (Соколовой), появились новые мастерские в различных городах – в Твери, Курске, Воронеже, Ярославле, Палехе.

Являясь неярким представителем сохранения художественных и духовно-художественных традиций, Тамбовская область, тем не менее, очень трепетно относится к христианским ценностям, реликвиям. Точкой отсчёта данных духовных отношений можно считать время святителя Питирима Тамбовского, привезшего на территорию города качественные иконы.

В конце XIX века в Мичуринском районе было открыто 1-е иконописное отделение при церковно-приходской школе. Так получило развитие иконописное дело на Тамбовской земле. Уже к началу XX века было две крупные иконописные мастерские.

Но с событий 1917 г. иконописание на территории Тамбовской области, как и во всей России пришло в упадок, хотя и были отдельные образцы, написанные тайно.

Известно, что директор Воскресной школы Вознесенского монастыря Тамбова Нина Тимофеевна Торопцева, будучи студенткой Менделеевского института г. Москва, брала уроки иконописи в кружке М.Н. Соколовой. Это послужило базой для создания иконописного класса в г. Тамбове. И в 90-е гг. XX века в Тамбове при Вознесенском монастыре открылся иконописный класс, которым руководил Сергей Иванович Логинов. Особое внимание уделялось иконописному рисунку и следованию каноническому стилю, а также философскому осмыслению иконы. Здесь проходил обучение организатор «отделения Иконописи и церковно-прикладного искусства» [7] Муниципального бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования «Детская художественная школа № 2 прикладного и декоративного искусства им. В.Д. Поленова» (МБОУ ДО «ДХШ № 2 ПДИ им. В.Д. Поленова») г. Тамбов Михаил Викторович Никольский, что символично, так как он является потомком древнего тамбовского рода, в котором были благотворители, почётные граждане, священники.

В ДХШ № 2 ПДИ им. В.Д. Поленова в 1999 г. по благословению архиепископа Там-

бовского и Мичуринского Евгения был открыт класс иконописи, куда принимались люди, которые уже получили начальное художественное образование и которые имеют определенный религиозный опыт и пришли к этому осмысленно. «С 2004 г. он был реорганизован в отделение Иконописи и церковно-прикладного искусства» [7]. В школе чтут древние традиции создания икон. Технологии соблюдается старинная – используются только натуральные краски и природные материалы.

Особого внимания заслуживает инновационная методика М.В. Никольского, которая заключается в обучении по трём блокам дисциплин: богословскому, теоретическому и практическому, состоящим из четырнадцати предметов. Приёмы складываются на основе московской, тверской и византийской школ, с использованием элементов палехского письма по старинным образцам.

Неотъемлемой частью всего учебного процесса является теоретический блок дисциплин, которые преподают не только кандидаты наук, но и священники. Это такие предметы, как «История иконописания», «Христианская архитектура», «Катехизис и Закон Божий», «Агиография и церковная археология», «Философия и психология восприятия христианского образа» и др. Данная методика позволяет изучить икону с разных аспектов: богословского, символического, иконографического, эстетического, технологического.

Весь комплекс обучения разделен на модули, каждый из которых представляет определённый цикл, освоив который обучаемый получает цельное представление об одном из этапов создания иконописного образа. За пять лет учащиеся знакомятся со всеми видами икон: поясными, оплечными, ростовыми, праздничными, храмовыми иконами. В год учащиеся выполняют по две иконы. На завершающем этапе учащиеся выбирают своё направление. Это может быть резьба по дереву, церковное шитьё, скульптура, реставрация, церковная архитектура и т. д.

Более пристального внимания заслуживают некоторые особенности, отличающие Тамбовскую иконописную манеру от других. Все элементы (цвет, свет, особая манера), появившиеся в данной школе, неслучайны,

имеют свой особый сокровенный смысл, так как и в иконописи не может быть использования каких-либо элементов без особой на то смысловой и духовной необходимости.

Итак, цвет. Цвет в иконописи имеет в первую очередь свою символическую нагрузку, а не просто декоративную. Символика цвета в русской иконе сохранилась со времён Византии. Но, в отличие от византийской, цвета в иконе были более яркими, прозрачными, а каждый оттенок имел своё смысловое наполнение. «Смысловая гамма иконописных красок, как и передаваемая ею природная гамма цветов, необозрима» [8, с. 97].

Первое и главное – это следование древним иконописным образцам, при этом был сделан выбор в сторону активного использования малахита (светло-салатовые цвета) с активными пробелами (выбеливание).

Истинная малахитовая краска получается путём стирания натурального малахита в пыль. По своим свойствам близка к горной сини (рис. 4).

«Зелёный символизирует вечную жизнь, вечное цветение, это также цвет Святого Духа, цвет надежды» [3]. А в Тамбовской иконописной манере применяется не просто зелёный, а один из оттенков – малахитовый, что позволяет говорить не просто о процветании, а о символе постоянного обновления, что подчёркивается пробелами. Применение этого цвета делает икону более прозрачной, лёгкой, но вместе с теми подчёркивает её аскетичность, направляя «читателя» на её внутренний мир, позволяя увидеть нечто сокровенное, личностное (рис. 5).

Выработанный серебристо-салатовый колорит иконы вступает в противоречие с современным тварным и суетным миром, с его рекламно-вульгарным пространством. Тамбовские иконописцы пытаются указать на спокойный, уравновешенный и нетварный горный мир, который является зрителю через уставную православную икону (рис. 6).

Тамбовские иконописцы не используют синюю и жёлтую краски в истинном варианте. Тем не менее, синий символический цвет, символ Богоматери, получается путём смешивания малахита и чёрного.

Рис. 4. Богородица Игоровская (17×22, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. О. Пачина

Рис. 5. Богородица Живоносный источник (70×115, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. М. Никольский

Рис. 6. Богородица Казанская (30×40, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. М. Никольский

Жёлтая краска заменяется колером из белил и охра золотистой (рис. 7). «Данный цвет наиболее близок к золотому и часто используется как его замена, но его особый смысл — обозначение высшей власти ангелов» [3].

Рис. 7. Св. Блгв. кн. Андрей Боголюбский (30×40, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. С. Симачевская

Красочные слои накладываются не только техникой плавей, но и мелкими цветными штрихами (на этапе роскрыши). Таким образом, достигается эффект воздушности и объёмного «прочтения» уникального пространства иконы.

Свет в Тамбовской иконописи отображается при помощи ассиста, что позволяет подчеркнуть её чистоту, прозрачность, наполнить воздухом.

Если говорить о жестах, то здесь присутствуют те же жесты, которые существуют и в иконописных канонах: Благословляющая десница, Ладонь праведника, Две ладони, раскрытые на груди, Рука, приложенная к сердцу, Руки, скрещенные на груди (рис. 8). Следовательно, мы видим, что жесты в иконе — это не жестикуляция в общем понимании, эти движения носят характер сакраментальности. Но именно такие небольшие моменты, на первый взгляд незаметные, и говорят о внутренней символичности иконы, делая её «книгой в красках».

Прослеживается тенденция уменьшения чистых, золотых пятен. Фоновое пространство тамбовские иконописцы стараются передать через сложные цветовые оттенки салатно-песочных тонов, то есть иконе придаётся более аскетичный, тонкий колорит.

Рис. 8. «Не рыдай «Мне Мати» (30×40, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. И. Великанов

Сюжеты традиционны. Такие как: иконография Иисуса Христа (Спас Нерукотворный), Спас Вседержитель, Спас Эммануил, Царь, царем, Великий Архиерей, Не рыдай Мене Мати, Христос Ветхий Денми, Ангел Великого совета, Добрый Пастырь, Лоза истинная, Недреманное око) (рис. 9).

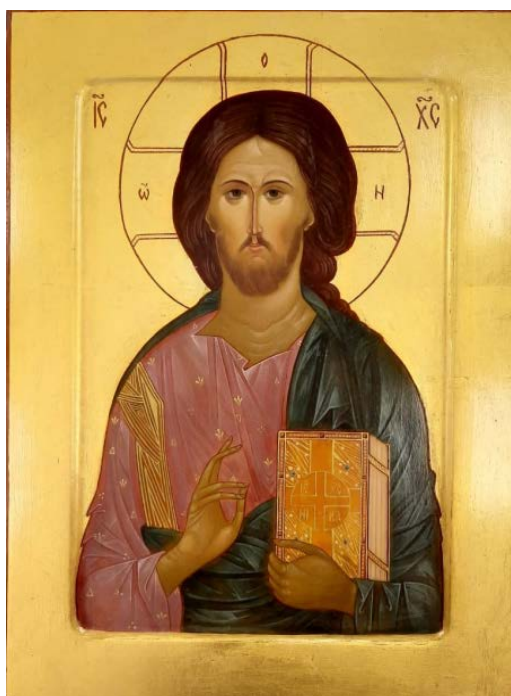

Рис. 9. Господь Вседержитель (22×28, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском) Авт. Ю. Артемова

Иконография Богородичного цикла: (Богородица на престоле, Одигитрия, Богоматерь Никопея, Елеуса, Изображение Богоматери с играющим Младенцем, изображение Богоматери Заступницы, Богоматерь Живоносный источник), используется образ Богородицы Тамбовской (в белых одеждах) (рис. 10, 11).

Используются и иконописные сюжеты, посвящённые священномученикам и их деяниям, различным Святым (рис. 12–15).

При этом часто используются композиции Святых, связанных с Тамбовским краем. Это: Силуан Афонский, Питирим Тамбовский, Марфа Тамбовская, Амвросий Оптинский, Серафим Саровский и т. д. (рис. 16).

Рис. 10. Богородица Владимирская (30×40, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. С. Симачевская

Рис. 11. Богородица Казанская (30×40, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото). Авт. С. Симачевская

Рис. 12. Свщ. Иаков Барнаульский (30×40, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. Т. Родионова

Рис. 13. Св. воин Федор Ушаков (30×40, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. С. Симачевская

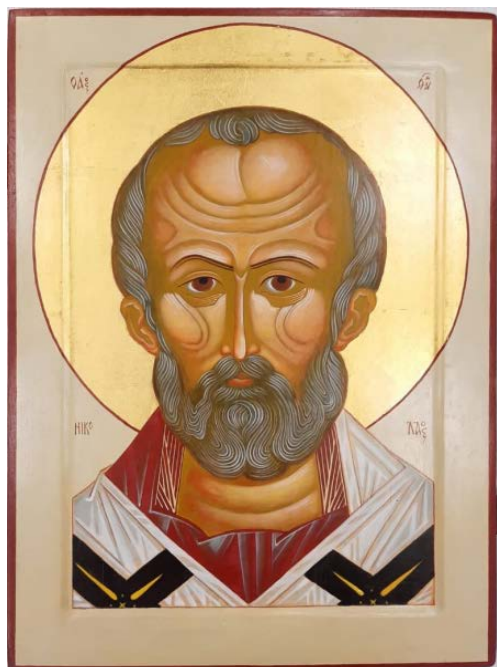

Рис. 14. Св. Николай Чудотворец (30×40, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. С. Корогодова

Рис. 15. Св. Прп. Марфа Тамбовская (30×40, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. О. Пачина

Рис. 16. Святитель Питирим Тамбовский (30×40, липа, левкасный грунт, стертая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. И. Великанов

Активно используется орнамент. Орнамент (от лат. *ornamentum*) – украшение – узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов и предназначенный для украшения различных предметов (утвари, оружия, мебели, одежды и т. д.), архитектурных сооружений, предметов декоративно-прикладного искусства» [9, с. 136]. Существуют следующие виды орнаментов: символический, геометрический, технический, растительный, каллиграфический, пейзажный, животный, предметный, фантастический, астральный [9]. Непосредственно в иконописи используются далеко не все виды. Применяется геометрический, символический, растительный, каллиграфический, животный (некоторые элементы).

Если мы говорим о характере орнамента, то в иконописи применяются плоские орнаменты и рельефные.

А по цели назначения – ленточный, сетчатый и композиционно замкнутый.

Тамбовское иконописное направление, продолжая традиции уставной православной иконописи, применяет все вышеперечисленные виды орнамента. Но необходимо указать, что орнамент, несмотря на свою уникальность и некоторую символическую нагрузку, вторичен по своему содержанию по отношению к семиотическому аспекту в иконе (рис. 17).

Рис. 17. Сорок мучеников Севастийских (38×38, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. М. Никольский

Итак, мы можем сказать, что подобное стремление к воссозданию иконописного образа проникнуто не просто историческими событиями, но и духовным, молитвенным опытом предшествующих поколений. «Задача состоит не в том, чтобы вызвать в нём то или иное естественное человеческое переживание, а в том, чтобы направить на путь преображения всякое чувство, так же как и разум, и все другие свойства человеческой природы» [10] (рис. 18).

Рис. 18. Рождество Христово (37×37, липа, левкасный грунт, стёртая на яйце темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. М. Никольский

Рис. 19. Триптих. Иисус Христос с предстоящими (75×140, липа, левкасный грунт, стёртая на яйцо темпера, золото, копаловый лак с воском). Авт. М. Никольский

Проблемы современного иконописания обсуждаются на ежегодной международной конференции «Поленовские чтения», где есть отдельная секция иконописи.

Таким образом, можно заметить, что формирующееся Тамбовское иконописное направление со своими традициями, этапами развития и выразительными средствами базируется на благочестивом и художественном опыте наших предков. А использование малахитового цвета придаёт созданным об-

разам неповторимость, наполняя их своим семиотическим контекстом (рис. 19).

И сегодня на тамбовской земле идёт активное возрождение иконописного творчества, которое является важным и необходимым моментом для формирования высоконравственной и духовно богатой личности, что весьма необходимо как в нравственном, так и в культурном аспектах нашего современного потребительского мира.

Список литературы

1. *Никольский М.В.* Анализ современных методов и форм организации обучения уставной православной иконописи России // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. интернет-конф. Тамбов, 2009. С. 51.
2. *Никольская Т.М.* Символика и семантика иконописного образа // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 9 (31). С. 300-319.
3. *Языкова И.К.* Богословие иконы. М.: ББИ, 2019. 368 с.
4. *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. М.: Даръ, 2008. 480 с.
5. *Иконописец. Монахиня Иулиания / авт.-сост. Н.Е. Алдошина, А.Е. Алдошина.* М.: Москва, 2012. 219 с.
6. *Копировский А.М.* Церковное искусство. М.: Свято-Филарет. православно-христианский ин-т, 2016. 232 с.
7. *Никольский М.В.* Уставная православная иконопись как феномен духовной культуры общества // Аналитика культурологии. 2010. № 1 (16). С. 175-183.
8. *Дульнева Т.М.* Цвет в древнерусской иконописи, его символика и значение // Национальные приоритеты России. М., 2018. № 4 (31). С. 92-99.
9. *Филатов В.В.* Словарь изографа. М.: ЛЕСТВИЦА, 2000. 256 с.

10. Лосский В.Н., Успенский Л.А. Смысл икон. М.: Эксмо, 2014. 336 с.

References

1. Nikolskiy M.V. Analiz sovremennykh metodov i form organizatsii obucheniya ustavnoy pravoslavnoy ikonopisi Rossii [Analysis of modern methods and forms of organization of training in the statutory Orthodox iconography of Russia]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii «Prepodavatel' vysshey shkoly: traditsii, problemy, perspektivy»* [Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Internet Conference "Higher School Teacher: Traditions, Problems, Prospects"]. Tambov, 2009, p. 51. (In Russian).
2. Nikolskaya T.M. Simvolika i semantika ikonopisnogo obraza [Symbolic and semantics of the iconographic image]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*, 2011, no. 9 (31), pp. 300-319. (In Russian).
3. Yazykova I.K. *Bogosloviye ikony* [Theology Icons]. Moscow, St. Andrew's Biblical Theological Institute Publ., 2019, 368 p. (In Russian).
4. Uspenskiy L.A. *Bogosloviye ikony Pravoslavnoy Tserkvi* [Theology of the Orthodox Church Icon]. Moscow, Dar Publ., 2008, 480 p. (In Russian).
5. Aldoshina N.E., Aldoshina A.E. (authors-compilers). *Ikonopisets. Monakhinya Iulianiya* [Icon Painter. Nun Juliania]. Moscow, Moscow Publ., 2012, 219 p. (In Russian).
6. Kopyrovskiy A.M. *Tserkovnoye iskusstvo* [Church Art]. Moscow, St. Philaret's Christian Orthodox Institute Publ., 2016, 232 p. (In Russian).
7. Nikolskiy M.V. Ustavnaya pravoslavnaya ikonopis' kak fenomen dukhovnoy kul'tury obshchestva [Statutory Orthodox iconography as a phenomenon of the spirits-term culture]. *Analitika kul'turologii* [Analysis Cultural Studies], 2010, no. 1 (16), pp. 175-183. (In Russian).
8. Dulneva T.M. Tsvet v drevnerusskoy ikonopisi, ego simvolika i znachenie [Color in iconography of ancient Russia, its symbolism and meaning]. *Natsional'nyye priority Rossii – National Priorities of Russia*, Moscow, 2018, no. 4 (31), pp. 92-99. (In Russian).
9. Filatov V.V. *Slovar' izografy* [Dictionary of Isograph]. Moscow, LESTVITSA Publ., 2000, 256 p. (In Russian).
10. Losskiy V.N., Uspenskiy L.A. *Smysl ikon* [The. Meaning of Icons]. Moscow, Eksmo Publ., 2014, 336 p. (In Russian).

Информация об авторе

Никольская Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социокультурных проектов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: timnik2004@mail.ru

Вклад в статью: идея, поиск и анализ литературы, культурно-исторический анализ, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1525-3161>

Поступила в редакцию 01.08.2020 г.

Поступила после рецензирования 26.08.2020 г.

Принята к публикации 28.08.2020 г.

Information about the author

Tatyana M. Nikolskaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Cultural Studies and Social Cultural Projects Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: timnik2004@mail.ru

Contribution: idea, literature search and analysis, cultural and historical analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1525-3161>

Received 1 August 2020

Reviewed 26 August 2020

Accepted for press 28 August 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-819-835
УДК 81; 659.137.2

Представления о России и русском национальном характере в современном рекламном дискурсе: лингвокогнитивный анализ

Марина Викторовна ТЕРСКИХ

ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Мира, 55-А
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0127-6917>, e-mail: terskihm@mail.ru

Representations of Russia and the Russian national character in the modern advertising discourse: linguistic and cognitive analysis

Marina V. TERSKIKH

Dostoevsky Omsk State University
55-A Mir Ave., Omsk 644077, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0127-6917>, e-mail: terskihm@mail.ru

Аннотация. Автор статьи обращается к понятию имиджа страны, которое возникло в практике политиков, государственных управленцев и маркетологов и активно разрабатывается в последние десятилетия в работах представителей самых разных отраслей научного знания: лингвистов, политологов, социологов, философов и др. Медиадискурс становится коммуникационным пространством, в рамках которого создаются сообщения, с одной стороны, отражающие стереотипные установки внутренней и внешней аудитории относительно России и русского человека, с другой – корректирующие негативные и усиливающие позитивные этнические стереотипы. Смоделирован медиаобраз России, представленный в текстах российской и зарубежной коммерческой и социальной рекламы, транслируемый в речи политических деятелей, в частности, в рамках предвыборной агитации. В качестве базовой методики использован метод фреймового моделирования, реконструирует фрейм «Россия» в российском и зарубежном рекламном дискурсе. Российская коммерческая реклама формирует положительный образ великой, красивой страны с сильным и духовно богатым народом, а понятие «русский» используется в текстах исключительно с положительной коннотацией. Отечественная социальная реклама создаёт имидж страны с богатой историей и великим прошлым, однако современную Россию она представляет как страну, в которой духовные ценности играют всё меньшую роль. Внешний имидж России в целом можно оценить как негативный. Сфера, в которой реализуется наименее привлекательный образ, – политика. Политическая тематика актуализируется во всех рассмотренных типах медиадискурса и формирует имидж отсталого, недемократичного государства с высокой коррумпированностью и советским наследием.

Ключевые слова: национальная идентичность; имидж территории; рекламный дискурс; коммерческая реклама; социальная реклама; политическая реклама; фреймовое моделирование

Для цитирования: Терских М.В. Представления о России и русском национальном характере в современном рекламном дискурсе: лингвокогнитивный анализ // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 819-835. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-819-835

Abstract. We refer to the concept of the country's image, which arose in the practice of politicians, government executives, and marketing specialists and has been actively developed in recent decades in the works of representatives of various branches of scientific knowledge: linguists, political scientists, sociologists, philosophers, etc. Media discourse becomes a communication space within which messages are created, on the one hand, reflecting the stereotypical attitudes of the internal and external audience regarding Russia and the Russian people, on the other, correcting negative and reinforcing positive ethnic stereotypes. In this work, the media image of Russia is

modeled on the basis of texts of commercial, social and political advertising, speeches of political figures, in particular, in the framework of the election campaign. As a basic methodology, we use the frame modeling method, reconstructs the “Russia” frame in Russian and foreign advertising discourse. Russian commercial advertising forms a positive image of a great, beautiful country with a strong and spiritually rich people, and the concept of “Russian” is used in texts exclusively with positive connotations. Russian social advertising creates the image of a country with a rich history and a great past, however it represents modern Russia as a country in which spiritual values play an increasingly smaller role. The external image of Russia can be generally assessed as negative. The sphere in which the least attractive image is realized is politics. The political theme is updated in all considered types of media discourse and forms the image of a backward, undemocratic state with high corruption and Soviet heritage.

Keywords: national identity; image of the territory; advertising discourse; commercial advertising; social advertising; political advertising; frame modeling

For citation: Terskikh M.V. Predstavleniya o Rossii i russkom natsional'nom kharaktere v sovremennom reklamnom diskurse: lingvokognitivnyy analiz [Representations of Russia and the Russian national character in the modern advertising discourse: linguistic and cognitive analysis]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 819-835. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-819-835 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире имидж государства является ключевым элементом стратегического публичного капитала. Конструирование положительного внешнего и внутреннего имиджа территории – сложный коммуникационный процесс, имеющий свои закономерности и механизмы. Инструментами трансляции имиджа России для внутренней и внешней аудитории являются тексты медиадискурса (рекламная коммуникация, СМИ), кинематограф, художественная литература. В своём исследовании мы решили остановиться на формировании национальной идентичности, образа России и русского человека, на материале рекламных сообщений.

Проводя анализ, мы исходили из гипотезы, что внешний имидж России на современном этапе нуждается в тщательной корректировке. Так, С. Анхольт, советник британского правительства по вопросам национального брендинга, констатировал, что сейчас Россия на Западе выглядит так: «Энергетический шантажист, агрессор с имперскими замашками, держава, которую до сих пор ассоциируют с коммунизмом, страна, где много снега и плохих дорог, где процветает криминал, а реальным правителем является не президент, а премьер со шпионским прошлым. Наряду с матрёшкой, балалайкой и медведями главные бренды РФ – автомат Калашникова и коктейль Молотова» (см. [1, с. 124]). В мировой прессе образ России не-

редко выступает в искажённом виде: здесь много мафии, холодно, русские много пьют и пытаются всех ограбить [2, с. 24].

Об имидже России стали серьёзно задумываться лишь в начале XXI столетия. На наш взгляд, это связано с рядом причин: приход к власти нового президента, изменение внутривластного курса страны; развитие российского PR-сообщества, которое «дозрело» до обсуждения проблемы не только внешнего, но и внутреннего имиджа; поиск инструментов решения таких проблем, как усиление миграционных настроений в стране, «утечка умов»; заинтересованность государственных и частных структур в развитии внутреннего туризма. Эти предпосылки стали причиной повышения интереса к проблеме имиджа России. В данной статье мы рассмотрим внутренний и внешний имидж России в коммерческой, социальной и политической рекламе.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ

Материалом нашего исследования стали тексты коммерческой, социальной и политической рекламы за период с 2000 по 2019 г., всего было проанализировано более 300 рекламных текстов разного формата и жанровой принадлежности.

Лингвистическая методологическая база может быть охарактеризована следующим образом:

1. Семасиологический подход к речевому материалу: установление контекстуальной семантики и психологического значения таких слов и словосочетаний, как «Россия», «русский», «российский» и др.; в рамках данного подхода рассматриваются имена ключевых культурных концептов, к которым апеллируют авторы текстов коммерческой и социальной рекламы.

2. Ономасиологический подход к речевому материалу: установление лексического состава текстов, в эксплицитной форме отражающих ценности и привычки этносоциума; кроме того, данный подход поможет выявить языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой-чужой» в текстах разных типов, в частности, в сообщениях политической рекламы.

3. К междисциплинарным методам, применяемым в данном исследовании, относится концептуальный анализ, который позволяет выявить концептуальные доминанты, когнитивные признаки системообразующих концептов дискурсивного пространства, релевантного для описания национальной идентичности. В рамках когнитивного моделирования исследователи предлагают различные варианты представления структур знаний. Одной из наиболее популярных когнитивных моделей стала теория фреймов, согласно которой фрейм применяется для фиксации вербально-невербальной информации в виде структуры информационных данных, в которой отражены приобретённые опытным путём знания о некоторой стереотипной ситуации и о тексте, который её описывает [3, с. 7]. Фреймовое моделирование видится нам наиболее удобной методикой для реконструирования сложных когнитивных структур. В частности, данный методологический подход позволил нам представить комплексный анализ концепта «Семья» в рекламном дискурсе [4], медиаконцепта «Сибирь» [5], выявить наиболее частотные модели визуальной метафоризации в дискурсе социальной рекламы [6] и др.

4. В анализ текста входят все его контекстуальные отношения. Эта максима относится ко всем дискурсам, которые необходимо проанализировать, независимо от того, какая модификация в соответствии со спецификой дискурсов может быть необходима.

Методологически значимо учитывать, что рекламные тексты являются мультимодальными (полимодальными): языковыми, визуальными, аудиальными. В рекламе, например телевизионной, дискурсивное событие может напрямую ссылаться на национальную идентичность, в то же время встраиваться в контекст вместе с другими дискурсивными событиями из рекламного дискурса или со смежными дискурсами, имеющими влияние конкурирующих отправителей из сферы рекламной коммуникации – коммерческих или некоммерческих – и сообщений, которые они отправляют.

5. И, наконец, индивидуальное дискурсивное событие будет определяться спецификой и прагматикой отправителя и получателя, а также спецификой соответствующего средства коммуникации.

ПОНЯТИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СТЕРЕОТИПА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИМИДЖ ТЕРРИТОРИИ

У каждого народа есть видение собственной культуры в соотношении с культурой представителей иных национальностей: мы можем говорить о стереотипных установках как относительно себя самих, так и относительно представителей других национальных лингвокультурных сообществ.

Под этническим стереотипом, как правило, понимается упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, который легко распространяется на всех её представителей (этнический образ); схематизированная форма поведения, типичная для представителей какого-либо этноса.

В ситуации межкультурных контактов роль стереотипов очень важна. Многие исследователи полагают, что в зависимости от способов и форм их использования стереотипы могут как повышать, так и снижать эффективность межкультурной коммуникации. С одной стороны, стереотипизация позволяет людям быстрее понимать ситуацию и действовать в соответствии с новыми обстоятельствами. Однако достаточно часто стереотипы основываются на полуправде, искажении информации и далеко не всегда соответ-

вуют действительности. В этом случае этнические стереотипы оказывают негативное влияние на межкультурное общение и на имидж страны и её населения. В этом случае необходима работа с негативными стереотипами, не вполне соответствующими действительности, и **медиадискурс** оказывается **подходящей коммуникационной площадкой** для работы с ментальными установками, отрицательно отражающимися на имидже территории. В последние годы исследователи всё чаще говорят о воздействующем и манипулятивном характере текстов медиадискурса, в том числе при формировании общественного мнения [7–9].

Стереотипы достаточно активно эксплуатируются в текстах рекламного дискурса, поскольку позволяют сделать сообщение ментально близким сознанию целевой аудитории. Однако вместе с тем рекламный дискурс позволяет усиливать, нейтрализовать и даже корректировать устойчивые представления о чём-либо.

Как мы уже отмечали, одним из коммуникационных средств отражения и формирования образа страны является рекламный текст в широком понимании. Рассматривая рекламу как часть массовой коммуникации, можно говорить о сходстве принципов действия текстов рекламы и СМИ в сфере формирования имиджа территории. Главной особенностью этого сходства, на наш взгляд, является двусторонность процесса функционирования этих текстов. С одной стороны, тексты рекламы и СМИ могут целенаправленно формировать тот или иной имидж государства, с другой стороны, они часто являются лишь отражением сложившихся стереотипов, мнений, взглядов. Так или иначе, рекламный текст выступает носителем имиджеобразующей информации о стране. При этом, с нашей точки зрения, несомненна роль коммерческой рекламы как транслятора национальной культуры, ориентация на поддержку и укрепление национальных традиций. Наше мнение связано со спецификой рекламного дискурса и его коммуникационными возможностями:

1) транслируя определённые ценности, реклама тем самым пропагандирует определённый образ жизни;

2) опираясь на содержание историко-культурной «памяти» народа, реклама может воздействовать и на современные обычаи, нравы, взгляды, поэтому включение этнокультурных мотивов играет важную роль при выработке рекламной стратегии;

3) использование в современной коммерческой рекламе этнических мотивов может влиять на возрождение давно забытых элементов культуры и их актуализацию в современном обществе;

4) не вызывает сомнения тот факт, что в настоящее время реклама воспринимается не только как новый тип коммуникации, но и как важнейшая интегративная часть народной культуры;

5) включаемые в рекламу культурные, национальные, духовные, нравственные и т. д. элементы, устойчивые во времени, должны являться источником образования и искренней гордости за свою страну, формировать положительные ценностные ориентиры, идеи и установки – и в этом мы видим социальный аспект коммерческой рекламы;

6) использование традиционных форм культуры при создании рекламы оказывается не только действенным способом достижения коммуникативных задач, но и способом гармонизации внутреннего состояния человека, повышения его личной сопричастности к культурным явлениям, мотивацией к социально значимым действиям;

7) этнический колорит достигается не только посредством использования национального языка, но и через обращение к народным сказкам, фольклору, историческим и художественным образам, поэтому при реконструировании фрейма России мы уделяем внимание культурной сфере как значимой составляющей имиджа нашей страны.

В силу комплекса причин, наиболее часто тема России актуализируется в рекламных текстах туристических услуг. Изучив более 100 рекламных сообщений различных туристических компаний, мы выявили ключевые категории, отражающие специфику образа России в том виде, в каком он представлен в рекламных сообщениях данного типа.

Россия в текстах такого рода идентифицируется как *огромная, необъятная; великая; Родина*; реже – как «*держава*» (большая и мощная страна), «*Русь*», «*мать*» (в значении

«источник, начало чего-н., а также то, что дорого, близко каждому»). В данных рекламных текстах Россия наделяется такими атрибутивными характеристиками, как *богатая культура и история, красивая природа, загадочность, разнообразие ландшафтов*.

Если говорить о «персонализированной» России, то здесь складывается следующая ситуация: в текстах упоминаются исторические лица, сыгравшие значительную роль в истории страны, а также всенародно известные персонажи (Илья Муромец, Екатерина Великая и др.). Однако ни в одном из текстов не говорится о современных политиках и руководителях, из чего можно заключить, что

образ страны, существующий в сознании респондентов, шире образа, формируемого рекламными туристическими текстами.

Если представить фреймовый анализ образа России и русского человека в туристической рекламе, ориентированной преимущественно на внутреннюю – российскую – аудиторию, мы получим следующую фреймовую модель (табл. 1).

Образ России в зарубежной туристической рекламе несколько отличается. На основе анализа рекламных текстов о России более чем 20 западных туристических агентств можно сделать вывод о том, что **Россия – это страна контрастов**. Путешествие

Таблица 1

Внутренний имидж России в туристической рекламе

Дискурс-категории	Языковые примеры
Идентификация России	Страна, охватывающая 1/6 часть суши; необъятная страна; страна контрастов; огромная страна с огромным туристическим потенциалом; великая страна с богатейшей историей; Русь; великое княжество; наша величественная страна; наша необъятная родина; наша родина; поистине великое государство; Русь-матушка; Великая Русь; великая держава
Атрибутивность, характеристики	Неповторимость; бесконечное разнообразие; богатая история; неоспоримое великолепие русской природы; непредсказуемость; живописность; бескрайние степные просторы; щедрость; хлебосольность; величие; сказочная красота
Деятельность	Поражает (разнообразием); издавна славилась; готова открыться, очаровать вас, научить и привязать к себе навечно; восхищает
Пространство	Арктика; Москва; Санкт-Петербург; черноморское побережье; Кавказ; Подмосковье; Центральная Россия; Суздаль; Владимир; Кидекша; Сергиев Посад; Ярославль; Кострома; Золотое Кольцо России; Алтай; Карелия; знойные прикаспийские полупустыни; Камчатка; Кольский полуостров; Чукотка; Якутия; Урал; Байкал; Клязьма; Углич; Мышкин; Муром; Боголюбково; Сергиев Посад; Великий Новгород; Казань; Калуга; Псков; Рязань; Тверь; Тула; Краснодарский край; Калининградская область; Чёрное море; Азовское море; Углич; Старая Русса; Старая Ладога; Выборг; Волга
Предложения туристических агентств (ради чего стоит путешествовать по России?)	Музеи; картинные галереи с мировым именем; театры; опера; балет; выставки; концерты; цирковые выступления; живописнейшие места; качественный уровень европейского сервиса; познавательное путешествие; обилие лесов; чистый воздух; естественные водоёмы; морская вода; лечебные грязи; целебные источники; древние монастыри; старинные крепости; золотые песчаные пляжи, комфортабельные отели; экстремальные сафари; рафтинг; джип-туры; каякинг; горнолыжные курорты; рыбалка на живописных озёрах; архитектурные ансамбли; дворцы; мемориальные комплексы; величественные горы; таинственная тайга; походы; экскурсии; круизы на катере; потрясающие храмы и церкви; спокойствие и тишина огромных равнин; транспортное обслуживание; услуги компетентного и профессионального гида; российские здравницы; великолепные широколиственные леса; бронирование отелей в городах России; охота; восхождение на вулкан; психологический туризм; этнические туры; элементы активного, развлекательного и экологического отдыха; речные круизы; дискотеки на пароходе; сказочная красота русского севера; катание на собачьих упряжках; памятники великим людям; дома и усадьбы времён купечества; автобусные туры; древнейшая каменная церковь; кафе и рестораны; замечательные памятники истории и культуры
Интертекстуальность	Былинный герой Илья Муромец; князь Андрей Боголюбский; Дмитрий Донской; Куликовская битва; Иван Грозный; Андрей Рублёв; Даниил Чёрный; князь Ярослав Мудрый; царевич Димитрий; развалины Рюрикова городища; город княгини Ольги – Псков; князь Олег

по России в глазах иностранцев является *экстремальным*, требующим предельной осторожности от туристов. Более половины зарубежных сайтов пишут о неготовности России принимать туристов. Это проявляется, в частности, в том, что в России недостаточно развит гостиничный бизнес. Помимо этого, в России только в последние годы стали предприниматься действия по модернизации вокзалов, аэропортов, станций метро, предполагающие дублирование всех надписей на английском языке. До этого туристам были доступны преимущественно надписи на кириллице и, как следствие, возникали сложности с ориентацией на местности. Эта проблема актуальна и сегодня, поскольку, как отмечает один из немецкоязычных туристических сайтов, в России достаточно низкий уровень знания английского языка среди населения, поэтому, если иностранный турист захочет о чём-то спросить у местных жителей, нельзя быть уверенным, что его поймут и помогут.

Россия в данных текстах позиционируется прежде всего как (в порядке убывания частотности актуализации тех или иных компонентов имиджа):

- 1) страна для экстремального отдыха;

- 2) страна с интересной культурой и историей;

- 3) бывший Советский Союз, страна с пережитками коммунистического прошлого;

- 4) страна с разнообразной и красивой природой.

Фреймовая модель внешнего имиджа России, реконструируемая по рекламным текстам, ориентированным на внешнюю – иностранную – аудиторию, будет существенно отличаться от образа, конструируемого иностранными туристическими компаниями (табл. 2).

Таким образом, одна из важных задач, стоящих перед российскими копирайтерами, заключается в необходимости нейтрализации негативных этнических стереотипов, связанных с Россией, поскольку обилие негативных ассоциаций разного рода снижает туристическую привлекательность нашей страны. Так, в 2011 г. Ростуризм были выпущены рекламные ролики для внешней аудитории «*No bears, just beauty*» («*Никаких медведей, только красота*»), ориентированные на нейтрализацию мифа о том, что в России по улицам ходят медведи; кроме того, в аэропортах, метро и на улицах европейских столиц были размещены билборды аналогичной тематики.

Таблица 2

Внешний имидж России в туристической рекламе

Дискурс-категории	Языковые примеры
Идентификация России	Азиатская страна, страна с самым глубоким озером в мире, крупнейшая страна в мире, неклассическое место отдыха, край контрастов, страна с совершенно разными природными и климатическими системами, страна с ярко выраженной вертикальной зональностью, первая страна, которая осуществила полёт человека в космос, «лёгкие» Европы, “Terra Incognita”, страна с коммунистическим прошлым, страна со множеством часовых поясов, бывший Советский Союз, одна седьмая часть суши
Атрибутивность, характеристики	Бюрократические препятствия для получения визы, завышенная цена размещения, языковые сложности, страна с четвертью запасов пресной воды в мире, самое большое количество лесов в мире, много красивых женщин, живописная природа, суровая зима, советское наследие, языковые проблемы, сложности общения, богатая культура, знаменитая русская кухня, неготовность принимать туристов
Деятельность	Охватывает половину земного шара, граничит, простирается, занимает одну шестую часть суши
Пространство	Москва, Санкт-Петербург, Транссибирская магистраль, Калининград, Алтай, Золотое Кольцо
Предложения туристических агентств (ради чего стоит путешествовать по России?)	Много красивых достопримечательностей, богатая архитектура, долгая история, тёплое гостеприимство русского народа, самая длинная железнодорожная дорога, возможность приобрести типично русские вещи – матрёшки, самовары, шапку-ушанку; более 100 горнолыжных курортов, огромное количество снега, разнообразие культур и народов
Интертекстуальность	Княгиня Ольга, Д.А. Медведев, В.В. Путин, Ленин, Гагарин

В 2016 г. рекламное агентство Stereotactic сняло рекламный ролик, в котором показывается, что Россия очень красивая, развитая в туристическом плане страна, с невероятно гостеприимными и добрыми людьми, готовыми радушно принять и прийти на помощь в случае необходимости.

Далее мы изучили российские и зарубежные телевизионные рекламные ролики, в которых затрагивается тема России.

В первую очередь наше внимание привлекли торговые марки, от которых образ России неотделим в силу того, что является частью имиджа товара, поскольку закреплён в самой сильной позиции – названии продукта. Все рекламные ролики шоколада марки «Россия – щедрая душа» концептуализируют образ русского человека и России. Вот один из рекламных текстов этого продукта: *«Вольно текущая Волга и раскинувшиеся вокруг города лесные просторы, **щедрая** российская **природа** и **щедрость** российского **характера** – это то, что вдохновляет мастеров фабрики на производство традиционно качественного шоколада и создание новых удивительных вкусов»*. Россия предстаёт здесь как богатая, щедрая не только природой и её дарами, но и духовно.

Понятие «русский» в отечественной коммерческой рекламе обладает, как правило, положительной коннотацией, особенно если речь идёт о продуктах питания. Слово «русский» часто используется в нейминге, представляющем часть рекламного дискурса. Русский – значит натуральный, вкусный, качественный: «Русские пельмени», икра «Русский деликатес», «Русский сахар», мороженое «Русский размах», приправы «Русский аппетит», «Русская трапеза».

Рекламный ролик кваса «Русский дар» содержит отсылку к вековым традициям, натуральности, экологической чистоте продукта. Само слово «дар», что значит «подарок, приношение, пожертвование», подчёркивает **бескорыстность** и **щедрость**. По аналогичному принципу выстроена и реклама кваса «Русский квас» со слоганом *«Изготовлено по старинным рецептам»*, а также кваса «Хлебный край» (слоган – *«Хлебный край – до краёв наливай!»*).

С одной стороны, можно говорить о том, что апелляция к образу России и русского

человека в первую очередь определяется товарной категорией продвигаемого продукта. Действительно, образы такого типа крайне частотны в туристской рекламе и в рекламных сообщениях, направленных на продвижение типично «русских» продуктов: водки, кваса, пельменей и т. п. Однако эту зависимость нельзя назвать абсолютной: мы сталкиваемся с образом России в целом и концептом **щедрости** в частности в рекламных текстах, направленных на продвижение вклада «Радушный» (ОТП-банк), тарифа «Безлимитище» от сотового оператора МТС – с акцентом на широту русской души: *«для тех, у кого душа нараспашку», «а люди – человечки», «тариф для людей с широкой душой», «для людей, у которых не размах, а размашище, не сила, а силища»*), кетчупа «Балтимор»: *«Добро пожаловать к нашему столу! Стол очень щедрый, душевный. Кетчуп – это неотъемлемая часть нашего стола, русского стола»*; и др. В рекламе компании «Газпром» Россия предстаёт как огромная страна с богатым ресурсным потенциалом, представляющим собой национальное достояние.

Таким образом, **щедрость** и **богатство** становятся значимыми концептами, формирующими образ России и русского человека в рекламных сообщениях коммерческой направленности.

Современная отечественная реклама также часто обращается к историческим реалиям, образам, личностям, событиям, конкретным страницам российской истории, для достоверности используя атрибутику того времени. Иногда данный приём обусловлен простым подражанием, основанным на стремлении к оригинальности и неповторимости. Однако чаще всего это определяется стремлением использовать авторитетное мнение исторической личности как аргумент в пользу высокого качества продвигаемой продукции, её натуральности и традиционности. Примером такого обращения служит рекламная кампания сухариков «ХруcTeam» (апелляция к Ивану Грозному, Михаилу Кутузову и т. п.).

Зарубежная коммерческая реклама формирует несколько иной имидж России.

Не вызывает сомнения тот факт, что восприятие России и россиян в различных

странах мира заметно разнятся в зависимости от региональной принадлежности государства. Однако мы постараемся рассмотреть те стереотипы и представления о России и русских, которые являются инвариантными, не зависят от культурных особенностей того или иного государства, являются интернациональными.

Так, в 2005 г. на Западе транслировался ролик «Матрёшка», рекламирующий водку “Smirnoff”. Реклама была выполнена в стилистике шпионского детектива и показывала, как работает советский спецгент. Ролик демонстрировал **серый, унылый советский магазин с длинной очередью, заснеженный лес, людей, укутанных в шубы и бредущих куда-то во время вьюги, киоск с матрёшками**. Выбранная стилистика отражает стереотипы о России, существующие в западном сознании, и эти стереотипы вряд ли можно назвать положительными, формирующими образ современного демократического государства.

Как американцы видят будни российской жизни, показало агентство “Ogilvy” в ролике для кабельного оператора “Time Warner Cable”. Создатели рекламы утрированно показали неудобство далеко расположенного сервиса, если он, к примеру, находится в России. По сюжету ролика житель США звонит в службу технической поддержки и сообщает о том, что его кабельное телевидение не работает. На том конце провода, в России, по тревоге начинаются сборы сотрудника в дальний путь. Его собирают в дорогу, вручают с собой паёк, обнимают на прощание. Россия в этом ролике показана как очень отсталая **страна без современного технического оснащения, с разваливающимся оборудованием, а природа России выглядит очень уныло и мрачно из-за преобладания тёмных и серых цветов** (хотя начало ролика, в котором действие происходит в США, очень яркое). Согласно этому ролику Россия – это далёкая и крайне отсталая страна.

В 2007 г. в США и Великобритании была запущена рекламная кампания русской водки «Столичная». Создатели кампании использовали всемирно известные символы Советского Союза: Ленина, Гагарина, красный цвет, короткие рубленые слоганы. Саундтреком к ролику стала старая запись песни «Казачьи», исполняемой Ансамблем песни и пляски

Российской армии им. А.В. Александрова. Это создаёт образ страны, в которой **живо советское прошлое**.

Агентство “Grey New York” показало богатство русских олигархов в рекламе телеканала “DigiсTV”. Ролик «Богатство» демонстрирует жизнь олигарха в России во всём её великолепии и изобилии: золотые слитки, картины Ван Гога, девушки-модели, золотые бюсты владельца этой роскоши. В завершающей части ролика играет знаменитая мелодия «Калинка». Такой ролик создаёт образ **страны с сильным социальным неравенством**.

Таким образом, в зарубежной рекламе конструируется следующий имидж России: это отсталая страна, где ярко выражено социальное неравенство, где нищета соседствует с роскошью. Это далёкая страна, где холодная зима, огромные пустующие территории, низкий уровень технической оснащённости, страна, где до сих пор живы советские устои. Большая часть рекламы демонстрирует серые, унылые пейзажи. Рекламные тексты показывают, что иностранцы действительно ассоциируют Россию с матрёшкой, водкой, коммунизмом, олигархами, народными песнями.

Если сопоставить компоненты имиджа, актуализируемые в российской и зарубежной рекламе, то можно сделать вывод о том, что эти компоненты существенно различаются и имеют специфическую эмоциональную оценку.

Так, базовый фрейм «Россия» в отечественном рекламном дискурсе включает следующие слоты (базовый набор слотов был определён в результате анализа дефиниций понятий «страна», «государство»; ниже приведены только те слоты, которые актуализированы в отечественном рекламном дискурсе – табл. 3).

Интересно отметить, что в российском рекламном дискурсе в базовом фрейме «Россия» практически не актуализированы такие слоты, как «политическая сфера» и «социально-экономическая сфера», которые являются ключевыми компонентами данного фрейма, например, в журналистском дискурсе, текстах политической и социальной направленности.

Реконструируем базовый фрейм «Россия», формируемый зарубежной коммерческой рекламой (в исследовании мы рассмат-

риваем лишь те представления и стереотипы о России, которые носят инвариантный, интернациональный, характер – табл. 4).

Таблица 3

Модель фрейма «Россия» в отечественном рекламном дискурсе

Слот	Основные компоненты
Территория	Величина территории («огромная», «необъятная», «великая», «бескрайние степные просторы»)
	Самонидентификация территории («Родина», «Русь», «Отечество», «мать», «наша великая страна»)
	Атрибутивные характеристики («щедр и хлебосольна», «самобытна и вместе с тем современна, величественна и в то же время изящна, проста, но со своей загадкой»)
Природные условия	Природные богатства («сокровище русских полей», «щедрое дары природы», «богатый ресурсный потенциал, являющий собой национальное достояние»)
	Ландшафт («бесконечные российские леса и поля», «неоспоримое великолепие русской природы», «сказочная красота», «неповторимость», «бескрайние степные просторы», «живописность»)
Население	Атрибутивные черты («щедрая душа», «крепкий русский характер», «щедрость русского народа», «наш русский стол щедрый, душевный»)
Историческое развитие	Победы и достижения («великая страна с богатейшей историей», «славные достижения наших предков»)
	Известные исторические лица (Илья Муромец, Петр I и др.)
Культурная сфера	Памятники культуры и архитектуры («древние монастыри», «потрясающие храмы и церкви», «картинные галереи с мировым именем», «замечательные памятники истории и культуры»)
	Традиции («сделано по старинным русским рецептам»)

Таблица 4

Модель фрейма «Россия» в зарубежном рекламном дискурсе

Слот	Основные компоненты
Территория	Величина территории («крупнейшая страна в мире», «одна седьмая часть суши»)
	Идентификация территории («азиатская страна», «бывший Советский Союз», «страна контрастов», «страна с коммунистическим прошлым», «страна, в которой ещё живо советское наследие», «лёгкие» Европы, «Terra Incognita», «далёкая страна»)
Природные условия	Климат («край контрастов», «страна с совершенно разными природными и климатическими системами», «страна с ярко выраженной вертикальной зональностью», «суровая зима», «огромное количество снега»)
	Природные богатства («страна с самым глубоким озером в мире», «огромное количество лесов»)
	Ландшафт («удивительное разнообразие ландшафтов», «бесконечные российские леса и поля», «живописная природа»)
Население	Атрибутивные черты («гостеприимство», «хлебосольство», «шпионаж», «языковые проблемы», «неготовность принимать туристов», «известные своей красотой русские женщины», «потребляют большое количество водки»)
Историческое развитие	Этапы развития российского государства («бывший Советский Союз», «советское наследие»)
	Известные исторические лица (Ленин, Гагарин и др.)
Социально-экономическая сфера	Оценка социально-экономического положения («отсталая страна», «низкий уровень технической оснащённости», «страна с сильным социальным неравенством», «русские олигархи»)
Политическая сфера	Политический строй («коммунизм», «советские шпионы»)
Культурная сфера	Элементы культуры («возможность приобрести типично русские вещи – матрёшку, шапку-ушанку, самовар», «знаменитая русская кухня»)

Таким образом, можно говорить о том, что коммерческая реклама формирует у жителей России положительный образ великой, красивой страны с сильным, крепким, гостеприимным, щедрым и духовно богатым народом. Понятие «русский» используется в отечественной коммерческой рекламе исключительно с положительной коннотацией. В зарубежной коммерческой рекламе фрейм «Россия» включает в себя и негативные элементы. Так, в зарубежном рекламном дискурсе формируется противоречивый имидж русских людей. С одной стороны, им приписываются такие черты, как открытость, гостеприимство, с другой стороны – неумение и нежелание принимать у себя туристов. Кроме того, иностранцы в целом негативно оценивают социально-экономическую, политическую сферы и российский климат.

ИМИДЖ РОССИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Нами были проанализированы отечественные и зарубежные социальные ролики, затрагивающие тему России.

Совершенно очевидно, что в силу ориентированности социальной рекламы на привлечение внимания к социальным недугам разного рода, фрейм «Россия», конструируемый дискурсом социальной рекламы, будет существенно отличаться от того фрейма, который представлен в коммерческой рекламе. Дискурс социальной рекламы по большей части строится на акцентировании негативных компонентов имиджа России и образа русского человека. Как правило, рельефное представление проблемных участков образа России осуществляется эксплицитно, хотя мы обнаружили и примеры имплицитной информации об отрицательных аспектах представления о России и русском народе.

Например, ролики из серии «Остановись! Сделай правильный выбор!» с Фёдором Бондарчуком и Еленой Исинбаевой в целом не противоречат имиджу, формируемому коммерческой рекламой. Базовая идея, транслируемая данными рекламными сообщениями: Россия – огромная страна с богатой историей: «У России много славных достижений», «Андреевский флаг. Символ веры, доблести, мужества, и великих побед Рос-

сии». Однако данный позитивный образ оказывается под угрозой: наряду с этим формируется концепт вымирающей, деградирующей страны и нации, страны с серьёзными проблемами: «Россия – самая пьющая страна в мире!», «Но сегодня в мире известен другой русский крест. Символ упадка и саморазрушения. Низкая рождаемость и высокая смертность напрямую связаны с ростом употребления алкоголя. Нас уже стало на 6 миллионов меньше. Мы вымираем».

Аналогичны по содержанию и транслируемой идее два «вирусных» социальных ролика, приуроченных к Году молодежи (2009 г.). Эти ролики получили широкое распространение и высокий рейтинг популярности. В них так же, как в рекламе «Остановись! Сделай правильный выбор!», формируется образ в прошлом великой страны, разрушающейся, деградирующей сегодня. Главные проблемы – пассивность молодого поколения и его безразличное отношение к родной стране, а также бездействие власти, которая не заботится о своём народе.

Первый из этих роликов называется «Запрещённая реклама Года молодежи» (ролик не был запрещён – использован приём вирусного маркетинга). Визуальный ряд под мотивы песни «Прекрасное далёко» демонстрирует Россию на карте мира, образы великих людей (Пушкина, Гагарина и др.), сцены военных действий, образы трудящихся на производстве и в полях, строительство электростанций, первый полёт в космос. Визуальный ряд дополняется быстро сменяющимися надписями: «Россия. 1000 лет. Вера. Труд. Ум. Смелость. Терпение. Любовь. Миллионы жизней. Самая большая страна на Земле. Самая богатая страна на Земле. Самая лучшая страна на Земле». Последующая часть – обвинение молодого поколения, «современного лица России» (визуальный ряд демонстрирует курящих и пьющих молодых людей): «Ты ничего не делаешь, только пользуешься. Дети – не собираешься. Семья – не собираешься. Армия – не собираешься. Всё только для себя. Ты ничего не создаёшь, не строишь, не производишь. Ты думаешь, что не имеешь никакого отношения к России. Ты её настоящее, будущее, прошлое, первая и последняя надежда. Оглянись вокруг. Твоя страна умирает. Мы неконкурентоспособ-

ны. Нас раздерут на части при первой возможности. Ни великих открытий. Ни великих побед. Ни великой культуры. Ничего. Вот тебе и свобода. Свобода быть бандитом или проституткой. Свобода самоуничтожения? Свобода унижения? Те, от кого ты в двух шагах, воевали, строили, изобретали, падали, поднимались и шли дальше ради того, чтобы ты жил. И они построили великую страну. А ты?».

Второй социальный ролик, выполненный в той же стилистике, называется «Дорогой слуга народа». Это гневное обращение к чиновникам и к молодёжи, которая пассивно наблюдает за происходящим. Здесь контрастируют два образа России: прежняя Россия и та страна, которую создали современные чиновники. Первый образ – это великое государство с богатой историей и культурой. Второй образ акцентирует внимание на проблемах: «67 место по уровню жизни. Наука, промышленность, образование разрушены. Оупение нации сделано. Всё, что после тебя останется, – разграбленная, распроданная страна. Ум, честь, любовь, уважение, – для тебя это ничего не стоит. Почему молодёжь это не ценит? Ты уже отнял у людей мечту. У них нет будущего. Нет и у тебя. Твоя страна умирает. При первой возможности ты позволишь разодрать страну на части. И больше не будет великих открытий. Великих побед. Великой культуры. Ничего. Вот тебе и год молодёжи. Без будущего. Без выбора».

Имидж, формируемый отечественными социальными роликами, имеет в своей основе реальные проблемы российской действительности, и русские люди это понимают, однако исследования показывают, что россияне все же предпочитают думать о своей стране и о себе в положительном ключе. Согласно анализу, проведённому в 2009 г., 89 % россиян думают о России скорее позитивно [10]. Русские склонны по традиции считать себя гостеприимными, радушными и бескорыстными, хотя современная действительность нередко говорит об обратном.

В ином ракурсе Россия предстаёт в зарубежной социальной рекламе.

Так, в 2010 г. международная правозащитная организация “Amnesty International” запустила рекламную кампанию со слоганом

«Мы не должны позволить обаянию России скрыть её злодеяния». Символом социальной кампании стал самый популярный для иностранных туристов сувенир из России – матрёшка, скрывающая за внешней красочной оболочкой жертв убийств, арестов и цензуры. Под песню «Ой, полна, полна коробушка» в ролике демонстрируется, как убитые, арестованные и измученные куклы складываются одна в другую, образуя в конечном счёте яркую улыбающуюся матрёшку на прилавке магазина.

Британская социальная реклама акцентирует внимание на демографических проблемах России: «10 миллионов россиян страдают от бесплодия. Каждый второй ребёнок рождается больным. К 2050 г. население может сократиться вдвое. Поддержим Россию». Смысл вербалики усиливается визуальным рядом: раненый белый медведь ползёт по снегу, оставляя за собой кровавый след. Такой социальный ролик формирует образ слабой, вымирающей страны, не способной справиться со своими проблемами.

Поскольку к социальной рекламе относится не только реклама, акцентирующая внимание на тех или иных проблемах, но и реклама, направленная на поддержание национальной идеи, возрождение патриотизма, то в рамках данного раздела мы рассмотрим также имидж России, формируемый роликами об Олимпиаде в Сочи. Рекламные ролики, посвящённые теме Олимпиады 2014 года, можно разделить на две группы: для внутренней и внешней аудитории. Ролики для внутренней общественности направлены не только на формирование лояльности к мероприятию, но и на укрепление чувства гордости за свою родину, любви к своей стране. Безусловно, ролики, посвящённые Олимпиаде, формируют не только спортивный имидж России. Рекорды и громкие победы спортсменов на международных соревнованиях ассоциируются в сознании людей всего мира с конкретным государством и его силой, они выходят за пределы спорта, распространяясь на политическую, экономическую, культурную и другие сферы. Спортивные достижения рассматриваются часто как показатель прочности общества и жизнеспособности нации в целом.

Так, на внутреннюю аудиторию нацелен рекламный ролик-презентация логотипа Олимпиады в Сочи: *«Россия – удивительная страна, где Европа встречается с Азией, где первозданная природа соседствует с мегаполисами, где великие имена прошлого вдохновляют на подвиги будущие поколения, где инновации сочетаются с богатым культурным наследием, где горячие, открытые сердца преодолевают суровые препятствия природы, где незаурядный интеллект пребывает в гармонии с эмоциями и страстью. Сочи – край, где заснеженные вершины возвышаются над Чёрным морем, символизируя многообразие России и её народов. Олимпийские игры в Сочи объединят страну вокруг общей цели, станут символом новой России. Мы изменим взгляд россиян на собственные возможности. Игры станут переломным моментом в истории России. Традиционный узор в современном исполнении передаст национальный характер. Визуальный ряд строится на основе лёгких снежных кристаллов. Многообразие вариантов. Новые горизонты воображения. Полупрозрачные снежные узоры создают ощущение подлинной зимы. Уникальный шрифт гармонично дополняет эмблему. Вместе эти элементы создают яркий, живой мир бренда, который символизирует Олимпийские Игры с русским характером. Сочи-2014. Поехали!»*

Данный ролик акцентирует внимание на положительно окрашенных компонентах имиджа: «удивительная страна», «великие имена», «богатое культурное наследие», «незаурядный интеллект», «открытые сердца». Текст ролика подтверждает тот факт, что Олимпиада – это не просто спортивное событие мирового масштаба, это и повод изменить мнение россиян о собственных возможностях. Это своего рода PR-кампания по коррекции внутреннего имиджа России и россиян. В имплицитной форме в данном ролике содержится утверждение, что на сегодняшний день мнение россиян о собственных возможностях не так высоко. Это ещё раз свидетельствует о том, что в социальной рекламе делается акцент на негативных компонентах имиджа (в данном случае – на отсутствии веры в собственные силы).

Ещё один ролик, посвящённый теме Олимпиады и предназначенный для внут-

ренней общественности, очень ярко отражает стереотипы россиян о себе и о своей стране: *«Мы люди крайностей. Мы трудно зарабатываем на севере и легко тратим на юге. Мы ездим по бездорожью так же хорошо, как и по дорогам. У нас даже Новый год может быть старым. Когда мы занимаем места, то на всех. Когда мы выигрываем, это надолго. Мы верим в себя так, что ставляем поверить в себя других. У нас не получится обыкновенно. Это будет великая Олимпиада, Олимпиада всей страны, Олимпиада каждого. Поехали!»*. Позитивный настрой данного ролика формирует имидж сильного, хотя и полного противоречий и парадоксов, государства.

Для зарубежной аудитории был подготовлен другой рекламный ролик-презентация Олимпиады в Сочи, который нацелен на формирование желаемого имиджа страны. В данном видеоматериале снялась известная русская балерина Анастасия Волочкова, демонстрировались разные уголки страны, места проведения предстоящей Олимпиады, красивые российские ландшафты. Визуальный ряд данного ролика складывается из прекрасной русской природы, образов спортсменов, покоряющих самые высокие вершины, девушек в шапках-ушанках и девушек на пляже (этим подчеркивается контраст российской природы и россиян). Затем видеоряд сменяется на сибирские пейзажи, где за бескрайними лесами открывается вид на города-мегаполисы, а медведь в лесу оказывается переодетым актёром. Это развенчивает миф о «дикости», отсталости Сибири, о том, что сибиряки живут бок о бок с медведями. В ролике неоднократно подчёркивается, что Россия – это страна контрастов, но в то же время это очень современная страна. Так, рисунки хохломы, демонстрируемые в ролике, оказываются украшением не для деревянной посуды (как этого, вероятнее всего, ожидают иностранцы, видевшие сувениры из России), а для современного мотоцикла. Это доносит мысль об одновременно высоком уровне развития России и её верности традициям. В целом ролик с долей юмора и самоиронии развенчивает многие стереотипы иностранцев.

Имидж России, формируемый отечественной социальной рекламой, противоречив:

это, с одной стороны, видение современных проблем страны, а с другой – идеальный, желаемый образ государства (табл. 5).

Интересен тот факт, что базовый фрейм понятия «Россия», формируемый зарубежной социальной рекламой, практически полностью копирует структуру фрейма, моделируемого дискурсом отечественной социальной рекламы. Так, он включает в себя тот же набор слотов за исключением слота «историческое развитие» и некоторых компонентов слота «культурная сфера». Однако если российская реклама обычно строится на противопоставлении негативного и позитивного образов России, то зарубежная реклама чаще опирается на негативные компоненты. Имидж России, формируемый зарубежной социальной рекламой, соответствует имиджу, создаваемому коммерческой зарубежной рекламой, тогда как эмоциональные составляющие основных компонентов имиджа в

отечественной коммерческой и социальной рекламе противоположны.

ИМИДЖ РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Политическая реклама предстает как «форма политической коммуникации в условиях выбора, адресное воздействие на электоральные группы, имеющее целью преподнести в крайне доступной, эмоциональной, лаконичной, оригинальной, легко запоминающейся форме суть политической платформы определённых политических сил, настроить на их поддержку, сформировать и внедрить в массовое сознание определённое представление об их характере, создать желаемую психологическую установку, предопределяющую направление чувств, симпатий, а затем и действий человека» [11, с. 19].

Таблица 5

Модель фрейма «Россия» в отечественной социальной рекламе

Слот	Основные компоненты
Территория	Величина территории («самая большая страна на Земле»)
	Самоидентификация территории («самая пьющая страна в мире», «самая лучшая страна на Земле»)
Природные условия	Природные богатства («самая богатая страна на Земле»)
	Ландшафт («самая красивая страна на Земле»)
	Климат («суровые природные условия»)
Население	Численность населения («низкая рождаемость и высокая смертность напрямую связаны с ростом употребления алкоголя. Нас уже стало на 6 миллионов меньше. Мы вымираем», «твоя страна умирает»)
	Атрибутивные черты («Ты ничего не делаешь, только пользуешься. Дети – не собираешься. Семья – не собираешься. Армия – не собираешься. Все только для себя. Ты ничего не создаёшь, не строишь, не производишь. Ты думаешь, что не имеешь никакого отношения к России»; «русский характер», «люди крайностей», «горячие, открытые сердца»)
Историческое развитие	Победы и достижения («символ веры, доблести, мужества, и великих побед России»)
	Известные исторические лица (Пушкин, Гагарин и др.)
	Оценка исторических событий («И больше не будет великих открытий. Великих побед. Великой культуры. Ничего», «великие имена прошлого вдохновляют на подвиги будущие поколения»)
Политическая сфера	Представители власти («при первой возможности ты [чиновник] позволишь разорвать страну на части»)
Социально-экономическая сфера	Экономические проблемы («промышленность разрушена»)
Культурная сфера	Образование («отупение нации сделано»; «Россия – самая читающая страна»)
	Наука и инновации («наука, промышленность, образование разрушены»)
	События («Олимпийские Игры с русским характером», «Это будет великая Олимпиада, Олимпиада всей страны, Олимпиада каждого», «Вот тебе и год молодёжи. Без веры. Без будущего»)
	Традиции («традиционный узор в современном исполнении»)

Для начала рассмотрим внутренний политический имидж России.

Говоря о России, политики разделяются на два полюса: одни вспоминают о величии и победах страны, другие говорят о насущных проблемах государства. В связи с этим в политических текстах формируются два имиджа России, которые не противоречат друг другу, но имеют различную оценочную коннотацию.

В текстах первого типа Россия представлена как:

- Родина (например, *«русский народ имеет полноценное право считать Россию своей Родиной», «Россия – твоя страна!»*);

- великая страна с великим прошлым (в текстах данного типа обычно упоминаются великие исторические личности и победы);

- многонациональное государство (*«Для России – с её многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос носит фундаментальный характер», «Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство»*);

- страна-победитель (*«Благодаря этому Россия всегда преодолевала периоды чужеземных нашествий, агрессий, смут, возрождала свою государственность, восстанавливала своё территориальное единство, давая отпор как внешним, так и внутренним врагам»*).

В текстах второго типа Россия – это страна с огромным количеством проблем, «парализованная» страна, что не в силах совершить действия, которых от неё ждут, отсталая страна. Например: *«Российский уровень образования опустился ниже уровня многих развивающихся стран», «Сегодня Россия похожа на связанного гиганта, он рвётся, но не может сдвинуться с места», «Россия проиграла XX век», «Уровень жизни в регионах отличается в десятки раз. Разве это единая, справедливая Россия?»*.

Аналогичным образом представлены в текстах политической рекламы и русские. С одной стороны, русский – это тот, кто:

- побеждает (*«Русский побеждает!», «Побеждает русский, ты русский и воюй как русский»*);

- гордится своей страной (*«Русский – это тот, кто с гордостью говорит: «Я русский!»*);

- способен вынести на себе тяжесть всех войн и реформ (*«Именно русские вынесли на себе тяжесть всех войн, всех реформ, перестройки»*);

- является носителем великой миссии объединять, скреплять (*«Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию», «Исторический опыт убеждал русских людей в необходимости крепить свою государственность»*);

- терпим к другим народам и религиям (*«Кто такой русский? Прежде всего, это тот, кто ощущает себя им, любит русскую культуру и русский образ жизни»*).

С другой стороны, русский – значит:

- угнетаемый, притесняемый (*«горемычное русское большинство»*);

- обманутый, слабый (*«Внедряли коммунизм с двумя основными целями: захватить ресурсы России и убить как можно больше русских»*);

- «тёмный», необразованный (*«Российский уровень образования опустился ниже уровня многих развивающихся стран»*);

- бедный (*«Мы за бедных, мы за русских!», «В богатейшей стране бедных не становится меньше»*).

Итак, говоря о внутреннем имидже России в политической рекламе, можно утверждать, что фрейм «Россия» включает в себя слоты, отображенные в табл. 6.

Таким образом, в дискурсе отечественной политической рекламы прослеживается неоднозначность, противоречивость транслируемого образа: нет только позитивного или только негативного образа России и русских. Такая оппозиция вполне объяснима: она связана с тем, как политик выстраивает свою коммуникацию (взывая к чувству патриотизма или к «наболевшему»).

Несмотря на огромную важность положительного внутреннего имиджа страны, не меньшую значимость имеет внешний политический имидж России, который в настоящее время исследователи характеризуют как весьма противоречивый. Наше исследование полностью подтверждает выводы, сделанные В.С. Феклюниной в диссертации «Политический имидж России в американской прессе 2000–2004»: «С одной стороны, Россия воспринимается в качестве государства-правопреемника Советского Союза, вследст-

вие чего в структуре её имиджа сохраняются характеристики политического имиджа СССР, основанные на стереотипах «холодной войны». Как и СССР, Россия видится государством, претендующим на роль сверхдержавы – статус, основанный, прежде всего, на ядерной мощи государства. В то же время за годы, прошедшие после распада Советского Союза, в результате экономических и политических преобразований и связанных с ними процессов, имидж России подвергся существенной трансформации. На смену эйфории, вызванной началом проведения реформ, направленных на демократизацию государства, во второй половине 90-х гг. приходит разочарование, что находит своё отражение в политическом имидже страны: в его структуре появляются и закрепляются характеристики слабости, недемократичности, коррумпированности» [12].

Хотя тема России актуализируется в зарубежной политической рекламе не так часто, можно всё-таки говорить о том, что на

Западе в политическом дискурсе сложился противоречивый образ России. Так, в политических предвыборных программах зарубежных политиков (являющихся частью рекламного политического дискурса), говоря о направлениях развития своих государств, многие политики отмечают Россию как «партнёра», «важного энергетического субъекта», «союзника», что в целом можно оценить как «ярлыки», способствующие формированию положительного образа России. Однако это не отменяет стереотипы, существующие в западном сознании. Фрейм «Россия» в зарубежной политической рекламе включает такие слоты, как «историческое развитие», «политическая сфера», «социально-экономическая сфера», «культурная сфера», наполненные по большей части компонентами с отрицательной семантикой. Таким образом, внешний имидж России в политической рекламе является преимущественно негативным.

Таблица 6

Модель фрейма «Россия» в отечественной политической рекламе

Слот	Основные компоненты
Территория	Самоидентификация территории («Родина», «страна-победитель», «многонациональное государство», «богатейшая страна»)
Население	Известные россияне (в текстах упоминаются чаще всего руководители политических партий)
	Национальный состав («Россия многонациональна»)
	Атрибутивные черты («русский всегда побеждает», «гордящийся своей страной», «стойкий», «сильный», «угнетаемый русский народ», «бедный», «обманутый», «слабый»)
	Особое предназначение («великая миссия объединять»)
Историческое развитие	Победы и достижения («русский побеждает»)
	Этапы развития российского государства («при Советском Союзе...», «во времена Александра II»)
	Оценка исторических событий («исторический опыт убеждал русских людей в необходимости крепить свою государственность»)
Политическая сфера	Представители власти («внедряли коммунизм с двумя основными целями: захватить ресурсы России и убить как можно больше русских»)
	Политическая ситуация в стране («нарастающая политическая нестабильность», «протестные настроения»)
Социально-экономическая сфера	Экономические проблемы («низкие заработные платы бюджетников», «необходимость обновлять материально-техническую базу», «отсутствие оборудования для проведения сложных операций»)
	Промышленность («нет смысла отрицать, что промышленность у нас не развита, что нашим производствам нужно производить модернизацию, но средств на это нет»)
	Сельское хозяйство («сельское хозяйство развалили»)
	Предпринимательство («малому бизнесу трудно дышать»)
Культурная сфера	Образование («Российский уровень образования опустился ниже уровня многих развивающихся стран»)
	Наука и инновации («нужно развивать культуру не только на словах, но и оказывая финансовую поддержку»)

ВЫВОДЫ

Подведём итоги. Коммерческая реклама формирует положительный образ великой, красивой страны с сильным и духовно богатым народом, а понятие «русский» используется в текстах российской коммерческой рекламы исключительно с положительной коннотацией. Социальная реклама создаёт имидж страны с богатой историей и великим прошлым, однако современную Россию она представляет как страну, в которой духовные ценности играют всё меньшую роль. Если коммерческая реклама подчёркивает бескорыстность, щедрость, присущую русским, то в дискурсе социальной рекламы осуществляется акцент на социально-экономических проблемах общества. В дискурсе политической рекламы прослеживаются явные оппозиции: нет только позитивного или только негативного образа России и русских. Оценка России и русских зависит от того, как политик выстраивает свою коммуникацию (взывая к чувству патриотизма или к «наблевшему»). В целом политическая реклама в

равной степени формирует как позитивный, так и негативный имидж.

Внешний имидж России можно в целом оценить как негативный. Сфера, в которой реализуется наиболее непривлекательный образ, – политика. Политическая тематика актуализируется во всех рассмотренных типах медиакommunikation и формирует имидж отсталого, недемократичного государства с высокой коррумпированностью и советским наследием.

Понимание сложившихся особенностей имиджа в каждом из типов рекламного дискурса необходимо для того, чтобы оценить существующий внутренний и внешний имидж России и на основе этого скорректировать его. Управление внутренним и внешним имиджем страны крайне значимо, поскольку это способ решения многих проблем государства (усиление миграционных настроений, растущее недовольство россиян социально-экономической и политической ситуацией в стране, «утечка умов» и др.), по крайней мере, тех, которые можно решить коммуникационными инструментами.

Список литературы

1. Щеглова Д.В. Механизмы воспроизводства национализма в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2016. 187 с.
2. Милославская С.К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М.: Флинта, 2012. 400 с.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
4. Terskikh M.V. Specific features of the concept "Family" in the advertising and public service announcements discourse // *XLinguae, European Scientific Language Journal*. 2017. Vol. 10. Issue 4. P. 106-125. DOI: 10.18355/XL.10.04.10.
5. Терских М.В., Маленова Е.Д. Медиаобраз Сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование. Омск: Литера, 2015. 160 с.
6. Terskikh M.V. Visual metaphorization models in PSA discourse // *XLinguae, European Scientific Language Journal*. 2018. Vol. 11. Issue 2. P. 68-94. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.07.
7. Munteanu M.O. Forms of silence in the discourse of advertising // *XLinguae, European Scientific Language Journal*. 2018. Vol.11. Issue 1XL. P. 175-185. DOI: 10.18355/XL.2018.11.01XL.15.
8. Shamina E.A., Myachinskaya E.I., Ryabikhina Yu.V. Language variation in the advertising discourse: a cross-cultural approach // *XLinguae, European Scientific Language Journal*. 2018. Vol. 11. Issue 1XL. P. 420-436. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.34.
9. Zheltukhina M.R., Klushina N.I., Ponomarenko E.B., Vasilkova N.N., Dzyubenko A.I. Modern media influence: mass culture – mass consciousness – mass communication // *XLinguae, European Scientific Language Journal*. 2017. Vol. 10. Issue 4. P. 96-105. DOI: 10.18355/XL.2017.10.04.09.
10. Кобзева С.В., Халтурина Д.А., Коротаев А.В., Качков Д.М. Имидж России в мире: количественный и качественный анализ // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 5. С. 128-140.
11. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. М.: Маркетинг, 2000. 256 с.
12. Феклюнина В.С. Политический имидж России в американской прессе 2000–2004 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005. 24 с.

References

1. Shcheglova D.V. *Mekhanizmy vosproizvodstva natsionalizma v usloviyakh globalizatsii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Reproduction Mechanisms of Nationalism in the Context of Globalization. Cand. philos. sci. diss.]. Moscow, 2016, 187 p. (In Russian).
2. Miloslavskaya S.K. *Russkiy yazyk kak inostrannyi v istorii stanovleniya evropeyskogo obraza Rossii* [Russian as a Foreign Language in the History of the European Image's Formation of Russia]. Moscow, Flinta Publ., 2012, 400 p. (In Russian).
3. Minskiy M. *Freyemy dlya predstavleniya znaniy* [Framework for Knowledge Representation]. Moscow, Energiya Publ., 1979, 151 p. (In Russian).
4. Terskikh M.V. Specific features of the concept "Family" in the advertising and public service announcements discourse. *XLinguae, European Scientific Language Journal*, 2017, vol. 10, issue 4, pp. 106-125. DOI: 10.18355/XL.10.04.10.
5. Terskikh M.V., Malenova E.D. *Mediaobraz Sibirskogo regiona: lingvokognitivnoye modelirovaniye* [Media Image of the Siberian Region: Linguo-Cognitive Modeling]. Omsk, Litera Publ., 2015, 160 p. (In Russian).
6. Terskikh M.V. Visual metaphorization models in PSA discourse. *XLinguae, European Scientific Language Journal*, 2018, vol. 11, issue 2, pp. 68-94. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.07.
7. Munteanu M.O. Forms of silence in the discourse of advertising. *XLinguae, European Scientific Language Journal*, 2018, vol.11, issue 1XL, pp. 175-185. DOI: 10.18355/XL.2018.11.01XL.15.
8. Shamina E.A., Myachinskaya E.I., Ryabikhina Y.V. Language variation in the advertising discourse: a cross-cultural approach. *XLinguae, European Scientific Language Journal*, 2018, vol. 11, issue 1XL, pp. 420-436. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.34.
9. Zheltukhina M.R., Klushina N.I., Ponomarenko E.B., Vasilkova N.N., Dzyubenko A.I. Modern media influence: mass culture – mass consciousness – mass communication. *XLinguae, European Scientific Language Journal*, 2017, vol. 10, issue 4, pp. 96-105. DOI: 10.18355/XL.2017.10.04.09.
10. Kobzeva S.V., Khalturina D.A., Korotayev A.V., Kachkov D.M. *Imidzh Rossii v mire: kolichestvennyy i kachestvennyy analiz* [Russia's image in the world: quantitative and qualitative analysis]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya – Polis. Political Studies*, 2009, no. 5, pp. 128-140. (In Russian).
11. Lisovskiy S.F. *Politicheskaya reklama* [Political Advertising]. Moscow, Marketing Publ., 2000, 256 p. (In Russian).
12. Feklyunina V.S. *Politicheskyy imidzh Rossii v amerikanskoy presse 2000–2004 gg.: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Political Image of Russia in the American Press 2000–2004. Cand. political. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2005, 24 p. (In Russian).

Информация об авторе

Терских Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация. E-mail: terskihm@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, анализ текстов, поиск научной литературы, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0127-6917>

Поступила в редакцию 08.07.2020 г.

Поступила после рецензирования 04.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Marina V. Terskikh, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation. E-mail: terskihm@mail.ru

Contribution: study idea, texts analysis, scientific literature search, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0127-6917>

Received 8 July 2020

Reviewed 4 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845
УДК 811.161.1.28+801.731

**Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов
(размышления по поводу книги: Донецкий региолект: монография /
под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Фолиант, 2018. – 265 с.)**

Василий Иванович СУПРУН

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Ленина, 27
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>, e-mail: suprun@vspu.ru

**Regiolect vs dialect: new searches of ethnolinguists
(reflections on the book: Donetsk Regiolect: monograph /
edited by V.I. Terkulov. – Donetsk: Folio, 2018. – 265 p.)**

Vasilii I. SUPRUN

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenina Ave., Volgograd 400066, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>, e-mail: suprun@vspu.ru

Аннотация. Рассмотрены соотношения между терминами *региолект* и *диалект*, отмечено, что региолект обладает следующими чертами: 1) ограничен территориально, встречается только на территории проживания субэтноса; 2) ограничен социально, является речью людей, причисляющих себя к субэтносу; 3) имеет однородные лингвальные черты; 4) может обладать престижностью, связанной с позитивными представлениями носителей о своём субэтноте; 5) имеет собственное ономастическое пространство, состоящее из особых моделей ономообразования и характерных только для этого субэтноса онимов; 6) включает в себя говоры с некоторыми специфическими лингвальными чертами, однако не разрушающими однородное единство народной речи; 7) представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах. В рецензии на книгу донецких лингвистов «Донецкий региолект» отмечено, что авторы убедительно доказывают существование анализируемого идиома, который: 1) ограничен территорией Донбасса; 2) имеет в качестве основы профессионально окрашенную речь шахтёров; 3) достаточно однороден, распространён на всей территории региона; 4) позитивно оценивается носителями, бережно относящимися к словам и словосочетаниям своей донецкой речи; 5) имеет богатое онимическое пространство; 6) имеет устойчиво употребляемый катойконим *донбассовцы* (и *донбассцы*), в котором просматриваются этнонимические черты; 7) функционирует за пределами России; 8) включает в себя некоторые явления соседнего украинского языка; 9) убедительно представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах.

Ключевые слова: диалект; региолект; регион; А.С. Герд; субэтнос; Донбасс; лингвосознание; региональная лингвистика; этнолингвистика

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-412-340004 «Духовная культура донского казачества как поликультурная толерантная среда: язык и образы».

Для цитирования: Супрун В.И. Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (рецензия на книгу: Донецкий региолект: монография / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Фолиант, 2018. – 265 с.) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 836-845. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845

Abstract. We consider the relationship between the terms *regiolect* and *dialect*, and note that the regiolect has the following features: 1) geographically limited, found only on the territory of the

subethnos' residence; 2) socially limited, is the speech of people who consider themselves as a subethnos; 3) has homogeneous linguistic features; 4) may have prestige associated with positive ideas of native speakers about their subethnos; 5) has its own onomastic space consisting of special models of onym formation andonyms characteristic only for this subethnos; 6) includes dialects with some specific linguistic features, but do not destroy the homogeneous unity of folk speech; 7) presented in folklore, artistic and publicistic texts. In the book review of Donetsk linguists "Donetsk Regiolect" we note that the authors convincingly prove the existence of analyzed idiom., which: 1) is limited to the territory of Donbass; 2) is based on the professionally colored speech of miners; 3) is quite homogeneous, distributed throughout the region; 4) is positively evaluated by native speakers who are careful about the words and phrases of their Donetsk speech; 5) has a rich onymic space; 6) has a consistently used katoikonym *донбассовцы* (and *донбассцы*), which reveals ethnonymic features; 7) operates outside of Russia; 8) includes some phenomena of the neighboring Ukrainian language; 9) is convincingly presented in folklore, artistic and publicistic texts.

Keywords: dialect; regiolect; region; A.S. Gerd; subethnos; Donbass; linguistic consciousness; regional linguistics; ethnolinguistics

Acknowledgements: The reported research is funded by Russian Foundation for Basic Research, grant no. 19-412-340004 "Spiritual culture of the Don Cossacks as a multicultural tolerant environment: language and images".

For citation: Suprun V.I. Regiolect vs dialekt: novye poiski etnolingvistov (razmyshleniya o knige: Doneckij regiolect: monografiya / pod red. V.I. Terkulova. – Doneck: Foliant, 2018. – 265 s.) // [Regiolect vs dialect: new searches of ethnolinguists (reflections on the book: Donetsk Regiolect: monograph / edited by V.I. Terkulov. – Donetsk: Folio, 2018. – 265 p.)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 836-845. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Современная отечественная лингвистика развивается в весьма сложном полипарадигмальном формате. Ещё в середине XX века в российскую (и европейскую) традицию научного поиска активно вторглась американская научная парадигма со своей терминологией, спецификой анализа языкового материала: дескриптивный метод, трансформационно-генеративная грамматика, теория речевых актов и пр. [1]. Как часто бывает с неуёмным использованием плохо осмысленных терминов, они постепенно девальвируются, приобретают расплывчатые определения, утрачивают суть терминологичности, становятся модными словами; ср. девальвацию терминов *дискурс*, *концепт*, *языковая картина мира* и пр. в лингвистических трудах последнего времени. Это же касается терминологии, пришедшей не только из американской лингвистики, но и из европейских школ, а также созданной в рамках отечественных научных направлений. Похоже, что в настоящее время подобным путём происходит развитие термина *региолект*.

Этот термин стал известным в российской науке благодаря трудам петербургского учёного Александра Сергеевича Герда (1936–2016), автора первого отечественного

учебника по этнолингвистике. Впервые термин *региолект* употребил в своей статье в 1991 г. петербургский диалектолог Валентин Иванович Трубинский (1927–2010) [2]. Термин мог быть создан на базе русского языка с использованием элементов, вычлняемых в словах *регион*, *диалект*. Изначально в нём содержалась некоторая расплывчатость семантики, учитывая особенность значения слова *регион* 'обширный район, группа соседствующих стран или территорий, объединённых по нескольким общим признакам (географическим, экономическим, политическим)' [3, с. 1110]. Словарь не учитывает функционирование этого слова в контекстах, где оно имеет более узкое значение: *Волгоградский регион* (= область), *коды регионов РФ*, *Запорожье – исторический регион Киевской Руси*, *Российской империи*, *УССР* и *Украины*.

Термин мог также быть заимствован из французской лингвистики, где к территориальным вариативностям (*variation diatorique*) языка относятся *régiolecte* (региолект), *topolecte* (тополект), *géolectes* (геолект). Эти терминологические единицы практически синонимичны и имеют трудно уловимое отличие от термина *dialecte*, также функциони-

рующего во французском языкознании. Тополект — лингвистическая разновидность, рассматриваемая с точки зрения географической территории. Так, тополект, распространённый преимущественно в сёлах в окрестностях Висамбура, классифицируется как находящийся частично под влиянием франко-рейнского и немецко-эльзасского, включаемый в южно-франкскую группу [4]. Поиски терминологических решений при описании разновидностей французской народной речи приводят к употреблению терминосочетаний *langues régionales*, *paroles régionales* [5; 6], что ещё более усугубляет трудности понимания термина *regiolecte*.

Такой терминологический разнобой отражает в целом скептическое отношение французской, да и мировой лингвистики к соотношению понятий *язык* и *диалект*. Часто цитируется афоризм Макса (Мейера Лазаревича) Вайнрайха (1894–1969), услышанный им якобы от некоего учителя английского языка. На идише это высказывание звучало: *אַ שפּראַך איז אַ דיאַלעקט מיט אַן אַרמיי און אַ פּלוצ* «Язык — это диалект, у которого есть армия и флот». В своей недавней работе новозеландский лингвист А. Максвелл назвал это высказывание остроумной шуткой М. Вайнрайха, которую ныне используют в двух целях: делегитимизировать само понятие отличия языков от диалектов; подчеркнуть внеязыковые факторы, играющие роль в спорах об отличиях между языком и диалектом. Он отметил, что лингвисты обеих школ прибегают к этой шутке, чтобы избежать обсуждения политических факторов в своей собственной работе [7].

Профессор Университета Лавала (Квебек, Канада) Жан Ляпонс установил, что фраза была якобы сказана французским военачальником Луи-Юбером Лиоте (1854–1934) на заседании Французской академии, членом которой он был избран в 1912 г. Ж. Ляпонс даже формулирует этот афоризм как «закон Лиоте» [8, р. 113].

Разумеется, этот афоризм, как и другие подобные, лишь частично отражает суть явлений. Под армией и флотом понимается наличие у этноса государственности, которая становится важным фактором для оформления диалекта в язык. Так, например, в недавнее время из сербского языка выделились

черногорский и боснийский, которые с лингвистической точки зрения не имеют существенных отличий от материнского языка. Однако в этой «остроумной шутке» не учтено лингвосознание носителей идиома, приводящее к оформлению его в качестве самостоятельного языка. У русинов нет государственности, однако пассионарность их будителей, принятие народными массами их мысли об этнической самостоятельности, культурной самоидентификации и об отдельности их языка привело к возникновению четвёртого восточнославянского языка, о котором проводятся научные конференции уже даже в Китае [9].

А.С. Герд дал дефиницию *региолекта* как особой формы устной речи, «в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса стандартного литературного языка, а с другой — в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью с городским просторечием». Он выстраивает триаду: *диалект* — *региолект* — *просторечие* и отмечает: «Выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устного речевого общения больших групп этноса на определённой территории» [10, с. 23–24]. Активный полевой диалектолог, с 1955 г. многократно участвующий в экспедициях в различные регионы России, составитель и редактор диалектных словарей [11; 12], А.С. Герд считает, что «диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [10, с. 24], однако не устанавливает взаимосвязи между русскими диалектными зонами, группами и региолектами, не определяет границ отдельных региолектов.

Подхватившие термин *региолект* исследователи пытаются установить границы его распространения, привязывают идиом к конкретной географической территории. Появились исследования курского региолекта [13; 14], в которых его особенностями объявляются неофициальная микротонимия, язык малых жанров фольклора, некий общий звуковой колорит толпы, но при этом автор чётко заявляет: «Кажется, что в речи коренных курян кодовых слов нет, как нет и курского

варианта русской речи» [13, с. 48]. Следовательно, чётких лингвистических показателей, отделяющих народную речь жителей Курской области от речи людей, живущих в соседних областях, нет; складывающийся на базе говоров Курско-Орловской группы русских народных говоров [15, с. 262-263] идиом не обладает на фонетико-интонационном, грамматическом, деривационном, лексико-семантическом уровнях релевантными признаками, дающими возможность выделить его в качестве самостоятельного.

Несколько статей подготовлено о дальневосточном региолекте, который, по мнению одного из авторов, распространён на территории всего Дальневосточного федерального округа [16; 17]. Исследователи отыскивают небольшое количество употребляемых только в пределах региона слов (*сонка, японка, чифанить* и др.), часть из них функционирует только в коммуникации с китайцами. Кроме этих насчитывающих чуть более десятка лексем, микротопонимов и некоторых нарочито употребляемых китаизмов, других лингвальных особенностей в этом региолекте не обнаруживается.

Следовательно, убедительных лингвальных проявлений у отмеченных выше идиомов, именуемых региолектами, нет, а выделение их только на основе географического параметра не представляется достаточным. Стремление увязать понятие региолекта с территорией, использовать в качестве основы его выделения географический принцип ещё дальше уводит термин в сторону нечёткости, расплывчатости дефиниции, невозможности проследить реальную жизнь идиома. По мнению Т.В. Жеребило, «от территориального диалекта региолект отличается тем, что распространён на более обширной территории – в группе некрупных городов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга» [18, с. 300]. Где располагаются эти города, каковы особенности распространённого в них идиома, как они соотносятся с русскими наречиями и переходными говорами? – вопросы, на которые вряд ли будут получены внятные ответы.

Другим путём пошли исследователи вологодских говоров, которые обнаружили в городе Белозерске региолект со следующими чертами: полное оканье, уканье в первом

предударном слоге перед [о], ёканье, отверждение губных согласных на конце слова, долгий твёрдый шипящий [ш:] на месте щ, стяжение гласных, особенности акцентуации, окончание -е в предложном падеже существительных 3-го склонения, оформление перфекта с помощью страдательных причастий прошедшего времени, местная диалектная лексика [19]. Но такими же лингвальными особенностями обладают белозерско-бежецкие говоры севернорусского наречия [20, с. 264; 21, с. 253-254]. Разделение поселений на сёла, посёлки городского типа и города весьма условно. На Кубани и в Ставрополье некоторые сёла и станции насчитывают более 40 тысяч жителей, а на севере России города не дотягивают до 10 тысяч. В том же Белозерске проживает всего 8580 человек (2020). Чем меньше город или рабочий посёлок, чем дальше он отстоит от крупного культурного и экономического центра, тем больше вероятность, что речь его жителей будет иметь диалектные черты. Следовательно, и собственно лингвальные характеристики не позволяют определить региолект как самостоятельное лингвистическое понятие.

Следует помнить, что язык существует как континуальное явление как по горизонтали с отсутствием чётких границ между разными наречиями и говорами, так и по вертикали с плавными переходами между разными стилистическими пластами, с наличием оксюморонных понятий *литературное просторечье* и т. п. Найти место региолекту в этих плавных переходах от народной речи к просторечью и к литературному языку весьма трудно. Но всё же оно есть.

Для выявления места региолекта в системе общенародного языка целесообразно вернуться к книге А.С. Герда, в которой этот термин был дефинирован и стал доступным лингвистам. Александр Сергеевич определил предметом этнолингвистики язык в его соотношение с этносом, место и роль языка в обществе [10, с. 3], подчёркивая, что в этнолингвистике объектом выступает «не единица языка, а человек, индивид, его поступки и действия в его отношении к языку и через язык» [10, с. 10]. Этот индивид существует не отделённо от других, а только в составе социальных групп и подгрупп.

Ещё на рубеже XIX–XX веков французскими и американскими учёными было введено понятие субэтнической группы (фр. *sous-group ethnique* ‘этническая подгруппа’, ныне *groupe subethnique*, англ. *sub-ethnic group*) [22, p. 1; 23, p. 23], что привело впоследствии к закреплению в нескольких науках термина *субэтнос*. Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992) установил: «Наличие разнообразных *субэтносов* – важный признак устойчивости этноса, так как *субэтносы* делят между собой функции, находясь в отношениях симбиоза. Путём неантагонистического соперничества *субэтносы* делают внутреннюю структуру этноса наиболее гибкой, не нарушая его единства». Он выделяет в русском этносе субэтносы казаков, поморов, сибиряков («челдонов»), старообрядцев и др. [24, с. 521]. Член-корреспондент РАН Сергей Александрович Арутюнов подчёркивает: «На субэтническом уровне осознаваемое диалектное своеобразие выделяет этнические подгруппы внутри этноса <...>» ([25]; см. также: [26]). А.С. Герд отмечает: «В абсолютном большинстве случаев наличие у той или иной группы своего особого самоназвания (этнонима) так или иначе свидетельствует о её этнической самовыделении» [10, с. 112]. В конце XX – начале XXI века в русской социополитической, исторической и лингвистической науке произошло бурное обсуждение соотношения понятий *этнос* и *субэтнос* в связи с попытками обособления казаков, поморов в составе русского народа, кодификации поморской говори, донского гутора, кубанской балачки (см. подробнее: [27, с. 6–13]).

Н.И. Толстой образно говорит о существовании диалектологии духовной культуры: «<...> успешная реконструкция праславянской духовной культуры, праславянской мифологии затруднительна и мало плодотворна без предварительной работы по созданию диалектологии славянской духовной культуры, диалектологии славянской мифологии» [28, с. 25]. Эти слова относятся к праславянскому периоду, однако в такой же степени они могут быть использованы для описания различий между особенностями быта, архитектуры жилых построек, одежды, обрядов, традиций, обычаев, особенностей проведения праздников, поведения и т. п. и их номина-

ций в народной речи на территории проживания субэтноса. Именно эти лексико-семантические единицы в их фонетико-акцентуационном, интонационном, морфологическом, деривационном оформлении и включении в синтаксические структуры и тексты составляют основу региолекта.

Итак, субэтнос может быть определён как социальная группа, осознающая себя частью этноса, располагающаяся на определённой территории, имеющая самоназвание, обладающая гомогенным и, как правило, престижным региолектом и специфическими, отличающимися от других групп чертами материальной и духовной культуры. Субэтнос может формироваться за счёт этнографических, социальных, профессиональных, конфессиональных или иных особенностей жизни его представителей, «но критерием их выделения всегда служат поведенческие особенности и противопоставление окружению при сохранении принадлежности субэтнических групп к тому или иному этносу» [24, с. 521].

Территориальные и социальные разновидности языка, не соотносящиеся с субэтническими группами народа, нельзя считать региолектами. Они закономерно продолжают изменяться, утрачивают некоторые архаические черты, в той или иной степени испытывают влияние литературного языка, получают или расширяют своё распространение в малых городах и рабочих посёлках (посёлках городского типа), заимствуют единицы из соседних диалектов и языков, создают новые номинации для актуальных реалий, но при этом сохраняют свой диалектный статус, входят в диалектный континуум языка. Диалектная речь всегда будет изменяться, приобретать новые черты, но никогда не умрёт, не исчезнет, пока существует живой язык. Наличие диалектного континуума является обязательным признаком коммуникативного пространства живого языка.

Итак, региолект обладает следующими чертами: 1) ограничен территориально, встречается только на территории проживания субэтноса; 2) ограничен социально, является речью людей, причисляющих себя к субэтносу; 3) имеет гомогенные лингвальные черты; 4) может обладать престижностью, связанной с позитивными представлениями носителей о своём субэтносе; 5) имеет собст-

венное онимическое пространство, состоящее из особых моделей онимообразования и характерных только для этого субэтнуса онимов; 6) включает в свой состав говоры с некоторыми специфическими лингвальными чертами, однако не разрушающими гомогенное единство народной речи; 7) представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах.

На расширенное понимание термина *региолект*, его связи с административно-территориальным делением страны, кажется, оказывает влияние понятие *региональная лингвистика, лингворегионоведение*. В последние годы в некоторых университетах России (Белгород, Магадан и др.) возникли научные центры региональной лингвистики. В Белгороде вышло два пособия по лингворегионоведению [29; 30]. В.К. Харченко поднимает проблемы региональной антропоники и генеалогии, функционирования современного разговорного дискурса, ей ставится задача организации языковой поддержки социума в целом и регионального инновационного общества [31, с. 24]. В Магадане ещё в 60-е гг. прошлого века начал изучать диалекты местного края Г.В. Зотов [32], его материалы были опубликованы уже в XXI веке в словаре, в котором представлена лексика русских старожильческих говоров Крайнего Северо-Востока России (около 6000 слов и выражений). Словарь составлен на основе материалов, собранных автором в 60–70-е гг. XX века во время экспедиций в районы проживания русского старожильческого населения на реках Колыме, Анадыре, Гижиге и др. [33]. В 2016 г. лингвисты Магадана издали пособие по региональной лингвистике [34]. Региональная лингвистика описывает языковую жизнь региона, изучает распространённые на его территории языки и диалекты, она может исследовать региолект в случае представленности в регионе субэтнуса, но в целом понятия *лингворегионоведение* и *региолект* не соотносятся друг с другом, как и не совпадают по смыслу термины *регионализм* и *региолект*.

Непонимание этого приводит к утверждениям, что региолект функционирует преимущественно в городской разговорной речи [35, с. 35]. Автор делает такой вывод, опираясь на мысль Т.Ю. Загряжской о том, что,

«если цитаделью народных говоров была деревня, то центрами распространения регионализмов стали города» [36, с. 19]. Регионализмы всегда были, есть и будут в речи жителей разных городов, это явление прекрасно описано Владимиром Викторовичем Колесовым (1934–2019) [37], они могут входить в региолекты, но не являются единственным критерием для его выделения. Если нет субэтнуса, нет и региолекта.

Является ли речь жителей Донбасса региолектом? Рецензируемая книга позволяет положительно ответить на этот вопрос. Введение и первая глава в ней написаны редактором монографии В.И. Теркуловым. В ней рассматривается история термина *региолект*, достаточно подробно анализируются взгляды предшественников, вводятся уточняющие термины *диалектный региолект* (ощутимая тавтология) и *диффузный региолект*, отмеченный на территориях позднего заселения (с. 21). Не будем вдаваться в полемику с этими терминопойсками, наше представление о региолекте изложено выше.

Вторая глава описывает языковую ситуацию в Донбассе (И.А. Кудрейко). В третьей главе, написанной большой группой авторов, анализируются языковые черты донецкого региолекта. Не все явления описаны убедительно (вряд ли два примера чёткого произношения [а] после мягкого согласного в первом предударном слоге можно назвать яканьем – с. 32, излишне детально классифицированы деривационные модели, представленные часто одним примером, – с. 35–39 и пр.). Подробно рассмотрены регионализмы (с. 42–56). Продолжением этой части книги являются материалы к словарю донецкой речи (с. 211–239). В отдельном параграфе В.И. Теркулов охарактеризовал грамматическую систему региолекта (с. 57–63).

Достаточно убедительно описано ономастическое пространство Донбасса В.И. Мозговым и К.В. Першиной в четвёртой главе (с. 64–97). В первой части главы можно встретить сомнительные и неточные заявления («собственные имена <...> далеко не всегда являются существительными – с. 64; Калка – одна из древнейших рек на юге Восточной Европы – с. 66, Чернухино – поселение «черни» – с. 71, постцивилизационный этап истории онимосферы Донбасса – с. 85).

Во второй части прекрасно описаны названия угледобывающих предприятий Донбасса – яркая черта донецкого региолекта.

В пятой главе сделана попытка описания лингвокультурного пространства Донбасса (с. 98-145). Особый интерес вызывает параграф, в котором Н.П. Курмакаева анализирует региональную языковую личность. Автор считает, что она «отличается от собственно национальной языковой личности тем, что в её сознании и её лексиконе присутствуют знаки (слова, словосочетания, фразеологизмы, крылатизмы, фразы, паремии, онимы разных групп), которые существуют как некое «ядро», объединяющее всех или большинство членов данного социума и специфичное для него» (с. 119). Если понятие *социум* уточнить термином *субэтнос*, основой которого являются представители шахтёрской профессии (с. 121), можно определённо говорить о наличии донецкого региолекта, обладающего всеми признаками этого идиома. Дополняет понимание региолекта глава шестая, анализирующая донецкий текст русской литературы (А.Ю. и В.С. Коробовы-Латынцевы). О.В. Матвиенко выискивает донецкие приметы в тексте «Слова о полку

Игореве» в переложении Н.В. Кобзева (с. 155-168). В седьмой главе Л.В. Мельникова предлагает подробно разработанную методику изучения русского литературного языка в условиях донецкого региолекта (с. 169-210). Завершает книгу список использованной литературы, содержащий 322 позиции.

В Донецке вышла полезная книга, в которой убедительно доказывается существование донецкого региолекта, который: 1) ограничен территорией Донбасса; 2) имеет в качестве основы профессионально окрашенную речь шахтёров; 3) достаточно гомогенен, распространён на всей территории региона; 4) позитивно оценивается носителями, бережно относящимися к словам и словосочетаниям своей донецкой речи; 5) имеет богатое онимическое пространство; 6) имеет устойчиво употребляемый катойконим *донбассовцы* (и *донбассцы*), в котором просматриваются этнонимические черты; 7) функционирует за пределами России; 8) включает в себя некоторые явления соседнего украинского языка; 9) убедительно представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах.

Список литературы

1. Березин Ф.М. Основные этапы развития американской лингвистики в XX в. // Американские лингвисты XX века: сб. обзоров / отв. ред. Ф.М. Березин. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2002. С. 4-35.
2. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение: межвуз. сб. науч. тр. Псков: Изд-во Псков. гос. пед. ин-та, 1991. С. 156-162.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
4. Hughes St. Bilingualism in North-East France with Specific Reference to Rhenish Franconian Spoken by Moselle Cross-border (or Frontier) Workers // The Consequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones. Roskilde (Denmark): Roskilde Universitetscenter; Institut for Sprog og Kultur, 2005. P. 135-153.
5. Clanche Fr. Langues régionales, langues étrangères: de l'héritage à la pratique. Paris: INSEE, 2002. 4 p. (INSEE PREMIERE, N° 830, février).
6. Paroles régionales: Normes, variétés linguistiques et contexte social / ed. J-F. Bonnot. Strasbourg: Presses Universitaires, 1995. 372 p.
7. Maxwell A. When Theory is a Joke: The Weinreich Witticism in Linguistics // Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft (Münster). 2018. Vol. 28. № 2. P. 263-293.
8. Laponce J. Loi de Babel et autres régularités des rapports entre langue et politique. Québec: Presses de l'Université Laval, 2006. 194 p.
9. Супрун В.И. Русинистика в Китае как составная часть славистики: конференция «Русины и русинский язык в современном мире» в Чанчуньском университете // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 8 (141). С. 264-270.
10. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2001. 488 с.
11. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1994–2005.

12. Селигер: Материалы по русской диалектологии. Словарь / под ред. А.С. Герда. Вып. 1–8. СПб.: Филол. фак. СПбГУ; Нестор-История, 2003–2020. (Вып. 6. Тверь: РИУ Твер. гос. ун-та, 2014).
13. Хроленко А.Т. Курский фольклорный диалект или курский фольклорный региолект? // Курское слово. 2017. № 16. С. 44–52.
14. Хроленко А.Т. Что такое региолект // Курское слово. 2018. № 17. С. 3–8.
15. Русская диалектология / под ред. П.С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973. 280 с.
16. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах (Благовещенск). 2013. № 10. С. 20–37.
17. Оглезнева Е.А. К вопросу о границах дальневосточного региолекта // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Педагогика. Филология. Философия. 2014. № 10–11. С. 65–68.
18. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
19. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. Вып. 15. М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2012. С. 155–156.
20. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 276 с.
21. Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 283 с.
22. Leclerc A. Le buddhisme au Cambodge. Paris: Leroux, 1899. 535 p.
23. Kantor J.R. An Outline of Social Psychology. Chicago: Follett Publishing, 1929. 420 p.
24. Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Прогресс; Пангея, 1993. 543 с.
25. Арутюнов С.А. Этнические процессы и язык // Расы и народы. 1985. Вып. 15. М.: Наука, 1986. С. 30–56.
26. Бромлей Ю.В., Козлов В.И., Арутюнов С.А. Этнические процессы в современном мире. М.: Наука, 1987. 446 с.
27. Брыкина Е.В., Супрун В.И., Алещенко Е.И. Лингвокультурное пространство казачьего Подонья. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016. 358 с.
28. Толстой Н.И. Этногенетический аспект исследования древней славянской духовной культуры // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований. М.: Наука, 1979. С. 17–26.
29. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение в школе. Белгород; Харьков: Федорко, 2014. 142 с.
30. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение. Белгород; Харьков, 2010. 104 с.
31. Харченко В.К. О языке, достойном человека. М.: Флинта: Наука, 2010. 160 с.
32. Зотов Г.В. К изучению говора Магаданской области (Отчёт о диалектологической поездке в с. Марково Анадырского района Магаданской области) // Учёные записки МГПИ. Магадан, 1963. Вып. 1. Ч. 1. С. 3–23.
33. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан, 2010. 539 с.
34. Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) / под ред. А.А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2016. 219 с.
35. Хорошева Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 3 (15). С. 32–36.
36. Загряжская Т.Ю. Французская диалектология. М.: Изд-во МГУ, МАЛП, 1995. 192 с.
37. Колесов В.В. Язык города. Изд. 4-е. М.: URSS, 2009. 190 с.

References

1. Berezin F.M. Osnovnyye etapy razvitiya amerikanskoy lingvistiki v XX v. [Main stages of development of American linguistics in the XX century]. *Amerikanskiye lingvisty XX veka: sbornik obzorov* [American Linguists of the XX century: Collection of Reviews]. Moscow, INION RAN Publ., 2002, pp. 4–35. (In Russian).
2. Trubinskiy V.I. Sovremennyye russkiye regiolekty: primety stanovleniya [Modern Russian regiolects: signs of formation]. *Pskovskiyе govory i ikh okruzheniye* [Pskov Dialects and Their Environment]. Pskov, Pskov State Pedagogical University Publ., 1991, pp. 156–162. (In Russian).
3. Kuznetsov S.A. (ed.-in-chief). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, 1536 p. (In Russian).

4. Hughes St. Bilingualism in North-East France with Specific Reference to Rhenish Franconian Spoken by Moselle Cross-border (or Frontier) Workers. *The Consequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones*. Roskilde (Denmark), Roskilde Universitetscenter Publ.; Institut for Sprog og Kultur Publ., 2005, pp. 135-153. (In German).
5. Clanche Fr. *Langues régionales, langues étrangères: de l'héritage à la pratique*. Paris, INSEE Publ., 2002, 4 p. (INSEE PREMIERE, N° 830, février). (In French).
6. Bonnot J-F. (ed.). *Paroles régionales: Normes, variétés linguistiques et contexte social*. Strasbourg, Presses Universitaires, 1995, 372 p. (In French).
7. Maxwell A. When Theory is a Joke: The Weinreich Witticism in Linguistics. *Beitrage zur Geschichte der Sprachwissenschaft (Munster)*, 2018, vol. 28, no. 2, pp. 263-293.
8. Laponce J. *Loi de Babel et autres régularités des rapports entre langue et politique*. Québec, Presses de l'Université Laval, 2006, 194 p. (In French).
9. Suprun V.I. Rusinistika v Kitaye kak sostavnaya chast' slavistiki: konferentsiya «Rusiny i rusinskiy yazyk v sovremennom mire» v Chanchun'skom universitete [Rusynistics in China as an integral part of Slavistics: conference "Rusyns and the Rusyn language in the modern world" at Changchun University]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Proceedings of Volgograd State Pedagogic University*, 2019, no. 8 (141), pp. 264-270. (In Russian).
10. Gerd A.S. *Vvedeniye v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics: Course of Lectures and Anthology]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2001, 488 p. (In Russian).
11. Gerd A.S. (ed.-in-chief). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey: v 6 t.* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Neighboring Regions: in 6 vols.]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1994–2005. (In Russian).
12. Gerd A.S. (ed.). *Seliger: Materialy po russkoy dialektologii. Slovar'* [Seliger: Materials on Russian Dialectology. Dictionary]. Issue 1–8, St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Publ.; Nestor-History Publ., 2003–2020. (Issue 6, Tver, Editorial and Publishing Department of Tver State University, 2014). (In Russian).
13. Khrolenko A.T. Kurskiy fol'klornyy dialekt ili kurskiy fol'klornyy regiolekt? [The folklore dialect of the Kursk or Kursk folklore regiolekt?]. *Kurskoye slovo* [Kursk Word], 2017, no. 16, pp. 44-52. (In Russian).
14. Khrolenko A.T. Chto takoye regiolekt [What is a regiolekt?]. *Kurskoye slovo* [Kursk Word], 2018, no. 17, pp. 3-8. (In Russian).
15. Kuznetsova P.S. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973, 280 p. (In Russian).
16. Oglezneva E.A. Dal'nevostochnyy regiolekt russkogo yazyka kak regional'nyy variant russkogo natsional'nogo yazyka [Russian Far Eastern regiolekt as a regional variant of the Russian national language]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh (Blagoveshchensk) – Word: folklore and dialectological almanac* (Blagoveshchensk), 2013, no. 10, pp. 20-37. (In Russian).
17. Oglezneva E.A. K voprosu o granitsakh dal'nevostochnogo regiolekta [On the issue of the borders of the Far Eastern regiolekt]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Filologiya. Filosofiya – Bulletin of the Buryat State University. Series: Pedagogy. Philology. Philosophy*, 2014, no. 10-11, pp. 65-68. (In Russian).
18. Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2010, 486 p. (In Russian).
19. Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E. Yazykovaya situatsiya v malykh gorodakh Rossii [The variety of the colloquial speech in provincial Russian towns]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Osobennosti sosushchestvovaniya dialektnoy i literaturnoy form yazyka v slavyanoyazychnoy srede. Vyp. 15.* [Studies in Slavic Dialectology. Dialectal and Literary Language Forms Coexistence in Modern Slavic Languages Environment. Issue 15]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2012, pp. 155-156. (In Russian).
20. Zakharova K.F., Orlova V.G. *Dialektoye chleneniye russkogo yazyka* [Dialect Division of the Russian Language]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 276 p. (In Russian).
21. Kasatkina L.L. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow, Akademiya Publ., 2005, 283 p. (In Russian).
22. Leclerc A. *Le buddhisme au Cambodge*. Paris, Leroux Publ., 1899, 535 p. (In French).
23. Kantor J.R. *An Outline of Social Psychology*. Chicago, Follett Publ., 1929, 420 p.
24. Gumilev L.N. *Etnosfera: istoriya lyudey i istoriya prirody* [Ethnosphere: the History of People and the History of Nature]. Moscow, Progress Publ.; Pangeya Publ., 1993, 543 p. (In Russian).

25. Arutyunov S.A. Etnicheskiye protsessy i yazyk [Ethnic Processes and Language]. *Rasy i narody*. 1985. Вып. 15. [Races and Peoples. 1985. Issue 15]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 30-56. (In Russian).
26. Bromley Y.V., Kozlov V.I., Arutyunov S.A. *Etnicheskiye protsessy v sovremennom mire* [Ethnic Processes in the Modern World]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 446 p. (In Russian).
27. Brysina E.V., Suprun V.I., Aleshchenko E.I. *Lingvokul'turnoye prostranstvo kazach'yego Podon'ya* [Linguocultural Space of the Don Cossack]. Volgograd, Volgograd State Socio-Pedagogical University "Peremena" Publ., 2016, 358 p. (In Russian).
28. Tolstoy N.I. Etnogeneticheskiy aspekt issledovaniya drevney slavyanskoy dukhovnoy kul'tury [Ethnogenetic aspect of the study of ancient Slavic spiritual culture]. *Kompleksnyye problemy istorii i kul'tury narodov Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy: Itogi i perspektivy issledovaniy* [Complex Problems of History and Culture of the Peoples of Central and South-Eastern Europe: Results and Prospects of Research]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 17-26. (In Russian).
29. Novikova T.F. *Lingvoregionovedeniye v shkole* [Linguo-Regional Studies at School]. Belgorod; Kharkiv, Fedorko Publ., 2014, 142 p. (In Russian).
30. Novikova T.F. *Lingvoregionovedeniye* [Linguo-Regional Studies]. Belgorod; Kharkiv, 2010, 104 p. (In Russian).
31. Kharchenko V.K. *O yazyke, dostoynom cheloveka* [About a Language Worthy of a Person]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010, 160 p. (In Russian).
32. Zotov G.V. K izucheniyu govora Magadanskoy oblasti (Otchet o dialektologicheskoy poyezdke v s. Markovo Anadyr'skogo rayona Magadanskoy oblasti) [To study the dialect of the Magadan region (Report on a dialectological trip to the village of Markovo in the Anadyr district of the Magadan region)]. *Uchenyye zapiski MGPI* [Scientific Notes of Magadan State Pedagogical Institute]. Magadan, 1963, issue 1, pt 1, pp. 3-23. (In Russian).
33. Zotov G.V. *Slovar' regional'noy leksiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii* [Dictionary of Regional Vocabulary of the Far North-East of Russia]. Magadan, 2010, 539 p. (In Russian).
34. Sokolyanskogo A.A. (ed.). *Regional'naya lingvistika (Krayniy Severo-Vostok Rossii)* [Regional Linguistics (Far North-East of Russia)]. Magadan, Northeastern State University Publ., 2016, 219 p. (In Russian).
35. Khorosheva N.V. Regiolekt kak promezhutochnyy idiom vo frantsuzskom i russkom yazykakh [Regiolect as an intermediate idiom in French and Russian]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*, 2011, Issue 3 (15), pp. 32-36. (In Russian).
36. Zagryazkina T.Y. *Frantsuzskaya dialektologiya* [French Dialectology]. Moscow, MSU Publ., MALP Publ., 1995, 192 p. (In Russian).
37. Kolesov V.V. *Yazyk goroda*. [Language of the City.]. Moscow, URSS Publ., 2009, 190 p. (In Russian).

Информация об авторе

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания. Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация. E-mail: suprun@vspu.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Поступила в редакцию 05.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Vasilii I. Suprun, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Teaching Methods Department. Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation. E-mail: suprun@vspu.ru

Contribution: study conception, literature search and analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Received 5 September 2020

Accepted for press 25 September 2020

XVIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» в Костроме

The 18th International Research Conference “Onomastics of the Volga Region” in Kostroma

Аннотация. Дана информация о XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», 9–10 сентября 2020 г., Кострома. Организаторы: Костромской государственный университет и Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Финансовая поддержка РФФИ. 144 участника из 34 регионов России и 9 стран зарубежья. Издан сборник материалов конференции в 2 томах.

Ключевые слова: ономастика; ономастика Поволжья; научная конференция

Abstract. Information about the 18th International Research Conference “Onomastics of the Volga Region”, September 9–10, 2020, Kostroma is given. Organizers: Kostroma State University and Volgograd State Socio-Pedagogical University. Funded by the Russian Foundation for Basic Research. 144 participants from 34 regions of Russia and 9 foreign countries. The conference proceedings in 2 volumes are published.

Keywords: onomastics; onomastics of the Volga Region; research conference

9 и 10 сентября 2020 г. состоялась XVIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», которая проходила в Костромском государственном университете и была организована совместно с Волгоградским государственным социально-педагогическим университетом при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-22052).

Ономастика в настоящее время является востребованной и актуальной наукой, что обусловлено тесной связанностью имён собственных с потребностями общества, о чём свидетельствует появление таких словосочетаний, как «ономастическая политика», «ономастический конфликт», «ономастическая рефлексия», «ономастическая мода», «ономастический стиль», «ономастические стереотипы», «рекламное имя» и др.

На конференции состоялись два пленарных заседания, работали 7 секций. На торжественном открытии с приветственным словом выступили: ректор КГУ А.Р. Наумов, председатель постоянно действующего оргкомитета конференций «Ономастика Поволжья» В.И. Супрун, председатель программного комитета XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» Н.С. Ганцовская, член-корреспондент РАН С.А. Мызников, член-корреспондент РАН

Е.Л. Березович (видеозапись), почётный гражданин Костромской области, ректор КГУ им. Н.А. Некрасова в 1989–2014 гг. Н.М. Рассадин.

В различных формах работы в конференции приняли участие 144 исследователя (126 докладов), представляющих:

1) 5 академий наук (7 институтов АН, 2 научных центра) – Институт лингвистических исследований РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт языкознания РАН, Калмыцкий научный центр РАН, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Институт языкознания им. Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Институт славистики Польской академии наук, Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств, Институт украинского языка Национальной академии наук Украины;

2) 34 региона России: Абакан (Республика Хакасия), Арзамас (Нижегородская обл.), Великий Новгород, Вологда, Волгоград, Воронеж, Борисоглебск (Воронежская обл.), Екатеринбург, Ижевск (Удмуртская Республика), Кострома, Галич (Костромская обл.), Краснодар (Краснодарский край), Кы-

зыл (Республика Тыва), Новосибирск, Махачкала (Республика Дагестан), Москва, Оренбург, Орёл, Пенза, Пермь, Петрозаводск (Республика Карелия), Псков, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Смоленск, Сургут (Ханты-Мансийский АО), Тамбов, Тверь, с. Прямухино (Тверская обл.), Ульяновск, Уфа (Республика Башкортостан), Чита (Забайкальский край), Элиста (Республика Калмыкия), Якутск (Республика Саха (Якутия), Ярославль;

3) 9 зарубежных стран (15 городов) – Республика Беларусь (Минск, Витебск), Республика Казахстан (Алматы, Уральск), Китайская Народная Республика (Тяньцзинь, Чанчунь), Республика Польша (Варшава, Краков, Белосток), Республика Сербия (Белград), Словацкая Республика (Прешов), Турецкая Республика (Карс), Украина (Киев, Одесса), Донецкая Народная Республика (Донецк).

Цель конференции – обсуждение широкого круга вопросов, связанных с различными аспектами изучения имени собственного (топонимика, антропонимика, космонимика, этнонимика, литературная и фольклорная ономастика, имя собственное в речи, языковая игра в ономастическом пространстве; ономастика и ономастическое краеведение в школе и вузе и др.).

На конференции «Ономастика Поволжья» впервые в истории отечественных ономастологических конференций была особо выделена проблематика ономастической лексикографии и сакральной ономастики. Затрагивались вопросы, связанные с возвращением топонимическим объектам их исторических названий.

К началу работы конференции был издан двухтомный сборник материалов конференции общим объёмом 48,38 п. л. (Т. 1 – 388 с.; Т. 2 – 386 с.). В соответствии с тематикой докладов было выделено 10 тематических блоков: 1. «Теоретические и методологические аспекты ономастики», 2. «Источники ономастических исследований», 3. «Ономастическая лексикография», 4. «Современные проблемы антропонимики и этнонимики», 5. «Современные проблемы топонимики и микротопоники», 6. «Городское ономастическое пространство», 7. «Сакральная ономастика», 8. «Литературная и фольклор-

ная ономастика», 9. «Ономастическая периферия и апеллятивно-ономастическое пограничье», 10. «Ономастика в образовательном пространстве».

Материалы конференции представляют интерес как для специалистов (филологов, историков, географов), так и для широкого круга читателей, интересующихся именами собственными, и будут востребованы преподавателями вузов в научно-исследовательской деятельности при разработке тем курсовых работ, дипломных и диссертационных сочинений по проблемам общей и региональной ономастики, могут использоваться школьными учителями в осуществлении научно-исследовательской работы школьников (в настоящее время ономастический материал в школьных учебных программах практически не представлен). Научные изыскания известных языковедов будут применяться для распространения ономастических знаний среди студентов и аспирантов в рамках спецкурсов и спецсеминаров и использоваться в пропаганде достижений современной ономастики в региональных СМИ (выступления по радио, телевидению, в Интернете), в работе просветительской службы «Русский язык».

В одном из пунктов резолюции XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» сказано:

«Выразить благодарность ректорам Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Вологодского государственного университета, Кубанского государственного университета, Московского государственного лингвистического университета, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал), Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Новосибирского государственного педагогического университета, Псковского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Смоленского государственного университета, Смоленского государственного медицинского университета, Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тверского государственного университета, Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, а также Донецкого национального университе-

та и Донецкого национального медицинского университета (ДНР), направивших учёных для участия в конференции».

В 2010 г. в Тамбове состоялась Первая Всероссийская научная конференция «Ономастика и общество: язык и культура» на базе кафедры русского языка Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Можно надеяться, что в 2022 г. принимающей стороной проведения конференции «Ономастика Поволжья», которая является на сегодня одним из авторитетных научных

форумов в России, выступит Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, и город Тамбов в 2022 г. станет ономастическим.

Город Тамбов расположен в центральной части Окско-Донской равнины, на канале реки Цны, которая является левым притоком Мокши – впадает в Оку (бассейн Волги).

*А.С. Щербак,
доктор филологических наук,
профессор, главный редактор*